

Молодой карфагенянин: История времен Ганнибала

Г. А. Хенти

**The Young Carthaginian: A Story of The
Times of Hannibal**

G. A. Henty

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Молодом карфагенянине: история времен Ганнибала

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Молодой Карфагенянин: История времен Ганнибала

Автор: Г. А. Хенти

Дата выхода: 1 февраля 2004 г. [Электронная книга № 5128]

Последнее обновление: 27 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Мартин Робб и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МОЛОДОЙ КАРФАГЕНЯНИН: ИСТОРИЯ ВРЕМЕН ГАННИБАЛА" ***

МОЛОДОЙ КАРФАГЕНЯНИН ИСТОРИЯ ВРЕМЕН ГАННИБАЛА,

Г. А. Хенти

Содержание

[ПРЕДИСЛОВИЕ.](#)

ГЛАВА I. ЛАГЕРЬ В ПУСТЫНЕ

ГЛАВА II. НОЧНАЯ АТАКА

ГЛАВА III. КАРФАГЕН

ГЛАВА IV. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ

ГЛАВА V. ЗАГОВОР

ГЛАВА VI. КАМПАНИЯ В ИСПАНИИ

ГЛАВА VII. ОХОТА НА ВОЛКА

ГЛАВА VIII. РАССТРОЕННЫЙ СЮЖЕТ

ГЛАВА IX. ОСАДА САГУНТА

ГЛАВА X. ОСАЖДЕННЫЕ

ГЛАВА XI. ПЕРЕПРАВА Через РОНУ

ГЛАВА XII. СРЕДИ ПЕРЕВАЛОВ

ГЛАВА XIII. БИТВА При ТРЕБИИ

ГЛАВА XIV. БИТВА НА ТРАЗИМЕНСКОМ ОЗЕРЕ

ГЛАВА XV. ГОРНОЕ ПЛЕМЯ

ГЛАВА XVI. В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ КАРФАГЕНА

ГЛАВА XVII. ПОБЕГ

ГЛАВА XVIII. КАННЫ

ГЛАВА XIX. В ШАХТАХ

ГЛАВА XX. ЛЕСА САРДИНИИ

ГЛАВА XXI. ГАЛЛЬСКИЙ РАБ

ГЛАВА XXII. ЛЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

МОИ ДОРОГИЕ РЕБЯТА,

Когда я учился в школе, если я правильно помню, наши симпатии в основном были на стороне карфагенян, а не римлян. Почему это было так, я не совсем понимаю, за исключением того, что обычно люди сочувствуют несчастным; конечно, мы имели лишь смутное представление о достоинствах борьбы и мало знали о ее событиях, поскольку латинские и греческие авторы, которые служат обычными учебниками в школах, не рассказывают о Пунических войнах. То, что сначала это была борьба за империю, а позже - за существование со стороны Карфагена, что Ганнибал был великим и искусным полководцем, что он разбил римлян при Требии, Тразименском озере и Каннах и почти взял Рим, и что римляне вели себя недобросовестно и с большой жестокостью при взятии Карфагена, представляет, я думаю, почти всю сумму наших знаний.

Я уверен, что мне хотелось бы узнать гораздо больше об этой борьбе за мировую империю, и поскольку я думаю, что большинство из вас тоже хотели бы этого, я выбрал эту тему для своего рассказа. К счастью, нет недостатка в достоверных материалах, из которых можно почерпнуть сведения о событиях той борьбы. Полибий посетил все перевалы Альп примерно через сорок лет после этого события и беседовал с соплеменниками, которые были свидетелями перехода Ганнибала, и не может быть сомнений в том, что его описания намного точнее, чем у Ливия, который писал несколько позже и лично ничего не знал об этом событии. О том, какие перевалы преодолел Ганнибал, написано множество книг. Все это было обсуждено и обобщено мистером У. Дж. Лоу, и поскольку мне кажется, что его аргументы вполне убедительны, я принял линию, которую он излагает, как линию, которой следует Ганнибал.

Что касается общей истории экспедиции, а также нравов, таможни, религии и политики Карфагена, я следовал за М. Хеннебертом в его наиболее исчерпывающей и важной работе по этому вопросу. Я думаю, что когда вы дочитаете до конца, вы поймете, что, хотя наши симпатии могут оставаться на стороне Ганнибала и карфагенян, тем не менее, Рим был победителем в великой борьбе за империю ради блага всего мира. К моменту начала войны Карфаген уже был коррумпирован до глубины души, и хотя он мог бы поработать многие народы, он никогда бы не стал их цивилизовать. Рим дал свободные институты народу, который он завоевал, он подчинил себе, но он никогда не поработал их, а скорее стремился насадить среди них свою цивилизацию и поднять их до своего собственного уровня. Карфаген, напротив, с самого начала был жестокой хозяйкой по отношению к покоренному им народу. Следовательно, в то время как все народы Италии сплотились вокруг Рима в дни его бедствий, племена, подвластные

Карфагену, подняли восстание против него, как только присутствие римской армии дало им надежду вырваться из рабства.

Если бы Карфаген победил Рим в этой борьбе, он никогда не смог бы распространить свою власть на известный мир, как это впоследствии сделал Рим, но снова развалился бы на куски из-за слабости своих институтов и развращенности своего народа. Таким образом, хотя мы можем испытывать сочувствие к неудаче и судьбе самого благородного и рыцарственного Ганнибала, мы не можем сожалеть о том, что Рим вышел победителем из этой борьбы и был оставлен свободным выполнять свою великую работу по развитию цивилизации.

Искренне ваш,

Г. А. Хенти

ГЛАВА I: ЛАГЕРЬ В ПУСТЫНЕ

Уже полдень, но солнечные лучи все еще с огромной силой льются на камни и песок. Насколько сильной была жара в полдень, можно судить по дрожи воздуха, когда он поднимается от земли и размывает все удаленные предметы. Это видно также по позам и внешнему виду большого отряда солдат, расположившихся лагерем в роще. Их оружие отброшено в сторону, большая часть одежды снята. Некоторые дремлют, растянувшись на земле, их лица защищены от любых случайных лучей, которые могут пробиться сквозь листву наверху, маленькими укрытиями, состоящими из их одежды, подвешенной к двум лукам или дротикам. Некоторые, недавно проснувшиеся, сидят или прислоняются к стволам деревьев, но вряд ли у кого-то есть силы двигаться.

День действительно выдался жарким даже для южного края ливийской пустыни. Быки кремового цвета стоят, опустив головы, лениво отмахиваясь хвостами от мух, которые их мучают. Лошади, стоящие рядом, страдают больше; пена выступает у них на боках, бока вздымаются, и время от времени они вытягивают свои расширенные ноздри в ту сторону, откуда, когда солнце опустится немного ниже, начнет дуть ветерок.

Обитатели рощи - люди разных рас, и, хотя здесь нет попыток установить военный порядок, сразу становится ясно, что они разделены на три группы. Одна состоит из мужчин, более смуглых, чем остальные. У них гибкие и подвижные фигуры, они привыкли к лишениям, привыкли к палящему солнцу. На деревьях висят легкие щиты с луками и ярко раскрашенными колчанами, полными стрел, а рядом с каждым человеком лежат три или четыре легких коротких дротика. Они носят круглые металлические шапочки с перевязью из шкуры льва или другого дикого животного, в которую воткнуты перья, окрашенные в какой-нибудь яркий цвет. Они

обнажены по пояс, если не считать легких нагрудников из меди. Ткань ярких цветов обмотана вокруг их талии и ниспадает до колен, они носят кожаные пояса с тиснеными медными пластинами; на ногах у них сандалии. Это легковооруженная нумидийская конница.

Рядом с ними группа мужчин более светлого цвета кожи, более высокого и плотного телосложения. Их одежда более нерегулярна, руки обнажены, но они носят что-то вроде рубашки, открытой у шеи и доходящей до колен, а на талии перетянутой кожаным ремнем, с которого свисает мешочек из того же материала. Их рубашки из грубо сшитой фланели выкрашены в цвет, который изначально был темно-фиолетовым, но под палящим солнцем выцвел до сиреневого. Это отряд иберийских пращников, набранных из племен, завоеванных в Испании карфагенянами. При них находятся тяжелые мечи, которыми они пользуются в ближнем бою.

Третья группа мужчин вооружена тяжелее. На земле рядом со спящими лежат шлемы и массивные щиты. На них плотно облегающие куртки из хорошо выделанной кожи, в руках у них копья и боевые топоры. Это тяжелая пехота Карфагена. Очень разнообразна их национальность; светлокожие греки соседствуют со смуглыми неграми из Нубии. Здесь представлены Сардиния, острова Эгейского моря, Крит и Египет, Ливия и Финикия.

Они набираются как из низших слоев населения великого города, так и из племен и людей, которым принадлежит его власть.

Рядом с большой рощей, в которой расположились войска, есть роща поменьше. Пространство в центре было очищено от деревьев, и на нем была установлена большая палатка. Вокруг этого туда-сюда снуют многочисленные рабы.

Римский повар, захваченный в плен во время морского боя, в котором был убит его хозяин, богатый трибун, наблюдает за тремя греками, которые под его руководством готовят угощение. Несколько ливийских конюхов протирают шкуры четырех лошадей чистой породы пустыни, в то время как два нубийца кормят большими лепешками трех слонов, которые, прикованные за ногу к деревьям, стоят, раскачиваясь из стороны в сторону.

Снаружи палатка сделана из грубой белой парусины; она плотно обшита складками тонкого материала, окрашенного в темно-синий цвет для защиты от солнечного жара, в то время как внутренняя часть обита шелком фиолетового и белого цветов. Занавески с обоих концов стянуты золотым шнуром, чтобы обеспечить свободный проход воздуха.

Пол устлан ковром с сирийских ткацких станков, а на нем расставлены четыре ложа, на которых в положении наполовину сидя, наполовину полулежа, покоятся главные действующие лица вечеринки. Старший из них - мужчина лет пятидесяти, с властной фигурой и чертами лица, выражающими энергию и решительность. Его тело обнажено до пояса, если не считать легкой туники с короткими рукавами из тончайшего муслина, расшитой по вороту и рукавам золотом.

Золотой пояс опоясывает его талию, под ним висит предмет одежды, напоминающий современный килт, но доходящий до середины колена и лодыжки. Оно окрашено в насыщенный фиолетовый цвет, а по нижнему краю проходят три полосы золотого шитья. На ногах у него сандалии с широкими кожаными шнурами, покрытыми золотом. Его тога, также пурпурная, густо расшитая золотом, лежит на ложе рядом с ним; с одного из шестов палатки свисает его оружие: короткий тяжелый меч с рукоятью из чистого золота в ножнах,

инкрустированных тем же металлом, и перевязь, покрытая золотыми пластинами прекрасной работы и подбитая мягчайшей кожей, с помощью которой он перекинут через плечо.

Двое его спутников - молодые люди двадцати трех-двадцати четырех лет, оба светловолосые, как и он сам, с чертами лица почти греческой правильности. Их одежда похожа на его по моде, но цвета более веселые. Четвертый участник вечеринки - парень лет пятнадцати. Его фигура, обнаженная по пояс, представляет собой чисто греческую модель, мускулы, отчетливо проступающие под кожей, свидетельствуют о тяжелых физических нагрузках и активной жизни.

Каким бы могущественным ни был Карфаген, события последних нескольких лет показали, что приближается борьба не на жизнь, а на смерть с его великим соперником в Италии. В течение многих лет она была нацией-завоевателем. Ее аристократия состояла как из солдат, так и из торговцев, готовых немедленно отправиться в самые дальние и рискованные путешествия, возглавить войска Карфагена в трудных экспедициях против мятежных племен Нумидии и Ливии или спустить на воду свои триремы для сражения с римским флотом.

Суровые испытания, которым они недавно подверглись со стороны недавно сформированного римского флота, и уверенность в том, что вскоре между двумя державами должна разразиться ожесточенная борьба, удвоили военный пыл знати. Их обучение обращению с оружием начиналось с самого детства, и сыновей самых благородных домов с самого раннего возраста учили владеть оружием и переносить усталость и лишения.

Малх, сын Гамилькара, руководителя экспедиции в пустыню, с раннего детства обучался у своего отца владению оружием. Когда ему было десять лет, Гамилькар взял его с собой в поход в Испанию; там благодаря суровым тренировкам он научился переносить холод и лишения.

В разгар зимы отец заставлял его проводить ночи непокрытым и почти без одежды на холоде. Он искупался в ледяной воде, лившейся с заснеженных холмов, и был вынужден поспевать за быстрым маршем легковооруженных войск, преследовавших иберийцев. Его учили выдерживать длительное воздержание от пищи и переносить боль не дрогнув, быть жизнерадостным в самых тяжелых условиях, сохранять улыбающееся лицо, когда даже солдаты-ветераны были измотаны и впадали в уныние.

“Сын мой, мы, правители и аристократия этого великого города, обязаны показать свое превосходство над обычным стадом. Они должны признать, что мы не только богаче и лучшего происхождения, но и что мы сильнее, мудрее и отважнее их. Только так мы можем ожидать, что они будут повиноваться нам и пойдут на жертвы, которые влечет за собой война. Недостаточно того, что в нас чистая финикийская кровь, что мы принадлежим к самой предприимчивой расе, которую когда-либо видел мир, в то время как они представляют собой всего лишь смешанную породу многих людей, которые либо подчинились нашему правлению, либо были поработаны нами.

“Это было достаточно хорошо в первые дни существования колонии, когда только финикийское оружие выигрывало наши битвы и покоряло наших соперников. В наши дни нас мало, а населения много. Наши армии состоят не из финикийцев, а из покоренных нами рас. Ливия и Нумидия, Сицилия, Сардиния и Испания, по очереди завоеванные нами, теперь снабжают нас войсками.

“Карфаген - могущественный город, но это больше не город финикийцев. Мы составляем лишь небольшую долю населения. Это правда, что вся власть находится в наших руках, что из наших рядов избирается сенат, назначаются офицеры армии и принимаются законы, но государственные расходы огромны. Покоренный народ сокрушается из-за тяжелой дани, которую ему приходится платить, а подлое население ропщет на налоги.

“В Италии Рим с каждым годом становится все более величественным. Ее народ вынослив и обучен владеть оружием, и однажды борьба между нами и ней должна будет вестись не на жизнь, а на смерть. Поэтому, сын мой, нам надлежит приложить все усилия, чтобы стать достойными нашего положения. Поставьте перед собой в пример вашего кузена Ганнибала, который, несмотря на свой юный возраст, уже считается величайшим человеком в Карфагене. Не жалейте трудностей или страданий, чтобы закалить свое тело и укрепить руки.

“Когда-нибудь вы тоже сможете повести армии в бой, и, поверьте мне, они будут следовать за вами еще лучше и бодрее, если будут знать, что по силе и выносливости, а также по положению их командир - лучший человек в своей армии”.

Малх был способным учеником и отдавал должное трудам, которые вложил в него его отец, и обучению, которому он подвергся. Он мог владеть человеческим оружием, мог переплыть самую холодную реку, переносить трудности и нужду в пище, преодолевать большие расстояния на пределе своих возможностей, мог метать дротик с безошибочной точностью и посылать стрелу в цель не хуже лучших ливийских лучников.

“Солнце быстро садится, отец, - сказал мальчик, - тени удлиняются, и жара спадает”.

- У нас есть только твое слово, Малх, чтобы описать спад жары, - рассмеялся один из молодых людей. - Мне жарче, чем когда-либо. Это пятнадцатый раз, когда тыходишь к двери палатки за последние полчаса. Твоего беспокойства достаточно, чтобы вызвать лихорадку.

“Я верю, что ты так же горишь желанием, как и я, Адхербал”, - со смехом ответил мальчик. “Это ваша первая охота на льва, так же как и моя, и я уверен, что вам не терпится увидеть, действует ли нападение царя зверей на нервы сильнее, чем нападение иберийских племен”.

- Конечно, я жду этого с нетерпением, Малх, - ответил молодой человек. - Но поскольку я знаю, что львы не покинут своих убежищ до наступления ночи, и поскольку никакие усилия с моей стороны не ускорят приближение этого часа, я вполне доволен лежать тихо и сохранять хладнокровие, насколько это возможно.

“Твой кузен прав, ” сказал генерал, “и нетерпение - это недостаток, Малх. Мы должны сделать скидку на ваше нетерпение в данном случае, поскольку лев — враг, которого нельзя презирать, и он действительно такой же грозный противник, когда его загоняют в угол, как иберийцы на берегах Эбро, гораздо более грозный, чем восставшие племена, на которых мы охотимся последние три недели ”.

“Гискон ничего не говорит, ” заметил Адхербал. “душа его выше даже охоты на львов. Я гарантирую, что за те пять часов, что мы пролежали здесь, его мысли ни разу не обратились к охоте, которую мы собираемся устроить сегодня вечером.

“Это достаточно верно”, - сказал Гискон, впервые заговорив. “Я признаю, что мои мысли были о Карфагене и о бедах, которые угрожают ему из-за коррупции и дурного правления, которые подтачивают его силы”.

“Лучше не думать слишком много на эту тему, Жискон,” сказал генерал. - Еще лучше не говорить об этом. Вы знаете, что я, как и вы, сожалею о дурном правлении Карфагена и скорблю о бедствиях, которые оно навлекло на него. Но тема опасная; у совета повсюду шпионы, и быть осужденным как человек, враждебный установленному положению вещей, - значит погибнуть.

“Я знаю об опасности,” страстно сказал молодой человек. “Я знаю, что до сих пор все, кто осмеливался поднять свой голос против власти этих тиранов, умирали от пыток — этот ропот был вытеснен кровью. И все же, будь опасность в десять раз больше, - и говоривший поднялся со своего ложа и принялся расхаживать взад и вперед по палатке, “я не смог бы промолчать. До чего довели нас наши тираны? Их расточительность, их коррупция растратили впустую государственные средства и парализовали наши руки. Сицилия и Сардиния были потеряны; наши союзники в Африке своими поборами снова и снова поднимали восстания, и Карфагену в последнее время не раз приходилось вести упорную борьбу за само свое существование. Низшие классы города крайне недовольны; сборщики налогов отнимают у них заработки. Судьи, которые являются всего лишь созданиями комитета пяти, отказывают им в правосудии. Суффеты - всего лишь марионетки в их руках. Наши суда стоят без присмотра в наших гаванях, потому что средства, которые должны платить морякам, присваиваются нашими тиранами в своих целях. Как может карфагенянин, любящий свою страну, хранить молчание?”

“Все, что ты говоришь, правда, Гискон,” серьезно сказал генерал, “хотя я был бы убит, если бы в Карфагене зашептались, что я это сказал; но в настоящее время мы ничего не можем сделать. Если бы великий Гамилькар Барка был жив, я думаю, что он взялся бы за расчистку этой авгиевой конюшни - задача более масштабная, чем та, которую выполнил наш великий герой, полубог Геркулес; но это под силу не одной руке. Вы знаете, что все попытки восстания проваливались; какая ужасная месть обрушивалась на Мато и наемников; как угнетенные племена снова и снова, когда победа, казалось, была в их руках, превращались в пыль.

— Нет, Гискон, мы должны терпеть ужасные бедствия, о которых ты говоришь, пока не появится какой—нибудь герой — герой, победы которого привяжут к нему не только армию, но и заставят всех простых людей Карфагена - всех ее союзников и данников - смотреть на него как на своего вождя и освободителя.

“Я надеюсь, очень надеюсь, что такого героя можно найти в моем племяннике Ганнибале, который, кажется, обладает всем гением, мудростью и талантом своего отца. Если бы мечта, которую он лелеял и о которой я только что говорил вам, — мечта повести карфагенскую армию через Эбро, через Апеннины, через равнины нижней Галлии и через Альпы в Италию, чтобы там дать бой римским когортам на их собственной земле, — если бы эта мечта осуществилась, говорю я, если бы успех сопутствовал ему и Рим был повержен в прах, тогда Ганнибал был бы в состоянии стать диктатором Карфагена, свергнуть продажный совет, уничтожить эту тиранию... неправильно названный республикой — и установить монархию, первым сувереном которой он должен быть, и при которой Карфаген, снова царица мира, должен быть достоин себя и своего народа. А теперь давайте больше не будем говорить об этом. Даже у стен есть уши, и я не сомневаюсь, что даже среди моих слуг есть шпионы, которым платит совет. Я вижу и скорблю, как и любой другой человек, о гибели моей страны; но, пока я не увижу справедливой надежды

на освобождение, я довольствуюсь тем, что делаю все, что в моих силах, против ее врагов, сражаясь в ее битвах как простой солдат”.

В палатке воцарилась тишина. Малх растянулся на своем ложе и на время забыл даже о приближающейся охоте на льва, увлеченный разговором, к которому он прислушивался.

Правительство Карфагена действительно было отвратительным и являлось главной причиной как несчастий, постигших ее в прошлом, так и бедствий, которые ожидали ее в будущем. Схема правления сама по себе была неплохой, и в более ранние и простые времена действовала хорошо. Первоначально она состояла из трех сословий, которые подчинялись королю, лордам и палате общин. Во главе дел стояли два пожизненных суффета. Под ними находился сенат, очень многочисленный орган, включающий всю аристократию Карфагена. Ниже этого стояла демократия, огромная масса народа, чей голос был необходим для ратификации любого закона, принятого сенатом.

Однако со временем вся власть перешла от суффетов, основного органа сената и демократии, в руки сенатского комитета численностью в сто человек, который назывался советом, причем реальная власть была передана в руки внутреннего совета, состоящего от двадцати до тридцати членов. Заседания этого органа были тайными, их власть абсолютной. Они были хозяевами жизни и собственности каждого человека в Карфагене, как впоследствии были хозяевами совета десяти в Венецианской республике. Для человека, которого его тайный враг обвинил в том, что он враждебен их власти, это означало обеспечить его уничтожение и конфискацию его имущества.

Совет ста был разделен на двадцать подкомитетов, в каждый из которых входило по пять членов. Каждому из этих комитетов был поручен контроль над каким—либо ведомством - армией, флотом, финансами, дорогами и средствами связи, сельским хозяйством, религией и отношениями с различными подвластными племенами, причем наиболее важные ведомства находились полностью в руках членов внутреннего совета тридцати.

Судей было сто человек. Они были назначены советом и всегда были готовы выполнить их приказ, следовательно, правосудие в Карфагене было насмешкой. Интерес и интрига были превыше всего в судах, как и в любом государственном департаменте. Каждый видный гражданин, каждый успешный генерал, каждый человек, который казался вероятным благодаря своим способностям или богатству стать популярным персонажем в массах, попадал под запрет совета и рано или поздно был неминуемо опозорен. Ресурсы государства направлялись не на нужды страны, а на возвышение и обогащение членов комитета.

Какими бы тяжелыми ни были налоги, которые были возложены на народы Африки-данники в интересах государства, сборщики налогов добавили к ним еще и огромное бремя, чтобы удовлетворить алчность своих покровителей в совете. При таких обстоятельствах неудивительно, что Карфаген, пришедший в упадок, коррумпированный, плохо управляемый, потерпел ужасные поражения от своего молодого и энергичного соперника Рима, который сам когда-нибудь, достигнув вершины своего могущества, пострадает от злоупотреблений не менее вопиющих и повсеместных, чем те, которые подорвали силу Карфагена.

С порывистостью юности Малх, естественно, склонялся скорее к устремлениям своего родственника Гискона, чем к более трезвым советам своего отца. Он сгорал от стыда и гнева, когда услышал рассказ о бедствиях, постигших его страну из-за того, что она сделала деньги

своим богом, позволила рассматривать свою армию и флот как второстепенные объекты и позволила более мудрой и дальновидной сопернице отнять у нее господство на море.

Когда наступил вечер, шум в соседнем лагере отвлек Малха от его мыслей, и предвкушение охоты на льва, в которой он собирался принять участие, снова встало на первое место.

Лагерь располагался в двадцати днях пути от Карфагена, у подножия холмов, где, как известно, водились львы и другие хищные звери, и не было никаких сомнений, что они будут обнаружены этим вечером.

Экспедиция была отправлена под командованием Гамилькара наказать небольшое племя, которое напало и разграбило несколько карфагенских караванов, направлявшихся в Эфиопию, тогда богатую и процветающую страну, где было много процветающих колоний, которые были посланы Карфагеном.

Цель экспедиции была достигнута лишь частично. Легко одетые туземцы укрылись далеко среди холмов, и, хотя в результате долгих и изнурительных переходов несколько отрядов были застигнуты врасплох и перебиты, основные силы избежали всех усилий карфагенского полководца.

Экспедиция прибыла в свое нынешнее место стоянки накануне вечером. В течение ночи с холмов непрерывно доносилось глухое рычание львов, и они были настолько смелыми и многочисленными, что спустились в такой близости от лагеря, что войскам пришлось подняться и разжечь большие костры, чтобы отпугнуть их от нападения на лошадей.

Поэтому полководец согласился, по просьбе своего племянника Адгербала и его сына, организовать охоту следующей ночью. Как только село солнце, войска, уже получившие приказы, встали в свои ряды. Полная луна взошла, как только солнце опустилось за горизонт, и ее света было достаточно для объекта, который они имели в виду.

Нумидийская конница должна была занять свою позицию на равнине; пехота двумя колоннами, на расстоянии мили друг от друга, должна была войти в горы и, пройдя некоторое расстояние, оставив позади себя отдельные отряды, двигаться вдоль гребня холмов, пока не встретятся; затем, образовав большой полукруг, они должны были зажечь факелы, которые приготовили днем, и продвигаться к равнине, крича и размахивая оружием, чтобы прогнать всех диких животных, окруженных дугой, вниз, на равнину.

Генералу с двумя молодыми офицерами и его сыном и отряду из пятидесяти копейщиков предстояло разделиться между двумя рощами, в которых были разбиты лагеря, которые находились напротив центра пространства, обращенного к линии, огороженной загонщиками. За рощами была расставлена нумидийская конница, чтобы преследовать тех животных, которые могли попытаться скрыться на открытой равнине. Генерал осмотрел два отряда пехоты, прежде чем они двинулись в путь, и повторил свои инструкции офицерам, которые ими командовали, и приказал им маршировать как можно бесшумнее, пока полукруг не будет завершен и удар не начнется всерьез.

Войска должны были быть разделены на группы по восемь человек, чтобы иметь возможность отражать атаки любых зверей, которые могли бы попытаться прорваться через линию фронта. Когда две колонны двинулись направо и налево по направлению к холмам, слугам со слонами и

вьючным животным было приказано отвести их в центр рощи. Оставшиеся лакеи были разделены на две группы равной силы. Генерал с Малхом остались в роще, в которой была установлена его палатка с одним из этих отрядов, в то время как Адгербал и Гискон с остальными заняли свой пост в большей роще.

“ Как ты думаешь, львы обязательно направятся в эти рощи? - Спросил Малх своего отца, когда со связкой дротиков, лежащей рядом, луком в руке и колчаном стрел, висящим наготове у пояса, он занял свое место на опушке леса.

“ Уверенности в этом быть не может, Малх; но представляется вероятным, что львы, когда их выгонят из их убежищ среди холмов, направятся в эти рощи, которые, по-видимому, обеспечат им убежище от преследователей. Здешние костры, должно быть, сообщили им о нашем присутствии прошлой ночью; но поскольку сейчас все тихо и темно, они могут предположить, что в рощах никого нет. В любом случае наши лошади наготове среди деревьев поблизости, и если львы выйдут на равнины, мы должны будем вскочить на коней и присоединиться к нумидийцам в погоне.

- Я бы предпочел встретить их здесь пешком, отец.

“ Да, волнения больше, потому что в этом больше опасности, Малх; но я могу сказать тебе, что нападение раненого льва - это не шутка, даже для отряда из двадцати пяти хорошо вооруженных людей. Их сила и ярость огромны, и они бесстрашно бросаются на скопление копий, чтобы добраться до своих врагов. Один удар их лап - верная смерть. Поэтому будь осторожен, Малх. Не отходи от меня и помни, что есть огромная разница между опрометчивостью и храбростью.

ГЛАВА II: НОЧНАЯ АТАКА

Малху показалось, что время действительно течет медленно, пока он сидел и ждал начала охоты. Время от времени среди холмов раздавался глухой рев, похожий на отдаленный гром. Раз или два Малху показалось, что он слышит другие звуки, такие, которые мог бы издавать тяжелый камень, сдвинутый со своего места и скатившийся со склона горы; но он не был уверен, что это не фантазия или что звук не может быть вызван львиным ревом далеко среди холмов.

Его отец сказал, что, вероятно, пройдет три часа, прежде чем круг будет завершен. Расстояние было невелико, но войскам пришлось бы с величайшей осторожностью пробираться по каменистым холмам через заросли кустарника и леса, и их продвижение было бы тем более медленным, что им приходилось прилагать такие усилия, чтобы двигаться бесшумно.

Действительно, прошло более трех часов после того, как колонна покинула лагерь, когда далеко на склоне холма послышался звук отдаленного рожка. Почти мгновенно вдоль холма вспыхнули огни, образовав большой полукруг, и в тихом ночном воздухе послышался слабый неясный звук, похожий на крики большой группы людей.

“Это очень хорошо сделано”, - сказал генерал удовлетворенным тоном. “Я никак не ожидал, что это будет так хорошо организовано, потому что операцию на такой неровной и труднопроходимой местности было нелегко провести, даже с помощью луны”.

“ Но посмотри, отец! Малх сказал: “На линии много темных участков, и львы, несомненно, могут сбежать через них”.

“ Было бы невозможно, Малх, расположить отряды на равном расстоянии по такой пересеченной местности. Львы также вряд ли обнаружат бреши в линии; они будут слишком напуганы шумом и внезапной вспышкой света, чтобы приблизиться к войскам. Послушайте, как они рычат! Поистине, это величественный и ужасный звук, и я не удивляюсь, что дикие уроженцы этих гор относятся к животным с некоторым уважением, которое мы оказываем богам. А теперь внимательно следи за подножием холмов. Никто не знает, как скоро звери могут выйти из укрытия.

Было видно, как полукруг света медленно сужается по мере того, как солдаты, составлявшие его, продвигались вперед, к подножию холма; но хотя Малх напряженно вглядывался в опушку деревьев у его подножия, он не мог разглядеть никаких признаков движения.

Рев все еще продолжался с перерывами, и было очевидно, что звери, окруженные дугой, спустились на нижние склоны холма.

“ Они могут напасть на нас раньше, чем ты ожидаешь, Малх. Их цвет почти совпадает с цветом песка, и вы можете не увидеть их, пока они не окажутся совсем близко от нас.

Вскоре нумидийский солдат, стоявший позади Малха, тронул его за плечо и сказал шепотом: “Вон они!” - одновременно указывая на равнину.

Малх некоторое время ничего не мог разглядеть; затем он различил какие-то неясные очертания.

“ Их шестеро, ” сказал генерал, - и они направляются к этой роще. Приготовьте луки.

Теперь Малх мог ясно видеть приближающихся львов. Они продвигались медленно, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть назад, словно не желая покидать укрытие холмов; и Малх с трудом удержался от беспокойства, когда один из них внезапно издал глубокий, угрожающий рев, такой грозный и ужасный, что, казалось, даже листья деревьев затрепетали в свете луны от его вибрации. Львы казались огромных размеров, особенно предводитель отряда, который шел уверенным и величественным шагом во главе их. Когда львы оказались в пятидесяти ярдах от рощи, они внезапно остановились; их вожак, очевидно, почуял опасность. Снова в воздухе раздался глубокий ужасный рев, на который ответило сердитое рычание самок.

- Цельтесь в лидера, - прошептал генерал, - и держите свои клейма наготове.

Сразу за отрядом горел костер; ему дали угаснуть, пока от него не осталась всего лишь кучка тлеющих углей, и в нее были положены концы дюжины кольев из сухого дерева. Зарево костра было тщательно скрыто кругом из палок, на которые были развешаны толстые тряпки. Костер был приготовлен на случай, если львы появятся в таком количестве, что с ними будет невозможно справиться. Ведущий лев был в двадцати пяти шагах от того места, где стоял отряд, когда Гамилькар подал команду, и из их укрытия вылетел град стрел.

Лев взревел от ярости и боли, затем, на мгновение пригнувшись, несколькими огромными прыжками достиг опушки леса. Теперь он мог видеть своих врагов и яростным прыжком бросился на них. Но как только они выпустили свои стрелы, солдаты схватили свое оружие и сомкнулись, и лев был встречен дюжиной копий.

Раздался треск дерева и рычащий рык, когда один из солдат был сражен насмерть ударом могучей лапы льва, который, прежде чем успел опомниться, получил с полдюжины дротиков, глубоко вонзившихся ему в бока, и упал замертво.

Остальная часть отряда последовала за ним, когда он бросился вперед, но некоторые из солдат, которым было сделано предупреждение для этой цели, схватили зажженные головни и бросили их через голову предводителя его последователей. Когда пылающие головни, описав в воздухе огненные круги, упали и рассыпались у их ног, львы остановились и, резко развернувшись, длинными прыжками понеслись прочь через рощу.

- А теперь, Малх, на коня! - Воскликнул Гамилькар. И генерал и его сын, вскочив на своих коней, помчались из рощи в погоню за стаей львов. Они, миновав две группы деревьев, направлялись к равнине за ними, когда из-за другой рощи выехала темная группа всадников.

- Дайте им пройти! - крикнул Гамилькар. - не возвращайте их назад.

Кавалерия придержала поводья, пока отряд львов не проехал. Гамилькар подъехал к командующему офицеру.

“ Приведи двадцать своих людей, - сказал он, - остальные пусть остаются здесь. Их, несомненно, будет еще больше.

Затем с двадцатью всадниками он поскакал дальше в погоню за львами.

Погоня была захватывающей. Какое-то время львы длинными прыжками опережали всадников, но последние, великолепно восседавшие на своих породистых скакунах, вскоре начали их догонять. Когда они были в сотне ярдов от них, один из львов внезапно обернулся. Нумидийцы, хорошо привыкшие к этому виду спорта, не нуждались в приказах своего вождя. Они сразу рассыпались и разошлись по флангам, чтобы окружить льва, который занял свой пост на песчаном холмике и лежал, вытянувшись на задних лапах, сердито хлеща себя хвостом по бокам, как огромная кошка, готовящаяся к прыжку.

Всадники кружили вокруг него, подбегая на расстояние двадцати пяти ярдов, выпуская стрелы, а затем разворачиваясь прочь. Каждый раз, когда льва поражали, он издавал резкое, сердитое рычание и делал прыжок в сторону всадников, а затем возвращался на свой пост.

Один из солдат, думая, что лев теперь почти искалечен, осмелился подъехать поближе; он выпустил стрелу, но прежде чем он успел повернуть своего коня, лев двумя огромными прыжками оказался на нем.

Одним ударом лапы он свалил лошадь на землю. Тогда лев схватил солдата за плечо, встряхнул его, как кошка мышь, и, бросив на песок, лег поперек него лапой. В этот момент мимо на полной скорости проскакал Малх, его лук был натянут до упора и закреплен. Стрела попала льву прямо в плечо. Свирепый зверь, собиравшийся было подняться, снова тихо опустился; его величественная голова опустилась между передними лапами на тело нумидийца, и там он лежал, словно охваченный внезапным сном. В него были выпущены еще две стрелы, но движения не последовало.

“Храбрый зверь мертв,” сказал Малх. - Вот стрела, которой я убил его.

“Это было хорошо сделано, Малх, и шкура твоя. Давай отправимся вслед за остальными.

Но позиция, которую занял лев, была достаточно длинной, чтобы дать возможность остальным членам стаи убежать. Оставив двух или трех своих товарищей убирать тело солдата, всадники разбежались в разные стороны; но хотя они проехали далеко по равнине, они не могли увидеть никаких признаков преследуемого ими отряда.

Через некоторое время они прекратили преследование и поскакали обратно к лагерю. Добравшись туда, они обнаружили, что другой отряд львов, числом восемь, приблизился к другой роще, где двое были убиты отрядом под командованием Адгербала и Гискон, а остальная кавалерия все еще преследовала остальных. Вскоре они вернулись, принеся еще четыре шкуры, так что всего за ночь пало восемь львов.

“Ну, Малх, что ты думаешь об охоте на львов?” Спросил Адгербал, когда они снова собрались в палатке генерала.

“Это ужасные звери”, - сказал Малх. “Я не думал, что какой-либо зверь может издавать такой ужасный рев. Конечно, я слышал о тех, кто был в плену в Карфагене, но они и близко не казались такими ужасными, как звучали здесь, в тишине пустыни.

“Признаюсь, у меня кровь застыла в жилах, - сказал Адхербал. - И их атака ужасна — они прорвались сквозь изгородь из копий, как сквозь тростник. Трое наших людей были убиты.

“Да,” согласился Малх. “На минуту это показалось почти сном, когда великий зверь был среди нас. Я был очень рад, когда он перевернулся на бок”.

“Это опасный способ охоты”, - сказал Гамилькар. “В конной охоте на равнинах есть свои опасности, как мы убедились, когда был убит тот нумидиец; но при должной осторожности и умении это грандиозный спорт. Но эта пешая работа слишком опасна и стоила республике потери пяти солдат. Если бы у меня были с собой сети, я бы воспользовался обычным планом - натянул одну на деревья в десяти шагах перед нами. Это ослабляет натиск льва, он запутывается в его сетях и может быть уничтожен без особой опасности. Но никакие умения или хитрость не помогут против атаки раненого льва. Но ты ранен, Гискон.

“Это сущий пустяк”, - сказал Гискон.

“Нет, - ответил Гамилькар, - это ужасная царапина, Гискон; он рассек тебе руку от плеча до локтя, как будто по ней провели лезвием ножа”.

“Так мне и надо, что я поступил слишком опрометчиво”, - сказал Гискон. “Я подумал, что он почти мертв, и приблизился со своим мечом, чтобы нанести ему завершающий удар. Когда он яростно ударил меня, я отскочил назад, но один из его когтей задел мое плечо. Еще несколько дюймов, и он содрал бы плоть с моей руки и, возможно, сломал конечность и плечевую кость.

Пока он говорил, раб промывал рану, которую затем тщательно перевязал. Через несколько минут вся компания улеглась спать. Малху было трудно закрыть глаза. Его пульс все еще бился от возбуждения, а разум был занят короткой, но волнующей сценой конфликта.

Прошло два или три часа, и он почувствовал, как его охватывает сонливость, когда услышал внезапный вызов, за которым немедленно последовал громкий и пронзительный вопль, вырвавшийся из сотен глоток. Он мгновенно вскочил на ноги, как и остальные обитатели палатки.

“ К оружию! - Крикнул Гамилькар. - Враг настигает нас.

Малх схватил свой щит и меч, нахлобучил шлем на голову и выбежал из палатки вместе со своим отцом.

Оглушительный гул сменил тишину, которая незадолго до этого царила в пустыне, и вопли варваров поднялись высоко в воздух, на что им ответили крики и громкие слова команды солдат из другой рощи. Слоны в своем возбуждении громко трубили; лошади топтали землю; тягловый скот, напуганный шумом, пытался убежать.

Большое количество темных фигур занимало пространство шириной около двухсот ярдов между рощами. Стражники генерала, числом двадцать человек, уже вскочили на ноги и взялись за оружие; рабы и слуги, охваченные паникой при внезапном нападении, издавали вопли и мольбы и метались в замешательстве.

Гамилькар строго приказал замолчать.

“Пусть каждый мужчина, ” сказал он, - возьмет какое-нибудь оружие и встанет ровно. Мы отрезаны от основных сил, и нам придется сражаться за наши жизни. Вы, ” обратился он к солдатам, “ отложите свои копья и быстро стреляйте в них. Стреляйте быстро. Великая цель состоит в том, чтобы скрыть от них малочисленность нашей армии”.

Обойдя небольшую рощицу, Гамилькар расставил рабов на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы предупредить, если враг попытается атаковать с другой стороны, а затем вернулся на сторону, обращенную к другой роще, где солдаты вели непрерывный огонь по врагу.

Последние в настоящее время сосредоточили свое внимание на атаке на основные силы противника. Их разведчики на холмах в течение предыдущего дня, без сомнения, убедились, что карфагеняне расположились здесь лагерем, и обитатели небольшой рощи станут легкими жертвами после того, как они расправятся с основными силами. Здесь яростно бушевал бой. Туземцы подкрались поближе, прежде чем их обнаружили часовые, и в яростной атаке обрушились на войска, прежде чем те успели схватиться за оружие и построиться в боевой порядок.

Битва шла врукопашную, звенели луки и летели стрелы, легкие дротики металась в упор со смертельным эффектом, пронзительные крики нумидийцев смешивались с более глубокими криками иберов и воплями туземцев. Гамилькар с минуту стоял в нерешительности.

“Они пренебрегают нами, ” сказал он Адхербалу, “ пока не покончат с основными силами; мы должны прийти им на помощь. В настоящее время наши люди сражаются без порядка и регулярности. Если с ними не будет их лидеров, они погибнут, наше присутствие ободрит и оживит их. Быстро выводите слонов ”.

Трех слонов немедленно вывели вперед, а погонщики сели им на шею. Четверо солдат с луками и стрелами заняли свои места за спиной каждого, генерал с остальными воинами следовал вплотную позади.

По приказу погонщиков хорошо обученные животные перешли на рысь, и отряд выступил из тени рощи. Туземцы, рассыпавшиеся между ним и лесом, выпустили залп стрел, а затем сломались, когда на них бросились слоны. Обученные военному делу слоны носились среди них, хватая некоторых хоботами и безжизненно повергая на землю, сбивая с ног и топча других, сея ужас повсюду, куда бы они ни шли, в то время как лучники на их спинах вели смертоносный огонь. Как только путь освободился, Гамилькар во весь опор повел маленький отряд пешком в сторону леса.

Войдя в него, он приказал своему трубачу протрубить в рог. Хорошо известный сигнал возродил надежды и мужество оказавшихся в тяжелом положении войск, которые, застигнутые врасплох и обескураженные, теряли позиции, огромное количество людей падало под стрелами и дротиками своих кишащих и активных противников. Туземцы, удивленные звуком трубы в тылу, на мгновение остановились, и прежде чем они успели повернуться лицом к своим неожиданным противникам, Гамилькар со своим небольшим отрядом прорвался сквозь них и присоединился к своим солдатам, которые, собравшись теперь тесной группой в центре рощи, приветствовали своего предводителя приветственными криками.

Меры Гамилькара были приняты незамедлительно. Он понял, что, если его отряд останется на месте, он растает под градом метательных снарядов, которые обрушивались на них. Он отдал команду, и войска быстро разделились на три группы, причем бойцы каждого корпуса собрались вместе. Адгербал, командовавший нумидийцами, встал во главе их, Гискон возглавил иберийцев, Гамилькар возглавил тяжеловооруженные войска, Малх занял его место рядом с ним. Гамилькар уже отдал свои приказы молодым офицерам. На огонь стрел и дротиков не должно было быть никакого ответа, но с копьями, мечами и боевыми секирами войска должны были обрушиться на туземцев.

“В атаку!” - крикнул он голосом, который был слышен на фоне воплей варваров. “Очистите лес от этих притаившихся врагов, они не осмеливаются встретиться с вами лицом к лицу. Смети их со своего пути”.

С ответным криком три человеческих тела бросились вперед, каждое в своем направлении. Напрасно туземцы осыпали их залпами стрел и дротиков; многие пали, еще больше было раненых, но все, кто мог держаться на ногах, с яростью бросились вперед, на нападавших.

Перед натиском было невозможно устоять. Туземцы, сражавшиеся каждый за себя, ни на мгновение не смогли противостоять этому потоку и, несмотря на значительное численное

превосходство, были сломя голову отброшены им навстречу. Когда они достигли опушки леса, каждое из тел распалось надвое. Нумидийцы направились к своим лошадям, которых отряд их собственных людей все еще отчаянно защищал от атак большого отряда туземцев. Через них они прорубили себе путь и, вскочив на коней, выскочили на равнину, обогнув рощу, напали на тамошних туземцев и перерезали отряды людей, которые в замешательстве выходили из укрытия, не в силах противостоять атакам Гамилькара и его пехоты, находившихся внутри.

Тяжелая пехота и иберийцы, добравшись до опушки леса, пронеслись вправо и влево, очистили опушку рощи от своих врагов, пока они не встретились, затем, соединившись, они снова ворвались в центр. Таким образом, они обходили лес во всех направлениях, пока полностью не очистили его от врагов.

Когда работа была закончена, запыхавшиеся и измученные воины собрались снаружи, при свете луны. Больше половины их числа пало; едва ли один истекал кровью от ран, нанесенных стрелой или дротиком. Равнина за ней до подножия холмов была густо усеяна телами туземцев, изрубленных нумидийской конницей или растоптанных слонами, в то время как роща внутри была густо усеяна их телами.

Поскольку не было никаких опасений возобновления атаки, Гамилькар приказал солдатам рассыпаться, и часы до рассвета были потрачены на извлечение стрел и перевязку ран, а также на оказание помощи своим товарищам, которые, как оказалось, все еще были живы в роще. Все туземцы, которые еще дышали, были мгновенно убиты.

Гамилькар обнаружил, что отряд врага пробрался в его собственный лагерь. Его палатка была поспешно разграблена, но утром большую часть пожитков нашли разбросанными по земле между рощами и холмами - туземцы бросили их при бегстве, когда всадники выскочили из леса в погоню. Из рабов и слуг несколько человек были убиты, но большая часть, когда Гамилькар покинул рощу вместе с войсками, забралась на деревья и оставалась там, скрываясь, до тех пор, пока нападавшие не обратились в бегство.

Утром выяснилось, что более ста пятидесяти из трехсот карфагенских солдат пали, а четыреста туземцев были убиты либо в роще, либо во время преследования кавалерией.

На следующий день прибыли два посланца от враждебного племени, предлагавшие подчиниться своему вождю.

Поскольку преследование в горах было бесполезно, Гамилькар предложил им сравнительно легкие условия. Республике должен был быть выплачен крупный штраф в виде лошадей и крупного рогатого скота, а десять главных представителей племени должны были быть переданы в качестве заложников за их хорошее поведение в будущем. На следующий день заложники были доставлены в лагерь с частью выкупа, и Гамилькар, выполнив таким образом порученную ему миссию, двинулся со своими войсками в Карфаген.

По мере того, как они приближались к побережью, весь характер пейзажа менялся. Пустыня осталась позади, и они вступили на плодородный участок местности, который был буквально превращен в сад благодаря мастерству и трудолюбию карфагенских земледельцев, в то время прославившихся во всем мире своими познаниями в области сельского хозяйства. Более грубая и стерильная почва была покрыта оливковыми рощами, в то время как богатые виноградники и сады фиговых и других фруктовых деревьев занимали лучшую почву. Везде, где это было

возможно, маленькие каналы, по которым вода поступала из водохранилищ и запруженных ручьев, пересекали равнины, и каждый фут орошаемой земли был покрыт роскошным урожаем.

Деревни были густо разбросаны, и когда войска подошли к Карфагену на расстояние дневного перехода, они наткнулись на загородные виллы и особняки богатых жителей. Богатство их архитектуры, совершенство и порядок их садов, а также красота и вкус садов и угодий, которые их окружали, в равной степени свидетельствовали о богатстве и вкусе их обитателей.

Фонтаны выбрасывали свою воду в воздух, многочисленные водопады с прохладным, успокаивающим звуком разбегались по искусственным камням. На террасах стояли статуи, созданные греческими скульпторами, тенистые дорожки давали прохладу в разгар дневной жары, виноградная лоза, гранат и инжир освежали вкус и доставляли удовольствие глазу. Пальмы с их изящной листвой мягко покачивались на ветру. Все страны, с которыми торговали карфагеняне, поставляли свой контингент растительности, чтобы дополнить красоту и плодородие этих садов, которые вызывали восхищение и зависть всего цивилизованного мира.

Перевалив через гребень невысокой гряды холмов, отряд оказался в поле зрения Карфагена. Генерал и трое его спутников, ехавшие в хвосте колонны, остановили своих лошадей и некоторое время сидели, обозревая происходящее. Это был тот, на который, каким бы знакомым он ни был, невозможно было смотреть без глубочайшего чувства восхищения.

В центре возвышалась великая скала Бирса, возвышение с плоской вершиной и почти отвесными склонами, возвышавшееся примерно на двести футов над окружающей равниной. Это плато было резиденцией древнего Карфагена, финикийской колонии, основанной Дидоной. Теперь это был карфагенский акрополь. Здесь стояли храмы главных божеств города; здесь были огромные склады, способные вместить провизию на длительную осаду для пятидесяти тысяч человек, которых могло вместить это место. Скалистые склоны скалы были видны, но лишь в нескольких местах. Массивные укрепления, поднимающиеся от подножия до вершины, защищали каждую точку, где скала не была абсолютно перпендикулярна. Эти стены были огромной толщины, а в казематах или нишах в их толще располагались стойла для слонов, лошадей и крупного рогатого скота гарнизона.

По верхнему краю скалы тянулась еще одна массивная стена, над которой живописными очертаниями возвышались храм и другие общественные сооружения. У подножия этой естественной цитадели раскинулся нижний город с его многолюдным населением, плотной массой домов, храмами и форумом. Стиль архитектуры был своеобразен для города. Карфагеняне ненавидели прямые линии, и все их здания представляли собой изгибы. Комнаты были по большей части круглыми, полукруглыми или овальными, и все внешние, а также внутренние углы были закруглены. Материалом, использованным при их строительстве, был искусственный камень, состоящий из кусков породы, сцементированных мелким песком и известью, и такой же твердый, как природный конгломерат. Дома были увенчаны куполами. Их башни всегда были круглыми, и во всем городе едва ли какой-нибудь угол мог вызвать раздражение у населения.

Вдаваясь в залив, лежал перешеек, известный как Тана, длиной около трех миль, сообщавшийся с материком полоской суши шириной в сто ярдов.

Это был морской квартал Карфагена; здесь находились обширные доки, в которых грузились и разгружались суда, доставлявшие торговлю города в самые отдаленные уголки известного

мира. Здесь находились государственные верфи, где строились и оснащались большие военные корабли, которые так долго делали Карфаген владычицей морей. Вся линия побережья была глубоко изрезана бухтами, где стояли на якоре корабли торгового флота. Широкие внутренние озера усеивали равнину, а к северу от Бирсы, спускаясь к морю и простираясь до мыса Квамарт, лежала Мегара, аристократический пригород Карфагена.

Здесь, в садах и парках, стояли особняки богатых купцов и коммерсантов, а пригород представлял взору массу зеленой листвы, густо усеянной белыми домами. Мегара была отделена от нижнего города прочной и высокой стеной, но находилась внутри внешней стены, которая окружала Бирсу и весь Карфаген и простиралась от моря до моря.

Окружность замкнутого пространства составляла добрых двадцать миль; население, содержащееся в нем, составляло более восьмисот тысяч человек. На северной стороне, недалеко от моря, в пределах линии внешних укреплений, возвышался невысокий холм, и здесь, на склоне, который плавно спускался к морю, находился великий некрополь — Карфагенское кладбище, затененное широкими раскидистыми деревьями, усеянное великолепными мавзолеями богатых и бесчисленными гробницами более бедных семей, и под ним находятся тысячи огромных замогильных камер, которые до сих пор остаются свидетельством обширности карфагенского некрополя и того труда, который его народ приложил к местам захоронения своих предков. мертв.

Дальше всего, с той точки, с которой путешественники смотрели на него, простирался темно-синий фон Средиземного моря, линия которого прерывалась только на переднем плане величественной цитаделью Бирсы и далеко в море смутными очертаниями острова Цинбре.

Несколько минут отряд неподвижно сидел на своих лошадях, затем Гамилькар нарушил молчание:

“ Это великолепный вид, ” сказал он. “ В мире нет места, более подходящего для размещения могучего города. Кажется, природа выделила его. С огромной каменной крепостью, великолепными бухтами и гаванями, возможностями для торговли, плодородной страной, простирающейся по обе стороны; дайте ей только сильное, способное и честное правительство, патриотичный, храбрый и преданный народ, и Карфаген надолго остался бы владычицей мира ”.

“Конечно, она все еще может оставаться такой”, - воскликнул Адхербал.

“ Боюсь, что нет, ” серьезно ответил Гамилькар, качая головой. “Похоже, такова судьба всех наций, что по мере того, как они богатеют, они теряют свои мужские добродетели. С богатством приходят коррупция, леность, нежелание идти на жертвы и ослабление чувства патриотизма. Власть попадает в руки многих невежественных людей. Вместо того, чтобы судьбами страны управляли самые мудрые и лучшие, непостоянная толпа, управляемая заинтересованными демагогами, берет на себя руководство делами, и результат неизбежен — напрасная трата сил, грубая бесхозяйственность, окончательное разорение”.

С этими словами Гамилькар тронул коня и, молча сопровождаемый своими спутниками, с мрачным выражением лица поскакал вслед за своими маленькими колоннами в сторону столицы.

ГЛАВА III: КАРФАГЕН

Карфаген в то время был разделен между двумя группировками, одна из которых возглавлялась родственниками и друзьями великого Гамилькара Барки и была известна как партия Барцинов. Другую возглавлял Ганнон по прозвищу Богатый. Этот человек был соперником Гамилькара, и победы и удачливость последнего были сведены на нет потерями и поражениями, нанесенными республике неспособностью первого. Ганнон, однако, пользовался поддержкой большей части сената, судей и низшего класса, которых он привязал к себе щедрым распределением своего огромного состояния или общей связью повальной коррупции.

Отряд барсинов сильно уступал по численности, но они олицетворяли энергию, военный гений и патриотизм общества. Они выступали за радикальные реформы, очищение государственной службы, пресечение коррупции, которая свирепствовала во всех департаментах, справедливое отправление правосудия, пресечение тирании комитета, энергичное продолжение борьбы с Римом. Они присоединили бы к Карфагену лишь наполовину покоренные народы вокруг него, которые теперь стонали под его игом, повергнутые в прах огромной данью, необходимой из-за расточительности государственного управления, коррупции и массового казнокрадства его чиновников.

Гамилькар Барка был основателем партии; в его отсутствие на месте боевых действий ее возглавлял в Карфагене его зять Гасдрубал, чья пламенная энергия и волнующее красноречие сделали его популярным кумиром в Карфагене. Но даже гения Гамилькара и красноречия Гасдрубала было бы недостаточно, чтобы партия барцинцев смогла противостоять огромной власти совета и судей, подкрепленной богатством Ганнона и его сподвижников, если бы не военные успехи, льстившие патриотическим чувствам населения.

Потеря Сардинии, Корсики и Сицилии была искуплена завоеванием Гамилькаром большей части Испании, и этот полководец мог бы в конечном итоге осуществить свои планы по очищению правительства Карфагена, если бы он не пал в битве с иберами. Эта потеря была ужасным ударом для фракции барсинов, но глубокое чувство сожаления среди населения по поводу смерти их великого полководца позволило им добиться избрания Гасдрубала одним из суфетов вместо него и добиться для него командования армией в Испании.

С последним назначением было меньше трудностей, поскольку сторонники Ганнона были вполне довольны тем, что популярный лидер должен находиться далеко от столицы. Гасдрубал показал себя достойным преемником своего тестя. Он проводил политику, начатую последним, одержал много блестящих побед над иберами, укрепил и прочно утвердил Картагену как порт и город, которому, казалось, суждено соперничать с величием своего материнского города, и Карфаген с восторгом наблюдал за растущим могуществом великого западного поселения,

которое обещало уравновесить влияние постоянно расширяющейся территории его великого соперника в Италии.

Убедившись, что его отряд благополучно разместился в казармах, Гамилькар и его спутники поехали по улицам к Barcine Syssite, или клубу, одному из самых величественных зданий Карфагена. Бросив поводья своих лошадей нескольким рабам, которые стояли наготове у подножия ступеней, они вошли в здание. Проезжая по улицам, они заметили, что население выглядит необычайно тихим и удрученным, а возбуждение, царившее в клубе, подсказало им, что произошло что-то необычное. В большом зале стояли группы мужчин, возбужденно переговариваясь. Другие с удрученным видом расхаживали по мраморному тротуару. Когда Гамилькар вошел, к нему поспешили несколько человек.

“С возвращением!” - воскликнули они. “Ваше присутствие как нельзя кстати в этот печальный момент”.

“Что случилось? - спросил я. “ Я только что прибыл и поскакал прямо сюда, чтобы узнать новости о том, что произошло в мое отсутствие.

“Что?! разве вы не слышали? — воскликнули они. - Последние четыре дня ни о чем другом не говорили, ни о чем другом не думали - Гасдрубал убит!”

Гамилькар отступил на шаг, как от удара.

“О боги! ” воскликнул он. - Неужели это так? Гасдрубал красивый, как его хорошо называли, истинный патриот, великий полководец, красноречивый оратор, воплощение великодушия и патриотизма, наш вождь и надежда, мертв! Конечно, этого не может быть.

“ Это слишком верно, Гамилькар. Гасдрубал мертв — убит ножом иберийца, который, похоже, уже несколько месяцев находится у него на службе, ожидая возможности отомстить за некоторые увечья, которые его семья или народ понесли от нашего оружия.

“Это ужасный удар. Сегодня утром прибыл быстроходный парусник с известием о том, что армия Испании в один голос провозгласила молодого Ганнибала своим генералом и что они требуют утверждения своего выбора сенатом и народом. Нужно ли мне говорить вам, насколько важно добиться этой ратификации? Ганнон и его спутники в ярости, они разбрасывают деньги по радио и переворачивают небо и землю, чтобы не допустить, чтобы выбор пал на Ганнибала, и обеспечить назначение самому Ганнону или одному из его клики. Они говорят, что назначить такого юношу на такую должность было бы делом неслыханным, что это навлекло бы бесчисленные опасности на главу республики. Мы, конечно, знаем, что они боятся не молодости и неопытности, а таланта и гениальности Ганнибала.

“Несмотря на то, что он молод, его замечательные способности признаны всеми нами. Его отец, Гамилькар, возлагал на него самые большие надежды, Гасдрубал снова и снова писал, что в своем молодом родственнике он признал свое превосходство и что в возвышенности цели, в бескорыстном патриотизме, в ясности суждений, в удивительном превосходстве, которого он добился над войсками, в его таланте администратора и в величии его военных концепций он увидел в нем гения высочайшего порядка. Если в силах человека свергнуть растущее величие Рима, реформировать нашу неупорядоченную администрацию, снова поднять Карфаген на вершину его славы и могущества, то этот человек - Ганнибал.

“Итак, на него возлагаются наши надежды. Если мы сможем обеспечить ему командование армией в Испании, он сможет сделать все и даже больше того, что сделали для нас Гамилькар и Гасдрубал. Если мы потерпим неудачу, мы пропали; Ганнон будет верховным, официальная партия восторжествует, один за другим мы будем разоблачены и уничтожены судьями, и, что хуже всего, нашим надеждам спасти Карфаген от коррупции и тирании, которые так долго повергали его в прах, придет конец. То, что вы вернулись из своей экспедиции в такой критический момент, является хорошим предзнаменованием успеха. Надеюсь, у вас все прошло хорошо. Вы знаете, какая участь ожидает здесь генерала-неудачника”.

- Да, я знаю, - с горечью сказал Гамилькар. - быть судимым тайным трибуналом гражданских лиц, не знающих даже элементарных законов войны и стремящихся не к установлению истины, а к удовлетворению своих покровителей и сообщников; конец, позор и казнь.

“Нет, мой успех был полным, хотя и не блестящим. Я добился полного подчинения атаранти и привел с собой в качестве заложников десять их главных вождей; но мой успех едва не обернулся не только неудачей, но и катастрофой. Я тщетно пытался вступить с ними в схватку, когда внезапно ночью они напали на меня, и в последовавшей отчаянной схватке пала почти половина моего отряда; но в конце концов мы подвергли их ужасному наказанию и полностью смирили их гордыню”.

“Пока тебе удавалось смирить их и вернуть домой заложников за их хорошее поведение, все хорошо; жизни нескольких десятков солдат, более или менее, мало что значат для Карфагена. Нам стоит только разослать приказ племенам, и мы сможем заменить их стократно за неделю; это всего лишь неудача, которая была бы фатальной. Карфаген понес такие ужасные бедствия от рук своих данников, что он трепещет при малейшем восстании, ибо его успех может стать сигналом к новому всеобщему восстанию. Если вы смирили Атарантес, все хорошо.

“Я знаю, что совет с нетерпением ожидал новостей о вашей экспедиции. Наше мнение здесь с самого начала заключалось в том, что с помощью небольшого отряда, который они предоставили в ваше распоряжение, они намеренно послали вас к катастрофе, рискуя вызвать длительные неприятности, чтобы получить основание для жалобы, с помощью которого они могли бы воспламенить умы населения против нашей партии. Но сейчас я рекомендую вам немного подкрепиться сразу после путешествия. Внутренний совет клуба соберется через час, и их обсуждения, вероятно, будут долгими и важными, поскольку от этого вопроса зависит будущее всей нашей партии и самого Карфагена”.

- Малх, - сказал Гамилькар, - садись на коня, немедленно выезжай и скажи своей матери, что у нас все прошло хорошо, но я задерживаюсь здесь по важному делу и могу вернуться только к ночи.

“Можно мне вернуться сюда, отец, после того, как я увижу свою мать? Я хотел бы быть вам чем-нибудь полезен, если позволите. Меня знают многие моряки в порту; я мог бы пройти среди них, пытаюсь настроить их в пользу Ганнибала.

“Ты можешь возвращаться, если хочешь, Малх; твои матросы могут помочь нам своими голосами или, если дело дойдет до народных волнений, своим оружием. Но, как вы знаете, при голосовании простые люди ничего не значат, избирают только граждане, торговцы, лавочники и наниматели рабочей силы. Простые люди значат не больше, чем рабы, за исключением тех случаев, когда дело доходит до народных волнений, и они запугивают класс лавочников,

заставляя их голосовать в соответствии со своими взглядами. Однако мы не оставим камня на камне от того, что может способствовать нашему успеху. Не спеши уходить из дома, мой мальчик, потому что твоя мать сочтет это недобрым после трехмесячного отсутствия. Наш совет, вероятно, продлится несколько часов; когда он подойдет к концу, я найду вас здесь и сообщу, что было решено”.

Малх сел на коня и выехал по узким улочкам нижнего города, через ворота, ведущие в предместье, затем он отпустил поводья, и конь пустился галопом по широкой дороге, вдоль которой стояли величественные особняки, и через четверть часа остановился перед виллой Гамилькара.

Бросив уздечку рабу, он взбежал по широким ступеням портика и вошел в зал. Его мать, статная женщина, одетая в длинное ниспадающее одеяние из богатой ткани, расшитое золотом, с обнаженными руками и шеей, с волосами, собранными на затылке в узел, обрамленный золотой лентой, с подвесками из того же металла, инкрустированными драгоценными камнями, падающими на лоб, нетерпеливо поднялась ему навстречу, а две его сестры, девочки старше его, одетые в белые одежды, перехваченные в талии золотыми поясами, вскочили на ноги с радостными криками.

“С возвращением, мой родной сын”, - сказала его мать. - “Надеюсь, с твоим отцом все в порядке; я уверена, это так, потому что я прочла бы дурные вести на твоём лице”.

“ Он здоров, мама, здоров и победоносен, хотя, могу тебе сказать, у нас была редкая борьба за это. Но его держат в Сестринстве Барсина по делам, связанным с этим ужасным делом о смерти Гасдрубала. Он просил меня передать тебе привет и сказать, что вернется сюда, как только сможет уехать.

“ Это действительно ужасные новости, Малх. Эта потеря - тяжкий удар для Карфагена, но особенно для нас, его ближайших родственников; но на данный момент давайте отложим это в сторону и поговорим о ваших деяниях. Как солнце загорело твое лицо, дитя! Ты, кажется, стала выше и толще с тех пор, как тебя не было дома.

“Да, - засмеялась одна из сестер, - ребенок растет, мама; тебе придется выбрать ему другое имя”.

“ Думаю, самое время, ” сказал Малх, присоединяясь ко всеобщему смеху, - учитывая, что я убил льва и участвовал в отчаянной рукопашной схватке с дикими атарантами. Я думаю, даже моя мать должна признать, что я обретаю достоинство юности”.

“Я удивляюсь, что твой отец позволил тебе участвовать в такой борьбе”, - с тревогой сказала мать. - “Он обещал мне, что, насколько это возможно, убережет тебя от опасности”.

“ Ну, мама, - возмущенно сказал Малх, - ты же не думаешь, что мой отец собирался нянчиться со мной так, как он мог бы поступить с одной из здешних девочек. Ты знаешь, он пообещал, что я скоро вступлю в карфагенскую гвардию и буду сражаться в следующей кампании. Я думаю, мне было очень тяжело не иметь шанса отличиться, как это сделал мой кузен Ганнибал, когда был не старше меня ”.

“Бедный мальчик,” рассмеялась его сестра, “ему действительно не повезло. Кто может сказать, но если бы у него только были возможности, он уже был бы полководцем и Рим содрогался бы от звона его доспехов”.

Малх от души присоединился к всеобщему смеху над самим собой.

“Я никогда не дорасту до генерала, - сказал он, - если ты не принесешь мне немного еды; уже перевалило за полдень, а я еще не завтракал этим утром. Предупреждаю вас, что я не расскажу вам ни слова о наших приключениях, пока не поем, поэтому, чем скорее вы прикажете подать еду, тем лучше.

Ужин был быстро подан, а затем в течение часа Малх сидел со своей матерью и сестрами, рассказывая им историю экспедиции. Со стороны его сестер послышалось легкое игривое ворчание, когда он сказал им, что собирается вернуться в Сиссайт, чтобы услышать, что было решено конклавом.

- Ты, конечно, можешь подождать, пока наш отец вернется сюда, Малхус, - сказала Тира, старшая.

“Да, но я могу быть полезен”, - ответил Малх. “Предстоит многое сделать, и мы все сделаем все возможное”.

“Послушай его, мама,” сказала Анна, младшая сестра, хлопая в ладоши. “Это касается убийства львов и борьбы с атарантами; не будем мешать ему; попроси рабов немедленно привести лошадь. Карфаген шатается, пусть Малх летит к его опоре. Какую роль ты думаешь принять, брат мой, ты имеешь в виду обратиться с речью к народу, или призвать галерных рабов к восстанию, или повести войска против совета?”

Обе девушки разразились веселым смехом, к которому Малх, хотя и слегка покраснел, от души присоединился.

“Ты очень плохая, Анна; чего я, конечно, хочу, так это услышать, что было сделано, и присоединиться к всеобщему восторгу, и на самом деле я не такой мальчик, каким вы, девочки, меня считаете, только потому, что вы на два-три года старше меня. Ты упорно относишься ко мне как к ребенку; отец так не поступает, и я могу сказать тебе, что, возможно, я более хорош, чем ты думаешь”.

“Ну, иди, Малх, не позволяй нам задерживать тебя, не проказничай и помни, мой мальчик, - добавила его мать, - что Карфаген - это место, где хорошо, что никто не должен наживать больше врагов, чем он может помочь. Тайного врага в совете или среди судей достаточно, чтобы погубить сильнейшего. Вы знаете, сколько людей было распято или доведено до смерти без малейшего предлога, за исключением того, что у них были враги. Я не хотел бы видеть тебя кем-либо иным, кроме сына твоего отца; ты, конечно, будешь принадлежать к партии Барсина, но нет повода навлекать на себя вражду и ненависть, пока ты не окажешься в состоянии по-настоящему послужить общему делу. А теперь отправляйся с нами; я знаю, что все наши слова остаются без внимания, и эти своенравные парни пойдут своей дорогой”.

Несколько минут спустя Малх был уже на пути обратно в клуб. По прибытии туда он обнаружил, что заседание внутреннего совета еще не закончено. Здание было заполнено приверженцами партии, ожидавшими, чтобы выяснить, какой курс был выбран. Вскоре он наткнулся на

Адгербала и Гискона. Первый, как обычно, был весел, беззаботен и склонен смотреть на вещи с юмором; Гискон был суров и угрюм.

“Итак, ты снова здесь, Малх, ” сказал Адхербал. “Я думал, ты скоро вернешься. Я рад, что вы пришли, потому что Гискон здесь становится однообразным компаньоном. Природа, создавая его, забыла придать ему ту остроту юмора, которая для существования - все равно что приправа для мяса. Я готов сражаться, если дойдет до драки, выступать с речью, если потребуется, и делать все остальное, что может оказаться в пределах моих полномочий, но я ни за что на свете не могу относиться к делу так, как будто существование государства зависит только от меня. Я уже слышал, что у тебя дома все в порядке. Я поеду туда и повидаюсь с твоей матерью, когда это дело будет закончено. О чем они могут говорить так долго, я не могу понять.

“Вопрос, конечно, простой. Будет ли лучше для Карфагена в целом и для нашей партии в частности, если Ганнибал останется во главе армии в Испании или вернется домой и окажет влияние своей популярностью и репутации на население? Вот вопрос, сформулированный в двух словах, и если они не могут с ним определиться, пусть сами разбираются. Я готов утверждать, что в обращении к госпоже Фортуне есть добродетель.

“Оглянись теперь, Малх, разве не забавно изучать человеческие характеры? Посмотрите на маленькую Филену, которая ходит между группами, вставая на цыпочки, чтобы что-то прошептать на ухо сначала одному, потом другому. Он гордится своим знанием дела и в глубине души считает, что с ним поступили постыдно, поскольку он еще не состоит в секретном комитете.

- Посмотрите на Бомилку, прислонившегося к колонне и лениво теребящего усы, добродушного гиганта, который смотрит на все это как на помеху, но который, получи он приказ конклава, встал бы во главе ливийцев и пошел бы на штурм дома Ганнона и без вопросов перебил бы его нумидийскую гвардию.

“Посмотрите на важное лицо Магона, когда он ходит, ни с кем не разговаривая. Он пытается создать у всех впечатление, что он прекрасно знает, что происходит внутри, и мог бы, если бы захотел, сказать вам, каким будет решение. Есть Карталон, который в настоящее время, я ручаюсь, больше думает о поединке, который он заключил со своим арабским скакуном против своего товарища Фано, чем о рассматриваемом деле. Но смотрите, поднялся переполох, занавес наконец раздвигается, собрание окончено”.

Пока он говорил, тяжелые занавеси, отделявшие внутреннюю комнату от холла, раздвинулись, и вышел совет Сестричества. Каждого быстро окружила группа членов его собственной семьи или тех, кто особенно уважал его как лидера. Малх и два молодых офицера были среди тех, кто собрался вокруг Гамилькара.

“Было решено, ” сказал генерал, - что Ганнибал останется под его командованием. Поэтому теперь пусть все приступят к работе, каждый в своей сфере. Население должно быть встревожено. У нас небольшое большинство в совете, но средний класс, мужчины, которые будут голосовать, на стороне Ганнона. Некоторые были куплены на его золото, некоторые из слабых глупцов мечтают, что Карфаген может быть великим просто как торговая держава без армии или флота, и думают только о нынешнем преимуществе, которое они получили бы за счет освобождения от налогов. Именно их мы должны опасаться, и мы должны воздействовать на них с помощью населения.

“Если люди соберутся на улицах и будут призывать Ганнибала, эти трусы будут колебаться. Они доступны только в своих денежных мешках, и вместо того, чтобы рисковать беспорядками, они проголосовали бы за разрушение храма Молоха. Гискон и Адгербал, идите в казармы, соберите столько своих товарищей, сколько придерживается нашего образа мыслей, расскажите солдатам о славе Гамилькара Барки, о богатой добыче, которую они завоевали под его началом, о славе их оружия, когда он вел их за собой, скажите им, что в лице Ганнибала они возродили своего старого командира, и что Ганнон и его товарищи стремятся только к тому, чтобы убрать его, потому что боятся, что блеск его подвигов затмит их самих.

“Настаивайте на том, что он является избранником армии Испании, что голос солдат поддержал его, и что здешние войска должны присоединить свои голоса к голосам своих товарищей в Испании. Возможно, им тоже вскоре придется принять участие в войне, и не будет ли для них гораздо лучше, если их поведет такой солдат, как Ганнибал, чем Ганнон, чья неспособность доказывалась десятки раз и которого выбрали исключительно потому, что он богат и потворствовал жирным торговцам и ленивым лавочникам?

- А ты, Стрифекс, сходи в квартал ткачей; у тебя там есть влияние. Воздействуйте на людей, объясните им, что с тех пор, как Гамилькар и Гасдрубал завоевали Испанию, а золото и серебро из рудников хлынули в Карфаген, их торговля процветает. До этого золото было мало известно в городе, никто не мог купить их избранные изделия, их заработная плата едва удерживала волка на пороге. Покажи им, что при Ганноне наше оружие обязательно постигнет катастрофа, что иберийцы отвоюют свою землю, что рудники будут потеряны, и нам придется вернуться к кожаным деньгам двадцатилетней давности”.

Итак, одного за другим Гамилькар отправлял окружавшие его группы с различными поручениями, пока не остался один Малх.

“Ты, Малх, можешь, как ты и предлагал, спуститься в порт; спроси моряков и рыбаков, что стало бы с их торговлей, если бы римские галеры курсировали в нашей бухте. Укажи, что наши завоевания в Испании уже вызвали величайшую тревогу в Риме и что при Ганнибале наше оружие будет так процветать, что Рим будет рад заключить с нами соглашение и предоставить нам свободу торговли со всем миром.

“Укажите, насколько велика торговля, которую уже создала Картахена. Спросите их, готовы ли они рискнуть всем этим ради того, чтобы Ганнон мог удовлетворить свои личные амбиции, а его приспешники могли выжать последний пенни из перегруженного налогами народа Карфагена. Не переусердствуй, мой мальчик. Собери группу людей, которых ты знаешь; убеди их аргументами и отправь к их товарищам. Скажите им, чтобы работали день и ночь, и вы проследите, чтобы их время хорошо оплачивалось. Выясните, есть ли среди них люди, которые имеют особое влияние на своих товарищей, и привлечите их на нашу сторону. Обещайте им все, что они пожелают; сиссайт будет тратить деньги, как воду, чтобы достичь своей цели. Будь осторожен, Малх; когда разожжешь огонь и убедишься, что он разгорелся, тихо уходи.

Малх поспешил прочь и через полчаса был в порту. Через густонаселенный район, раскинувшийся за высокими складами, битком набитыми товарами, доставленными морем со всех концов света, он пробирался до тех пор, пока не добрался до жилища рыбака, на лодке которого часто выходил в море.

Старик с тремя или четырьмя взрослыми сыновьями полулежал на куче тростника.

“ С возвращением, мой господин Малх, - сказал он. - Рад видеть, что ты благополучно вернулся. Мы часто говорили о тебе, я и мои сыновья, и гадали, когда ты снова отправишься с нами на ночную рыбалку. Ты вернулся в нужное время. Тунцы как раз входят в залив, и через неделю у нас будет редкий вид спорта.

“ Я действительно был бы рад еще раз поплавать с тобой, - сказал Малх, - но сейчас у меня есть другие дела. Ганнон и его друзья решили воспротивиться назначению Ганнибала командующим армией в Испании.” Рыбак что-то проворчал, что означало, что он ничего не знал об этом деле и оно его нисколько не задело.

“ Разве ты не понимаешь важности этого? - Спросил Малх. “Если Ганнибал не получит командования, наши войска будут разбиты, и мы потеряем всю нашу торговлю с Испанией”. Рыбак по-прежнему выглядел апатичным.

“Все мои сыновья увлеклись рыбной ловлей, - равнодушно сказал он, - и для них не имеет значения, потеряем мы торговлю с Испанией или нет”.

“Но это имело бы значение, ” сказал Малх, “ если бы из Испании больше не поступало золота и серебра, потому что тогда, знаете ли, люди не смогли бы платить хорошую цену за рыбу, и для вас, рыбаков, настали бы плохие времена. Но это еще не самое худшее. Римляне настолько встревожены нашими успехами в Испании, что рады сохранить с нами дружбу, но если бы нас оттуда изгнали, они вскоре снова оказались бы в состоянии войны. Тебе и твоим сыновьям потребовались бы военные корабли, и ты, возможно, увидел бы, как римские флоты причаливают к нашим берегам и подбирают наши рыбацкие лодки.

“Клянусь Астартой, - воскликнул рыбак, - но это было бы действительно серьезно; и ты говоришь, что все это произойдет, если Ганнибал не останется полководцем в Испании?”

- Это так, - кивнул Малх.

“ Тогда вот что я вам скажу, ребята, ” сказал рыбак, вставая и потирая руки, “ мы должны пустить в ход весла. Вы слышите, что говорит нам милорд Малх. Вставайте, есть работа, которую нужно сделать. Итак, сэр, каков наилучший способ прекратить это дело, о котором вы нам рассказываете? Если это должно быть сделано, мы сделаем это, и я думаю, что могу ответить за три или четыре тысячи здешних рыбаков, которые не собираются больше, чем я, стоять в стороне и смотреть, как у них вынимают хлеб изо рта. Они знают старину Калкона и прислушаются к тому, что он скажет. Я немедленно займусь этим”.

“Это как раз то, чего я хочу”, - сказал Малх. “Я хочу, чтобы ты и твои сыновья походили среди рыбаков и рассказали им, что предлагается сделать, и насколько разорительным это будет для них. Вы знаете, как я люблю рыбаков и как мне было бы жаль видеть их ранеными. Вы помещиваете их в течение следующих трех-четырёх дней и доводите до точки кипения. Я дам вам знать, когда придет время. Есть и другие профессии, которые пострадают от этого бизнеса, и когда придет время, вы, рыбаки, с веслами в руках должны присоединиться к остальным и пройти по улицам, крича: “Ганнибал - генералу! Долой Ганнона и сборщиков налогов!”

“Долой сборщиков налогов” - хороший призыв, - сказал старый рыбак. “Они берут одну рыбу из каждых четырех, которые я привожу, и всегда выбирают самую лучшую. Не бойтесь, сэр, мы будем там, с веслами и всем прочим, когда вы прикажете.

“ А теперь я хочу, чтобы вы назвали мне имена нескольких человек, которые имеют влияние среди матросов торговых судов и среди тех, кто занимается погрузкой и разгрузкой грузов; их интересы под угрозой так же, как и ваши. Мне поручено щедро платить всем, кто делает все возможное для нашего дела, и я обещаю вам, что вы и ваши сыновья заработаете за четыре дня работы столько же, сколько за месяц работы в море. Клуб "Барсин" известен как истинный друг Карфагена, противник тех, кто угнетает людей, и он не пожалеет денег, чтобы проследить за тем, чтобы это дело было хорошо выполнено ”.

Рыбак сразу же отправился с Малхом к жилищам нескольких людей, которых матросы и грузчики считали авторитетами. С ними, частично путем аргументации, но гораздо больше обещаниями щедрого вознаграждения за их усилия, Малх установил взаимопонимание и проложил путь к массовой агитации среди рабочих прибрежных районов в пользу Ганнибала.

ГЛАВА IV: НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ

День за днем Малх спускался в порт. Его отец был очень доволен его отчетом о проделанной работе и выделил ему достаточно средств для выплаты серьезных денег его различным агентам, как доказательство того, что их усилия будут хорошо вознаграждены. Вскоре он с удовлетворением увидел, что волнение растет.

Работой пренебрегали, моряки и чернорабочие собирались на причалах и разговаривали между собой или слушали ораторов своего круга, которые рассказывали им об опасностях, угрожавших их торговле из-за ненависти Ганнона и его друзей сборщиков налогов к Ганнибалу, отец и шурин которого совершили такие великие дела для Карфагена, завоевав Испанию и увеличив ее торговлю за счет основания Карфагены и других портов. Собирались ли они покорно стоять в стороне и смотреть, как разоряется торговля, а их семьи голодают, чтобы тираны, которые выжимали из них налоги, спокойно жирели?

Таков был смысл речей, произносимых десятками мужчин своим товарищам на набережных. Спокойный наблюдатель мог бы заметить некоторое сходство в речах и прийти к выводу, что ораторы получали свои инструкции от одного и того же человека, но это осталось незамеченным матросами и рабочими, которые вскоре пришли в ярость от увещеваний ораторов. Они ничего не знали ни о Ганнибале, ни о Ганноне, но они знали, что были буквально раздавлены налогами и что завоевание Испании и возникшая торговля принесли им огромную пользу. Таким образом, достаточно было сказать им, что эта торговля находится под угрозой, и что ей угрожают в интересах карфагенских тиранов, чтобы они всем сердцем присоединились к делу.

В течение этих четырех дней Barcine Club был похож на штаб армии. Днем и ночью двери стояли открытыми, постоянно приходили и уходили гонцы, консультации ведущих людей города проводились почти без перерыва. У каждого человека, принадлежащего к нему, была

назначенная задача. Землевладельцы взбудоражили земледельцев, фабрикантам было поручено разъяснять рабочим опасность сложившейся ситуации, солдаты были заняты в войсках; но их задача была сравнительно легкой, поскольку они, естественно, сочувствовали своим товарищам в Испании, и имя великого Гамилькара было среди них предметом почитания.

Фракция Ганнона не бездействовала. Сиссития, состоявшая из его приверженцев, была такой же многочисленной, как и ее соперник. Его ораторы разглагольствовали перед людьми на улицах об опасностях, которые представляют для республики амбиции семьи Барка, о расходах, связанных с военными и военно-морскими учреждениями, необходимыми для поддержания сил, необходимых для проведения их агрессивной политики, о безрассудстве доверять главную армию государства командованию простого юноши. Они подробно рассказывали о богатстве и щедрости Ганнона, о его щедрой раздаче подарков бедным, о его сочувствии торговому сообществу. С каждым днем возбуждение росло, делами пренебрегали, все население было в лихорадке возбуждения.

Вечером четвертого дня агенты клуба "Барсин" обнаружили, что группа Ханно готовится к публичной демонстрации на следующий вечер. Они были уверены в большинстве голосов общественности, которое, хотя номинально и принадлежало народу, было, как уже было сказано, ограничено исключительно тем, что сейчас назвали бы средним классом.

До сих пор партия Барсина избегала назначать какое-либо время для своей собственной демонстрации, предпочитая ждать, пока они не узнают о намерениях своих противников. Теперь совет постановил, что оно должно состояться на следующий день в одиннадцать часов, как раз когда рабочие закончат свою утреннюю трапезу.

Тайный совет, однако, постановил, что ни одно слово не должно произноситься шепотом за пределами их собственного тела раньше, чем за два часа до назначенного времени, чтобы Ганнону и его друзьям не стало известно об этом до тех пор, пока не станет слишком поздно собирать своих сторонников для противодействия этому. Однако с опозданием были разосланы частные посыльные всем членам клуба с просьбой собраться в клубе пораньше.

В девять часов следующего утра в Сестринском зале было полно народу, двери были закрыты, и решение совета было объявлено членам, каждому из которых было приказано поторопиться, чтобы привести в движение поезд для народного восстания, назначенного на одиннадцать часов. Только час спустя известие о том, что отряд барцинцев намеревается опередить их, достигло штаба Ганнона. Тогда были предприняты самые энергичные усилия, чтобы объединить свои силы, но было уже слишком поздно. В одиннадцать часов толпы мужчин из всех рабочих районов города направлялись к форуму, выкрикивая на ходу: "Ганнибала в генералы!" "Долой Ганнона и сборщиков налогов!"

Среди них бросались в глаза матросы и рыбаки из порта, вооруженные веслами, и банда грузчиков с тяжелыми дубинками. Ганнон и большая часть его отряда поспешили на место и попытались успокоить толпу, но крики проклятия были такими громкими и непрерывными, что они были вынуждены покинуть форум. Теперь на сцене появились лидеры партии Барсинов, и на трибуну взошел их самый популярный оратор. Когда в толпе распространилась весть о том, что он был другом Ганнибала и противником Ганнона, суматоха прекратилась, чтобы все могли услышать его слова.

“Друзья мои, - сказал он, - я рад видеть, что Карфаген по-прежнему верен себе, и что вы возмущены попыткой фракции сместить избранного армией генерала, сына великого Гамилькара Барки. Ему и Гасдрубалу, его зятю, вы обязаны завоеванием Испании, вы обязаны богатствами, которые в последние годы хлынули в Карфаген, вы обязаны торговлей, которая уже так много делает для облегчения вашего положения. Что такого сделали Ганнон и его друзья, что вы должны его слушать? Именно из-за их неспособности Карфаген потерял так много своих владений. Это их жадность и коррупция взваливают такое бремя на ваши плечи. Они утверждают, что они щедры. Легко быть щедрым с деньгами, которые они у вас отняли; но дайте им знать вашу волю, и они должны склониться перед ней. Скажите им, что генералом ваших армий будет Ганнибал, и никто другой, и Испания в безопасности, и год от года ваша торговля с этой страной будет увеличиваться и процветать”.

По толпе прокатился одобрителный гул. В то же мгновение у нижнего входа на форум послышался шум, и с улицы показалась голова плотной группы мужчин с криками “Ганнон навсегда!”. Их возглавляли мясники и кожевенники, важная и могущественная организация, поскольку Карфаген вел обширную торговлю кожей.

Какое-то время они выносили все перед собой, но сопротивление усиливалось с каждым шагом, на который они продвигались. Крики с обеих сторон становились все громче и злее. Вскоре произошел обмен ударами, и вскоре разгорелась ожесточенная битва. Рыбаки и матросы бросились в самую гущу событий, и в течение десяти минут на форуме бушевала отчаянная драка. Вскоре битва расширилась, поскольку тела мужчин, принадлежащих к обеим фракциям, столкнулись друг с другом, спеша к форуму.

Уличные драки ни в коем случае не были чем-то необычным в Карфагене, но это была настоящая битва. В самом начале Ганнон в сопровождении сильного отряда своих друзей поехал в Бирсу и призвал солдат выйти и подавить беспорядки. Они, однако, слушали в угрюмом молчании, их симпатии были всецело на стороне сторонников Ганнибала, и они уже получили приказ от своих офицеров ни в коем случае не двигаться с места, кто бы ни приказал им это сделать, пока Гамилькар не встанет во главе их.

Генерал откладывал это до последнего момента. Друзья Ганнибала надеялись достичь своей цели без вмешательства войск, поскольку было во всех отношениях желательно, чтобы выборы выглядели всенародными и чтобы Ганнибал, по-видимому, пользовался голосованием как народа, так и армии. Они знали, что подавляющее большинство людей были с ними, но деньги, которые друзья Ганнона щедро потратили среди мясников, кожевенников, дубильщиков и кузнецов, вызвали более серьезное сопротивление, чем они рассчитывали.

Видя, что их сторона получает лишь небольшое преимущество, что уже пролито много крови и что беспорядки грозят охватить весь Карфаген, Гамилькар и несколько офицеров поехали в казармы. Войска немедленно взяли за оружие и во главе со слонами выступили из Бирсы. Желая избежать кровопролития, Гамилькар приказал своим людям оставить оружие и вооружил их наконечниками копий, которых, как и всего остального, необходимого для войны, в цитадели было много. Когда колонна вышла, она разделилась на части. Основная часть двинулась к форуму, в то время как другие, каждый во главе с офицерами, направились по главным улицам.

Появление слонов и войск и громкие крики последних, призывавших Ганнибала, быстро положили конец беспорядкам. Наемная толпа Ганнона, видя, что они ничего не могут сделать

против таких противников, сразу же рассеялась и разбежалась по своим кварталам города, а Ганнон и его приверженцы разошлись по своим домам. Притихшие горожане, видя, что драка окончена, вышли из своих домов, и вскоре форум снова был переполнен.

Теперь слушания были единогласными, и раздававшиеся крики о том, что сенат должен собраться и утвердить голосование армии, были громкими и энергичными. Группы мужчин выходили во всех направлениях к домам сенаторов, чтобы сообщить им, что народ требует их присутствия на форуме. Видя бесполезность дальнейшего сопротивления и опасаясь последствий в случае сопротивления, Ганнон и его друзья больше не оказывали никакого сопротивления.

Сенат собрался, и единогласным голосованием было проведено избрание Ганнибала одним из суфетов вместо Гасдрубала и главнокомандующим армией в Испании, которое было утверждено народным собранием, причем торговцы и фабриканты из партии Ганнона не осмелились выступить против воли массы механиков и мореплавателей.

“Это была победа, - сказал Гамилькар, когда в сопровождении нескольких своих друзей вернулся вечером домой, - но Ганнон не забудет и не простит событий этого дня. Пока в Испании все идет хорошо, мы можем надеяться на поддержку народа, но если какая-либо катастрофа постигнет наше оружие, это будет тяжело для всех, кто принимал видное участие в сегодняшних событиях. У друзей Ганнона так много поставлено на карту, что они не откажутся от борьбы. У них за спиной все деньги, которые они выжимают из народа и данников Карфагена, и они будут работать день и ночь, чтобы укрепить свою партию и подкупить низшие классы. В настоящее время мы сильнее; но чтобы провести всенародное голосование по вопросу, который положил бы конец ужасающей коррупции нашей администрации, подавить тиранию совета, искоренить злоупотребления, царящие во всех классах государства, — для этого мы должны дожидаться возвращения Ганнибала с победой. Стоит ему только смирить гордыню Рима, и Карфаген будет у его ног”.

Участники вечеринки были в приподнятом настроении по поводу результатов прошедшего дня. Они не только преуспели в достижении своей главной цели - избрании Ганнибала, но и избежали большой личной опасности; ибо, несомненно, если бы Ганнон и его партия одержали победу, суровая месть обрушилась бы на всех ведущих членов фракции Барцинов.

После банкета, когда Гамилькар и его спутники возлежали на своих ложах за столами, греческий раб, плененный на войне, пел песни своей родной земли под аккомпанемент лиры. Группа танцующих девушек из Эфиопии исполняла свои ритмичные движения под звон маленькой гитары с тремя струнами, бой маленького барабана, звон тарелок и позвякивание украшений и маленьких металлических колокольчиков на их руках и лодыжках. В кадилъницах сжигались благовония, и время от времени через окна доносились тихие звуки музыки, которую группа рабов играла среди деревьев снаружи.

Малх был в приподнятом настроении, потому что его отец сказал ему, что решено, что он будет командовать отрядом войск, которые очень скоро отправятся в Испанию для усиления армии Ганнибала, и что он должен позволить Малху вступить в отряд карфагенской конницы, который должен был составить часть корпуса под его командованием.

Регулярная карфагенская конница и пехота составляли лишь очень малую часть армий республики. Это был элитный корпус, состоящий исключительно из молодых людей из

аристократических семей Карфагена, для которых вступление в эти силы считалось почти обязательным. Они занимали почетное место в бою, и именно на них карфагенские полководцы в основном полагались, чтобы прорвать ряды врага в ближнем бою. Все, кто стремился отличиться в глазах своих сограждан, подняться до власти и положения в государстве, стать офицером огромного количества людей, набранных из народов-данников, и командовать армиями страны, вступали в ту или иную из этих организаций. Кавалерия была родом войск, избранным более богатыми классами. Редко случалось, чтобы ее численность превышала тысячу человек. Великолепие их доспехов и снаряжения, красота их лошадей, богатство одежды кавалеров и сбруи их скакунов вызывали восхищение и зависть всего Карфагена. Каждый человек в нем принадлежал к одному из высших слоев аристократии; все они были близкими родственниками членов сената, и быть принятым в него считалось высшей честью, которой мог удостоиться молодой карфагенин.

Каждый солдат носил на запястье золотое кольцо за каждую кампанию, которую он предпринял. Не было никаких попыток добиться единообразия в их назначениях. Их шлемы и щиты были из золота или серебра, увенчанные плюмажами или перьями, или пучками белого конского волоса. Их нагрудники были украшены арабесками или повторными работами высочайшего искусства. Их пояса были покрыты золотом и усыпаны драгоценными камнями. Их короткие юбки-килты были из богатого тирского пурпура, расшитого золотом.

Пехота состояла из мужчин из хороших, но менее высокопоставленных семей. Они носили красную тунику без пояса. Они носили большой круглый щит диаметром более ярда, сделанный из прочной шкуры речной лошади, привезенной с верховьев Нила, с центральным металлическим выступом с острием, выступающим почти на фут перед щитом, что позволяло использовать его в качестве наступательного оружия в ближнем бою. Они носили короткие тяжелые мечи, похожие на римские, и ходили босиком. Их общая численность редко превышала две тысячи человек.

Эти два отряда составляли карфагенский легион и составляли, на самом деле, лишь небольшую часть ее армий, остальные ее силы были полностью набраны из подвластных государств. Тот факт, что Карфаген с его семистами тысячами жителей составлял столь незначительный контингент боевых сил республики, сам по себе был доказательством слабости государства. Страна, которая полностью полагается в своей обороне на наемников, быстро приближается к упадку.

Она может какое-то время подавлять одного данника с помощью солдат других; но когда с ней случается несчастье, она теряет сплоченность и сразу же распадается на части. Как хорошо сказал римский оратор о Карфагене: “Она была медной фигурой на глиняных ногах” — благородный и внушительный объект для глаз, но сильный толчок сравнял бы ее с землей. Рим, напротив, был молодым и энергичным народом воинов. Каждый из его граждан, способный носить оружие, был солдатом. Мужские добродетели были в высочайшем почете, и низменная любовь к богатству еще не ослабила ее сил. Ее граждане действительно были мужчинами, готовыми на любые жертвы ради своей страны; и в таком случае ее окончательная победа над Карфагеном была вопросом несомненности.

Новость, которая привела Малха в такой восторг, не была воспринята членами его семьи с таким же искренним удовлетворением. Последний год Тира была помолвлена с Адгербалом, и он тоже

должен был сопровождать Гамилькара в Испанию, и никто не мог сказать, сколько времени может пройти, прежде чем они вернутся.

Пока остальные сидели за праздничным столом, Адхербал и Тира прогулялись среди рощ в саду.

“Я не думаю, что я тебе небезразлична, Адхербал”, - укоризненно сказала она, когда он говорил о вероятностях предстоящей кампании. “Вы хорошо знаете, что эта война может продолжаться в Испании годами, и вам, кажется, совершенно безразлично, что на это время мы должны быть разлучены”.

“Я не был бы равнодушен к этому, Тайра, если бы хоть на мгновение подумал, что так и должно быть. Правда, я могу остаться в Испании на долгие годы, но у меня нет ни малейшего представления о том, чтобы оставаться там в одиночестве. В конце первой кампании, когда наша армия отправится на зимние квартиры, я вернусь сюда и заберу тебя.

- Все это очень хорошо, - сказала девушка, надув губки. - но откуда ты знаешь, что я захочу отказаться от всех прелестей Карфагена и отправиться к диким иберам, где, по их словам, зимой земля вся белая и даже реки останавливаются в своих течениях?

Адхербал весело рассмеялся. “Тогда не тебе говорить о безразличии, Тайра; но все будет не так плохо, как ты опасаться. В Карфагене вы будете наслаждаться всей роскошью Карфагена. Я не говорю, что ваша вилла будет такой же, как эта, но если вы пожелаете заполучить меня, она будет вам в тысячу раз дороже”.

“Твое самомнение превосходно, Адхербал, ” рассмеялась Тира. “Тебе становится все хуже и хуже. Если бы я когда-нибудь мечтала об этом, я бы никогда так покорно не согласилась, когда мой отец приказал мне считать тебя своим будущим мужем.

- Ты должна считать себя счастливницей, Тира, - сказал Адхербал, улыбаясь, - потому что твоему отцу могло прийти в голову поступить так, как поступил Гамилькар Барка, и выдать своих дочерей замуж за массивских и нумидийских принцев, чтобы они стали королевами банд дикарей-кочевников.

“Ну, они были королевами, это было что-то, пусть и только для кочевников”.

“Я не думаю, что это подошло бы тебе, Тайра — сиденье на коне вместо трона и грубый шатер вместо дворца тебе бы совсем не помешали. Я думаю, уютная вилла на склонах Карфагенского залива подойдет тебе больше, не говоря уже о том факте, что я буду бесконечно более приятным хозяином, чем нумидийский вождь”.

“Ты невыносим, Адхербал, с твоим тщеславием и властолюбием. Однако, я полагаю, когда придет время, мне придется повиноваться своему отцу. Как жаль, что мы, девушки, не можем сами выбирать себе мужей! Возможно, придет время, когда мы это сделаем”.

“Ну, в твоём случае, Тайра, - сказал Адхербал, - это не имело бы никакого значения, потому что ты знаешь, что все равно выбрала бы меня; но большинство девушек сделали бы из этого приятное дело. Откуда им знать, каковы мужчины на самом деле? Они могут быть игроками, пьяницами, грубыми и безжалостными по натуре, праздными и расточительными. Что девушки могут знать о характере мужчины? Конечно, они видят его только в лучшем виде. Мудрые

родители могут провести тщательное расследование и иметь возможность узнать, каковы на самом деле характер и привычки мужчины ”.

- Ты же не думаешь, Адхербал, - серьезно сказала Тайра, - что девушки такие дуры, что не умеют читать по лицам; что мы не можем отличить хорошего мужчину от плохого.

“ Да, девушка может знать что-то о каждом мужчине, кроме того, кого она любит, Тайра. Она может достаточно ясно видеть недостатки других, но она слепа к недостаткам мужчины, которого любит. Разве ты не знаешь, что греки изображают Купидона с повязкой на глазах?”

“Я не слепа к твоим недостаткам”, - возмущенно сказала Тайра. “Я знаю, что ты гораздо более ленив, чем тебе подобает; что ты недостаточно серьезен в житейских делах; что ты никогда не станешь великим полководцем, как мой кузен Ганнибал”.

“ Все это совершенно верно, - рассмеялся Адхербал. - и все же ты видишь, что любишь меня. Ты видишь мои недостатки только в теории, а не на деле, и в глубине души ты не хочешь видеть меня другим, таким, какой я есть. Не так ли?”

“ Да, ” застенчиво ответила девушка, “ полагаю, что так. В любом случае, мне не нравится мысль о том, что ты уедешь от меня в эту ужасную Иберию.

Несмотря на то, что на данный момент партия Ханно потерпела поражение в результате всенародного голосования, они не были обескуражены. Они подверглись аналогичной проверке, когда пытались помешать Ганнибалу присоединиться к Гасдрубалу в Испании.

Не теряя ни минуты, они принялись за восстановление утраченных позиций. Их агенты среди низших классов распространяли клевету на лидеров Барсине. Деньги были щедро розданы, и судьи, которые были преданы партии Ганнона, привели в действие свой механизм, чтобы посеять ужас среди своих противников. Их методы были аналогичны тем, которые впоследствии сделали Венецию отвратительной в период расцвета ее могущества. Аресты производились тайно, глубокой ночью. Мужчины пропадали без вести в своих семьях, и никто не знал, что с ними стало.

Мертвые тела со следами удушения были найдены плавающими в мелководных озерах вокруг Карфагена; и все же столь велик был ужас, внушаемый ужасной властью судей, что друзья и родственники пропавших без вести не осмеливались ни жаловаться, ни расспрашивать. Такие меры были приняты не против лидеров партии Барсина. Если бы одного из них не хватило, все взяли бы за оружие. Темницы были бы взломаны, и не только пленники освобождены, но и их арест мог бы послужить предлогом для нападения на всю систему, при которой могло существовать такое положение вещей.

Агенты "мести Ганнона" действовали главным образом среди низших классов. Среди них исчезновение стольких людей, которые считались лидерами среди остальных, посеяло глубокий и таинственный страх. Хотя никто не осмеливался открыто жаловаться, известие об этих таинственных исчезновениях не заставило себя долго ждать, чтобы дойти до лидеров партии "Барсин".

Однако в то время они были бессильны что-либо предпринять. Как бы они ни были уверены в источнике, откуда исходили эти невидимые удары, у них не было никаких доказательств, на основании которых можно было бы напасть на такую грозную организацию, как судьи.

Действительно, было бы опрометчивым поступком обвинять таких важных государственных чиновников, принадлежащих, за редким исключением, к влиятельным семьям, в произвольных и жестоких мерах против незначительных личностей.

Ореол традиций все еще окружал судей и усиливал страх, внушаемый их ужасной и неограниченной властью. В таком нападении партия Барсинов не могла рассчитывать на то, что население встанет на их сторону; ибо, хотя имевшие место аресты лично затронули сравнительно немногих, страх перед будущими последствиями охватил всех.

Однако среди молодых членов партии возмущение, вызванное этими тайными ударами, было глубоким. Гискон, постоянно размышлявший о тирании и коррупции, разорявших его страну, был одним из лидеров этой части партии; с ним были и другие люди, столь же пылкие, как он сам. Они встретились в доме на тихой улице нижнего города и там обсудили всевозможные отчаянные проекты по освобождению города от его тиранов.

Однажды, когда Гискон направлялся на это randevu, он встретил Малха, мчавшегося во весь опор из порта.

- Что случилось, Малх, куда ты так спешишь?

“ Это постыдно, Жискон, это возмутительно. Я только что был в порту, чтобы сказать старому рыбаку, с которым я часто выхожу в море, что я отплыву с ним завтра, и обнаружил, что четыре дня назад он пропал, а вчера его тело нашли сыновья, плавающие в лагуне. Он был задушен. Его сыновья охвачены ужасом не меньше, чем горем, они верят, что он пострадал за то, что две недели назад побудил рыбаков выступить в защиту Ганнибала, и они боятся, как бы ужасная месть Ганнона в следующий раз не обрушилась на них.

“ Они не знают, как это произошло. Поздно вечером пришел мужчина и сказал, что одному из лучших клиентов их отца нужен запас рыбы для банкета, который он должен был устроить на следующий день, и что он хотел бы немедленно поговорить с ним, чтобы договориться о количестве и качестве рыбы, которое ему требуется. Ничего не подозревая, старик сразу же ушел, и с тех пор о нем больше ничего не было слышно. На следующее утро, увидев, что он не вернулся, один из его сыновей отправился в дом, в который его привели, но обнаружил, что его владелец ничего не знал об этом деле и отрицал, что посылал ему какое-либо сообщение. Опасаясь, что что-то не так, они искали повсюду, но, как я уже говорил вам, его тело было найдено только прошлой ночью.

Они убеждены, что их отец умер не в результате личной вражды. Насколько им известно, у него не было врагов во всем мире. Вы можете себе представить, что я это чувствую; я не только считал его другом, но и чувствую, что именно из-за того, что он действовал так, как я его вел, он пришел к своей смерти ”.

“ Тираны! - Тихо воскликнул Гискон. - Но что ты можешь сделать, Малх? - спросил я.

“Я иду к своему отцу, - ответил Малх, - попросить его заняться этим делом”.

“ Что он может сделать? Гискон горько усмехнулся. “ Что он может доказать? Может ли он обвинить нашу благороднейшую коллегия судей без тени доказательств в том, что они расправились с этим неизвестным старым рыбаком? Нет, Малх, если ты всерьез хочешь отомстить своему другу, пойдем со мной, я представлю тебя своим друзьям, которые

объединились против этой тирании и которые поклялись спасти Карфаген. Ты молод, но ты храбр и полон рвения; ты сын генерала Гамилькара, и мои друзья с радостью примут тебя как одного из нас”.

Малх не колебался. Он знал, что вступление в такую организацию, о которой говорил Гискон, сопряжено с опасностью, но разговоры молодого офицера во время их экспедиции пробудили в нем глубокое чувство тирании и коррупции, которые подрывали власть в его стране, и этот удар, нанесенный ему лично, настроил его на любой опасный шаг.

“ Я присоединюсь к тебе, Гискон, - сказал он, - если ты примешь меня. Я молод, но готов пойти на все и отдать свою жизнь, если потребуется, чтобы освободить Карфаген”.

ГЛАВА V: ЗАГОВОР

Гискон вел своего спутника по узким улочкам, пока не добрался до заднего входа в дом, где проводились собрания. Особым образом постучав, она сразу же открылась и закрылась за ними. Когда они вошли, раб, не говоря ни слова, взял лошадь Малха и привязал ее к кольцу в стене, где стояли еще четыре или пять лошадей.

- Я удивляюсь, что ты не боишься привлечь внимание, подъезжая верхом к дому в таком квартале, - сказал Малх.

“ Ты же знаешь, мы не осмеливаемся встречаться тайно. В городе полно шпионов, и, несомненно, за передвижениями всех, кто, как известно, враждебен Ганнону и его отряду, следят, поэтому мы сочли за лучшее встретиться здесь. Мы сделали так, чтобы по соседству шептались как о тайне, что дом был выбран как место, где мы можем играть в азартные игры без присутствия старших. Поэтому единственные комментарии, которые мы вызываем, это: "Вон идут те молодые дураки, которые губят себя". Только потому, что вы верхом на лошади, я подъехал к этим воротам; если бы вы пришли пешком, мы вошли бы через парадный вход. К счастью, среди нас много тех, кого считают простыми искателями удовольствий — людей, ставящих состояния на своих лошадей, посещающих банкеты или чья жизнь, кажется, проходит в роскоши и праздности, но кто в глубине души так же предан делу Карфагена, как и я. Присутствие таких людей среди нас придает правдоподобность версии о том, что это игорный дом. Будь мы все моего склада, люди, известные своей крайней враждебностью к Ганнону и его партии, подозрение сразу же пало бы на наши собрания. Но мы здесь.

С этими словами он раздвинул тяжелые шторы и вошел в большую комнату. Там собралось около десяти или двенадцати молодых людей. Они удивленно подняли головы, когда вошел Гискон в сопровождении своего спутника.

“ Я привел новобранца, ” сказал Гискон, - которого все вы знаете по слухам, если не лично; это Малх, сын генерала Гамилькара. Он молод для такого бизнеса, как наш, но я был с ним в кампании и могу ответить за него. Он храбрый, готовый, вдумчивый и заслуживающий доверия. Он любит свою страну и ненавидит ее тиранов. Я могу гарантировать, что он не совершит ничего опрометчивого, но ему можно доверять как одному из нас. Будучи молодым, он будет иметь то преимущество, что за ним с меньшей вероятностью будут следить, и может быть вдвойне полезен. Он готов принести присягу нашему обществу ”.

Поскольку Гискон был лидером группы, его рекомендация была воспринята как вполне достаточная. Молодые люди встали и образовали круг вокруг Малха. Все обнажили свои кинжалы, и один, в котором Малх с мгновенным чувством удивления узнал Карталона, на которого Адгербал указал в клубе "Барсин" как на человека, думающего только о скачках, сказал:

Клянешься ли ты Молохом и Астартой быть верным этому обществу, посвятить себя уничтожению угнетателей Карфагена, осуществить все меры, которые могут быть приняты, даже с определенным риском для твоей жизни, и скорее позволить пыткам разорвать тебя на куски, чем рассказать о том, что происходит в этих стенах?

- В этом я торжественно клянусь, - сказал Малх.

“Мне нет нужды говорить, ” небрежно сказал Карталон, “ что наказанием за нарушение клятвы является смерть. Так записано в наших правилах. Но мы все дворяне Карфагена, а дворяне не нарушают своих клятв, так что мы можем оставить это без внимания. Когда слово человека достаточно веско, чтобы заставить его разориться ради выполнения пари, можно быть уверенным, что он сдержит свое слово в вопросе, который касается жизней десятков его собратьев. А теперь, когда с этим делом покончено, мы можем продолжить наш разговор; но сначала давайте выпьем вина, потому что все эти разговоры в лучшем случае вызывают жажду.

Молодые люди развалились на диванах по всей комнате и, пока рабы разносили вино, непринужденно болтали друг с другом о лошадях, вчерашней пьесе, соответствующих достоинствах царствующих красавиц Карфагена и других подобных темах, и Малх, на которого произвела впечатление серьезность тайного заговора, которому он только что поклялся помогать, не мог не удивляться беспечной веселости молодых людей, хотя они и были вовлечены в заговор, в котором рисковали своими жизнями.

Только через несколько минут после того, как рабы покинули помещение, легкие разговоры и подшучивания прекратились, когда Гискон поднялся и сказал:

Теперь к делу. Малх рассказал мне, что старый рыбак, который сыграл ведущую роль в подстрекательстве своих товарищей выступить в поддержку Ганнибала, был заманен подальше от своего дома и убит; его тело было найдено плавающим в озере задушенным. Это девятнадцатый случай за неделю. Эти акты сеют ужас среди рабочего класса, и, если им не положить конец, мы больше не можем ожидать от них помощи.

“Мы не сомневаемся в том, что эти деяния являются работой должностных лиц трибуналов. Чем скорее мы нанесем удар, тем лучше. Ситуация назревает. Восемь человек приведены к присяге в моей секции среди ткачей, и для ее завершения нужны всего двое. Мы поручим нашему последнему рекруту создать секцию среди рыбаков. Сыновья только что убитого человека

должны образовать ядро. Мы с самого начала согласились, что, помимо нас, требуется триста решительных мужчин и что каждый из нас должен создать подразделение из десяти человек. Малх доводит наше число здесь до тридцати, и когда все секции будут заполнены, мы будем готовы к действию.

Неудача должна быть невозможна. Дома Ганнона и тридцати человек из его отряда будут атакованы, а тираны убиты до того, как будет поднята тревога. По крайней мере, еще тридцать человек должны быть убиты, прежде чем город окончательно проснется. Возможно, каждая секция сможет предпринять по три атаки, если наши планы будут хорошо продуманы, и каждая выберет для атаки троих, живущих поблизости друг от друга. Мы еще не решили, будет ли лучше отделиться, когда это будет сделано, удовлетворившись первым ударом по нашим тиранам, или заранее подготовиться к народному восстанию, встать во главе населения и произвести чистую зачистку судей и лидеров партии Ганнона”.

Гискон говорил обычным деловым тоном, как будто обсуждал организацию увеселительной вечеринки; но Малх едва смог подавить волнение, услышав это предложение о массовом уничтожении ведущих людей Карфагена. Начавшийся таким образом совет продолжался три часа. Большинство присутствующих заговорили, но, к удивлению Малха, в них совершенно отсутствовали тот мрак и таинственность, с которыми в его сознании ассоциировалась идея государственного заговора.

Молодые люди действительно серьезно обсуждали это, но в том же духе, в каком они пришли бы к согласию по спорному вопросу о соответствующих достоинствах двух лошадей. Они смеялись, шутили, предлагали и принимали пари и отнеслись ко всему этому с легкомыслием, которому Малх подражал изо всех сил, но которого он был очень далек от чувства; и все же он чувствовал, что под всем этим легкомыслием его товарищи были совершенно серьезны в своих планах, но сейчас они шутили так, как шутили бы перед началом битвы, в которой шансы против них были подавляющими и большими.

Даже Гискон, обычно серьезный и мрачный, был таким же беззаботным, как и все остальные. Аристократия Карфагена, как и аристократия всех других стран, в силу традиций, воспитания и привычки была храброй до крайности. Точно так же, как столетия спустя дворяне Франции весело болтали на тележке по пути на казнь и предлагали друг другу табакерки на эшафоте, так и эти молодые аристократы Карфагена улыбались и шутили, хотя прекрасно понимали, что рискуют своими жизнями.

Никакого решения принято не было, поскольку это могло быть принято только на специальном заседании, на котором должны были присутствовать все члены общества. Среди тех, кто сейчас находится в совете, мнения разделились почти поровну. Одна сторона настаивала на том, что, если бы они предприняли шаги по подготовке населения к восстанию, слух наверняка достиг бы ушей их противников, и они были бы настороже; тогда как, если бы они быстро рассеялись после того, как каждая часть убила двух своих тиранов, операция могла бы повторяться до тех пор, пока все влиятельные люди из фракции Ганнона не были бы устранены.

В ответ на эти аргументы другая сторона настаивала на том, что промедление всегда опасно, что после первых попыток будут предложены огромные награды, что некоторые из членов секций могут стать предателями, что партия Ганнона в будущем будет настороже и что судьи произведут массовые аресты и казни; тогда как, если бы к населению обратились в разгар

волнений, вызванных смертью Ганнона и его главных сторонников, народ восстал бы и покончил со своими тиранами.

После того, как все, кто хотел высказаться на эту тему, высказали свое мнение, они перешли к деталям; каждый сообщил количество людей, зачисленных в его секцию, с несколькими словами о характере каждого. Почти без исключения каждый из этих людей был одушевлен чувством личной неправоты. Некоторые потеряли близких родственников, казненные трибуналами за какой-нибудь пустячный проступок, некоторые разорились из-за вымогательства сборщиков налогов. Все они были заявлены как готовые отдать свои жизни ради мести.

“ Видишь ли, Малх, эти наши агенты по большей части не движимы никаким чувством чистого патриотизма, они хотели бы отомстить за свои собственные обиды, а не за ущерб Карфагену. Но мы должны принимать их такими, какими мы их находим; нельзя ожидать какого-либо глубокого чувства патриотизма со стороны масс, у которых, надо признать, нет особых причин испытывать какой-либо живой интерес к славе республики. Чтобы они вдоволь ели и пили и могли зарабатывать себе на жизнь, для них не имеет большого значения, будет ли Карфаген великим и славным или униженным и побежденным. Но так будет не всегда. Когда нам удастся избавить Карфаген от его тиранов, мы должны сделать все возможное для улучшения положения простых людей, чтобы они почувствовали, что у них тоже есть общий интерес к судьбе нашей страны. Я бы, конечно, не стал предлагать предоставить им право голоса; предоставить избирательное право невеждам, которые просто последуют за демагогами, которые будут использовать их как инструменты, было бы верхом безумия. Государственные дела, управление страной, составление законов должны находиться исключительно в руках тех, кто подходит для этой задачи, — людей, которые образованием, рождением, положением, учебой и досугом подготовили свой разум к такой задаче. Но люди должны пользоваться преимуществами хорошего правительства; их не следует облагать налогами больше, чем они могут разумно заплатить, и любые сборщики налогов, которые вымогают хоть пенни сверх законной суммы, должны быть опозорены и наказаны.

“Суды должны быть открыты для всех, судьи должны быть беспристрастны и неподкупны; каждый человек должен иметь свои права и привилегии, тогда каждый человек, чувствуя заинтересованность в стабильности государства, был бы готов с оружием в руках защищать его, и Карфаген, вместо того чтобы полностью зависеть от своих данников и наемников, смог бы выставить на поле боя огромную армию своими собственными усилиями без посторонней помощи.

“Варварские племена прекратили бы восстание, зная, что успех будет безнадежным. И поскольку мы должны быть сильны дома, нас должны уважать за границей, и мы могли бы без опаски наблюдать за растущей мощью Рима. Здесь достаточно места для нас обоих. Для нас - Африка и Испания; для нее - вся остальная Европа и столько Азии, сколько она захочет взять. Мы могли бы без зависти смотреть на величие друг друга, каждый уверенный в своей силе и могуществе. Да, возможно, Карфагену еще предстоит великое будущее”.

На этом собрание закончилось.

“Куда ты идешь, Малх? - спросил Гискон юношу, когда они вышли во двор. - Посмотреть на жертвоприношения? Вы знаете, что сегодня состоится грандиозное мероприятие, посвященное умилоствлению Молоха и молитве о победе нашего оружия”.

“Нет”, - сказал Малх с содроганием. “Я не думаю, что я трус, Гискон, но эти ужасные обряды пугают меня. Однажды мой отец забрал меня, и тогда я поклялся, что никогда больше, если только это не будет абсолютно необходимо для меня при исполнении государственных обязанностей, я не буду присутствовать при подобной сцене. В течение нескольких недель после этого я почти не спал; день и ночь передо мной стояло это ужасное бронзовое изображение Молоха. Если я засыпал, то просыпался весь в поту, когда слышал крики младенцев, когда их опускали в эти огромные руки, нагретые до красноты, протянутые, чтобы принять их. Я не могу поверить, Гискон, что боги так жестоки.

“Затем произошла резня десятков пленных, взятых на войне. Я вижу их сейчас, бледных и суровых, с устремленными на медное изваяние глазами, которое вскоре должно было быть окроплено их кровью, в то время как жрецы в своих алых одеждах, с жертвенными ножами в руках приближались к ним. Больше я ничего не видел, потому что закрывал глаза, пока все не кончилось. Говорю тебе еще раз, Гискон, я не верю, что боги так жестоки. Почему только боги Финикии и Карфагена должны требовать крови? Греки и римляне не столь кровожадны, и все же Марс приносит римскому оружию столько же побед, сколько Молох нашему”.

- Не хули богов, Малх, - мрачно сказал Гискон. - Можешь быть уверен, что венок полководца-победителя никогда не будет возложен на твое чело, если ты не будешь чтить их.

“Если почитание их означает одобрение пролития крови младенцев и пленников, я откажусь от всех надежд добиться победы с их помощью”.

“Я хотел бы, чтобы ты сказал это раньше, Малх; если бы я знал, что ты презираешь богов, я бы не просил тебя участвовать в нашем предприятии. Нельзя ожидать, что нашим усилиям сопутствует удача, если мы не заручимся помощью богов”.

“Это легко исправить, Гискон,” спокойно сказал Малх. “До сих пор я не предпринял ни единого шага к осуществлению ваших планов и только прислушивался к тому, что вы сказали, следовательно, никакого вреда пока быть не могло. Вычеркните мое имя из списка и забудьте, что я был с вами. Я даю вам клятву, что никому не скажу ничего из того, что слышал. Вы вполне можете как-нибудь оправдаться перед своими товарищами. Скажи им, например, что, хотя я и не боюсь за себя, я подумал, что, будучи сыном Гамилькара, я не имел права вовлекать его имя и семью в такое предприятие, если только по его приказу.

“Да, так было бы лучше”, - сказал Гискон после паузы. “Я не осмеливаюсь продолжать предприятие с тем, кто осуждает богов среди нас; это означало бы неудачу. Я не мечтал об этом; кто бы мог подумать, что юноша твоего возраста отвергнет богов?”

“Я не осуждаю и не отвергаю,” возмущенно сказал Малх. “Я говорю только, что считаю, что вы поклоняетесь им неправомерно, что вы поступаете с ними несправедливо. Я говорю, что невозможно, чтобы боги, правящие миром, могли получать удовольствие от криков умирающих младенцев или стонов зарезанных людей”.

Гискон прижал ладони к ушам, словно желая прогнать такое богохульство, и поспешил прочь, в то время как Малх, сев на коня, медленно и задумчиво поехал на виллу своего отца. В глубине души он не сожалел о том, что был освобожден от этого объединения, в которое он опрометчиво вступил, не зная, с помощью каких мер оно намеревалось достичь своих целей. Он был готов к вооруженному восстанию против карфагенских тиранов, но его возмущала мысль об этом плане полуночной резни — такими средствами он не добился бы возрождения своей страны. Он также чувствовал, что причина, которую он привел Гискону, была веской. В его возрасте он не имел права вовлекать свою семью в такой заговор. Если бы это не удалось и если бы его обнаружили среди заговорщиков, Ганнон и его сообщники наверняка воспользовались бы этим фактом как предлогом для нападения на Гамилькара. Они сказали бы, что Малх никогда бы не участвовал в подобном заговоре, если бы не знал, что он получил одобрение его отца и что на самом деле он был всего лишь представителем своей семьи в замысле свержения конституции республики.

К счастью для Малха, несколько дней спустя был отдан приказ о немедленной отправке части подкреплений, предназначенных для Ганнибала. Гамилькар должен был продолжать командовать ими, и, занятый подготовкой к старту, Малх мало думал о назревающем заговоре. Для перевозки войск, насчитывавших шесть тысяч человек, были наняты тридцать больших торговых судов. В основном это были ливийские пехотинцы. Вскоре должны были последовать основные силы с нумидийской конницей. Наконец настал день отправления, и войска прошествовали через храм Молоха, где были принесены жертвы за успех предприятия.

Малх, под предлогом того, что что-то было не готово, в последний момент задержался дома и только присоединился к своим товарищам, сотне молодых людей из карфагенской конницы, на набережных. Все это войско, состоявшее из молодых людей из лучших семей Карфагена, должно было отплыть на том же корабле, на котором плыл Гамилькар. Место действия было оживленным — доки Карфагена были обширными, а корабли, которые должны были доставить экспедицию, стояли на глубокой воде у причалов, чтобы войска могли подняться на борт. Огромная толпа населения собралась, чтобы посмотреть на посадку. Кордон солдат с трудом удерживал их от скопления войск и препятствования их передвижению.

По мере того, как войска маршировали к причалу, они выстраивались группами у борта кораблей, которые должны были их доставить. Поведение людей разных национальностей было совершенно разным. Ливийцы были суровы и молчаливы, они были частью контингента, который их государство обязано было предоставить Карфагену, и ушли неохотно, проклиная в сердцах силу, которая оторвала их от родных домов, чтобы сражаться в войне, к которой они не имели ни малейшего отношения.

Рядом с ними лежало тело гараманта, завернутое в длинную берну, которая тогда, как и сейчас, была одеждой детей пустыни. Высокие, смуглые, стройные и подвижные, с каждым мускулом, отчетливо проступающим сквозь смуглую кожу. Какой бы странной, должно быть, ни была для них эта сцена, в пронизательных взглядах, которые они бросали вокруг себя из-под своих темных бровей, не было ничего удивительного. Тихие и неразговорчивые, едва ли можно было услышать хоть слово среди них, когда они стояли в ожидании приказа к посадке; они оказались там неохотно, и сердца их были далеко, в далекой пустыне, но, тем не менее, они были готовы сражаться, когда пришло время. Ужасными врагами они были бы в ночной атаке, с их

крадущейся, как у тигра, поступью, с их сверкающими, мстительными глазами и жестокими пастьями.

Совсем другими были эфиопы из далекого Судана в плащах из львиной шкуры и с яркими перьями, скрепленными лентой вокруг головы. Их черные лица светились весельем и удивлением — все было для них новым и экстраординарным. Море, корабли, могучий город, собравшаяся толпа - все это вызывало у них изумление, и их белые зубы блестели, когда они без умолку болтали со смехом и шумом.

Не менее беззаботными были избранные молодые дворяне, собравшиеся на корабле генерала. Рабы в последний раз выстроили их лошадей рядами позади них, потому что в будущем им самим придется ухаживать за ними, и, собираясь группами, они смеялись и подшучивали над последним скандалом в Карфагене, над пьесой, которая была поставлена накануне вечером в театре, или над скачками, которые должны были состояться на следующий день. Что же касается отчаянной работы, которой им предстояло заняться, — ибо ходили слухи, что Ганнибал готовит какое-то грандиозное предприятие, - то это их несколько не беспокоило, как и мысль о том, что многие из них, возможно, никогда больше не увидят Карфагена. Возможно, в глубине души некоторые из них, подобно Малху, с грустью думали о расставаниях, которые они только что пережили с теми, кого любили, но ни на их лицах, ни в разговорах не было заметно никаких признаков таких мыслей.

Вскоре раздался звук труб, и гул голосов смолк, как по волшебству. Солдаты выстроились в боевой порядок и замерли неподвижно. Затем Гамилькар прошелся по причалам, внимательно осматривая каждую группу, задавая вопросы капитанам кораблей об их запасах провизии и воды, получая от офицеров, на которых была возложена эта обязанность, списки боевых машин и припасов, которые хранились на корпусах; и, убедившись, что все в порядке, он подал сигнал своему трубачу, который снова протрубил долгую и пронзительную трубу.

Сразу же начались работы по погрузке. Вскоре пехота была на борту, но операция по доставке лошадей кавалерии заняла больше времени. Половина из них хранилась в трюме корабля генерала, остальное - на другом судне. Когда все войска были на борту, солдаты, сдерживавшие толпу, были выведены, и карфагеняне столпились на пристани. На пристани, у борта которой стоял адмиральский корабль, все еще оставалось свободное место, и здесь собралась толпа городской аристократии, чтобы в последний раз увидеть своих сыновей и родственников гвардейца.

Убедившись, что их лошади надежно закреплены внизу, молодые люди столпились у борта корабля, чтобы попрощаться со своими друзьями. Расставание было недолгим, так как дул попутный ветер, и генерал стремился до наступления темноты оказаться подальше от залива. Поэтому был поднят сигнал. Множество рабов ухватились за тросы кораблей и протащили их по узкому проходу, соединявшему доки с морем. Из толпы донесся крик прощания, паруса были подняты, и флот продолжил свой путь.

Меры по обеспечению комфорта войск в море были простыми и примитивными. Каждый человек передвигался сам. Все пространство внизу было занято грузом или лошадьми. Солдаты жили и спали на палубе. Здесь, на широких плоских камнях, они готовили себе еду, коротали день за азартными играми, а ночью спали на шкурах или толстых коврах. К счастью, погода была хорошей. Было начало марта, но ночи не были холодными.

Флот держался вдоль побережья, бросая якорь на ночь, пока северные берега не стали отчетливыми и четко очерченными, поскольку Испания простиралась к Африке. Затем они переправились и плыли дальше, пока не прибыли в Карфагену. Каким бы коротким ни было время, прошедшее с момента основания этого города, его вид уже был внушительным и обширным. Он лежал на берегу залива, обращенного на юг, примерно в милю глубиной и почти вдвое больше шириной. Напротив устья этой бухты находился остров с узкими проходами с каждой стороны, защищавший ее от южных ветров и образовавший великолепную гавань.

На крутом холме у входа в гавань стоял город. Этот холм возвышался над широкой лагуной, которая с одной стороны сообщалась с морем, а с другой была отделена от него только полосой суши шириной в четыреста ярдов. Через нее был прорыт широкий канал. Таким образом, холм, имевший значительную протяженность, неровный и обрывистый, был изолирован, и атаковать его можно было только с моря.

Город был построен в виде амфитеатра, обращенного к морю, и был окружен мощным укреплением в две с половиной мили в окружности, так что даже если нападающий пересечет лагуну, которая летом почти пересыхает, перед ним будет почти неприступная защита. Здесь, в зданиях, величина которых удивляла вновь прибывших, хорошо знакомых со зданиями Карфагена, хранились сокровища, багаж, военная амуниция и провиант для армии.

Целью великого Гамилькара и Гасдрубала после него было сделать испанскую армию как можно более независимой от метрополии. Они хорошо знали, как часто казна Карфагена пустела из-за расточительности и нечестности его правителей и как невозможно было бы получить оттуда припасы, необходимые для армии. Поэтому они основали огромные мастерские, где изготавливали оружие, военное снаряжение, машины для осад и все, что требовалось для использования в армии.

Какими бы огромными ни были расходы на эти учреждения, доходов Иберии было вполне достаточно не только для покрытия всех расходов на оккупацию, но и для перевода крупных сумм в Карфаген. Эти доходы были получены частично от дани, выплачиваемой покоренными племенами, частично от добычи, взятой в захваченных городах, но больше всего от золотых и серебряных рудников, которые были в то время чрезвычайно богаты и разрабатывались трудом рабов, захваченных на войне, или целых покоренных племен.

Некоторое представление о богатстве этих рудников может составить тот факт, что одна шахта, которую Ганнибал унаследовал от своего отца, приносила ему доход почти в тысячу фунтов в день; и это был лишь один из различных источников его богатства. Это было причиной того, что Гамилькар, Гасдрубал и Ганнибал смогли удержаться, несмотря на интриги своих врагов в столице. Их армии были их собственными, а не армиями страны.

Именно к ним обращались солдаты за жалованьем, а также за продвижением по службе и наградами за доблесть, и поэтому они могли осуществлять планы, предложенные их гением, беспрепятственно по приказу из Карфагена. Они действительно занимали положение, очень похожее на положение Валленштейна, когда с армией, набранной и оплачиваемой из его личных средств, он защищал дело империи от Густава Адольфа и князей протестантской лиги. Это правда, что карфагенские полководцы всегда имели при себе двух уполномоченных сената. Карфагенская республика, как и первая республика Франция, всегда ревниво относилась к своим генералам и назначала уполномоченных сопровождать их в их кампаниях,

консультировать и контролировать их передвижения, а также докладывать об их поведении; и многие поражения карфагенян были в немалой степени вызваны тем, что их генералам мешало вмешательство уполномоченных. Они, конечно, присутствовали в армии Ганнибала, но его могущество было настолько велико, что их влияние на его действия было лишь номинальным.

Война, которая вот-вот должна была разразиться с Римом, называется второй Пунической войной, но ее скорее следовало бы назвать войной Ганнибала с Римом. Он задумал и осуществил это из своих собственных средств, без вмешательства и почти без какой-либо помощи со стороны Карфагена. На протяжении всей войны ее корабли простаивали в гавани. Даже в самой большой нужде Карфаген никогда не вооружал галеры для своей помощи. Жалованье армии поступало исключительно из его казны, материалы для войны - из арсеналов, построенных его отцом, шурином и им самим. Это была война, которую вел один человек против могущественной державы, и как таковая, за исключением случая с Валленштейном, в мировой истории нет ничего похожего на это.

Пройдя по узкому проходу в гавань, флотилия доплыла до конца залива и вскоре оказалась у возведенных просторных причалов. Там уже находилось большое количество судов, поскольку торговля Карфагена с метрополией и портами Испании, Африки и Востока уже соперничала с торговлей Карфагена. Группа офицеров собралась на причале, когда корабль Гамилькара, возглавлявший флот, приблизился к нему, и Гамилькар воскликнул: “Это сам Ганнибал!”

Когда корабль пришвартовался к причалу, Ганнибал поднялся на борт и тепло обнял своего двоюродного брата, а затем сердечно поприветствовал Малха.

“Что ж, кузен Малх, ” сказал он, - хотя прошел всего год с тех пор, как я был в Карфагене, я едва узнал тебя, так сильно ты вырос. Я вижу, ты записался в кавалерию. Это хорошо. Нельзя слишком рано начинать приучать себя к войне.

Затем, повернувшись, он прошел среди молодых людей гвардии, со всеми из которых был лично знаком, приветствуя их с сердечностью и добротой, которые доставили им большое удовольствие. Малх смотрел на него с восхищением. К счастью, до нас дошло точное описание Ганнибала. Он был из тех, кто даже с первого взгляда покорял все сердца своим возвышенным и благородным выражением лица, добротой и искренностью, которые выражало его лицо. Карфагеняне как раса были невысокими, но Ганнибал был очень высоким, и его огромная ширина плеч свидетельствовала о его огромной силе.

Красота карфагенской расы вошла в поговорку, но даже среди них он был примечателен. Его голова хорошо сидела на плечах; осанка была прямой и властной; лоб возвышенным; говорили, что его взгляд, хотя и мягкий в обычное время, был ужасен во время битвы. Голова его была непокрыта. Золотисто-каштановые волосы были длинными и перехвачены золотой лентой. Нос у него был длинный и прямой, образуя со лбом идеальный профиль. Выражение рта было добрым, но твердым. Борода у него была короткая. Весь контур лица отличался чрезвычайным благородством.

В бою он носил бронзовый шлем, плотно облегающий голову, из-за которого выступала изогнутая металлическая пластина, закрывающая шею. Шлем окружала золотая лента; спереди были пять лавровых листьев из стали; на висках - два листа лотоса из того же металла. На гребне, поднимающемся из украшения, украшенного жемчугом, был большой плюмаж из перьев, иногда красных, иногда белых. С тарелки сзади свисал пучок белого конского волоса.

Его тело покрывала кольчуга, сделанная из тройной ткани с золотыми цепями. Поверх нее на нем была рубашка из тончайшего белого льна, до пояса прикрытая кожаной курткой, расшитой золотыми пластинами. С его плеч свисала широкая пурпурная мантия, расшитая золотом. На нем были сандалии и гетры из красной сафьяновой кожи.

Но Ганнибал был так великолепно одет только в особых случаях. В походе он обычно надевал простую блузу, подобную той, что носили его солдаты. Его оружие нес за спиной эсквайр. Оно состояло из его щита галатийского производства. Материал щита был бронзовый, форма круглая. В центре находился конический, заостренный выступ. Лицевая сторона щита была рельефно украшена сюжетами, взятыми из истории Карфагена. Боевым оружием были меч, копье и лук со стрелами. Но не великолепию своей внешности Ганнибал был обязан энтузиазмом, с которым на него смотрели его войска. Его сила и мастерство намного превосходили любого человека в его армии. Его пища была такой же простой, как и у его солдат, он был способен обходиться без еды целыми днями, и редко прерывал пост до окончания рабочего дня. Когда он ел, то делал это, сидя верхом на лошади, или когда прогуливался, заботясь о нуждах солдат.

Ночью он спал среди них, лежа на львиной шкуре без покрывала. Он был равнодушен к жаре и холоду и в самую сильную бурю с ветром и дождем скакал с непокрытой головой среди своих войск, очевидно, не подозревая о буре, с которой боролся. Насколько было известно, у него не было пороков. Он редко прикасался к вину. Его нравственность была безупречна. Он никогда не давал волю гневу. Его терпение при всех испытаниях и трудностях было безграничным.

Посреди величайших испытаний и опасностей он сохранял бодрость духа и всегда находил ободряющее слово для своих солдат. Какими бы разными ни были национальности войск, следовавших за ним, и как бы ни было вынуждено большинство из них поступить на службу к Карфагену, их любовь и восхищение своим командиром были так велики, что они были готовы перенести все лишения, подвергнуться всем опасностям ради него. Только его личное влияние спаяло эту армию, состоящую из людей различных национальностей и племен, в одно целое и позволило ей совершить величайшие военные подвиги в мировой истории и в течение многих лет вести ужасную борьбу против всей мощи Рима.

ГЛАВА VI: КАМПАНИЯ В ИСПАНИИ

Среди молодых офицеров, последовавших за Ганнибалом на борт, были те, кто покинул Карфаген всего несколько месяцев назад и были известны Малху. От них он с радостью узнал, что войска немедленно выйдут на поле боя.

“Мы выступаем в поход против вакаи”, - сказал один из них. “Армия выступила два дня назад. Ганнибал ждал здесь вашего прибытия, быстроходного парусника, который стартовал через

несколько часов после того, как вы принесли известие о том, что вы уже в пути, и вы без промедления отправитесь к остальным. Это будет тяжелая кампания”.

“Где находится страна вакаев? - Спросил Малх.

“Далеко отсюда”, - ответил другой. “Переходы будут долгими и утомительными. Их страна расположена несколько к северо-западу от большого плато в центре Иберии. Нам придется подняться на горы с этой стороны, пересечь плато, следовать вдоль рек, которые впадают в великий океан.

На самом деле вакаи жили на землях, граничащих с верхним Дуэро, их страна включала часть старой Кастилии, Леона и баскских провинций. Путешествие действительно было долгим и трудным; и Ганнибал предпринимал экспедицию не только для того, чтобы наказать буйных вакеев, напавших на некоторые племена, покорившиеся Карфагену, но и для того, чтобы приучить войска к усталости и лишениям и подготовить их к большому походу, который он задумал. Время действительно не было потеряно, потому что, как только войска были высажены, они построились и сразу же двинулись в путь.

“Это больше, чем мы рассчитывали”, - сказал ему Требон, молодой гвардеец, чье место в строю было рядом с Малхом. “Я думал, у нас должен был быть здесь по крайней мере месяц, прежде чем мы отправимся в путь. Говорят, город такой же веселый, как Карфаген; и поскольку у меня здесь много друзей, я с нетерпением ждал месяца веселья перед отъездом. Каждую ночь, ложась на жесткие доски палубы, я утешал себя мыслью, что здесь меня ждет мягкая постель; а теперь нам приходится сразу же выходить на голую землю, и у нас нет ничего, кроме этой шкуры, привязанной к луке моего седла, чтобы спать, и моего бернуса, чтобы укрыть меня. Сейчас уже намного холоднее, чем было в Карфагене; и если это так здесь, то что же будет на вершинах тех зубчатых гор, которые мы видим перед собой? Да ведь, пока я жив, вон тот, самый высокий, ослепительно белый! Должно быть, это тот самый снег, о котором мы слышали, — дождь, превратившийся из холодного в плотный, и который, как говорят, причиняет голым конечностям боль, подобную боли от раскаленного железа. Представляю, каково спать в такой дряни!”

Малх рассмеялся над жалобами своего товарища.

“Признаюсь, я рад, что мы отправляемся сразу, - сказал он, “потому что мне надоело бездельничать в Карфагене; и я полагаю, что здесь было бы точно так же. Как оживлены улицы города! Если бы не вид гор, которые мы видим сквозь проемы домов, можно было бы поверить, что ты все еще дома”.

Внешний вид Картагены, действительно, очень напоминал облик материнского города, и жители были той же расы и крови.

Картахена изначально была образована большой колонией ливийцев. Жители этой провинции, населявшие морские порты и побережья близ Карфагена, представляли собой смесь финикийской и местной крови. Их всегда раздражало превосходство Карфагена, и их восстания были частыми и зачастую опасными. После подавления этих восстаний Карфаген, осознав опасность, исходящую от беспокойных настроений своих соседей, депортировал большое их количество для образования колоний. Огромное количество людей было отправлено в Судан, который в то время был одним из важнейших владений республики. Однако самой масштабной

из этих вынужденных эмиграций была большая колония, отправленная основать Картахену, которая, таким образом, за считанные годы, благодаря заботливому гению великого Гамилькара, превратилась в большой и процветающий город.

Таким образом, внезапно возник сам Карфаген. После многих внутренних смут демократия Тира взяла верх в этом городе; и, найдя свое положение невыносимым, вся аристократия решила эмигрировать и, отплыв с большим флотом под предводительством своей царицы Дидоны, или Элизы, — ибо ее звали обоими именами, — основала Карфаген. Этот триумф демократии в Тире, как и следовало ожидать, привел к гибели этого города. Очень быстро она потеряла то высокое положение, которое занимала, и ее место в мире и гордое положение Царицы Морей очень быстро занял Карфаген.

Первоначальная ливийская колония Картахена была в значительной степени увеличена за счет последующей эмиграции, и население имело вид, очень похожий на население метрополии, за исключением того, что вместо смуглых соплеменников из пустыни с их пассивными лицами и аурой горделивого безразличия, смешивающихся с населением города, в Картахене была большая примесь коренных иберов, которые, принадлежа к племенам, впервые покоренным Карфагеном, либо были вынуждены поселиться здесь, чтобы поставлять ручной труд, необходимый для растущего города, либо добровольно отказались от своей бродячей жизни и приняли обычаи. более оседлые обитатели и более уверенные в комфорте существования в большом городе.

Обогнув нижнюю часть города, отряд Гамилькара двинулся вдоль перешейка, пересек мост через прорезанный через него канал и вскоре оказался за его пределами. Местность постепенно повышалась, и, пройдя шесть миль, бригада была остановлена в месте, куда Ганнибал, когда впервые заметил приближающийся вдоль побережья флот, отправил несколько волов и другие припасы для их использования. Переход был коротким, но после недельного заточения на борту корабля люди были мало подготовлены к долгому путешествию. Быки и другие припасы были розданы различным отрядам, и началась работа по приготовлению угощения. Малх был удивлен, хотя и испытывал отвращение к своему первому опыту участия в настоящей кампании. Когда Гамилькар участвовал в экспедиции против Атарантов, он входил всвиту своего отца и жил в роскоши. Теперь он был простым солдатом, и его призвали помочь разделить вола, который достался на долю карфагенской кавалерии.

Некоторые из группы отправились рубить и приносить дрова для костров и приготовления пищи; другие размочили муку и замесили тесто для лепешек, которые выпекали на горячих углях и ели с мясом. Раздавались громкие возгласы смеха, когда молодые солдаты выполняли свои непривычные задачи под руководством офицеров, которые, пройдя несколько кампаний, могли проинструктировать их относительно их обязанностей. С кулинарной точки зрения трапезу нельзя было назвать удачной, и она действительно представляла собой контраст с едой, к которой привыкли молодые дворяне. Однако марш-бросок и свежий бодрящий воздух разогрели у них хороший аппетит, а новизна и необычность пережитого придали еде пикантность; и, несмотря на грубоватость блюда, все заявили, что никогда не ели ничего вкуснее. Теперь было разожжено множество костров; и вокруг них, когда наступил вечер, мужчины собрались группами, все плотно закутанные в свои бернусы, которые одинаково носили офицеры и рядовые всех национальностей, служивших в карфагенской армии, служа

плащом днем и одеялом ночью. Вскоре послышался конский топот, и Ганнибал со своим личным штабом въехал в лагерь.

Он отправился в путь только через несколько часов после них, когда, отдав свои последние распоряжения и сделав все окончательные приготовления для управления делами во время своего отсутствия, он поехал дальше, чтобы присоединиться к армии. Спешившись, он сразу же пешком направился к войскам, весело болтая с ними и расспрашивая, как у них дела. Обойдя все остальные отряды, он пришел на бивуак карфагенской конницы и в течение часа сидел, разговаривая, у их костров.

“ Ах! ” сказал он, вставая, чтобы уйти. - остальные сегодня будут спать достаточно хорошо, но вам, сибаритам, привыкшим к мягким ложам и роскоши, придется плохо. Я помню свою первую ночь на твердой земле, хотя прошло уже шестнадцать лет, как болели мои конечности и как я жаждал утра. Теперь позвольте мне дать вам подсказку, как сделать ваши кровати удобными. Имейте в виду, это не на будущее, но до тех пор, пока ваши конечности не привыкнут к земле, вы можете предаваться роскоши. Прежде чем вы попытаетесь заснуть, обратите внимание, где именно будут располагаться ваши тазовые кости и плечи; возьмите свои кинжалы и зачерпните землю в этих местах так, чтобы получились углубления, в которых они могли бы лежать. Затем расстелите на них свои львиные шкуры и ложитесь. Вы будете спать так же удобно, как на мягкой кушетке”.

Многие молодые солдаты последовали совету Ганнибала; другие, среди которых был Малх, решили сразу же привыкнуть к твердой земле. Малх вскоре заснул, и его последней мыслью было, что меры предосторожности, рекомендованные Ганнибалом для обеспечения отдыха, были совершенно излишни. Но он изменил свое мнение, когда два или три часа спустя проснулся с острой болью в бедре и плече. После тщетной попытки снова заснуть, сменив позу, он встал, свернул шкуру и принялся за раскопки, рекомендованные генералом. Затем, снова расстелив шкуру, он лег и был поражен, обнаружив, какое огромное облегчение принесло это простое средство.

На рассвете отряд пришел в движение. Их переход был долгим, так как Ганнибал хотел как можно скорее поравняться с основной армией, и они преодолели не менее тридцати миль, прежде чем остановились на ночлег. Теперь они были высоко на склонах Сьерры. Последняя часть путешествия была чрезвычайно трудной. Маршрут проходил в основном по голым скалам, которые сильно напрягали ноги солдат, поскольку в большинстве случаев они были незащищены даже сандалиями. Малх и его конные спутники, конечно, не пострадали в ногах. Но они были рады почти так же, как пехота, когда достигли места лагеря, ибо нет ничего более утомительного для всадника, чем быть вынужденными десять часов ехать в седле со скоростью пехоты. На этот раз место привала было у верхней опушки леса, который тогда покрывал нижние склоны гор.

Накануне вечером было убито достаточно мяса, чтобы хватило на трехдневный паек для солдат, и поэтому на приготовление еды не было потери времени. Дрова, конечно, были в изобилии, и вскоре горшки уже висели на толстых шестах, установленных над кострами. Ночь была чрезвычайно холодной, и солдаты были благодарны за укрытие, которое давали деревья от пронизывающего ветра, дувшего с покрытых снегом вершин более высокого горного хребта.

“Что это за шум? - спросил я. - Спросил Малх одного из офицеров, когда после того, как трапеза была закончена и в лагере воцарилась тишина, в лесу послышался глубокий звук.

“Это вой стаи волков”, - сказал офицер. “Они дикие звери, и в компании без колебаний нападают на небольшие группы людей. Они в изобилии водятся в горах и являются бичом для пастухов равнин, особенно в холодную погоду, когда спускаются и причиняют ужасный ущерб стадам”.

“Я думал, что не узнаю этот звук”, - сказал Малх. “Иногда ночи на южном краю пустыни были достаточно шумными. Стаи шакалов с их резким визгом были в изобилии; затем послышался более низкий вой гиен, лающий крик стаи обезьян и оглушительный рев львов. Они были достаточно неприятны и поначалу не давали уснуть; но ни один из них не был таким зловещим, как этот заунывный вой, который я слышу сейчас. Полагаю, иногда, когда больше нечем заняться, мы устраиваем охотничьи вечеринки?

“Да, ” ответил офицер. “ Это главное развлечение наших гарнизонов зимой в диких частях страны. Конечно, близ Картагены эти существа были истреблены; но в горах они водятся в изобилии, и туша мертвой лошади, несомненно, привлечет множество их. Это спорт, не лишенный опасности; и есть много случаев, когда группы из пяти или шести человек уходили, прихватив с собой тушу, чтобы привлечь волков, и никогда не возвращались; и в результате обыска было обнаружено их оружие, поврежденное и, возможно, сломанное, с пятнами крови и следами отчаянной борьбы, но от них самих не осталось даже кости ”.

“Я думал, что охота на львов - увлекательный вид спорта, но львы, хотя и могут передвигаться и охотиться группами, не дерутся стаями, как, похоже, делают эти свирепые животные. Я надеюсь когда-нибудь попробовать это. Я хотел бы отослать две их головы, чтобы повесить на стену рядом с головой льва, которого я убил в пустыне ”.

“Следующей зимой вы можете это сделать”, - сказал офицер. “ Сезон уже почти закончился, и вы можете быть уверены, что Ганнибал даст нам достаточно развлечений, чтобы мы не думали об охоте на волков. Вакаи достаточно свирепы. Возможно, две их головы подошли бы вместо волчьих.

- Не думаю, что моя мать и сестры одобрили бы это, - рассмеялся Малх. - Поэтому я должен дожидаться зимы.

Ночь прошла не так спокойно, как та, что ей предшествовала. Отдаленный вой волков, когда они охотились в лесу, заставлял лошадей дрожать от ужаса и возбуждения, и их всадникам приходилось снова и снова вставать, подходить к ним и, разговаривая с ними и похлопывая их, успокаивать их страх. Пока их хозяева были рядом, хорошо обученные лошади были тихими и послушными и по сказанному шепотом приказу ложились и оставались в совершенном покое; но как только они покидали их и снова укладывались спать, при первом вое, возвещавшем о приближении стаи, лошади поднимали головы, наостряли уши в направлении звука, вскакивали на ноги и стояли, дрожа, с расширенными ноздрями, чуя неведомую опасность, роя копытами землю и время от времени делая отчаянные попытки освободиться от привязи.

Затем пришлось повторить процедуру успокоения, пока, наконец, большинство всадников не принесли свои львиные шкуры и не улеглись рядом с распростертыми лошадьми, положив головы им на шеи. Животные, приученные таким образом спать рядом со своими седоками и

успокоенные присутствием своих хозяев, по большей части довольствовались тем, что лежали тихо, хотя стаи волков, привлеченные запахом приготовленного мяса, подходили вплотную к лагерю и поддерживали унылый хор вокруг него до утра.

Марш продолжался день за днем. Местность была дикой и неровной, приходилось пересекать пенящиеся потоки, преодолевать пропасти, пересекать бесплодные участки. Но после недели тяжелого марша колонна преодолела большую часть трудностей, пересекла Сьерры и вышла на плато, которое с постепенным понижением спускается на запад к Атлантике и по большей части покрыто густыми лесами. Теперь они, к своему удовлетворению, обогнали основные силы армии, и их марши будут несколько менее тяжелыми, поскольку до сих пор они каждый день преодолевали дополнительные расстояния, чтобы восполнить двухдневную потерю в начале пути. Здесь Малх впервые увидел отряды галльских наемников.

Испанские войска вызвали восхищение и изумление карфагенян своим ростом и силой; но галлы были еще более могущественной расой. Они принадлежали к племенам, которые хлынули с Апеннин и населяли северную часть Испании задолго до прихода карфагенян. Их лица были суровыми и, как показалось Малху, дикими. Их цвет был намного светлее, чем у любого из людей, которых он когда-либо видел. Глаза у них были голубые, волосы, от природы русые или каштановые, были окрашены каким-то препаратом, придававшим им рыжий оттенок.

У одних длинные локоны ниспадали на плечи, другие завязывали их узлом на макушке. Они носили свободные короткие брюки, застегивающиеся на коленях, напоминающие мешковатые штаны современных турок. Рубашка с открытыми рукавами доходила им до середины бедер, а поверх нее была надета блузка или свободная туника, украшенная всевозможными орнаментами и застегнутая на шее металлической брошью. Их шлемы были из меди, по большей части украшенные оленьими или бычьими рогами. На гребне шлема обычно была изображена птица или дикий зверь. Все это было увенчано огромными пучками перьев, чем-то похожими на те, что украшают наши шотландские шляпки, что значительно увеличивало рост их обладательниц.

Галлы питали страсть к украшениям и украшали себя множеством ожерелий, браслетов, колец, перевязей и поясов из золота. Их национальным оружием были длинные тяжелые пики — у них не было металлических наконечников, но наконечники были закалены огнем; дротики того же описания — их перед вступлением в бой они поджигали и метали во врага пылающие дротики, называемые мат рас саунионами, пики с изогнутыми наконечниками, напоминающие алебарды более поздних времен; и прямые мечи. Однако Ганнибал, обнаружив неудобство такого разнообразия оружия, вооружил свои галльские войска только длинными прямыми мечами. Они были без заострения, предназначены только для рубки и представляли собой в руках этих могущественных племен ужасное оружие. Эти мечи не были теми, которые они привыкли носить, которые были сделаны только из меди и часто гнулись при первом ударе, но были специально изготовлены для них в Карфагене из тяжелой стали, устойчивой ко всем несчастным случаям.

Марш был проведен со всеми военными предосторожностями, хотя они все еще пересекали страну, которая уже была покорена. Тем не менее они двигались так, как будто ожидали мгновенного нападения. Легкая кавалерия прочесала всю страну. Гибкие и подвижные солдаты, предоставленные племенами пустыни, составляли авангард армии и маршировали также на ее флангах, в то время как тяжеловооруженные солдаты маршировали плотной

колонной, готовые к бою. За ними тянулся длинный обоз с багажом, охраняемый сильным арьергардом.

Наконец они достигли плодородной местности и теперь находились в стране вакаев и их союзников. Арбокала, ныне называемая Тордесильясом, была взята без особых трудностей. Затем была взята в осаду Саламанка, главный город противника. В самих осадных операциях карфагенская конница участия не принимала. Город яростно сопротивлялся, но машины Ганнибала пробили брешь в стенах, и жители, видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, предложили капитулировать, при условии, что им будет позволено уйти невредимыми, оставив все свое оружие и сокровища.

Карфагенская армия была выстроена в готовности войти в город, когда оттуда вышли вакеи. Когда они проходили мимо карфагенян, их осмотрели, чтобы убедиться, что они выполнили условия соглашения. Было обнаружено, что они сделали это неукоснительно — при них не было обнаружено никакого оружия. Все их ожерелья, браслеты и украшения остались позади.

“Какая дикая на вид раса!” Малх заметил Требону: “Они смотрят на нас так, словно с радостью набросились бы на нас, хоть они и безоружны, и разорвали бы нас своими руками. У них почти такая же темнокожая кожа, как у нумидийцев.

“Сюда идут их женщины!” Требон сказал: “Поистине, я бы скорее сражался с мужчинами, чем с этими созданиями. Посмотри, как они смотрят на нас! Видите ли, всем им пришлось расстаться со своими украшениями, так что у каждого из них есть своя личная обида, а также национальная”.

Когда все население разошлось, карфагенская армия вошла в город, за исключением отряда легкой кавалерии, которому было приказано оставаться снаружи и следить за действиями оставшегося гарнизона. Малха позабавила сцена внутри. Члены карфагенской конницы побрезговали участвовать в грабеже и, следовательно, могли с удовольствием наблюдать за работой своих товарищей. Количество добычи было велико, так как количество золотых украшений, найденных в каждом доме, оставленных туда жителями при отъезде, было очень велико; но, не удовлетворившись этим, солдаты перерыли полы в поисках зарытых сокровищ, обыскали стены в поисках тайников и перерыли дома сверху донизу. Помимо богатой добычи, солдаты обременяли себя множеством предметов, которые они не могли унести с собой.

Были замечены люди, пошатывающиеся под тяжестью четырех или пяти тяжелых шкур. Некоторые воткнули в шлемы перья, так что их головы были едва видны. У некоторых были большие свертки женской одежды, которые они собрали со смутной мыслью отнести их домой своим семьям. В первую очередь было собрано оружие и поставлено под усиленную охрану, а отобранные войска были поставлены в качестве часовых у государственной казны, содержимое которой направлялось на общие нужды армии.

Вскоре после начала разграбления наступила ночь. Малх с несколькими своими товарищами завладел одним из самых больших домов в округе и, очистив его от мусора, которым он был завален, приготовился провести там ночь. Внезапно послышался ужасный шум — крики, вопли, бряцание оружия, вопли врага наполнили воздух. Кавалерия бросилась следить за вакаями, полагая, что они спокойно ушли, покинули свой пост и вошли в город, чтобы присоединиться к грабежу.

Когда гарнизон выходил, мужчин тщательно обыскали, но женщинам позволили выйти без какого-либо тщательного досмотра. Эта беспечность дорого обошлась карфагенянам, так как под своими одеждами они спрятали мечи и кинжалы своих людей. Полагаясь на беспорядок, который воцарится в городе, вакаи вернулись и теперь хлынули через ворота, убивая всех, кого встречали.

На короткое время среди карфагенян воцарилась ужасная паника, было убито огромное количество солдат, и казалось, что все войско будет уничтожено. Ганнибал и его генералы разъезжали по округе, пытаясь заставить разрозненных людей построиться и выступить против врага; но паника была слишком всеобщей, и, если бы не карфагенский легион, все было бы потеряно. Однако конница и пехота этого отряда, воздержавшись от участия в грабежах, по большей части держались вместе, и теперь они совершили вылазку в тесном и регулярном порядке и обрушились на атакующего врага.

Улицы были слишком узкими для действий кавалерии, и Малх с товарищами сражались пешими. Противник, рассеявшийся во время своей кровавой бойни, в свою очередь, оказался в невыгодном положении и не смог противостоять постоянной атаке плотных тел. Они, в первую очередь, проложили себе путь к площади в центре города и там объединились. Ганнибал, видя, что под его командованием теперь находится солидный отряд войск, немедленно разбил их на отряды и двинулся по всем улицам, ведущим от центральной площади. Рукопашная схватка, которая шла по всему городу, вскоре была прекращена. Карфагеняне выстроились в хорошем порядке позади рядов своих товарищей, и небольшие отряды вскоре превратились в колонны, которые сметали врага перед собой.

Враги сражались отчаянно, обстреливая дома, швыряя камни с крыш в колонны и с безрассудной храбростью бросаясь на копья, но их усилия были напрасны. Шаг за шагом их оттесняли назад, пока они снова не были изгнаны из города. Держась вместе и постоянно показывая дорогу карфагенянам, вакеи, численность которых теперь сократилась менее чем наполовину, удалились на возвышенность недалеко от города и там приготовились дорого продать свои жизни. Карфагеняне выстроились в свои регулярные ряды и приготовились штурмовать позиции противника; но Ганнибал в одиночку поскакал вперед, к Вакеям, и его было хорошо видно в ярком свете горящего города.

После своего долгого пребывания в Испании он мог свободно говорить на иберийском языке и действительно мог разговаривать со всеми войсками различных национальностей под знаменем Карфагена на их родном языке.

“ Жители Саламанки, ” сказал он, “ больше не сопротивляйтесь. Карфаген знает, как почтить храброго врага, и никогда еще люди не сражались так доблестно, защищая свои дома, как это сделали вы, и хотя дальнейшее сопротивление было бы безнадежным, я больше не буду настаивать на вас. Ваши жизни сохранены. Вы можете сохранить оружие, которым так хорошо владеете, и завтра моя армия покинет ваш город и позволит вам свободно вернуться в него ”.

Милосердие Ганнибала было проявлением политики. Он потерял бы гораздо больше людей, прежде чем окончательно одолел бы отчаявшийся отряд, и он ни в коем случае не желал возбуждать глубокое чувство ненависти среди какого-либо из племен, точно так же, как он обдумывал вывод большей части армии для своего предприятия против Рима. С падением

Саламанки сопротивление вакеев прекратилось, и Ганнибал приготовился к возвращению в Карфаген.

Однако в его тылу собралась буря. Большое количество вакеев нашло убежище у олькадов, которые были покорены прошлой осенью, и вместе они объединили все свирепые племена, известные как карпатцы, населявшие страну на правом берегу верхнего Тежу, чтобы выступить с ними заодно против захватчиков. Когда Ганнибал приблизился к их окрестностям, они заняли позицию на правом берегу реки недалеко от Толедо. Здесь ручей быстрый и труднопроходимый, его русло густо усеяно большими валунами, принесенными во время наводнения с гор. Местность по обе стороны реки песчаная, без лесов или долин, которые могли бы прикрыть передвижения армии.

Войско, собранное для противостояния карфагенянам, насчитывало не менее ста тысяч человек, и Ганнибал сразу понял, что его силы, ослабленные потерей при Саламанке и обремененные огромным обозом, груженным добычей, которую они захватили у вакеев, не будут иметь никаких шансов в битве с таким огромным войском. Противник разделился, когда приблизился к реке, очевидно, их целью было напасть на него с тыла, когда он будет занят трудной операцией по переправе. Карфагеняне двигались двумя тяжелыми колоннами, по одной с каждой стороны от своего обоза, и Ганнибал строго приказал им ни в коем случае не вступать в бой с врагом.

Туземцы окружили колонны, метая дротики; но карфагеняне двинулись вперед в сплошном порядке, отвечая только своими стрелами и пращами и довольствуясь отражением атак, которые предпринимали более смелые из их противников. Опускалась ночь, когда они прибыли на берег реки. Затем враг прекратил атаку, полагая, что утром карфагеняне окажутся в их власти, обремененные огромной добычей с одной стороны и отрезанные от отступления почти непроходимой рекой с другой.

Как только армия достигла реки, Ганнибал приказал установить палатки для всех офицеров. Повозки с багажом были расставлены по порядку, а скот распряжен. Войска начали возводить укрепления, и все, казалось, свидетельствовало о том, что карфагеняне были полны решимости сражаться до последнего на удерживаемой ими земле. Было еще достаточно светло, чтобы враг понял, что происходит, и, утром, заполучив свою добычу, они отошли на небольшое расстояние на ночь. В то утро Ганнибал узнал от туземца о броде через реку и направлялся именно к нему. Как только совсем стемнело, несколько человек вошли в реку в поисках брода. Это вскоре было обнаружено.

Затем приказы были бесшумно переданы солдатам, и они в обычном порядке и в полной тишине поднялись на ноги и промаршировали к броду. Первой прошла часть пехоты, затем были захвачены повозки, за ними последовала остальная пехота, а кавалерия и слоны замыкали шествие. Место, где реку можно было перейти вброд, находилось под острым углом, и Ганнибал теперь занимал ее внешнюю сторону. С приближением рассвета он разместил своих лучников на берегах реки, где из-за крутого изгиба их стрелы могли попасть во фланг врагу, переходящему вброд, а также прочесать подходы к нему.

Кавалерию отвели на некоторое расстояние, и ей было приказано не атаковать, пока испанцы не перейдут реку. Слоны, числом сорок, были разделены на два отряда. Один из них был выделен для защиты каждого из отрядов пехоты на берегу от нападения, если испанцы

укрепляться на левом берегу. Когда рассвело, враг понял, что карфагеняне переправились через реку. Полагая, что они были слишком встревожены, чтобы рисковать вступить в бой, и поспешно отступали, туземцы толпой устремились к реке, не дожидаясь ни своих вождей, ни приказов, и, бросившись вперед, каждый сам за себя, прыгнули в реку.

Множество людей было сразу же унесено потоком, но толпа, напавшая на брод, продвигалась вперед. Когда они беспорядочной массой оказались на середине реки, Ганнибал бросил на них свою кавалерию, и на реке завязался отчаянный конфликт. Бой был слишком неравным, чтобы длиться долго. Испанцы, стоявшие по пояс в быстром потоке, с трудом удерживались на ногах, они не знали ширины или точного направления брода, и им мешала их собственная масса; кавалерия, с другой стороны, могла свободно пользоваться своим оружием, и одного веса и стремительности их атаки было достаточно, чтобы сбить испанцев с ног и сбросить их в глубокую воду.

Многие утонули, еще больше было зарублено, а остальных в беспорядке погнали обратно за реку. Но теперь прибыли свежие орды; Ганнибал протрубил отбой, и кавалерия отступила, когда испанцы снова бросились в реку. Когда беспорядочная масса хлынула через брод, на них обрушились два подразделения пехоты, в то время как стрелы лучников разметали сопротивляющуюся массу. Без порядка и дисциплины, сбитые с толку этой атакой врага, которого они считали обращенным в бегство, испанцы были отброшены за реку, а карфагеняне переправились у них в тылу.

Бегущие иберийцы посеяли ужас среди своих товарищей, все еще стекавших к берегу, и когда карфагенская пехота сплошной колонной обрушилась на них, паника охватила все войско, и они рассеялись по равнине. Карфагенская кавалерия следовала вплотную за пехотой и сразу же бросилась вперед среди разбитых масс, пока испанская армия, еще недавно столь уверенная в победе, не превратилась в разбитую массу охваченных паникой беглецов.

За победой при Толедо сразу же последовало подчинение всех племен Испании к югу от Эбро, и Ганнибал, убедившись, что страна повсюду умиротворена, вернулся со своей армией в Карфаген, чтобы провести там зиму (220-219 годы до н.э.).

ГЛАВА VII: ОХОТА НА ВОЛКА

Летняя работа была тяжелой, и молодые солдаты карфагенской кавалерии радовались, когда они снова вошли в Карфагену, предвкушая четырехмесячный отдых и веселье. Когда они были в поле, их дисциплина была такой же строгой, а работа такой же тяжелой, как у других корпусов, но, в то время как, когда они отправлялись на зимние квартиры, остальная часть армии размещалась в палатках или хижинах, этот элитный корпус был на время сам себе хозяином.

Два или три раза в неделю они муштровали и тренировали своих лошадей, но, за этими исключениями, они были вольны поступать так, как им заблагорассудится. Едва ли у кого-нибудь не было родственников или друзей в Картагене, у которых они поселились, а те, кому не повезло так сильно, нашли пристанище в большом военном клубе, членами которого они все были, занимая такое же положение, как и офицеры других корпусов.

Гамилькару и Малху выделили комнаты в великолепном особняке Ганнибала, который был центром жизни и веселья этого места, поскольку Ганнибал, прежде чем весной начать свою кампанию, женился на Имильсе, дочери Касталия, испанца благородных кровей, и его дом содержался в расточительном великолепии, достойном как его положения фактического монарха Испании, так и его огромного личного состояния. Для развлечения народа постоянно устраивались праздники. На них разыгрывались призы за конные и пешие скачки, и нумидийская кавалерия поразила население манерой управления своими скакунами; лучники и пращники попали в списки претендентов на ценные призы, вручаемые полководцем; а слоны продемонстрировали доказательство своей послушности и выучки.

В заливе проводились состязания между галерами и триремами, и соревнование поощрялось в войсках крупными денежными призами тем ротам, которые маневрировали с наибольшей точностью и активностью. Для знати устраивались банкеты и музыкальные развлечения. Растущее величие Карфагена привлекло к ней музыкантов и художников со всего Средиземноморья. Заклинатели змей из далекого Судана и фокусники с дальнего Востока демонстрировали свое мастерство. Поэты декламировали свои стихи, а барды пели свои песни перед богатством и красотой Карфагена. Ганнибал, стремясь одновременно угодить своей молодой жене и увеличить свою популярность, не жалел сил и средств на эти развлечения.

Несмотря на то, что они были веселы, Малх жаждал более активной жизни и вместе с пятью или шестью своими товарищами получил отпуск на месяц, чтобы отправиться на охоту в горы. Во время кампании он услышал о заговоре, в который он был так близок к тому, чтобы быть вовлеченным. Он провалился. Накануне казни один из подчиненных стал предателем, и Гискон и все те, кто участвовал в этом, были арестованы и преданы жестокой смерти.

Сам Малх был разоблачен, поскольку его имя было найдено в списке заговорщиков, и Ганнибалу был послан приказ доставить его пленником в Карфаген. Ганнибал вызвал юношу к себе и расспросил его об обстоятельствах этого дела. Малх объяснил, что он был на их встрече всего один раз, будучи доставлен туда Гисконом и находясь в полном неведении о целях заговора, и что, когда он узнал об этом, он отказался продолжать расследование. Ганнибал и Гамилькар сурово обвинили его в том, что он позволил себе в его возрасте каким-либо образом вмешиваться в общественные дела; но они так изложили суть дела двум карфагенским комиссарам при армии, что те написали домой, сообщив, что, проведя расследование, они обнаружили, что, помимо мальчишеской неосторожности сопровождать Гискона к месту встречи заговорщиков, Малх не был виноват в этом деле.

Тот чудодейственный побег, который ему удалось совершить, был уроком, который не остался незамеченным для Малха. Гамилькар сурово отчитал его и указал на то, что дела народов не могут быть решены усилиями горстки энтузиастов, но что обиды, какими бы серьезными они ни были, могут быть устранены только тогда, когда люди в целом полны решимости добиться перемен.

“В делах не было бы ни порядка, ни стабильности, Малх, если бы группы отчаявшихся людей той или иной партии когда-либо стремились к переменам, ибо революция была бы встречена контрреволюцией. Дела наций развиваются медленно; внезапные перемены никогда не приветствуются. Если бы каждая группа людей, которым удастся заручиться поддержкой временной волны общественного мнения, вносила органические изменения, в делах не было бы стабильности. Капитал был бы встревожен; богатые и могущественные, видя угрозу своему имуществу и посягательство на свои привилегии из-за действий современных демагогов, поступили бы так, как поступили наши предки из Тира, когда вся аристократия скопом эмигрировала в Карфаген, и Тир получил удар, от которого так и не оправился”.

Некоторое время после этого события Малх чувствовал, что он в опале, но его стойкость и хорошее поведение в кампании, а также отличные отчеты, которые о нем давали офицеры, вернули ему расположение; и действительно, его отец и Ганнибал оба чувствовали, что такой искренний энтузиаст, как Гискон, вполне может увлечь юношу.

Охотничий отряд взял с собой сотню иберийских солдат, привыкших к горам, а также шестерых крестьян, знакомых с местностью и привыкших к охоте. Они взяли несколько повозок, груженных палатками, вином и провизией. В четырех днях пути от Картагены отряд углубился в сердце гор, и здесь, в защищенной долине, по которой протекал ручей, они разбили лагерь.

У них был хороший спорт. Иногда с собаками они выслеживали медведей до их логова, иногда солдаты совершали широкий обход холмов и, оцепив значительный участок леса, продвигались вперед, крича и бряцая оружием, пока не загнали животных в оцепление в долину, в которой Малх и его спутники заняли пост.

Очень разнообразной была дичь, которая затем пала под их стрелами и дротиками. Иногда мимо проносилось стадо оленей, тогда мимо проходили два медведя со своим семейством, свирепо рыча на ходу и сердито оглядываясь на нарушителей их покоя. Иногда мимо спешила стая волков с высунутыми красными языками и свирепым рычащим лаем, или мимо неторопливо пробегал дикий кабан, пока не достигал места, где стояли охотники. Волки и олени падали, не причинив вреда, под копытами карфагенян, но медведи и кабаны часто оказывались грозными противниками, и было несколько отчаянных схваток, прежде чем они уступили копьям и мечам охотников.

Иногда части убитых ими животных подвешивали ночью к суку дерева на некотором расстоянии от лагеря, чтобы привлечь медведей, и один или двое из отряда, заняв свой пост на соседних деревьях, всю ночь наблюдали за приближением зверей. Теперь на вершинах гор толстым слоем лежал снег, и в лесах водилось множество волков.

Однажды Малх и двое его спутников преследовали раненого оленя далеко среди холмов и были в нескольких милях от лагеря, когда начало темнеть.

- Я думаю, нам лучше отказаться от этого, - сказал Малх. - Нам будет трудно найти дорогу назад; я понятия не имел, что уже так поздно.

Его товарищи сразу же согласились и повернулись лицом к лагерю. Еще через полчаса в тени деревьев стало совершенно темно, но светила луна, и ее положение позволяло им судить о направлении, в котором располагался лагерь. Но даже с такой помощью пробиваться было

нелегко. Местность была неровной и изрезанной; приходилось пересекать овраги и взбираться на холмы. Проталкиваясь два часа, Халкон, самый старший в группе, сказал:

“ Я ни в коем случае не уверен, что мы все-таки идем правильно. У нас был долгий рабочий день, и я не верю, что мы найдем лагерь сегодня ночью. Я думаю, нам лучше разжечь здесь костер и завернуться в плащи. Огонь отпугнет диких зверей, и утром мы легко сможем найти лагерь.

Предложение было немедленно принято; были собраны ветки, и с помощью кремня и стали, а также каких-то сушеных грибов, которые они носили в своих сумках, вскоре разгорелся костер, и несколько отборных кусков оленя, которого они убили рано утром, вскоре запекались на палочках над ним.

- Мы должны нести вахту по очереди, - сказал Халкон. - Не следует оставлять костер догорать, потому что, вполне вероятно, к утру на нас нападут медведи.

Поев и поболтав некоторое время, Халкон и его спутники улеглись отдыхать, Малх вызвался нести первую вахту. Некоторое время он сидел тихо, время от времени подбрасывая в огонь поленья из запаса, который они заранее собрали. Вскоре его отношение изменилось, он внимательно прислушался и поднялся на ноги. Несколько раз он слышал вой волков, бродивших по лесу, но теперь различал долгий, глубокий, непрерывный вой; он прислушивался минуту или две, а затем разбудил своих товарищей.

“ Приближается большая стая волков, - сказал он, - и по направлению звука я заключаю, что они охотятся по следам наших шагов. Это линия, по которой мы спустились с того выступа, и мне кажется, что они поднимаются по противоположному склону.

“Да, и, судя по звукам, их должно быть очень много, - согласился Халкон. - разведите костер и как можно быстрее соберите побольше дров; эти звери в больших стаях - грозные враги”.

Трое мужчин принялись за работу, энергично рубя хворост и обрубая небольшие сучья своими мечами.

- Разделите костер на четыре части, - сказал Халкон, - и сложите топливо в центре; они вряд ли осмелятся пройти между кострами.

Теперь стая спускалась по склону, поддерживая хор завываний и коротких тьявканий, от которых по телу Малха пробежала дрожь беспокойства. Когда волки приблизились к этому месту, вой внезапно прекратился.

- Они видят нас, - сказал Халкон. - внимательно следи за ними, но не пропускай ни одного выстрела, до рассвета нам понадобятся все наши стрелы.

Стоя совершенно тихо, друзья слышали топот волчьих лап по опавшим листьям; но луна уже зашла, и они не могли разглядеть их фигуры.

- Мне кажется, - шепотом сказал Малх, - что я вижу отблески огня на кустах.

“Это отражение огня в их глазах”, - ответил Халкон. “Смотри! они повсюду вокруг нас! Их, должно быть, десятки.

Некоторое время волки не подходили ближе; затем, ободренные молчанием маленькой группы, стоявшей в центре костра, в круге света показались две или три серые фигуры. Звякнули три лука. Два волка упали, а третий, взыв от боли, скрылся в темноте. Послышалось рычание; крик боли, яростная борьба, а затем продолжительное рычание.

“Что они делают? Малх содрогнулся.

“Я думаю, они поедают своего раненого товарища”, - ответил Халкон. “Я слышал, что таков обычай диких зверей. Видишь, трупы двух других уже исчезли.

Как ни коротко было время, прошедшее с тех пор, как они упали, другие волки прокрались наружу и утащили тела тех двоих, которые были убиты. Этот случай, показавший, насколько сильным был голод волков и насколько бесшумными были их передвижения, удвоил бдительность отряда.

Малх подбросил по пригоршне хвороста в каждый из костров.

“Мы должны быть осторожны с топливом”, - сказал Халкон. “Я бы хотел, чтобы мы подумали об этом до того, как ляжем спать. Если бы мы собрали достаточно топлива для наших костров, мы были бы в безопасности; но я сильно сомневаюсь, что наших запасов хватит до утра.

По прошествии нескольких часов поведение волков становилось все более и более угрожающим, и сильными телами они приблизились вплотную к кострам. Каждый раз, когда они делали это, на них подбрасывали полные охапки топлива, и когда пламя ярко взметалось вверх, они каждый раз отступали, потеряв несколько человек из своего числа от стрел маленького отряда. Но куча топлива теперь быстро таяла, и за исключением тех случаев, когда приближались волки, нужно было дать кострам догореть.

“Должно быть, до рассвета осталось еще часа четыре, ” сказал Халкон, подбрасывая последний кусок дерева. “Оглянитесь вокруг, когда разгорается костер, и посмотрите, сможете ли вы разглядеть какое-нибудь дерево, на которое можно взобраться. Я бы хотел, чтобы мы сначала привязались к ним, вместо того чтобы доверять нашему огню”.

К сожалению, они выбрали для своего лагеря несколько открытое место, потому что между деревьями густо рос кустарник.

“Вон там есть дерево, ” сказал Малх, указывая на него, “с веткой всего в шести футах от земли. Один прыжок к этому, и мы в безопасности”.

“Очень хорошо, - согласился Халкон. - Мы попробуем это немедленно, пока огонь не догорел. Вложите свои мечи в ножны, повесьте луки и стрелы за спину и возьмите каждый по горячей головешке. В таком случае это будет лучшим оружием, чем мечи или копья. Теперь вы готовы? Сейчас же!”

Размахивая горящими головнями, трое карфагенян бросились через разделявшее их пространство к дереву.

Казалось, волки почувствовали, что их добыча пытается ускользнуть от них; с яростным воем они выскочили из кустов и бросились им навстречу; и, не обращая внимания на горящие головни, набросились на них.

Малх едва ли знал, что произошло в этой короткой, ожесточенной схватке. Один волк прыгнул на его щит и чуть не свалил его наземь; но острый наконечник пронзил его тело, и он отшвырнул его от себя в тот же момент, когда ткнул клеймом прямо в лицо другому. Третий прыгнул ему на плечо, и он почувствовал его горячее дыхание на своем лице. Отбросив клеймо, он глубоко вонзил кинжал ему в бок. Затем он швырнул свой тяжелый щит в толпу волков перед собой, прыгнул в их гущу и, ухватившись за сук, вскарабкался на дерево и сидел там, поджав ноги, в то время как два десятка волков прыгнули к нему с открытыми пастьми.

Он вскрикнул от ужаса. Двое его друзей упали, и только беспорядочная масса борющихся тел указывала, куда они упали. На мгновение он заколебался, раздумывая, стоит ли ему спрыгнуть вниз и попытаться спасти их; но, взглянув вниз, понял, что его утянет вниз задолго до того, как он доберется до места, где они упали.

Передвигаясь по руке, пока не добрался до ствола, он поднялся на ноги и мстительно посылал свои стрелы в самую гущу борющейся массы волков, пока у него не осталось всего три или четыре стрелы. Их он приберег как последний ресурс.

Теперь делать было нечего, и он сел на ветку и разрыдался над судьбой своих товарищей. Когда он снова поднял глаза, все было тихо. Свирепая стая сожрала не только его товарищей, но и их собственных павших товарищей и теперь сидела кружком, высунув красные языки и не сводя с него глаз. По мере того как огонь постепенно угасал, их очертания исчезали; но он слышал их учащенное дыхание и знал, что они все еще начеку.

Малх взобрался на дерево, пока не достиг развилки, где мог спокойно посидеть, и там дождался утра, когда, как он надеялся, его враги исчезнут. Но когда забрезжил серый рассвет, он увидел, что они все еще на страже; и когда рассвет превратился в день, они не подавали никаких признаков движения.

Когда он увидел, что они не собираются покидать это место, Малх начал серьезно обдумывать, что ему лучше всего сделать. Насколько ему было известно, он все еще мог находиться за много миль от лагеря, и его друзья там не имели возможности узнать, в какое положение он попал. Они, без сомнения, отправили бы всех солдат на поиски отряда; но в этой непроходимой глуши лесов и гор было малейшим шансом, что они найдут место, где он был пленником. И все же ему казалось, что это была единственная возможность для его спасения. Деревья росли густо, и он мог бы легко перелезть с того, на котором стоял, на следующее и таким образом пройти некоторое расстояние; но поскольку волки наблюдали за ним и могли видеть так же хорошо ночью, как и днем, менять позицию было бесполезно.

День тянулся медленно. Волки по большей части покинули укрытие под деревом, но некоторые упорно оставались там, и Малх знал, что остальные просто залегли под кустами вокруг; он слышал их частое рычание, а иногда высовывалась серая голова, и пара жадных глаз жадно смотрела в его сторону. Время от времени Малх, затаив дыхание, прислушивался в надежде услышать отдаленные крики своих товарищей; но в лесу все было тихо, и он был уверен, что волки услышат чье-либо приближение раньше, чем он сам.

Раз или два, действительно, ему показалось, что из-за их настороженных ушей и напряженного внимания они могли слышать звуки, неслышимые для него; но тревога, если таковая и была, вскоре прошла, и, возможно, они прислушивались только к отдаленным шагам какого-нибудь оленя, проходящего через лес. Снова наступила ночь с ее долгими, унылыми часами. Малх

привязал себя ремнем к дереву, чтобы не упасть, и сумел проспать несколько часов беспокойным сном, каждый раз вздрагивая и просыпаясь в холодном поту от страха, полагая, что падает в голодную пасть внизу. Утром им овладело яростное желание убить кого-нибудь из своих врагов, и он спустился на самую нижнюю ветку.

Волки, видя свою добычу так близко, густо сгрудились под ней и норовили прыгнуть на нее. Улегшись на сук и крепко поджав под себя ноги, чтобы получить опору, Малх вонзил свой меч почти по рукоять между челюстями, которые яростно щелкнули, когда волк прыгнул в нескольких дюймах от сука. Несколько человек были убиты таким образом, а остальные, проявив осторожность, отошли на небольшое расстояние. Внезапно Малха осенила идея. Он снял свой пояс и сделал из него петлю для бега, а затем подождал, пока волки наберутся храбрости, чтобы снова напасть. Ждать пришлось недолго. Разъяренные голодом, который добыча, которую они уже проглотили, только разожгла, волки снова приблизились и начали прыгать на сук.

Малх набросил петлю на шею одного из них, с усилием подтянул ее к суку и прикончил своим кинжалом. Затем он прошел вдоль сука и подвесил его на ветке примерно в десяти футах от земли, вспоров кинжалом грудь и живот. Сделав это, он вернулся на свое место. Шестеро волков были один за другим схвачены таким образом, и, как и ожидал Малх, запах их крови сделал стаю еще более свирепой, чем когда-либо. Они собрались у подножия дерева и продолжали прыгать по стволу, предпринимая тщетные попытки добраться до съестных припасов, которые соблазнительно висели на таком коротком расстоянии вне пределов их досягаемости.

Итак, день прошел, как и прежде, без признаков спасения. Когда стемнело, Малх снова спустился к нижнему стволу и выпустил три оставшиеся стрелы в волков внизу. Громкие завывания сопровождали каждый разряд, за ними следовала отчаянная борьба внизу. Затем он сбросил с их места шестерых мертвых волков на землю внизу, а затем как можно бесшумнее перебрался по ветке на соседнее дерево, и так на другое, пока не отошел на некоторое расстояние от того места, где волки дрались и рычали над останками своих товарищей, слишком поглощенные своей работой, чтобы думать о нем.

Затем он бесшумно спрыгнул на землю и побежал изо всех сил. Он был уверен, что пройдет некоторое время, прежде чем волки закончат свой пир; и даже если они обнаружат, что он исчез с дерева, вероятно, пройдет некоторое время, прежде чем они смогут напасть на его след, особенно потому, что после того, как они только что насытились кровью, их обоняние на какое-то время притупится. Его предвидения были точны. Несколько раз он останавливался и прислушивался в страхе, как бы не услышать отдаленный вой, который сказал бы ему, что стая снова напала на его след. Все было тихо, если не считать обычных криков и шума в лесу. Через два часа он увидел вдали отблеск света и вскоре был в лагере своих друзей.

“Почему, Малх!” воскликнули его товарищи, когда он вошел в палатку, “где ты был эти два дня? Почему, ты весь забрызган кровью. Где Халкон и Халкус?”

— Мертв, - сказал Малх. - растерзан волками.

Крик ужаса вырвался у троих молодых гвардейцев.

“ Это слишком верно, ” продолжал Малх, “ но дай мне еды и вина. Последние два дня я не ел и не пил, и мне пришлось пережить ужасное время. Даже сейчас мне кажется, что я вижу вокруг себя бесчисленные жестокие глаза и голодные открытые рты с красными языками”.

Видя, что Малх совершенно измучен, его спутники поспешили поставить перед ним еду и питье, прежде чем задавать какие-либо дальнейшие вопросы.

Малх выпил чашу вина и откусил кусок хлеба, но сейчас он был слишком слаб и измучен, чтобы есть дальше. Он хорошо переносил ужасное напряжение последних сорока восьми часов и, пока бежал по лесу, не заметил, как это отразилось на нем; но теперь, когда он был в безопасности среди своих друзей, он чувствовал себя слабым, как ребенок. Некоторое время он лежал на львиной шкуре, на которую бросился, войдя в палатку, не в силах отвечать на вопросы своих товарищей. Затем, когда настойка начала действовать, он встрепнулся и заставил себя съесть еще. После этого он рассказал своим друзьям, что произошло.

- Тебе действительно удалось спастись, Малх; но почему ты сразу не укрылся на деревьях?

“ Я об этом не подумал, ” сказал Малх, “ и, полагаю, остальные тоже. Халкон был нашим лидером, и мы сделали так, как он сказал нам. Он думал, что костры удержат их на расстоянии. Кто бы мог подумать, что звери осмелятся напасть на нас!”

“Я всегда слышал, что они были ужасны”, - сказал один из других, - “но я бы подумал, что трое вооруженных людей справились бы с любым из них”.

“ Это было все, что могли бы сделать тридцать, чтобы противостоять им, ” ответил Малх. “ Казалось, они не заботились о своих жизнях, а стремились только убивать. Их были сотни и сотни. Я бы предпочел в одиночку идти на штурм окруженного стенами города, чем встретиться лицом к лицу с этими ужасными тварями”.

Утром вся группа отправилась к месту столкновения.

Малху было нелегко найти его, но, наконец, после долгих поисков он наткнулся на него.

Земля под деревом была повсюду истоптана и разорвана волками в их борьбе и была испещрена пятнами засохшей крови. Шлемы, щиты и оружие Халкона и Чалкуса лежали там, но от их костей не осталось и следа, и только несколько фрагментов кожи и несколько тщательно обглоданных черепов свидетельствовали о волках, павших в этой схватке. Оружие было собрано, и отряд вернулся в свой лагерь, а на следующий день отправился в Карфагену, ибо после того случая никто не стремился к дальнейшей охоте.

Прошло несколько недель, прежде чем Малх полностью оправился от последствий перенесенного напряжения. Его ночи были тревожными. Он постоянно вскакивал со своего дивана, думая, что слышит вой волков, и любой внезапный шум заставлял его вздрагивать и бледнеть. Видя, как потрясены были его молодые сородичи и через что ему пришлось пройти, Ганнибал несколько раз посылал его на кораблях в Африку за припасами. Он не рискнул отправить его в Карфаген; ибо, хотя его влияния на уполномоченных было достаточно, чтобы отменить приказ совета об отправке туда Малха в качестве пленника, было вероятно, что, если бы он вернулся, его схватили бы и предали смерти — не за предполагаемое преступление, которое он совершил, а для удовлетворения ненависти Ганнона к себе и своим сторонникам.

Морские путешествия вскоре вернули Малху его обычное здоровье. Несмотря на то, что его тело было натренировано постоянными упражнениями, его нервы нелегко было расшатать, и вскоре они пришли в тонус, и когда в начале марта он вернулся в свой полк, он смог с энтузиазмом и энергией приступить к приготовлениям, которые Ганнибал проводил к осаде Сагунта. Какой бы сложной ни была эта операция, проводимые приготовления казались огромными. Каждую неделю корабли доставляли подкрепления войскам, и иберийские контингенты были в значительной степени увеличены.

Однажды Малх вошел в комнату, где его отец и Ганнибал о чем-то серьезно беседовали, разложив перед собой большую карту. Он бы немедленно удалился, но Ганнибал позвал его.

“Входи, Малх, у меня не было бы от тебя секретов. Хотя ты молод, я знаю, что ты предан Карфагену, что ты храбр и решителен. Я вижу в тебе то, кем я был сам в твоём возрасте, но девять лет назад, и, возможно, когда-нибудь тебе будет суждено продолжить работу, которую я начинаю. Ты тоже рано приступил к работе, твоё обучение было суровым. Как сын твоего отца и мой двоюродный брат, твоё продвижение по службе, естественно, будет быстрым. Поэтому я расскажу тебе о своих планах. Ясно, что Рим и Карфаген не могут существовать одновременно — один или другой должен быть разрушен. Бесполезно наносить удары по конечностям, удар должен быть нанесен в сердце. К сожалению, наш флот больше не превосходит римский, а победы на море, какими бы важными они ни были, лишь временно наносят урон врагу.

“Удар должен быть нанесен по суше. Будь море нашим, я бы сказал, что мы высадили войска в южной Италии и продолжали бы перебрасывать подкрепления до тех пор, пока все воины Северной Африки не оказались бы у ворот Рима. Но без абсолютного господства на море это невозможно сделать. Поэтому я намерен сделать Испанию нашей базой и двинуться через Южную Галлию через Альпы в Италию, чтобы там сразиться с римлянами на их собственной земле. У меня уже есть агенты, работающие среди галлов и северных племен Италии, которые, я надеюсь, присоединятся ко мне в войне против нашего общего врага. Предприятие великое, но в нем нет ничего невозможного; если оно увенчается успехом, Рим будет разрушен, и Карфаген будет править без соперницы, владычицей мира. План принадлежал Гасдрубалу, но осуществить его выпало мне”.

— Это действительно грандиозный план, - с энтузиазмом воскликнул Малх, - великолепный план, но трудности кажутся огромными.

“Трудности созданы для того, чтобы их преодолевали храбрые люди”, - сказал Ганнибал. “Альпы - величайшее препятствие, но мои агенты говорят мне, что трудности не являются непреодолимыми даже для слонов. Но прежде чем мы начнем, нам нужно покорить Испанию. Сагунт находится под защитой Рима и должен быть сокрушен, а вся страна к северу от Эбро завоевана и усмирена. После этого переброска подкреплений моей армии в Италию будет легкой. Галлы будут благосклонны к нам, горные племена будут разгромлены или подкуплены, так что путь для продвижения подкреплений или для нашего отступления, если на нас будут слишком сильно давить, всегда будет открыт. Но все это только для вас самих.

“О моих планах пока не должно быть известно. Наши враги в Карфагене уже набирают силу. Многие из наших приверженцев были казнены, а поместья других конфискованы; но взятие Сагунта восстановит наше превосходство, и энтузиазм, который оно вызовет среди населения, превзойдет все ожидания. Добычи, которая будет захвачена там, будет достаточно, чтобы

заглушить всякий ропот в Карфагене. А теперь оставь нас, Малх, нам нужно многое обсудить и уладить, и я дал тебе пищу для размышлений на данный момент.

ГЛАВА VIII: РАССТРОЕННЫЙ ЗАГОВОР

Покинув Ганнибала, Малх не присоединился к своим товарищам, а поднялся на холмы за городом и сел там, глядя на море и обдумывая обширный план, который изложили ему слова Ганнибала и о котором его отец однажды упомянул в его присутствии. Гамилькар приучил Малха считать Рим смертельным врагом Карфагена, но до сих пор он не видел истины, которую понял Ганнибал, что это была борьба не только за империю между двумя республиками, но и не на жизнь, а на смерть — что Карфаген и Рим не могли сосуществовать и что одна из них должна быть полностью уничтожена.

Это, действительно, было кредо партии барцинов, и, помимо второстепенных вопросов внутренних реформ, это был главный пункт, по которому они расходились с Ганноном и торговой частью общины, которые были его главными сторонниками. Они выступали за то, чтобы Карфаген отказался от своих колоний и завоеваний и посвятил себя исключительно торговле и накоплению богатства. Полагая, что Рим, которому тогда была бы открыта для завоевания вся Европа и Азия, не пожалеет для Карфагена северного побережья Африки, они забыли, что богатая и беззащитная нация быстро станет жертвой жадности могущественного и воинственного соседа и что завоевателю никогда не нужны предлоги для нападения на беззащитного соседа.

До сих пор Малх думал только о войне с Римом, состоящей из морских сражений и нападений на Сицилию и Сардинию. Сама мысль о вторжении в Италию и нанесении удара по самому Риму никогда даже не приходила ему в голову, поскольку слова его отца были забыты в событиях, которые так быстро последовали за ними. Перспектива, которую открывали эти слова, казалась огромной. Сначала предстояло завоевать Северную Испанию, пересечь Галлию, затем преодолеть ужасные горы, о которых он слышал от путешественников, и, наконец, на равнинах Италии развернулась битва не на жизнь, а на смерть. Борьба действительно будет грандиозной, и Малх почувствовал, как его сердце учащенно забилося при мысли о том, что ему предстоит стать ее действующим лицом. Несомненно, мировая история не знала о более великом предприятии, чем это. Даже первый шаг, который предстояло сделать, всего лишь предварительный к этой грандиозной экспедиции, был самым трудным.

Сагунт был форпостом Рима. В то время как Карфаген наступал с юга, Рим продвигался с востока вдоль берегов Средиземного моря и прочно укрепился в Марселе, порту, который дал ему плацдарм в Галлии и образовал базу, откуда он мог действовать в Испании. Чтобы сдерживать растущую мощь карфагенян там, она вступила в прочный союз с сагунтинцами, чья страна занимала территорию нынешней Валенсии. По условиям последнего договора между двумя

республиками каждой из них запрещалось воевать с племенами в союзе со своими соперниками, а поскольку Сагунт, таким образом, находился под юрисдикцией Рима, нападение на него было бы почти равносильно объявлению войны.

Положение города было очень прочным. Он стоял на почти изолированной скале у подножия отрога гор, которые образовывали амфитеатр позади него. Вокруг него простиралась богатая и плодородная страна, море находилось менее чем в миле от его стен, и таким образом римляне могли быстро послать помощь своим союзникам. Скала, на которой стоял город, была почти неприступной, отвесно обрываясь от подножия стен, и ее можно было осаждать только с западной стороны, где скалы постепенно спускались к равнине. Здесь стены были чрезвычайно прочными и высокими и были укреплены огромной башней, которая возвышалась над всем склоном. Было бы трудно проложить подходы, так как скала была лишена почвы и не давала никакого укрытия.

До сих пор карфагенские военачальники неукоснительно соблюдали территорию Сагунтинцев, но теперь, когда остальная Испания была покорена, было необходимо захватить этот передовой пост Рима — эту открытую дверь, через которую Рим, ныне владычица морей, мог в любой момент влить свои легионы в сердце Испании.

Сагунтинцы не были в неведении об опасности, которая им угрожала. Они снова и снова срочно отправляли послания в Рим с требованием разместить там легион для их защиты. Но Рим колебался, стоит ли отправлять легион войск в столь отдаленное место, где в случае отступления с моря они были бы изолированы и отрезаны.

Ганнибалу не пришлось долго искать предлог для нападения на Сагунт. Годом ранее, когда он был занят кампанией против карпат, сагунтинцы, воспользовавшись критическим положением, начали войну против города Торбола, союзника Карфагена. Торбола обратился за помощью к Ганнибалу и теперь готовился выступить против Сагунта со всеми своими силами, не дожидаясь прихода весны. Он готовился молча. Сагунтинцы, хотя и были встревожены, понятия не имели о какой-либо неминуемой опасности, и карфагенская армия, собранная в Карфагене и ее окрестностях, находилась в полном неведении о том, что их вот-вот призовут выступить в бой.

“Что скажешь ты, Малх?” Спросил Ганнибал в тот вечер. “Пришло время отдать тебе приказ. Как моему ближайшему родственнику, вам подобает быть у власти. Теперь вы отслужили кампанию и имеете право на любое командование, которое я могу вам дать. Вы показали себя проворным в опасности и достойным командовать людьми. Кого бы вы предпочли, чтобы я поставил под ваше командование — отряд этих гигантов-галлов, стойких иберийцев, хорошо дисциплинированных ливийцев или активных соплеменников пустыни? Выбери, какие пожелаешь, и они будут твоими”.

Малх на некоторое время задумался.

“В день битвы,” сказал он наконец, “я предпочел бы возглавить галлов, но в таком походе, о котором ты мне говорил, я предпочел бы отряд нумидийских пехотинцев, которые были бы разведчиками и нащупывали путь для армии. Возможно, не удалось бы добиться такой большой славы, но была бы постоянная работа и волнение, и это было бы намного лучше, чем маршировать в длинной армейской колонне”.

“Я думаю, что твой выбор правильный”, - ответил Ганнибал. “Такой корпус будет необходим для того, чтобы нащупывать путь по мере нашего продвижения, изучать дороги и указывать, по каким лучше двигаться колонне, а также для защиты от засад и неожиданностей. Завтра я проинспектирую нумидийских пехотинцев и обучу их упражнениям. У нас будут пешие забеги и испытания мастерства владения луком, и я прикажу их офицерам отобрать мне двести самых активных и энергичных среди них; они будут у тебя под командованием. Ты можешь выбрать среди своих товарищей по гвардии того, кого ты хотел бы видеть своим лейтенантом.

“Я возьму Требон, ” сказал Малх. “ мы сражались бок о бок в последней кампании. Он проворен и активен, всегда весел, несмотря на усталость, и храбр, как лев. Я не мог бы пожелать лучшего товарища”.

“Да будет так, ” ответил Ганнибал, “ отныне ты капитан передовой роты армии. Помни, Малх, что ответственность велика, и что отныне не должно быть больше никаких мальчишеских выходов. Ваша рота будет в центре внимания армии, и от вашей бдительности в немалой степени будет зависеть ее безопасность, когда мы отправимся в нашу экспедицию. Помни также, что своим поведением ты должен оправдать мой выбор моего юного родственника на столь важный пост.

На следующий день нумидийцы завершили свои учения, и к ночи из их рядов были отобраны двести отборных воинов, которых Ганнибал передал под командование Малха. Требон был очень доволен, когда узнал, что его назначили лейтенантом роты. Хотя он происходил из знатной семьи, его связи были гораздо менее влиятельными, чем у большинства его товарищей, и он считал себя исключительно удачливым, получив разрешение поступить в отборный корпус карфагенской кавалерии, и не ожидал, что в ближайшие годы его произведут в офицеры, поскольку продвижение по службе в карфагенской армии почти полностью зависело от влияния семьи.

“Я действительно обязан тебе, Малх”, - сказал он, присоединяясь к своему другу после того, как Ганнибал объявил ему о своем назначении. “Генерал сказал мне, что назначил меня по вашей просьбе. Я даже не надеялся, что меня постигнет такая удача. Конечно, я знал, что вы быстро получите командование, но мои люди не имеют никакого влияния. Генерал говорит, что ваша рота будет действовать в качестве разведчиков армии, так что у нас будет масса возможностей отличиться. К сожалению, я не вижу особых шансов на участие в боевых действиях в настоящее время. Прошлой осенью иберийские племена получили такой урок, что вряд ли они еще долго будут доставлять нам неприятности ”.

- Не расстраивайся на этот счет, Требон, - сказал Малх. - Я могу сказать тебе, но не будем заходить дальше, что вскоре здесь будет столько сражений, что они удовлетворят даже самых драчливых.

Однажды вечером Малх рано ушел из клуба. Как ни был он полон мыслей о грандиозной борьбе, которая вскоре должна была начаться между великими противниками, он устал от беспечных разговоров своих веселых товарищей. Азартные игры, для которых была отведена комната в клубе, не доставляли ему никакого удовольствия; он также не проявлял никакого интереса к заключавшимся пари относительно достоинств лошадей, которые должны были участвовать в скачках на следующий день. Выйдя из клуба, он направился к вершине холма, на котором стояла Карфагена, и там, сидя в одиночестве на одной из самых высоких точек, смотрел на

море, сверкающее в лунном свете, на множество судов в гавани и лагуны, простиравшиеся вглубь материка по обе стороны от города.

Он попытался представить себе курс, которым должна была следовать армия, ужасное путешествие по заснеженным перевалам той огромной горной цепи, о которой он слышал, спуск на равнины Италии и первое зрелище Рима. Он представил себе битвы, которые предстоят по дороге, и прежде всего смертельный конфликт, который разразится прежде, чем Рим будет взят штурмом, а великий соперник Карфагена будет повержен в прах. Затем он представил себе возвращение триумфальной экспедиции, ликующие толпы, которые провозгласят Ганнибала единственным вершителем судеб Карфагена, и в глубине души возрадовался переменам, которые произойдут — свержению группировки Ганнона, исправлению злоупотреблений, началу эры справедливости, свободы и процветания для всех.

Так он просидел больше трех часов, а затем проснулся оттого, что ночь была холодной, а час поздним. Плотнo закутавшись в плащ, он спустился в город, который теперь по большей части был погружен в сон. Он проходил через квартал туземцев, когда открылась дверь и оттуда вышли несколько человек. Едва ли понимая, зачем он это сделал, Малх отступил в дверной проем, пока они не обогнали его, а затем последовал за ними на некотором расстоянии. В любое другое время он бы не придавал значения подобному происшествию, но в данный момент его нервы были на пределе, и его пауза была продиктована скорее нежеланием столкнуться с чем-либо, что могло нарушить ход его мыслей, чем какими-либо другими мотивами.

В лунном свете он мог разглядеть, что двое из пяти человек впереди него были членами карфагенской конной гвардии, поскольку свет поблескивал на их шлемах; остальные трое, судя по одежде, были туземцами. Двое из последних вскоре отделились от остальных, и, достигнув лучшей части города, оба карфагенянина свернули в боковую улицу, и в ночной тишине Малх услышал прощальные слова, сказанные их соседу: “Завтра вечером на том же месте”. Оставшийся туземец держался прямо по дороге, по которой шел Малх. Он продолжал идти вперед, и Малх, к своему удивлению, увидел, как он подходит к одному из боковых входов во дворец Ганнибала. Должно быть, он постучал очень тихо, или кто-то, должно быть, ждал, чтобы впустить его, потому что дверь бесшумно открылась, и мужчина вошел.

Малх направился к главному входу и, после небольшой отповеди от офицера охраны по поводу позднего часа, в который он вернулся, направился в свои апартаменты.

Он был озадачен тем, что увидел. Было странно, что двое из карфагенской гвардии, мужчины, обязательно принадлежащие к знатым семьям, оказались на каком-то собрании туземцев в верхнем городе. Странно также, что мужчина, вероятно, слуга или раб, принадлежащий дворцу, тоже должен был присутствовать. Чем больше он думал об этом, тем больше недоумевал, что же это такое, и перед сном пришел к решению, что, если возможно, следующей ночью выяснит цель такого собрания.

Поэтому на следующий вечер он рано вернулся из Сиссайта, сменил шлем на тубетейку и, закутавшись в плащ, направился к дому, из которого, как он видел, вышли мужчины. Он стоял на углу улицы. Толстые занавеси закрывали оконные проемы, не позволяя даже лучу света пробиться наружу. Внимательно прислушавшись, Малх услышал внутри низкий гул голосов. Поскольку вокруг все еще были люди, он отошел на полчаса.

Когда он возвращался, улица была пуста. Малх просунул руку в окно, выходящее на боковую улицу, и почувствовал, что занавесь сделана из туго сплетенных тростниковых веток. Кончиком своего кинжала он очень осторожно прорезал в нем щель и, приложив к ней глаз, смог мельком увидеть квартиру внутри. На низких табуретах у огня сидели два карфагенянина, а на тростниках, устлавших пол, расположились четверо туземцев. Малх сразу узнал карфагенян, поскольку они были членами отряда, в котором он служил. Ни один из них не пользовался популярностью среди своих товарищей, поскольку принадлежал к семьям, тесно связанным с Ганноном. Однако они всегда выражали величайшее восхищение Ганнибалом и заявляли, что, со своей стороны, полностью отвергают действия партии, к которой принадлежала их семья.

Беседа велась вполголоса - предосторожность, абсолютно необходимая в те дни, когда не было стеклянных окон, - если только разговор не касался общих тем. Малх внимательно слушал, но хотя ему показалось, что он уловил слова, которые Ганнон и Ганнибал повторили несколько раз, большего он расслышать не смог. По прошествии получаса конференция, по-видимому, подошла к концу, поскольку все поднялись на ноги. Один из карфагенян вложил мешок, который, очевидно, был тяжелым, в руки одного из туземцев, и группа вышла. Малх шагнул в угол и уловил слова: "Тогда завтра вечером, обязательно".

Затем отряд разделился, карфагеняне прошли прямо вперед, туземцы подождали, пока они пройдут некоторое расстояние, прежде чем последовать за ними. Малх еще некоторое время оставался в переулке, прежде чем сделать вылазку и отправиться вслед за ними. После того, как он увидел, что двое туземцев вышли от другого, он ускорил шаги и прошел мимо человека, который в одиночестве направился ко дворцу, пройдя небольшое расстояние, прежде чем он прибыл туда. Делая это, он взглянул ему в лицо и узнал в нем одного из слуг, прислуживавших за столом Ганнибала. Однако Малх не повернул головы, а продолжил свой путь и, как обычно, вошел во дворец.

"Малх, - засмеялся начальник стражи, входя, " конечно, мне придется рассказать Гамилькару о твоих деяниях. Прошлой ночью вы вошли через час после того, как все разошлись отдыхать, сегодня вечером вы вернулись в лучшее время, но, несомненно, вы не были в Сиссайте в той охотничьей шапочке. Это отдает тайной. Не притворяйся передо мной, что ты присматривал за своим отрядом нумидийцев в это время ночи, потому что, поклянись ты в этом Астартой, я бы тебе не поверил.

"Нет; я думаю, что мог бы придумать историю получше, если бы меня попросили, " сказал Малх со смехом. - Но поскольку я вообще не обязан ее выдумывать, я предоставляю тебе сделать это за меня. По правде говоря, я занимался кое-каким частным делом, но что это за дело, держится в глубокой тайне".

"Без сомнения, государственная тайна, " ответил офицер. - Что ж, на этот раз я ничего не скажу, но не позволяй этому повториться, иначе я подумаю, что твое восприимчивое сердце покорила какая-нибудь иберийская девушка.

После того, как Малх добрался до своей комнаты, он некоторое время сидел в глубокой задумчивости. Ему было ясно, что что-то не так. Эта тайная встреча двух карфагенян с туземцами, один из которых служил в доме Ганнибала, не могла означать ничего хорошего. Деньги тоже пропали, и, судя по размеру и кажущемуся весу сумки, немалая сумма. Что бы это

могло значить? Всего за несколько месяцев до этого Гасдрубал пал от кинжала слуги-туземца. Могло ли это быть заговором против жизни Ганнибала?

Оба карфагенянина были связаны с Ганноном и вполне могли быть агентами, нанятыми для того, чтобы избавить его от главного соперника. И все же он не услышал ничего, что могло бы оправдать его выдвижение столь тяжкого обвинения против этих людей. Деньги, которые он видел обмененными, могли быть ценой лошади или раба, и он мог бы только выставить себя на посмеище, если бы рассказал Ганнибалу или своему отцу о том, что произошло. Поэтому он решил, что любое действие, которое он может предпринять, должно быть совершено за его собственный счет. Если слова, которые он подслушал, что-то значили, и если заговор действительно был под рукой, он должен был быть приведен в исполнение следующей ночью. Малх решил предпринять шаги навстречу этому.

На следующий день он посоветовался с Требоном и рассказал ему о таинственных встречах, о которых случайно узнал. Во дворец Ганнибала был свободный доступ; офицеры постоянно входили и выходили, а солдаты прибывали и уходили с сообщениями и приказами. Таким образом, Малх без труда пропустил в свои апартаменты одного за другим десять отборных людей из своей роты. У них был приказ сохранять там полную тишину, и Требон также занял пост вместе с ними, Малх велел ему придумать какой-нибудь предлог, чтобы помешать кому-либо из слуг или рабов войти в квартиру, пока он отсутствует.

В тот вечер был концерт; дворец был переполнен гостями. Время от времени Малх ускользал в свою комнату, где нумидийцы сидели на земле молчаливые и неподвижные, как множество бронзовых статуй. В другое время он держался рядом с Ганнибалом, внимательно наблюдая за движениями каждого туземца, проходившего мимо него, и готовый немедленно броситься вперед, если заметит какие-либо признаки злого умысла. Однако он не очень-то опасался, что, даже если его подозрения были верны и против Ганнибала готовился заговор, будет предпринята любая попытка убить его посреди многолюдного собрания, где у тех, кто совершил такое деяние, не будет возможности избежать. Наконец гости начали расходиться, и через час во дворце все стихло. Отложив сандалии, Малх бесшумно крался по мраморным тротуарам, пока не приблизился к входу, который, как он дважды видел, открывался так поздно. Рядом с ним лежал раб.

Никем не замеченный Малх снова ускользнул в свои покои и приказал нумидийцам следовать за ним. Отряд босоногих арабов бесшумно, как тени, двигался по высоким залам и коридорам. Двоих из них он поставил у входа в комнату, где спал Ганнибал, приказав никому не пропускать до его возвращения, затем вместе с остальными направился ко входу. В коридорах горело всего несколько огней, и только когда они оказались совсем близко, раб заметил приближающиеся фигуры. Он вскочил на ноги, но прежде чем успел вскрикнуть, Малх выступил вперед и сказал:

“ Молчи, если тебе дорога твоя жизнь. Ты знаешь меня; я Малх, сын Гамилькара. А теперь скажи мне правду, или завтра пытки вытянут ее из тебя. Кто поместил тебя сюда и зачем?

“ Карпадон, один из главных слуг, приказал мне остаться здесь, чтобы принять его по возвращении. Я не знал, что в этом есть что-то плохое, - сказал раб.

- Это первый раз, когда вы несете вахту с такой целью?

- Нет, милорд, раз шесть или семь он уходил поздно.

- Вам известна причина его отсутствия?

- Нет, мой господин, рабу не пристало расспрашивать одного из главных приближенных моего господина Ганнибала о том, зачем он уходит или приходит.

Поведение этого человека было настолько естественным, а его удивление по поводу интереса, который человек ранга Малха проявлял к действиям слуги, настолько искренним, что Малх был убежден, что тот ничего не знал ни о каком предприятии, в которое мог быть вовлечен человек, поместивший его туда.

“Очень хорошо,” сказал он, - я поверю тому, что ты мне скажешь. Теперь, пожалуйста, займи свое место у двери и открой ее, как обычно, по его сигналу. Не говори ни слова и не подавай никаких знаков, которые могут дать ему знать о нашем присутствии здесь. Имей в виду, я не спущу с тебя глаз, и ты заплатишь жизнью за любое предательство.

Малх с четырьмя своими людьми теперь заняли пост по одну сторону двери, стоя далеко в тени, чтобы никто из входящих не заметил их присутствия. Требон с оставшимися четырьмя мужчинами занял аналогичную позицию по другую сторону дверного проема.

Прошло два часа. Наконец послышался тихий стук в дверь, за которым последовали два других. Раб сразу же открыл ее. Вошел Карпадон и резким движением обвил одной рукой шею раба, а другой ударил его ножом в сердце. Затем он широко распахнул дверь и тихо сказал:

- Входите, все в безопасности.

Через мгновение в дверь ворвалась темная масса людей. Дело оказалось серьезнее, чем ожидал Малх. Он высматривал вход, возможно, трех или четырех человек, и намеревался подобраться к ним сзади и отрезать им путь; но здесь их было по меньшей мере с десятков, и сколько-то еще могло быть снаружи, он не знал. Поэтому он подал сигнал, крикнув “Карфаген”, и сразу же со своими сторонниками напал на один фланг туземцев, поскольку об этом свидетельствовала их одежда, в то время как Требон атаковал их с другого. Раздались крики удивления и тревоги при неожиданном нападении, и несколько человек были убиты сразу. Остальные, обнажив мечи, начали защищаться, пытаясь в то же время отступить к двери, через которую, однако, все еще напирала масса других. В течение нескольких минут продолжался жестокий бой, и численность и отчаяние последователей Карпадона начали сказываться, и, несмотря на усилия Малха и нумидийцев, они были бы вынуждены отступить и позволить остальным потерять сознание, если бы не подоспела помощь.

Крики и лязг оружия разбудили дворец, и офицер стражи с десятью своими людьми, некоторые из которых несли факелы, со всех ног примчались со своего поста у главного входа. Когда стражник подошел и замер, не зная, что делать и между кем разгорелся конфликт, Малх на мгновение вышел из схватки.

- Схватите и разоружите всех туземцев, - сказал он. - нумидийцы здесь по моему приказу.

Как только солдаты поняли, в какое положение они попали, и туземцы, которым нумидийцы отрезали путь к отступлению, были быстро разоружены; те, кто был ближе к двери, как только увидели приближающиеся факелы, обратились в бегство.

Мгновение спустя прибежали Ганнибал, Гамилькар и многие другие офицеры, находившиеся во дворце.

- Что означает эта драка, Малх?

- Это означает покушение на твою жизнь, Ганнибал, которое мне посчастливилось обнаружить и отразить.

“Кто эти люди?” - Спросил Гамилькар.

“Насколько я знаю, они местные”, - ответил Малх. - Глава отряда - тот человек, который лежит там, истекая кровью; это один из ваших слуг.

Один из солдат поднес факел поближе к лицу мужчины.

“Это Карпадон”, - сказал Ганнибал. “Я считал его честным и преданным”.

- Он оружие в руках других, Ганнибал; ему хорошо заплатили за работу этой ночью.

Ганнибал отдал приказ о строгой охране пленников, а затем вместе с Гамилькаром и Малхом вернулся в свой личный кабинет. Служители зажгли лампы, после чего удалились.

“А теперь, Малх, расскажи нам свою историю,” сказал Ганнибал. - Мне кажется странным, что вы ничего не сказали своему отцу или мне о том, что узнали, и предоставили нам самим принимать такие меры, какие могли бы показаться нам подходящими, вместо того чтобы взять дело в свои руки.

- Если бы у меня была уверенность, я бы, несомненно, так и поступил, но, как вы увидите, когда я расскажу вам все, что узнал, у меня не было ничего, кроме подозрений, причем самых смутных, и насколько я знал, я мог быть совершенно неправ.

Затем Малх во всех подробностях рассказал о том, каким образом у него впервые возникли подозрения и какие шаги он предпринял предыдущей ночью, чтобы выяснить, были ли для них какие-либо основания.

“Видите ли, - заключил он, “ не было никакой уверенности, ничего, что доказывало бы, что деньги были выплачены не за покупку лошади или раба. Только тот факт, что один из участников вечеринки был здесь слугой, придавал серьезность тому, что я обнаружил. Если бы не судьба Гасдрубала, я бы никогда не задумался над этим вопросом; но, зная, что он был убит доверенным слугой, и видя, как двое мужчин, семьи которых, как я знал, принадлежали к фракции Ганнона, вели тайный разговор с одним из твоих приближенных, у меня возникло подозрение, что подобное деяние может быть предпринято снова. Единственными словами, которые у меня были, были: “Тогда непременно завтра вечером”. Для меня этого было недостаточно, чтобы выдвинуть обвинение против двух мужчин из благородной семьи; и если бы я рассказал вам эту историю без подтверждения, которое она сейчас получила, вы, вероятно, отнеслись бы к ней легкомысленно. Поэтому я решил подождать и посмотреть, приняв такие меры предосторожности, чтобы моя скрытность не причинила никакого вреда. Я спрятал в своей комнате десять моих нумидийцев вместе с моим лейтенантом Требоном — достаточная сила, что бы ни случилось.

Если бы, как я подозревал, этот человек намеревался с двумя или тремя другими проникнуть в вашу комнату и убить вас, пока вы спали, мы могли бы сразу же пресечь попытку; если бы он пришел с большими силами, мы могли бы, как доказано, сопротивляться им до прибытия стражи на место. С другой стороны, если бы ночь прошла спокойно и мои подозрения оказались бы совершенно ошибочными, я избежал бы насмешек, которые, несомненно, последовали бы, если бы я встревожил вас без причины.

“ Ты поступил очень мудро и хорошо, сын мой, ” сказал Гамилькар, “ и Карфаген обязан тебе жизнью нашего любимого Ганнибала. Вы действительно рассуждали с великой мудростью и предусмотрительностью. Если бы вы сообщили нам о том, что обнаружили, мы приняли бы меры предосторожности, которые, несомненно, достигли бы цели; но они, вероятно, стали бы известны заговорщикам, и покушение было бы отложено и предпринято в другой раз, и, возможно, с успехом. Что скажешь ты, Ганнибал, разве у меня нет причин гордиться моим юным сыном?

“ Ты действительно сделал это, Гамилькар, и я в большом долгу перед ним. Я забочусь не о своей жизни, хотя сейчас она мне дорога ради моей любимой Имильсы, но если бы я пал сейчас, все планы, которые мы обдумывали вместе, были бы сорваны, и самый прекрасный шанс, который когда-либо был у Карфагена на то, чтобы уладить ссору с ее соперницей, был бы уничтожен. Поистине, это было чудесное спасение, и мне кажется, что сами боги, должно быть, вдохновили Малха поступить так, как он поступил, по такому незначительному поводу, как встреча двух карфагенян из охраны в компании трех или четырех туземцев поздним вечером ”.

“ Как ты думаешь, Ганнибал, что лучше всего сделать с предателями, которые замыслили покушение на твою жизнь? Попробуем ли мы казнить их здесь или отправим в Карфаген, где с ними разберутся?

Ганнибал с минуту не отвечал.

“ Я думаю, Гамилькар, лучше всего будет вообще умолчать об опасности, которой я подвергся. Армия пришла бы в ярость, но в то же время впала бы в уныние, если бы в Карфагене узнали, что двое ее вельмож были казнены за покушение на мою жизнь. Это только вызвало бы новую вспышку вражды и еще более смертоносную вражду, чем раньше, между друзьями Ганнона и нашими. Поэтому я говорю: пусть люди, захваченные сегодня вечером, будут казнены утром без всяких вопросов, и пусть ни они, ни мы ни словом не обмолвимся о том, что они были подкуплены карфагенянами. Теперь все во дворце знают, что группа туземцев ворвалась в дом, и догадаются, что их целью была моя жизнь; нет необходимости, чтобы они знали больше. Что касается этих двух человек, я вызову их завтра к себе в присутствии только вас и дам им понять, что мне известно, что они являются инициаторами этого покушения, и прикажу им сложить свои полномочия в гвардии и немедленно вернуться в Карфаген.

- Мне жаль, что они остались безнаказанными, - сказал Гамилькар, - но, несомненно, твой план самый мудрый.

“ Тогда, ” сказал Ганнибал, вставая, “ мы снова ляжем спать. Малх, сообщи Требону о нашем решении хранить молчание; скажи ему, что я буду иметь его в виду и не забуду о его участии в работе этой ночи. Что же касается тебя, Малх, то отныне ты мне больше, чем двоюродный брат; ты спас мне жизнь, и я никогда этого не забуду. Утром я расскажу Имильсе о миновавшей

опасности, потому что это наверняка дойдет до ее ушей, и она лучше меня будет знать, как вас отблагодарить.

Соответственно, утром приказ Ганнибала был выполнен; двенадцать туземцев, взятых в плен, были обезглавлены без каких-либо обычных пыток, которые были бы применены в подобном случае. В бою было убито не менее четырнадцати человек. Ганнибал послал за двумя карфагенскими дворянами. Они пришли, готовые умереть, ибо уже знали по слухам, что попытка провалилась, и не сомневались, когда до них дошел вызов, что Карпадон объявил их своими сообщниками. Но они пошли навстречу своей неминуемой гибели с мужеством своего класса — возможно, бледные, но в остальном непоколебимые. Когда они вошли, Ганнибал был наедине с Гамилькаром.

“ Это убийство - не совсем редкое преступление в Карфагене, ” тихо сказал он. - Я хорошо знал, но раньше не думал, что знатные карфагенские всадники опустятся до этого. Я знаю, что это ты снабдил золотом людей, покушавшихся на мою жизнь, что ты лично заплатил моему слуге Карпадону, чтобы тот нанял убийц и привел их в мою комнату. Если бы я донес на вас, мои солдаты разорвали бы вас на куски. Само имя ваших семей было бы проклято всеми честными людьми Карфагена на все времена. Я не спрашиваю тебя, дал ли я тебе повод для обиды, ибо знаю, что не сделал этого; ты действовал просто в интересах Ганнона. Получал ли ты от него указания, я не соизволяю спрашивать. Я не причиню тебе вреда. История твоего позора известна только четырем лицам, и никто другой никогда не узнает об этом. Я горжусь честью знати Карфагена и не хотел бы, чтобы отбросы народа произносили имя ваших семей на своих устах как виновных в столь отвратительном акте государственной измены. Вы, конечно, немедленно оставите свои должности в карфагенской коннице. Придумайте любой предлог — болезнь или личные дела. Завтра отплывай в Карфаген и там постарайся ради блага своей страны стереть память об этом ударе, который ты хотел нанести ей”.

С этими словами он взмахом руки отпустил их.

Они ушли, не сказав ни слова, слишком пораженные его милосердием, слишком униженные собственным позором, чтобы даже произнести слова благодарности. Оказавшись довольно далеко от дворца, они посмотрели друг на друга, как люди, пробудившиеся ото сна.

“Что за человек!” - воскликнул один из них. “Неудивительно, что солдаты его обожают! Он подарил нам наши жизни — более того, он спас наши имена от позора. Отныне, Понтус, мы, по крайней мере, никогда больше не сможем выступить против него.

“Это почти невыносимо, - сказал другой. - Я чувствую, что предпочел бы, чтобы он приказал немедленно казнить нас”.

“ Да, ради нас самих, Понтус, но не ради других. Что касается меня, то я уеду в деревню; мне кажется, что я никогда больше не смогу общаться с другими; они могут ничего не знать об этом, но это всегда будет у меня на уме. Как бы они отшатнулись в ужасе, если бы им прошептали о том, что мы сделали! Воистину, если бы не моя семья, я предпочел бы смерть с самыми страшными пытками жизни, какой она будет сейчас”.

Волнение в армии было сильным, когда стало известно, что отряд иберов попытался ворваться во дворец Ганнибала с намерением убить его, и многие солдаты, схватив оружие, поспешили к

городу, и если бы офицер не прискакал с известием к Ганнибалу, они, несомненно, напали бы на местных жителей, и произошла бы всеобщая резня.

Ганнибал немедленно вскочил на коня и выехал навстречу солдатам. Его встретили восторженными возгласами; наконец он поднял руку, чтобы восстановить тишину, а затем обратился к войскам, сказав им, как глубоко он ценит доказательства их привязанности, но что он просит их вернуться в свои лагеря и сложить оружие.

“Мы не должны, ” сказал он, “ смешивать невинных с виноватыми. Те, кто был замешан в покушении, заплатили за это своими жизнями; вы должны клясться в ненависти ко всей расе не потому, что горстка испанцев устроила заговор против меня; если бы вы наказали невинных за виновных, вы вызвали бы ярость иберийцев по всему полуострову, и всю нашу работу пришлось бы делать заново. Вы знаете, что превыше всего я желаю дружбы и доброй воли местных жителей. Ничто не могло бы огорчить меня больше, чем то, что, как только мы достигнем этого, наши усилия должны быть омрачены ссорой между вами и здешними людьми. Поэтому я прошу вас, в качестве личного одолжения мне, воздержаться от всяких беспорядков и спокойно вернуться в свой лагерь. Нападение на мой дворец предприняли всего тридцать или сорок отбросов общества, и попытка была сорвана мудростью и мужеством моего юного кузена Малха, которого вы должны отныне считать спасителем моей жизни”.

Солдаты немедленно выполнили просьбу своего генерала и после очередного взрыва радостных криков спокойно вернулись в свой лагерь.

Результатом этого дела стало то, что Малх стал одной из самых популярных личностей в армии, и юноша был весьма смущен восторженным приемом, который оказали ему солдаты, когда он проходил среди них. Это также устранило любое чувство зависти, которое могло существовать среди его бывших товарищей по карфагенской кавалерии, ибо, хотя в Карфагене считалось само собой разумеющимся, что генералы должны назначать своих ближайших родственников на высшие командные посты, человеческая природа тогда была такой же, как и сейчас, и люди, не пользующиеся высоким покровительством, не могли не поворчать при продвижении по службе тех, кто более удачлив, чем они сами. Однако с тех пор ни один голос не был поднят против повышения Малха, и если бы его сразу назначили важным командующим, никто бы не счел такую милость незаслуженной юношей, спасшим жизнь Ганнибалу.

ГЛАВА IX: ОСАДА САГУНТА

Несколько дней спустя карфагенская армия была поражена приказом о том, что вся она должна быть готова выступить на следующий день. Наибольшее волнение возникло, когда новость распространилась по всему миру. Никто не знал, против кого будут направлены военные

действия. Никто ничего не слышал о прибытии гонцов, извещавших о новом восстании среди недавно покоренных племен, и строились всевозможные предположения относительно врага, против которого собирались выступить эти огромные силы, самые большие из когда-либо собранных Карфагеном.

Армия, собранная теперь вокруг Картагены, действительно, насчитывала сто пятьдесят тысяч человек, и в течение некоторого времени многие удивлялись постоянному прибытию подкреплений из дома и большому количеству войск, которые за зиму были набраны и дисциплинированы из числа дружественных племен.

Одновременно с изданием приказа длинные вереницы повозок, груженных военными припасами, начали выдвигаться из арсеналов, и весь день процессия повозок двигалась по мосту через канал на перешейке на материк. Палатки были разобраны на рассвете, багаж погружен в повозки, отправленные сопровождать различные группы солдат, и войска построились в боевом порядке.

Когда Ганнибал въехал на землю, окруженный своими главными военачальниками, из армии раздались приветственные крики; и он приступил к тщательному осмотру всего войска. Затем офицеры встали во главе своих отрядов, трубы подали сигнал, и армия выступила в поход, о направлении и расстоянии которого мало кто из присутствующих имел представление и из которого немногим, действительно, суждено было вернуться.

Больше не было никаких оснований для сохранения в тайне цели экспедиции. Генералы передали это своим непосредственным штабам, те проинформировали других офицеров, и весть о том, что они идут на Сагунт, быстро распространилась по армии. Важность этой новости почувствовали все. Сагунт был ближайшим союзником Рима, и нападение на этот город могло означать лишь то, что Карфаген вступает в новую борьбу со своим великим соперником.

Сагунт лежал примерно в 140 милях к северу от Картахены, и армии предстояло пересечь горный хребет, ныне известный как Сьерра-Морена, который пересекает полуостров от мыса Сент-Винсент на западе до мыса Сен-Мартин на востоке. Марш такой большой армии, которому препятствовал огромный состав повозок с припасами и машинами, необходимыми для осады, был чрезвычайно утомительным. Но все работали с величайшим энтузиазмом и усердием; с огромным трудом прокладывались дороги через леса, овраги и горные ручьи.

Сам Ганнибал всегда присутствовал, подбадривая людей своими похвалами и разделяя все их трудности.

Наконец горы были пройдены, и армия хлынула на плодородные равнины Валенсии, города которой, однако, тогда еще не существовало. Пройдя над местом, где он находится сейчас, они продолжили свой марш на север, пока не показался Сагунт, стоящий на скалистом возвышении.

Во время марша Малх и его компания шли впереди, ведомые туземцами, которые указывали самые легкие пути. Поскольку врагов, от которых нужно было защищаться, не было, они в полной мере участвовали в армейских трудах.

Сагунтинцы уже знали о приближении экспедиции. Не успел он перевалить через гребень гор, как местные гонцы принесли весть о его приближении, и жители потратили все оставшееся

время на то, чтобы сделать большие запасы провизии и всячески подготовиться к обороне. Гарнизон был невелик по сравнению с силами, выступавшими против него, но его было достаточно для защиты стен, поскольку его положение делало город практически неприступным для машин, использовавшихся в то время, и был чрезвычайно грозен даже против современной артиллерии, ибо 2000 лет спустя Сагунт с гарнизоном в 3000 человек долгое время сопротивлялся всем усилиям французской армии под командованием генерала Сюше. Как только его войско приблизилось к городу, Ганнибал выехал вперед и, в соответствии с обычаем того времени, сам призвал гарнизон к капитуляции. Получив их отказ, он торжественно объявил войну, метнув свое копье в стены. Войска немедленно перешли в наступление и обрушили на город потоки стрел, массы камней из своих машин, дротиков и метательных снарядов всех видов, защитники отвечали со стен с такой же энергией. В конце первого дня боев Ганнибал понял, что его надежды овладеть городом штурмом были тщетны — ибо стены были слишком высоки, чтобы их можно было взобраться, слишком толсты, чтобы их можно было поколебать какой-либо нерегулярной атакой, - и что необходимо предпринять длительную осаду.

Это было для него большим разочарованием, поскольку привело бы к длительной задержке, из-за которой вряд ли было бы возможно начать поход, о котором он размышлял тем летом. Что же касается наступления, имея Сагунт в тылу, то об этом не следовало и думать, поскольку римляне могли бы высадить там свои армии и отрезать его от всякого сообщения с Карфагеном и Карфагенянкой. Таким образом, ничего не оставалось делать, кроме как предпринять осаду в обычном порядке.

Армия расположилась лагерем по кругу вокруг города. Были оставлены значительные силы, чтобы помешать гарнизону совершить вылазку, и затем все войска были отправлены отрядами на холмы, чтобы повалить древесину, которая потребовалась бы для башен и стен, поскольку голость скалы делала невозможным строительство подходов, как обычно, с помощью земли. Прежде всего, по всей окружности скалы была возведена стена, усиленная многочисленными небольшими башнями; затем начались подходы с западной стороны, где была возможна атака.

Это было сделано с помощью рядов деревянных башен, соединенных одна с другой стенами из того же материала; передвижные башни были построены так, чтобы их можно было выдвигать вперед против большой башни, которая составляла главную защиту стены, и с каждой стороны линия атаки продвигалась вперед с помощью переносных экранов, покрытых толстой шкурой. Тем временем сагунтинцы не бездействовали. На рабочие группы обрушивался град снарядов всех видов, огромные камни из станков, установленных на стенах, пробивали деревянные конструкции, и предпринимались частые и отчаянные вылазки, в которых карфагеняне почти всегда терпели поражение. Местность, из-за высоких башен и стен не просматривавшаяся и простреливаемая снарядами защитников, не позволяла каким-либо значительным силам оставаться поблизости, чтобы оказать помощь рабочим, а внезапные атаки сагунтинцев несколько раз оттесняли их далеко вниз по склону и позволяли осажденным топорами и огнем разрушить большую часть работ, которые велись с таким трудом.

В одной из таких вылазок Ганнибал, который постоянно находился на передовой, наблюдая за ходом работ, был тяжело ранен дротиком в бедро. Пока он не выздоровел, осада затягивалась и была преобразована в блокаду, поскольку только его присутствие и влияние побуждали людей продолжать свою работу в условиях таких чрезвычайных трудностей, повлекших за собой

гибель значительной части задействованных. После выздоровления Ганнибала работы продолжились с новой энергией, и экраны и башни были возведены почти у подножия стен. Теперь были подняты тараны, и они, прикрытые массивными экранами, которые защищали тех, кто ими пользовался, от стрел и камней, сбрасываемых врагом, и высокими башнями, с вершин которых карфагенские лучники обстреливали сагунтинцев на стене, начали свою работу.

Возведение стен в те времена было грубым и примитивным, и они мало напоминали по прочности подобные сооружения последующих эпох. Камни были очень грубой формы, строительный раствор не использовался, и, следовательно, перемещение одного камня требовало перемещения нескольких других. В таком случае вскоре тяжелые тараны карфагенян произвели эффект на стены, и в них была быстро проделана большая брешь. Три башни и соединявшие их стены рухнули с могучим грохотом, и осаждающие, полагая, что крепость завоевана, перешли к штурму. Но сагунтинцы встретили их в проломе, и в течение нескольких часов там бушевало отчаянное сражение.

Сагунтинцы швыряли в нападавших стволы деревьев, оцетинившиеся наконечниками копий и железными шипами, пылающие дротики и фаларики — огромные деревянные бруски с торчащими шипами, густо обмазанные смолой и серой, которые поджигали все, к чему прикасались. Другие виды фалариков имели форму веретен, древко которых было обмотано льном, смоченным в смоле. Ганнибал сражался во главе своих войск с отчаянной храбростью и едва не был раздавлен огромным камнем, упавшим к его ногам; но, несмотря на его усилия и усилия его войск, они не смогли преодолеть брешь и с наступлением темноты отступили в свой лагерь, понеся очень тяжелые потери.

Довольно странно, что французские колонны были отброшены при попытке пробить брешь почти в том же месте, испанцы швыряли в них камни, ручные гранаты из стеклянных бутылок и гильз и защищали брешь своими длинными пиками, несмотря на все усилия войск Суше.

Прошло несколько дней, прежде чем атака возобновилась, так как войска были измотаны своими трудами. Сильная охрана тем временем удерживала передовые укрепления от любых вылазок сагунтинцев.

Они, со своей стороны, работали день и ночь, и к тому времени, когда карфагеняне снова двинулись вперед, стена была восстановлена, а пролом заделан. Но Ганнибал тоже был занят. Видя, что его войскам невозможно пробить брешь, пока сагунтинцы занимают все господствующие над ней пункты, он приказал построить огромную башню, достаточно высокую, чтобы обозревать все точки обороны, и вооружил каждый из ее этапов катапультами и баллистами. Он также построил рядом со стенами большую деревянную террасу выше самих стен, и с нее, а также с башни он обрушил на город такие потоки снарядов, что защитники больше не могли оставаться на стенах. Пятьсот арабских рудокопов двинулись вперед, и они, принявшись за работу своими орудиями, вскоре расшатали нижние камни стены, и она снова рухнула с могучим грохотом, открыв брешь.

Карфагеняне немедленно ворвались внутрь и овладели стеной; но пока осаждающие возводили свой замок и террасу, сагунтинцы возвели внутреннюю стену, и Ганнибал увидел, что столкнулся с новой линией обороны.

Когда велись приготовления к атаке новых укреплений, прибыли гонцы, сообщившие, что карпатцы и оротанцы, разъяренные большими наборами людей, которых от них потребовали

для армии, подняли восстание. Оставив Махарбала вести осаду в его отсутствие, Ганнибал поспешил уйти с частью своих войск и вернулся через два месяца, подавив восстание и сурово наказав соплеменников.

Пока продолжалась осада, римляне прилагали тщетные усилия, чтобы заставить карфагенян отступить. Не успели начаться боевые действия, как агенты римского сената явились к Ганнибалу и умоляли его снять осаду. Ганнибал отнесся к их протестам с презрением, в то же время написав в Карфаген, что абсолютно необходимо наказать жителей Сагунта, которые вели себя нагло и враждебно, полагаясь на защиту Рима. Затем послы отправились в Карфаген, где выразили оживленный протест против того, что они считали неспровоцированным нападением на их союзников. Фактически, Рим в этот момент стремился отложить борьбу с Карфагеном по той же причине, по которой Ганнибал стремился продолжить ее.

Она только что закончила долгую борьбу с галльскими племенами Северной Италии и стремилась восстановить свои силы, прежде чем ввязаться в новую войну. Именно по этой причине Ганнибал хотел навязать борьбу. Его друзья в Карфагене убедили сенат отказаться слушать послов Рима. К Ганнибалу было отправлено еще одно посольство, но генерал отказался дать им интервью, и, следуя полученным инструкциям, послы затем отплыли в Карфаген, чтобы предъявить официальное требование о возмещении ущерба и о передаче им личности Ганнибала для наказания.

Но партия барсинов на данный момент одержала верх; велись долгие переговоры, которые ни к чему не привели, и все это время положение сагунтинцев становилось все более отчаянным. Поэтому из Рима были отправлены пять новых послов, которые от имени республики должны были спросить, уполномочены ли карфагеняне Ганнибалу осадить Сагунт, потребовать, чтобы он был доставлен в Рим, и, в случае отказа, объявить войну. Карфагенский сенат собрался в храме Молоха и там принял римских послов. Вопрос: Фабий, глава посольства, кратко изложил сенату требования Рима. Цестар, один из лидеров барцинов, ответил отказом от требований. Затем Фабий поднялся.

“Я предоставляю вам выбор — мир или война?”

“Выбирай сам”, - кричали карфагеняне.

- Тогда я выбираю войну, - сказал Фабий.

“Да будет так”, - закричали собравшиеся.

И, таким образом, между двумя республиками была официально объявлена война. Но теперь Сагунт пал. Вторая стена была проломлена к тому времени, когда Ганнибал вернулся из своего похода, и был отдан приказ о штурме. Как и прежде, сагунтинцы сражались отчаянно, но после долгой борьбы карфагенянам удалось закрепиться на стене.

Сагунтинцы, видя, что дальнейшее сопротивление тщетно, что осаждающие уже прорвали брешь, что не было никаких шансов на помощь из Рима, и, более того, израсходовав последние запасы провизии, искали условий. Халкон, сагунтинский генерал, и благородный испанец по имени Алоркус со стороны Ганнибала встретились в проломе. Алорк назвал условия, которые выдвинул Ганнибал: сагунтинцы должны вернуть Торболатам территорию, которую они у них

отняли, и что жителям, отдавшим все свои товары и сокровища, затем должно быть разрешено покинуть город и основать новый город в месте, которое назовет Ганнибал.

Столпившиеся вокруг сагунтинцы слышали условия. Многие из главных сенаторов немедленно покинули это место и, поспешив в свои дома, вынесли на форум золото и серебро, которые у них там были, а также кое-что из государственной казны, и, сложив огромную кучу дров, подожгли ее и сами бросились в пламя. Этот поступок вызвал огромный переполох в городе. Вспыхнуло всеобщее смятение, и Ганнибал, видя, что его условия отвергнуты, перебросил свои войска через брешь и после короткого, но отчаянного боя захватил город. В соответствии с жестокими обычаями того времени, которые, однако, редко приводились в исполнение Ганнибалом, все пленные мужского пола были преданы мечу, поскольку в этом случае он считал необходимым вселить ужас в жителей Испании и преподать урок, который не забудется во время его отсутствия в стране.

Осада длилась восемь месяцев. Захваченная добыча была огромной. Каждому солдату в армии досталась богатая доля награбленного, и огромная сумма была отправлена в Карфаген; кроме того, были пополнены армейские сундуки с сокровищами. Все испанские войска получили разрешение вернуться в свои дома на зиму, и они разошлись, весьма довольные добычей, которой были нагружены. Это был в высшей степени политический шаг со стороны молодого полководца, поскольку соплеменники, видя богатство, с которым вернулись их соотечественники, больше не испытывали трудностей в сражении в рядах карфагенян, и рекруты, объявленные весной, шли охотно и даже с рвением.

Ганнибал вернулся со своими африканскими войсками, чтобы провести зиму в Карфагене. Там к нему присоединились эмиссары, которых он отправил исследовать Южную Галлию и перевалы Альп, определить наиболее удобный маршрут для марша армии и заключить союзы с племенами Южной Галлии и Северной Италии. Их сообщения были благоприятными, поскольку они обнаружили наибольшее недовольство среди племен к северу от Апеннин, которые совсем недавно были завоеваны римлянами.

Их вожди, страдавшие под тяжелым римским игом, охотно прислушивались к предложениям агентов Ганнибала, которые распределяли между ними большие суммы денег и обещали им в обмен на их помощь не только свободу от завоевателя, но и полную долю в римской добыче. Вожди ответили, что они окажут любую помощь карфагенянам, как только те перейдут Альпы, и что тогда они присоединятся к ним со всеми своими силами. Сообщения о перевалах в Альпах были менее удовлетворительными. Те, кто исследовал их, обнаружили, что трудности, которые они создавали для прохождения армии, были огромными, и что племена, населявшие нижние перевалы, еще ни разу не пострадавшие от рук Рима, вероятно, оказали бы сопротивление любой армии, пытающейся пересечь их.

Безусловно, самым простым маршрутом было бы следовать по берегу моря, но карфагенянам это было запрещено тем фактом, что масилийцы (жители Марселя) были близкими союзниками Рима. Они приняли к себе римских колонистов и вели обширную торговлю со столицей. Их город был силен, и их порты были открыты для римских флотов. Все племена, жившие по соседству с ними, были тесно связаны с ними.

Ганнибал сразу понял, что он не сможет продвигаться морским путем, не захватив сначала Марсель. Это была бы еще более сложная операция, чем осада Сагунта, поскольку Рим мог бы

отправить любое количество людей морем на помощь осажденным, и великая битва развернулась бы в Южной Галлии, а не в Италии, как он хотел. Поэтому он решил идти маршрутом, который привел бы его далеко к северу от Марселя, даже несмотря на то, что для этого потребовался бы переход через ужасные перевалы Альп.

Всю зиму Ганнибал без перерыва трудился, готовясь к своему походу. Он всегда был среди своих солдат и лично следил за всем, что могло способствовать их комфорту и благополучию. Он проявлял живой интерес к каждой мельчайшей детали, которая касалась их; следил за тем, чтобы их одежда была обильной и хорошего качества, проверял их рационы и убеждался, что они хорошо приготовлены.

Именно это личное внимание к нуждам своих солдат, а также его полководческий гений, личная доблесть и блестящие качества привлекли к нему внимание его войск. Они видели, как он беспокоился об их благополучии; они чувствовали, что он относился к каждому человеку в своей армии как к другу и товарищу, и в ответ они были готовы откликнуться на любой призыв, принести любую жертву, терпеть, страдать, сражаться насмерть за своего любимого лидера. Его войска были наемниками, то есть сражались за плату за дело, которое их никоим образом не касалось, но личная привязанность к своему полководцу заменила в них патриотизм, вдохновляющий современных солдат, и превратила этих полуварварских соплеменников в войска, способные справиться с обученными римскими легионерами.

Ганнибал намного опережал любого из генералов своего времени во всех организационных вопросах. Его комиссариат был таким же совершенным, как и в современных армиях. В его обязанности входило собирать зерно в стране, по которой проходила армия, формировать склады, собирать и перегонять с войсками стада крупного рогатого скота, принимать провизию и добычу, доставляемые фуражировочными партиями, и следить за ежедневным распределением пайков между различными подразделениями.

Вдоль линии коммуникаций были созданы склады, где в готовности к использованию хранились провизия, одежда и вооружение, и откуда вся армия могла, в случае необходимости, быть снабжена свежей одеждой и обувью. Армию сопровождал отряд хирургов, во главе которого стоял Сингал, один из самых знаменитых врачей того времени. Приготовления были настолько совершенны, что, как говорят, на протяжении всей долгой кампании в Италии не проходило ни одного дня, чтобы войска, слоны и животные всех видов, сопровождавшие армию, не получали свой ежедневный паек продовольствия.

ГЛАВА X: ОКРУЖЕННЫЙ

В течение зимы Ганнибал делал все возможное, чтобы обеспечить спокойствие в Испании на время своего отсутствия. Чтобы уменьшить количество возможных врагов там, он собрал корпус из тысячи двухсот всадников и четырнадцати тысяч пехотинцев из числа наиболее мятежных

племен и отправил их в Африку служить гарнизонами в Карфагене и других пунктах, в то время как такое же количество африканских войск было переброшено в гарнизонную Испанию, которой Гасдрубал, брат Ганнибала, должен был управлять во время его отсутствия.

Ганнон, способный полководец, должен был командовать войсками, которые должны были быть оставлены в южной Галлии для поддержания открытых коммуникаций между Пиренеями и Альпами, в то время как младший брат, Магон, юноша примерно того же возраста, что и Малх, должен был сопровождать его в Италию. Жена Ганнибала и ребенок, родившийся предыдущей весной, были отправлены на корабле в Карфаген.

Ранней весной начался марш, армия следовала вдоль береговой линии, пока не достигла устья Эбро. Гористая и изрезанная местность, лежащая между этой рекой и Пиренеями и известная теперь как Каталония, была населена свирепыми племенами, еще не покоренными римлянами или карфагенянами. Ее завоевание представляло огромные трудности. Между его жителями не было согласованности действий, но каждая долина и гора были твердыней, которую отчаянно защищали до последнего. Жители, привыкшие к горам, были выносливы, активны и энергичны, готовые оказывать отчаянное сопротивление до тех пор, пока сопротивление было возможно, а затем бежать через свои холмы со скоростью, которая бросала вызов самым проворным из их преследователей.

Каждый мужчина был солдатом, и при первой тревоге жители деревень покидали свои дома, закапывали зерно и, загнав свой скот в почти недоступные укромные уголки среди холмов, возвращались, чтобы противостоять захватчикам. Завоевание такого народа было одним из самых трудных предприятий, как впоследствии обнаружили французские генералы Наполеона, и стоило оно того. Жестокость горцев была равна их мужеству, идве тысячи лет мало изменили их, ибо в своей долгой борьбе с французами они вырезали все отряды, которых могли застать врасплох среди холмов, убивали раненых, которые попадались им в руки, и отравляли колодцы и зерно.

Армия, которую Ганнибал привел к подножию этой страны, через которую ему предстояло пройти, насчитывала 102 000 человек, из которых 12 000 были кавалерией и 90 000 пехотой. Эти силы перешли Эбро тремя отрядами равной силы. Местные жители оказали отчаянное сопротивление, но три колонны продвигались вперед параллельными линиями. Города были осаждены и захвачены, и после двух месяцев отчаянных боев Каталония была покорена, но ее завоевание стоило Ганнибалу двадцати одной тысячи человек, пятой части всей его армии. Ганнон на время остался здесь с десятью тысячами пехотинцев и тысячей кавалеристов. Он должен был подавлять любое новое восстание, удерживать крупные города, пополнять запасы для армии и держать открытыми перевалы в Пиренеях. Он разместил свою штаб-квартиру в Бургосе. Его операциям способствовал тот факт, что вдоль морского побережья располагался ряд финикийских колоний, которые были естественными союзниками карфагенян и помогали им всеми доступными им способами. Прежде чем продвинуться через Пиренейские перевалы, Ганнибал еще больше сократил численность своего войска, отсеяв всех тех, кто в ходе конфликта в горах показал, что им не хватает личной силы или военных качеств. Разрешив им вернуться домой, он двинулся вперед во главе пятидесяти тысяч отборной пехоты и девяти тысяч кавалерии.

Отряд под командованием Малха сослужил хорошую службу во время кампании в Каталонии. Он сопровождал колонну, шедшую по берегу моря; с ней были слоны, сокровища и тяжелый

армейский багаж. Он все время шел впереди колонны, нащупывая путь, защищая ее от засад и рассеивая любые небольшие группы соплеменников, которые могли расположиться на высотах, откуда стрелами и пращами они могли преследовать колонну на марше. Рота потеряла в кампании сравнительно мало людей, поскольку не принимала участия в различных осадах. Однако ее обязанности были чрезвычайно суровыми. Эти люди постоянно были начеку, разведывая местность вокруг, в то время как армия вела осадные операции, иногда поднимаясь в горы, откуда открывался вид на внутренние районы страны, или преследуя группы соплеменников до их убежищ среди холмов.

Как бы сурово Малх ни тренировался во всех упражнениях, поначалу ему было трудно переносить тяготы такой жизни; но с каждым днем его мускулы закалялись, и к концу кампании он был в состоянии держаться на ногах столько же, сколько самые выносливые из его людей.

Однажды он последовал за отрядом соплеменников далеко в горы. Враг рассеялся, и арабы в своем горячем преследовании также разделились на небольшие группы. Малх не спускал глаз с человека, который, по-видимому, был главарем вражеского отряда, и, яростно наступая на него, загнал его в тупик на склоне крутого и изрезанного ущелья. Под рукой был только один нумидиец, человек по имени Несс, который был очень привязан к своему молодому вождю и всегда держался рядом с ним в его экспедициях. Дикарь, громоздкий и грузный человек, обнаружив, что он больше не может опережать своих быстроногих преследователей, занял свой пост в узком месте тропы, где никто не мог противостоять ему; и там, обнажив тяжелый меч, он ожидал нападения. Малх двинулся ему навстречу с мечом в руке, когда стрела Несса просвистела мимо него и попала вождю в горло, и его тело тяжело рухнуло на камни.

“ Это несправедливо, ” сердито сказал Малх. - Я бы охотно сразился с ним врукопашную.

Араб склонил голову.

“Милорд, ” сказал он, “ бой не был бы равным; у противника было преимущество, а вы сражались бы в крайне невыгодных условиях. Зачем тебе рисковать своей жизнью в битве на мечах, когда моя стрела достигла всех целей? Что бы я сказал, если бы вернулся без тебя? Какое удовлетворение доставило бы мне отомстить за твое падение? Что бы они сказали мне, когда бы я сказал им, что праздно наблюдал, как ты ведешь такую борьбу? Доблесть есть доблесть, и мы все знаем, что милорд храбрейший среди нас; но жизнь двоюродного брата нашего генерала слишком ценна, чтобы рисковать ею понапрасну, когда мы пускаемся в великое предприятие.

“ Смотри, Несс! что там? - спросил я. - Воскликнул Малх, его внимание привлек темный предмет, который пересекал узкую тропинку на некотором расстоянии впереди и поднимался по крутому склону ущелья. “Это медведь, давайте последуем за ним; его плоть станет приятным дополнением к сегодняшней компании”.

Медведь, рыскавший по дну оврага, был потревожен падением тела дикаря рядом с ним и поспешил вернуться в свое жилище, которое находилось высоко на склоне утеса. Малх и его спутник поспешили вперед, к тому месту, где он пересекал тропу. Путь был достаточно прост; на камне были царапины, а кусты, растущие в расщелинах, были вырублены. По тропинке, очевидно, часто ходило животное.

“ Берегись, мой господин! - Воскликнул Несс, когда Малх поспешил вперед. “ Эти пиренейские медведи - дикие животные. Смотри, чтобы он не застал тебя врасплох”.

Скалы были чрезвычайно крутыми; и Малх, держа лук в руке и стрелу, приготовленную к спуску, карабкался по ним, внимательно осматривая каждый куст, чтобы там не притаился медведь. Наконец он остановился. Теперь они достигли места, но недалеко от вершины. Утес здесь обрывался почти перпендикулярно, и вдоль его поверхности тянулся узкий выступ шириной едва в фут. Было очевидно, что по нему прошел медведь.

“ Я думаю, Несс, мы сейчас должны быть недалеко от его логова. Надеюсь, этот выступ расширится, прежде чем он доберется туда. Это было бы неподходящее место для конфликта, потому что один взмах его лапы отправил бы человека за грань”.

“ Я буду следовать за тобой, мой господин, ” сказал Несс, у которого кровь стыла в жилах от погони. - Если тебе не удастся остановить его, опустишь на одно колено, чтобы я мог выстрелить через тебя.

Примерно на протяжении пятидесяти ярдов выступ оставался нетронутым. Малх двигался осторожно, держа стрелу на тетиве и перекинув щит через плечо, готовый к немедленному действию. Внезапно, обогнув острый угол скалы, он увидел, что она расширяется на десять футов вперед, превращаясь в нечто вроде платформы, лежащей в углу скалы, которая за ней снова выступала. На этом помосте был медведь, который со злобным рычанием сразу же двинулся к нему. Малх выпустил свою стрелу; она попала медведю прямо в грудь и глубоко вошла. Ударом лапы животное переломило древко и бросилось вперед. Малх выставил вперед острие своего копья и со щитом в руке ожидал нападения. Он метко ударил медведя в грудь, но тот, как и прежде, переломил древко лапой и, поднявшись на ноги, двинулся вперед.

“ На колени, мой господин! - На колени! - воскликнул Несс.

Малх опустился на одно колено, как можно крепче прислонившись к скале, и, подняв щит над головой и сжимая меч в руке, ожидал нападения разъяренного животного. Он услышал звон лука позади себя; затем почувствовал мощный удар, который сбил его щит и со страшной силой обрушился на шлем, швырнув его лицом вперед. Затем последовал сильный удар по его спине; и хорошо, что на нем был не только нагрудник, но и спинка, иначе плоть была бы разорвана от плеча до поясницы. Когда последовал удар, раздался сердитый рев. На мгновение он почувствовал себя раздавленным обрушившейся на него тяжестью. Внезапно она исчезла, и он услышал грохот далеко внизу - это медведь, пронзенный в сердце копьем араба, упал с обрыва. Несс поспешил поднять его.

- Надеюсь, милорд не ранен?

“ Ни в коем случае, Несс, благодаря тебе; но у меня кружится голова, а рука почти сломана от этого удара. Кто бы мог подумать, что такой зверь способен нанести такой сильный удар? Смотрите, он пробил мой шлем и погнул мой щит! А теперь, прежде чем мы вернемся и поищем тело, давайте посмотрим, на что похоже его логово.

“ Возьми мое копье, мой господин; твое собственное сломано, а твой лук полетел в пропасть. Может быть, здесь есть еще один медведь. Там, где есть один, другой редко бывает далеко”.

Они поднялись на платформу и увидели в углу пещеры, уходящей на некоторое расстояние вглубь холма. Когда они приблизились ко входу, внутри послышалось глубокое рычание.

“ Нам лучше оставить это в покое, милорд, - сказал Несс, когда они оба отступили на шаг у входа. “Это, несомненно, самка, и они крупнее и свирепее самцов”.

“ Я согласен с тобой, Несс, ” сказал Малх. “Будь мы на другой территории, я бы сказал, давайте нападём на него, но я сыт по горло борьбой с медведями на краю пропасти. Внизу для нас приготовлено столько мяса, сколько мы можем унести. Кроме того, час уже поздний, и люди будут беспокоиться. Кроме того, мы вооружены лишь наполовину; и мы не сможем добраться до нее, не проползти через эту дыру, высота которой едва достигает трех футов. В общем, нам лучше оставить ее в покое.

Пока они разговаривали, медведица начала сердито рычать, более глубокие ноты смешивались с хором рычания и поскуливания, которые показывали, что с ней была молодая семья.

“ Ты пойдешь первым, Несс, ” сказал Малх. “Задняя часть здесь - почетный пост, хотя мне кажется, что зверь не собирается выходить”.

Несс, не говоря ни слова, взял инициативу на себя и двинулся через платформу к углу.

Поворачивая его, он внезапно отскочил назад, в то время как мимо пролетела стрела, задела угол скалы.

“ На тропе толпа туземцев! - воскликнул он. - Мы в ловушке.

Малх в смятении огляделся. Было очевидно, что кто-то из туземцев, должно быть, видел падение своего вожака и видел, как они преследовали медведя, а теперь сомкнулись позади них, чтобы отрезать им путь к отступлению. Ситуация была крайне неприятной. Выступ простирался не дальше платформы; внизу обрыв отвесно обрывался вниз на сотню футов; вверх он поднимался так же высоко. Узкая тропинка была занята многочисленными врагами. В берлоге позади них был разъяренный медведь.

Мгновение двое мужчин в ужасе смотрели друг на друга.

“Мы действительно пойманы, Несс”, - сказал Малх. “Есть одна вещь, они могут напасть на нас не больше, чем мы можем напасть на них. Только один может появиться из-за этого угла одновременно, и мы можем выстрелить в него или проткнуть копьем, когда он это сделает. Мы в относительной безопасности от нападения, но они могут уморить нас голодом”.

- Они могут стрелять с другой стороны ущелья, - сказал Несс. - их стрелы достаточно легко попадут с противоположного выступа.

“ Тогда, ” твердо сказал Малх, “ мы должны избавиться от медведя; нам нужна пещера. Там мы будем в безопасности от их стрел, а лежа у входа, мы сможем перестрелять любого, кто рискнет выйти из-за угла. Но сначала я протрублю в свой рог. Возможно, кто-то из наших людей находится в пределах слышимости.

Малх вытащил рог, который был у него при себе. Он был бесполезен, поскольку был полностью расплюснут ударом, нанесенным ему медведем.

“Этой надежды больше нет, Несс”, - сказал он. “Теперь давай заставим медведицу выйти как можно скорее и покончим с ней. Стань на углу, держа стрелу наготове, на случай, если туземцы попытаются напасть на нас врасплох, и будь готов помочь мне, когда она выскочит.

Малх подошел ко входу в берлогу, ударил копьём о стенку и бросил туда несколько кусков камня; но, хотя рычание было глубоким и продолжительным, медведь не выказывал никаких признаков намерения выйти.

Араб был старым охотником, и теперь он попросил Малха занять его место с луком, пока он будет отгонять медведя. Сначала он снял свой бернус, отрезал несколько полосок снизу, связал их узлом, а затем скрутил полоску в веревку. Из расщелины в скале, примерно в трех футах над входом в пещеру, росло молодое деревце; и вокруг него, поближе к корню, Несс обвязал один конец своей веревки, другой завязал скользящим узлом и позволил петле упасть перед входом в пещеру, удерживая ее открытой двумя перекинутыми через нее ветками. Затем он собрал немного хвороста и положил его у входа, положил среди него охапку сухих веток и сухих листьев и, высекая огнем и сталью какой-то сухой гриб, поместил его в середину палочек и подул на него. Через минуту взметнулось пламя. “Теперь, милорд, ” сказал он, - приготовьте свой меч и копье. Зверь выйдет через минуту; она не выносит дыма.

Малх подбежал к углу и огляделся. Туземцы стояли на некотором расстоянии вдоль выступа, очевидно, не имея намерения нападать на врага, в котором они были уверены. Раздался насмешливый крик, и в его сторону полетела стрела, но он мгновенно отдернул голову и побежал обратно к платформе.

Через минуту раздалось свирепое рычание, и медведь выскочил наружу. Хворост рассыпался, когда животное, внезапно остановленное в своем порыве петель, поднялось на задние лапы. В одно мгновение копье Несса глубоко вонзилось в него с одной стороны, в то время как Малх по самую рукоять вонзил свой меч в его тело под передним плечом другого. Пораженный в сердце, зверь упал ниц. Несс повторил свой удар, но животное было мертво. Пятеро медвежат выбежали вслед за своей матерью, рыча и огрызаясь; но так как они были только на четверть взрослыми, их легко прикончили.

“Здесь хватит еды на долгое время, ” весело сказал Малх. “а поскольку в этом углу есть капелька воды, мы сможем утолить нашу жажду. Ах, мы как раз вовремя”.

Пока он говорил, стрела вонзилась в скалу рядом с ними и упала к их ногам. Быстро сменяли друг друга другие; и, взглянув на выступ противоположной стороны ущелья, они увидели множество туземцев.

“Перекиньте тело медведя через вход в пещеру, ” сказал Малх, - это предотвратит попадание стрел, которые попадают в скалу впереди. На данный момент в пищу подойдут маленькие медведи.

Вскоре они оказались в пещере, которая открывалась сразу за входом и уходила на некоторое расстояние в гору; она была семи или восемью футами в ширину и достаточно высока, чтобы в ней можно было стоять вертикально. Несс лег позади медведя, положив лук и стрелы так, чтобы контролировать угол наклона скалы. Малх устроился дальше в пещере, укрытый у входа от стрел, которые время от времени попадали в устье. Стрелять Нессу пришлось только один раз. Туземцы на уступе, которым их товарищи с противоположной стороны ущелья сообщили, что их враги укрылись в пещере, отважились двинуться вперед; но в тот момент, когда первый из них завернул за угол, он упал с обрыва, пронзенный стрелой из лука Несса, а остальные поспешно отступили.

“ Дай мне свой кремень и огниво, Несс, и кусочек гриба. Заодно я осмотрю пещеру.

Вскоре появился свет, и Малх обнаружил, что пещера простирается примерно на пятьдесят футов назад, постепенно сужаясь к концу. Очевидно, им долгое время пользовались дикие животные. Пол был полностью покрыт сухими костями разного размера.

Как только он увидел, что это так, Малх оторвал полоску от своей льняной рубашки и, скатав ее в комок, поджег. На нее он насыпал мелкие кости, которые легко разгорелись, и вскоре у него получился яркий и почти бездымный костер. Теперь он занял место Несса. Последний освежевал и разделал одного из маленьких медведей, и вскоре на костре уже поджаривались стейки. К этому времени снаружи уже смеркалось.

Когда мясо было приготовлено, Несс утолил свой голод, а затем вышел из пещеры и занял свой часовой пост, приставив копье поближе к углу скалы, поскольку к этому времени туземцы на противоположной стороне, будучи уже не в состоянии видеть в сгущающейся темноте, перестали стрелять. Малх на досуге поел, а затем присоединился к своему товарищу.

“ Мы должны как-то выбраться отсюда, Несс. Наша рота будет искать нас завтра; но они могут искать неделю, не найдя нас здесь; и, поскольку армия продвигается, они не могли уделить нам больше дня; так что, если мы хотим уйти, это должно быть сделано нашими собственными усилиями ”.

“ Я готов пробиваться с боем по этому выступу, милорд, если таково ваше желание. Они не могут видеть нас, чтобы стрелять в нас, а поскольку только один человек может стоять в ряд, их численность им не поможет.

“ Не на выступе, Несс; но они вряд ли будут защищать его. Без сомнения, они сгруппированы в дальнем конце, и нам придется сражаться с превосходящими силами. Нет, об этом не следует думать. Единственный способ спастись, который я могу придумать, - это спуститься с обрыва; но из наших бернуз не получится достаточно длинной веревки ”.

“Они не преодолели бы и трети расстояния”, - ответил Несс, качая головой. “Их носили некоторое время, и ткань больше не прочная. Для поддержки нам понадобится широкая полоса”.

- Это так, Несс, но, тем не менее, у нас есть материалы, чтобы сделать веревку достаточно длинной.

“ Я не понимаю вас, милорд. От нашей другой одежды будет мало толку.

— Совершенно бесполезно, Несс, и я не думал о них; но у нас есть шкуры медведей — шкура старого медведя, по крайней мере, толстая и жесткая, - и узкая полоска выдержит наш вес.

“Конечно”, - сказал Несс. “Как глупо с моей стороны не подумать об этом, потому что в пустыне мы делаем все наши веревки из скрученных полосок кожи. Если вы постоите здесь на страже, милорд, я немедленно займусь этим.

Малх взял копье, а Несс сразу же принялся за освежевание медведя, и когда это было сделано, он отрезал от шкуры длинные полосы и, связав их вместе, скрутил в веревку.

Бернусы, которые на марше сворачивались и носились через плечо наподобие шарфа, как в наше время немецкие и итальянские солдаты носят свои одеяла, также были разрезаны и скручены, и через три часа у Несса была веревка, которая, как он заверил Малха, была достаточно длинной, чтобы дотянуться до дна пропасти, и достаточно прочной, чтобы выдержать их вес.

Один конец привязали к стволу молодого дерева, а затем веревку перебросили через край платформы. Одну из шкур молодого медведя обвязали вокруг нее в том месте, где она пересекала край скалистой платформы, чтобы она не порезалась при переносе веса, и затем они приготовились к спуску.

“ Ты пойдешь первым, ” сказал Малх. - Как только я почувствую, что веревка ослабла, я последую за тобой.

Араб прыгнул с края, и очень скоро Малх почувствовал, что веревка ослабла. Он тут же последовал за ним. Первые двадцать футов спуск был абсолютно перпендикулярным, но после этого скала пошла крутым, но довольно ровным наклоном. Малх больше не висел на веревке, но, перенеся на нее основную часть своего веса и упершись ногами в неровности скалы, он без труда спустился вниз. Вскоре он стоял рядом с Нессом у подножия склона.

“ Нам лучше заняться оврагом. У его устья их будет много. Отсюда мы можем видеть зарево их костров.

“ Но мы, возможно, не сможем найти путь наверх, ” сказал Несс. “ Склоны, кажется, становятся все круче и больше, и мы можем оказаться в ловушке в конце этого ущелья. Во всяком случае, сначала мы попробуем именно так. Жаль, что луна не взошла; здесь темно, как в волчьей пасти, а дно ущелья сплошь усыпано валунами. Если мы споткнемся и наши руки наткнутся на камень, это услышат туземцы на противоположных высотах.

Теперь они двинулись вперед, нащупывая дорогу с величайшей осторожностью; но в густой темноте пробираться среди валунов было чрезвычайно трудно. Они прошли совсем небольшое расстояние, когда с высоты над ними донесся громкий крик. Это повторялось снова и снова, и в ответ раздавались крики с противоположной стороны и из устья оврага.

“ Клянусь Астартой! Малх воскликнул: “Они узнали, что мы уже сбежали”.

Так оно и было. Один из туземцев прокрался вперед по тропинке, надеясь застать часового спящим или бесшумно подкрасться и заколоть его. Когда он добрался до угла скалы, то не увидел перед собой ни единой фигуры и не услышал ни малейшего звука. Поползя вперед, он обнаружил, что платформа пуста. Он внимательно прислушался у входа в пещеру, и острое ухо дикаря уловило бы, если бы там кто-нибудь дремал; но все было тихо.

Он поднялся на ноги с намерением заползти в пещеру, когда его голова обо что-то ударилась. Он поднял руку, нащупал веревку и увидел, что беглецам удалось спастись. Он сразу же поднял тревогу среди своих товарищей. Через минуту или две по тропинке прибежало с десятков мужчин с горящими головнями. Увидев веревку, они вошли в пещеру и обнаружили, что их добыча действительно сбежала.

Малх и его спутник не двинулись с места после того, как прозвучал сигнал тревоги.

“Нам лучше идти, мой господин”, - сказал араб, увидев людей с факелами, возвращающихся по своим следам вдоль бровки. “Они скоро будут за нами”.

“ Я думаю, что нет, Несс. Их шанс обнаружить нас среди этих валунов в темноте был бы невелик, и они стали бы такими хорошими мишенями для наших стрел, что вряд ли попали бы в цель. Нет, я думаю, они подождут до рассвета, разместив значительные силы в устье ущелья и по обе стороны от его конца, везде, где можно было бы совершить подъем. Послушай, люди на тамошних высотах взывают к другим вдоль бровки.

- Очень хорошо, мой господин, - сказал Несс, усаживаясь на камень, - тогда мы продадим наши жизни как можно дороже.

“ Надеюсь, до этого не дойдет, Несс. У нас еще есть шанс спастись. Единственное место, где они вряд ли будут нас искать, - это пещера, а поскольку мы спустились сверху по веревке, то подняться будет нетрудно.

Несс издал восклицание, выражавшее одновременно восхищение идеей своего лидера и удовлетворение при мысли о побеге. Они без промедления пустились в обратный путь и после некоторых затруднений снова нашли веревку.

Несс вскарабкался первым; его босые ноги позволяли ему цепляться за любые неровности поверхности скалы. Всякий раз, когда он подходил к выступу, позволявшему ему встать, он встряхивал веревку и ждал, пока Малх присоединится к нему.

Наконец они стояли вместе у подножия отвесной скалы на вершине. Легковооруженный араб не испытывал никаких трудностей, взбираясь по веревке; но для Малха, обремененного весом своих доспехов, это была более тяжелая работа. Многочисленные узлы, однако, помогли ему, и когда он был в нескольких футах от вершины, Несс схватил веревку и потянул ее вверх, используя только силу, пока Малх не оказался на одном уровне с вершиной. Затем он подал ему руку и помог подняться на ноги. Они вошли в пещеру, добрались до дальнего конца и там бросились вниз. Они пробыли там недолго, когда увидели вспышку света у входа в пещеру и услышали голоса.

Малх схватил копье и хотел вскочить на ноги, но Несс положил руку ему на плечо.

“Они пришли за медведицей”, - сказал он. “Маловероятно, что они войдут”.

Прячась в темноте, беглецы наблюдали, как туземцы перевернули медведя, связали ему лапы и просунули через них толстый шест. Затем четверо мужчин взвалили шест на плечи и тронулись в путь.

В пещеру вошел другой, держащий клеймо. Двое беглецов затаили дыхание, а Несс сидел со стрелой на тетиве, готовый выстрелить. Однако клеймо давало лишь слабый свет, и туземец, подобрав тела трех молодых медведей, лежавших недалеко от входа, перекинул их через плечо и снова выполз из пещеры. Услышав его удаляющиеся шаги, беглецы вздохнули с облегчением.

Несс встал и осторожно выбрался из пещеры. Он вернулся через минуту.

“ Они взяли веревку с собой, ” сказал он, “ и это хорошо, потому что, когда они завтра будут обыскивать долину, если бы она висела там, им могло бы прийти в голову, что мы пробрались

наверх. Теперь, когда его больше нет, они никогда не смогут заподозрить, что мы вернулись сюда”.

“Сегодня ночью нас больше никто не потревожит, Несс. Мы можем спать так же спокойно, как в нашем лагере.

С этими словами Малх выбрал удобное место и вскоре заснул.

Однако Несс не лег, а сидел, неотрывно глядя на вход в пещеру. Как только рассвело, хор громких криков далеко внизу в ущелье возвестил о начале поисков. Это продолжалось несколько часов. Туземцы обыскивали каждый куст и валун на дне.

Снова и снова они поднимались и спускались по ущелью, убежденные, что беглецы должны где-то спрятаться; ибо, как и предвидел Несс, утесы в верхнем конце были такими крутыми, что побег оттуда был невозможен, а туземцы всю ночь так внимательно следили за склонами в нижнем конце и у устья, что были уверены, что их добыча не могла ускользнуть от них незамеченной. И все же в конце концов они были вынуждены прийти к выводу, что каким-то необъяснимым образом так и должно было быть, потому что иначе как бы они могли спастись? Мысль о том, что они выбрались наверх по веревке до того, как ее сняли, и что они были спрятаны в пещере в то время, когда уносили тела медведицы и ее детенышей, никогда не приходила им в голову.

Весь день они бродили по дну оврага, обыскивая все возможные места и иногда с большим трудом вытаскивая валуны, сложенные таким образом, что под ними мог спрятаться любой.

С наступлением темноты они пировали телом первого убитого медведя, которое было найдено там, где оно упало в овраг. Тело одного из молодых медведей, лежавшее в глубине пещеры, ускользнуло от их поисков, и часть его послужила пищей для двух пленников, которые, однако, были вынуждены съесть его сырым, так как боялись разжигать огонь, чтобы не заметили дым, каким бы слабым он ни был, выходящий у входа.

На следующее утро, насколько они могли видеть, это место было покинуто туземцами. Лежа далеко в глубине пещеры, они могли видеть, что люди на противоположной стороне ущелья удалились; но так как было вполне возможно, что туземцы, все еще будучи убеждены, что беглецы должны где-то прятаться, выставили дозор в каком-нибудь месте, откуда открывался вид на все ущелье, они не рискнули показаться у входа.

Еще раз покормив медведя, они вышли на прогулку, когда снова стемнело, и двинулись по тропинке. Когда они приблизились к концу, то увидели отряд врагов, сидевших вокруг большого костра у входа в ущелье под ними. Они отошли на небольшое расстояние и терпеливо сидели, пока, наконец, костер не догорел и туземцы, оставив двоих из отряда на страже, не улеглись спать. Затем Малх и его спутник поднялись на ноги и пошли по тропинке. Когда они были почти поравнялись с костром, Малх случайно наступил на незакрепленный камень, который покатился вниз по склону холма.

Разведчики издали крик, который поднял их товарищей на ноги, и начали подниматься по склону холма к тому месту, куда упал камень.

Несс выпустил стрелу, которая попала прямо в грудь предводителю отряда, а затем последовал за Малхом по склону холма.

Крик ярости вырвался у туземцев, когда их товарищ упал; но, не останавливаясь, они двинулись дальше. Малх не спешил. Тишина теперь была важнее скорости. Затем он зашагал быстрым, но осторожным шагом, Несс следовал за ним по пятам. Крики дикарей вскоре показали, что они были виноваты. Малх внимательно слушал его на ходу. Всякий раз, когда вавилон языков на мгновение прекращался, он замирал совершенно неподвижно и отваживался продолжать, только когда они возобновлялись.

Наконец они проделали большой промежуток между собой и преследователями и вышли на ровный склон холма. Они продолжали свой путь, пока не оказались на опушке леса. Под деревьями было так темно, что они больше не могли продвигаться вперед, и поэтому Малх решил дожидаться рассвета, который позволил бы им продолжить свой путь. Находились ли они в зарослях деревьев или в лесу, покрывавшем большую часть горного склона, они не могли сказать; также, поскольку не было видно ни единой звезды, у них не было никаких указаний на направление, в котором им следовало двигаться. Отойдя затем на некоторое расстояние между деревьями, они улеглись и вскоре заснули.

Когда забрезжил первый рассвет, они снова были в пути и вскоре обнаружили, что деревья, под которыми они спали, составляли часть леса. Через случайные просветы, образованные деревьями, поваленными от старости или бури, они могли видеть окружающую местность и составить представление о том, где располагался лагерь, который они покинули два дня назад.

Они прошли немного, когда услышали вдалеке позади себя крики людей и лай собак и поняли, что враг идет по их следу. Теперь они бежали изо всех сил, убежденные, однако, что туземцы, которым придется идти по следу, не смогут передвигаться так быстро, как они. Внезапно Малх остановился.

“Послушайте! - сказал он. Они остановились, и далеко внизу по склону холма послышался отдаленный звук рога. “Это, должно быть, наши люди”, - воскликнул Малх. - “Они все еще ищут нас; Ганнибал, должно быть, позволил им остаться, когда армия двинулась в путь”.

Еще через полчаса совсем рядом прозвучал рог, и они быстро оказались среди собственных последователей Малха, которые встретили их восторженными криками. Люди были совершенно измотаны, потому что они непрерывно искали день и ночь с того момента, как упустили своего предводителя, иногда высоко среди холмов, иногда в нижних долинах. Отряд, с которым он встретился, составлял лишь четвертую часть отряда, ибо они разделились на четыре отряда, чтобы лучше ориентироваться в местности.

Теперь они снова поднимались на холмы на расстоянии двух миль друг от друга, и немедленно были отправлены гонцы к другим телам, чтобы сообщить им, что Малх вернулся. Малх быстро рассказал своим людям о том, что с ними произошло, а затем велел им лечь отдохнуть, пока он и Несс будут нести вахту.

Преследовавшие их туземцы не показывались, без сомнения, услышав звук рога, возвестивший о приближении отряда карфагенян. Через два часа весь отряд был в сборе, и после нескольких часов привала, чтобы дать людям возможность оправиться от долгой усталости и бессонницы, Малх встал во главе их, и они двинулись дальше, чтобы присоединиться к основной части своей армии, которую они настигли два дня спустя.

Малх был с большим восторгом принят своим отцом и Ганнибалом, которые считали его погибшим. Несс снова и снова пересказывал своим товарищам все подробности их приключения, и быстрота, с которой Малх придумал стратегию возвращения в пещеру и таким образом выбрался из положения, когда побег казался почти невозможным, завоевала ему еще более высокое место, чем раньше, в восхищении его последователей.

ГЛАВА XI: ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РОНУ

Теперь армия двигалась через Пиренейские перевалы. Труд был велик; ни одна армия никогда прежде не пересекала этот горный барьер; приходилось прокладывать дороги, наводить мосты через ручьи и взрывать камни, чтобы позволить проехать слонам и повозкам с поклажей. Мнения относительно взрывчатых веществ, использовавшихся карфагенскими рудокопами, разошлись, но несомненно, что они обладали средствами для взрывания горных пород. Инженеры войск Ганнибала обладали объемом знаний, значительно превышающим тот, которого достигли римляне того времени, и во время кампании последние часто пытались, и иногда с успехом, обещаниями высоких наград, побудить инженеров Ганнибала дезертировать и поступить к ним на службу. Народ, хорошо знакомый с использованием серы и селитры, сведущий в восточной науке химии, способный производить греческий огонь — соединение, которое могло гореть под водой, — вполне мог быть знаком с какой-нибудь смесью, напоминающей порох.

Искусство изготовления этого взрывчатого вещества, несомненно, было известно китайцам в очень отдаленные века, и финикийцы, чьи галеры бороздили самые отдаленные моря на востоке, возможно, переняли свои знания у этого народа.

Дикие горные племена преследовали армию во время этого трудного похода, и между ними и легковооруженными войсками Ганнибала происходили постоянные стычки. Однако в конце концов все трудности были преодолены, и армия спустилась по склонам на равнины Южной Галлии.

Агенты Ганнибала уже вели переговоры о беспрепятственном проходе через эту страну; но галлы, встревоженные появлением армии и дошедшими до них известиями о завоевании Каталонии, взялись за оружие. Тактичность Ганнибала и щедрая раздача подарков рассеяли тревогу галлов, и их вожди посетили лагерь Ганнибала в Эльне, и был заключен договор о прохождении армии.

Особая статья этого договора, демонстрирующая уважение, с которым галлы относились к своим женщинам, заключалась в том, что все жалобы со стороны местных жителей на карфагенские войска должны доводиться до сведения самого Ганнибала или генерала,

представляющего его, и что все жалобы карфагенян на местных жителей должны решаться без апелляции советом, состоящим из галльских женщин. Это условие вызвало большое веселье у карфагенян, у которых, однако, не было причин сожалеть о его принятии, поскольку решения этого уникального трибунала были отмечены величайшей справедливостью и беспристрастностью. Большая часть племен, через территорию которых армия двигалась к Роне, добросовестно соблюдали условия договора; некоторые из них доставляли неприятности, но были совершенно неспособны противостоять карфагенскому оружию.

Точный маршрут, пройденный армией, был предметом долгих и ожесточенных споров; но, поскольку по пути не произошло никаких событий особой важности, точная линия, которой они следовали при пересечении Галлии, представляет лишь незначительный интерес. Достаточно того, что, пройдя маршем с высокой скоростью от Пиренеев, армия достигла Роны в том месте, где сейчас находится Рокмор, недалеко от Авиньона.

Этот пункт был выбран Ганнибалом потому, что это было одно из немногих мест, где Рона течет единым потоком, причем ее русло по большей части сильно изрезано островами. Рокмор находится в шестидесяти пяти милях от моря, и было необходимо пересечь Рону на некотором расстоянии от ее устья, поскольку Рим был теперь сильно встревожен, а Сципион с флотом и мощной армией находился близ Марселя, ожидая сражения с Ганнибалом на равнинах Галлии.

За последние несколько дней марша никто не встретил ни одного жителя. Арекомики, населявшие эту часть страны, не были представлены на собрании, и при известии о приближении карфагенян покинули свою страну и бежали за Рону, где, присоединившись к племенам, жившим на другом берегу, они приготовились оказать отчаянное сопротивление переправе через реку. Появление этой массы варваров, вооруженных луками, стрелами и дротиками, на другом берегу широкой и быстрой реки, которую предстояло пересечь, не вселяло оптимизма.

“Переходить Пиренеи было достаточно тяжело, - сказал Малх Требону, - но это было ничто по сравнению с нашим предприятием; одно дело карабкаться по пропасти, какой бы крутой она ни была, навстречу атаке врага, и совсем другое - переплывать ее во главе армии под таким градом снарядов, с которым мы столкнемся на другой стороне”.

Однако Ганнибал был готов преодолеть эту трудность. Вверх и вниз по реке были разосланы гонцы ко всем людям, живущим на правом берегу, предлагая купить у них по хорошим ценам каждую баржу и катер, находящиеся в их распоряжении, обещая им свободу от всех поборов и жестокого обращения и предлагая хорошую плату тем, кто окажет помощь армии в переправе. Предложения Ганнибала были приняты без колебаний. То, что армия, которая могла бы, если бы захотела, силой отобрать все их лодки и принудить к труду, предложила щедро заплатить и за то, и за другое, наполнило их восхищением, и, более того, они были только рады помочь этой грозной армии чужаков покинуть их страну.

Жители Роны в этот период вели обширную торговлю не только с племенами верхнего течения реки, но и с Марселем и портами Испании и Северной Италии, вследствие чего было сразу приобретено большое количество судов и барж значительного тоннажа.

Чтобы увеличить количество транспортных средств, за дело взялась вся армия, и с помощью туземцев солдаты срубили деревья и, грубо выдолбив их, соорудили каноэ, способные перевозить двух-трех человек. Войска работали так усердно, что за два дня было изготовлено

достаточно каноэ, чтобы переправить армию через реку; но сопротивление туземцев все еще требовалось преодолеть, и когда каноэ были закончены, Ганнибал приказал Ганнону, одному из своих лучших полководцев, с наступлением темноты двинуться с дивизией вверх по берегу реки.

Ганнон прошел пять миль, когда нашел место, где река была гладкой и удобной для перехода. Войска сразу же принялись рубить деревья; из них были сформированы плоты, и войска переправились через реку. Испанский корпус, привыкший к переходу рек, просто разделся и, прикрывшись широкими щитами из шкур, переправился через реку вплавь. Переправившись через реку, Ганнон дал своим людям двадцатичетырехчасовой отдых, а затем, рассчитав, что приготовления Ганнибала будут завершены, двинулся вниз по реке, пока не достиг холма, вершина которого была видна из лагеря Ганнибала на рассвете. После этого он разжег сигнальный костер.

В тот момент, когда в лагере заметили дым, Ганнибал отдал приказ войскам отправляться в путь. Легкая пехота села в свои маленькие каноэ, кавалерия - на суда побольше, и, поскольку их было недостаточно, чтобы перевезти всех лошадей, великое множество животных было спущено в реку, привязанное веревками к судам. Более тяжелые суда поднимались выше всех, чтобы они могли в какой-то степени преодолеть неровности волн и облегчить прохождение каноэ.

Шум стоял оглушительный. Тысячи мужчин налегали на весла, грубо сделанные каноэ ударялись друг о друга и часто опрокидывались, в то время как с противоположного берега громко доносились вызывающие крики туземцев, готовых до последнего оспаривать высадку флотилии. Внезапно эти крики приобрели другой характер. Было видно, как над палатками вражеского лагеря поднимается столб дыма, и дивизия Ганнона обрушилась на их тыл. Арекомичи, застигнутые врасплох, были охвачены паникой и поспешно разбежались во всех направлениях, оставив берег свободным для высадки Ганнибала. Вся армия была немедленно переправлена через реку и в ту ночь разбила лагерь на берегу.

Утром Ганнибал отправил пятьсот нумидийских всадников разведать реку ниже по течению и выяснить, что делает армия Сципиона, которая, как было известно, высадилась в ее устье. Затем он собрал свою армию и представил им нескольких вождей племен за Альпами, которые за день или два до этого прибыли в лагерь с агентами, которых он отправил в их страну. Они обратились к солдатам с речью, переводчик переводил их речи, и заверили их в радушном приеме, который они встретят в богатой и плодородной стране за Альпами, и в готовности, с которой тамошний народ присоединится к ним против римлян.

Затем сам Ганнибал обратился к солдатам, указав им, что они уже проделали большую часть своего путешествия, преодолели все препятствия и что теперь осталось всего несколько дней перехода через горы, и что Италия, цель всех их усилий, будет лежать перед ними.

Солдаты ответили восторженными криками, и Ганнибал, вознеся молитвы богам от имени армии, отпустил солдат и велел им готовиться выступить на следующий день. Вскоре после того, как собрание разошлось, нумидийская кавалерия вернулась в большом замешательстве, теснимая римской кавалерией, посланной Сципионом выяснить позицию и курс Ганнибала. Вражеская кавалерия яростно атаковала друг друга. Сто сорок римлян и двести нумидийцев были убиты.

Ганнибал понял, что нельзя терять времени. На следующее утро, на рассвете, вся его кавалерия была отправлена на юг, чтобы прикрывать передвижения армии и сдерживать продвижение римлян. Затем пехота двинулась вверх по берегу реки, а Ганнибал с небольшим отрядом остался наблюдать за переходом слонов, которые еще не были переправлены.

Слоны не были обучены выходить к воде, и операция была чрезвычайно сложной. Очень прочные и массивные плоты соединялись вместе до тех пор, пока они не вдавались в реку на двести футов, удерживаясь на своем месте тросами, прикрепленными к деревьям на берегу над ними. В конце этого плавучего пирса был установлен другой плот огромных размеров, способный перевозить четырех слонов одновременно. Все это было покрыто толстым слоем земли, а на него был положен дерн. Затем слонов повели вперед.

Сооружение было настолько прочным, что они без колебаний взялись за него. Когда четверо заняли свое место на большом плоту в конце, крепления, которые крепили его к остальной конструкции, были перерезаны, и большое количество лодок и барж, наполненных гребцами, начали буксировать плот через реку. Слоны были охвачены ужасом, обнаружив себя на плаву, но, не видя пути к спасению, оставались, дрожа, в центре плота, пока не достигли другой стороны. Когда он был благополучно переправлен, плот и буксирные лодки вернулись, и операция повторялась до тех пор, пока со всеми слонами не было покончено.

Однако некоторые животные были так напуганы, что бросились с плотов в реку и выбрались на берег, держа свои хоботки над поверхностью воды. Однако индейцы, которые руководили ими, были сметены и утонули. Как только все слоны переправились, Ганнибал вызвал свою кавалерию, и вместе с ними за армией последовали и слоны.

Римляне прибыли на место только через три дня после ухода карфагенян. Сципион был очень удивлен, когда обнаружил, что Ганнибал двинулся на север, поскольку считал, что Альпы непроходимы для армии, и рассчитывал, что Ганнибал наверняка спустится вниз по реке и пойдет берегом моря. Обнаружив, что карфагеняне ушли, он снова повел свою армию к кораблям, погрузил их на корабль и отплыл в Геную, намереваясь выступить против Ганнибала, когда тот выйдет из ущелий Альп, в случае, если ему удастся совершить переход.

Четырехдневный переход вверх по Роне привел Ганнибала к месту, где Изер впадает в эту реку. Он пересек его и со своей армией вступил в область, названную Полибием “Островом”, хотя это название неверно, поскольку, хотя Рона течет вдоль одной стороны треугольника, а Изер - с другой, основание образовано не третьей рекой, а частью альпийской цепи.

Малх и его отряд были одними из первых, кто отчалил от берега, когда армия начала переправляться через Рону. Малх находился в грубо сколоченном каноэ, которым управляли Несс и еще один его человек. Как и большинство других каноэ, их суденышко вскоре намокло, потому что быстрое и яростное течение реки, разбитое и взбаламученное таким большим количеством лодок, перехлестывало через борта неуклюжих каноэ, которые находились всего в нескольких дюймах над водой. Плавучести дерева было достаточно, чтобы плыть даже полным, но гребли они медленно и тяжело.

Неразбериха была чудовищной. Большая часть людей, непривычных к гребле, плохо управляли своими лодками. Столкновения были частыми, и многие лодки были опрокинуты, а их пассажиры утонули. Каноэ, на котором находился Малх, продвигалось вперед, но, к его досаде,

больше не было на передовой. Он призывал гребцов напрячься до предела, когда Несс внезапно вскрикнул.

Лошадь, сорвавшаяся с привязи за одной из барж, плыла вниз, испуганная и сбита с толку шумом. Оно было в нескольких футах от них, когда Несс заметил его, и в следующий момент оно ударило грудью о борт каноэ. Лодка тут же перевернулась, сбросив своих пассажиров в воду. Малх ухватился за каноэ, когда оно перевернулось, потому что он мгновенно утонул бы под тяжестью своих доспехов. Мгновение спустя рядом с ним появился Несс.

“Я перейду на другую сторону, милорд, - сказал он, - это не даст дереву снова перевернуться”.

Он нырнул под каноэ, вынырнул с противоположной стороны и, протянув Малху через него руку, больше не боялся, что бревно перевернется. Другой гребец больше не появлялся на поверхности. Малх тщетно кричал некоторым из проплывающих лодок, чтобы они подобрали его, но все были настолько поглощены своими попытками продвинуться вперед и стремлением вступить в бой с врагом, что никто не обращал внимания на Малха или других, оказавшихся в подобном положении. Кроме того, казалось вероятным, что все они, если будут держаться за свои каноэ, вскоре доберутся до того или иного берега реки. Малх тоже начинал довольно низко, и поэтому вскоре его не было во флотилии.

Лодка была почти на середине течения, когда произошел несчастный случай.

“Первое, что нужно сделать, - сказал Малх, когда увидел, что у них нет ни малейшего шанса быть подобранными, “это избавиться от своих доспехов. Я ничего не могу с этим поделать, и если дерево перевернется, я камнем полечусь вниз. Прежде всего, Несс, расстегни свой пояс с мечом. Я сделаю то же самое. Если мы скрепим их вместе, они будут достаточно длинными, чтобы обхватить каноэ, а если мы снимем шлемы и проденем ремни через подбородочные цепи, они вместе с нашими мечами будут висеть в целости и сохранности.

Это было сделано с некоторым трудом.

- А теперь, ” продолжал Малх, “давайте попробуем на корму каноэ. Я положу руку вон на то дерево, и ты расстегнешь плечевые и поясные ремни на моей груди и спинке. Я не могу сделать это сам”.

Это тоже было сделано, и две части доспехов легли на дерево. Теперь они могли свободно осмотреться. Быстрый поток уже унес их на полмили ниже того места, где переправлялась армия, и теперь они входили в место, где река была разбита островами, и неслись по своему суженному руслу с большей скоростью, чем раньше, его поверхность разбивалась о короткие сердитые волны, из-за чего им было трудно удерживаться за дерево.

Некоторое время они пытались вплавь направить каноэ к тому или иному берегу, но их усилия были тщетны. Иногда им казалось, что они вот-вот добьются успеха, но тогда водоворот подхватывал лодку и снова уносил ее на середину потока.

“Это бесполезно, Несс, ” наконец сказал Малх. “Мы только изматываем самих себя, и наши усилия ни к чему не приводят. Мы должны довольствоваться тем, что плывем вниз по реке, пока наша удача не забросит нас в какой-нибудь водоворот, который может отнести нас к тому или иному берегу”.

Действительно, прошло немало времени, прежде чем эта удача постигла их, и они прошли много миль вниз по реке, прежде чем течение вынесло их к восточному берегу в том месте, где крутой изгиб реки отбрасывал силу течения в том направлении; но хотя их отнесло всего на несколько ярдов от берега, они были настолько онемевшими и измученными долгим погружением в холодную воду, что с величайшим трудом смогли придать каноэ достаточный импульс, чтобы подтащить его к берегу.

Наконец, однако, их ноги коснулись дна, и они с трудом выбрались на берег, унося с собой оружие и доспехи; затем, позволив каноэ снова уносить течением, они выползли на берег и бросились вниз, совершенно обессиленные. Прошло некоторое время, прежде чем кто-либо из них заговорил. Затем Малх сказал:

“ Нам лучше всего снять с себя одежду и отжать ее как можно лучше; после этого она на нас скоро высохнет. У нас нет возможности высушить их здесь, поэтому мы должны лечь среди каких-нибудь кустов, чтобы укрыться от этого пронизывающего ветра, который дует с гор.

Одежду отжимали до тех пор, пока из нее не была извлечена последняя капля, а затем снова надевали. Они все еще были влажными и холодными, но Малх и его спутник привыкли промокать до нитки и не придавали этому значения. Однако они все еще были слишком измучены, чтобы идти быстро, и поэтому залегли в каком-нибудь густом кустарнике, пока не почувствуют, что готовы отправиться в долгий путь, чтобы присоединиться к своим товарищам. Пролежав пару часов, Малх поднялся на ноги и, выйдя из кустов, огляделся. Он снова надел доспехи и меч. Когда он вышел, раздался внезапный крик, и он увидел в сотне ярдов от себя приближающийся отряд туземцев численностью около сотни человек. Они уже заметили его.

“ Несс, ” воскликнул он, не оборачиваясь, “ лежи спокойно. Меня заметили, и через минуту схватят. Для меня безнадежно пытаться убежать. Ты принесешь мне больше пользы, если будешь прятаться и попытаешься потом освободить меня из их рук”.

Сказав это и не обнажая меча, Малх спокойно двинулся навстречу туземцам, которые с громкими криками устремились к нему. Бегство или сопротивление было бы, как он сразу понял, безнадежным, и только теперешняя покорность могла спасти ему жизнь.

Туземцы были частью сил, противостоявших высадке Ганнибала, и уже убили нескольких карфагенян, которые, подобно Малху, с трудом выбрались на берег после того, как были опрокинуты в проходе. Видя, что он не пытается ни убежать, ни защититься, они в ярости набросились на него, сорвали с него оружие и доспехи и потащили к своему предводителю. Последний коротко приказал привести его с собой, и отряд продолжил свой поспешный марш, опасаясь, что карфагенская конница может в любой момент преследовать их. Остаток дня они шли без привала, но с наступлением темноты остановились в лесу.

Костров не зажигали, поскольку они не знали, насколько близко карфагеняне могли быть позади них. Малх был связан по рукам и ногам и брошен посреди них. В ту ночь я не мог уснуть. Половина отряда осталась на страже, остальные собрались вокруг того места, где лежал Малх, и обсуждали катастрофические события дня — огромную флотилию карфагенян, внезапное нападение им в тыл, разрушение их лагеря, захват всего их имущества, а также резню и поражение, которые их постигли.

Поскольку их диалект лишь немногим отличался от диалекта галлов, состоявших на карфагенской службе, Малх смог понять большую часть их разговора и узнал, что единственной причиной, по которой его не казнили сразу, было то, что они хотели оставить его до тех пор, пока опасность преследования карфагенян не минует, когда его можно будет принести в жертву их богам официально и с обычными церемониями.

Все время, пока они разговаривали, Малх с тревогой прислушивался к любой внезапной вспышке, которая могла бы свидетельствовать о том, что Несса обнаружили. В том, что нумидиец пошел по их следам и находится где-то поблизости, Малх не сомневался, но спасение в его нынешнем положении было невозможно, и он только надеялся, что его преследователь вовремя поймет, что это так, и будет ждать более благоприятной возможности. Ночь прошла спокойно, а утром туземцы продолжили свой поход. После трех или четырех часов пути внезапный возглас одного из них заставил остальных обернуться, и вдалеке показалась приближающаяся черная масса всадников. Быстрым бегом туземцы бросились под прикрытие леса в полумиле от них. Малх был вынужден сопровождать их. Он был уверен, что всадники были частью кавалерии Ганнибала, и ему было интересно, достаточно ли близко находится Несс, чтобы увидеть их, потому что если так, он не сомневался, что ему удастся присоединиться к ним и привести их к себе на выручку.

Как раз перед тем, как они достигли леса, туземцы внезапно остановились, потому что с противоположной стороны приближался другой отряд кавалерии. Не требовалось радостных криков туземцев, чтобы Малх понял, что это римляне, поскольку они приближались с юга и могли быть только отрядом кавалерии Сципиона. Туземцы остановились на опушке леса, чтобы понаблюдать за исходом конфликта, так как стороны, очевидно, видели друг друга, и обе продолжали наступать на полной скорости. Звучали римские трубы, а дикие вопли, донесшиеся до Малха с ветерком, подсказали ему, что кавалерия Ганнибала - это отряд нумидийцев.

Римляне были несколько многочисленнее; но, если бы противостоявшая им кавалерия состояла из карфагенской кавалерии, Малх почти не сомневался бы в результате; однако он ни в коей мере не был уверен, что легковооруженные нумидийцы могли сравниться с римской кавалерией. Отряд остановился всего в четверти мили от того места, где встретились соперничающие отряды, и был отчетливо слышен грохот тел, яростно наталкиваемых друг на друга, и лязг стали о доспехи.

В течение нескольких минут это была дикая беспорядочная рукопашная схватка, ни у одной из сторон, казалось, не было никакого преимущества. Кони без всадников галопом отделились от толпы, но ни одна из сторон, казалось, не уступила ни на шаг. Вся масса, казалось, сплелась в конфликте. Это была движущаяся борющаяся толпа тел, высоко размахивающих руками и поднимающих и опускающих мечи. Римляне сражались молча, но дикие вопли нумидийцев становились пронзительными и непрерывными.

Наконец произошло какое-то движение, и Малх издал стон, в то время как туземцы вокруг него торжествующе закричали, когда было видно, как нумидийцы отделились от толпы и во весь опор поскакали прочь, за ними во весь опор последовали римляне, которых, однако, было значительно меньше, поскольку земля, на которой произошел конфликт, была густо усеяна телами; почти половина тех, кто участвовал в этой короткой, но отчаянной схватке, лежала там.

Как только преследователи и преследуемая скрылись вдали, туземцы столпились на том месте. Те нумидийцы, которых нашли живыми, были немедленно убиты, и у всех отобрали одежду, оружие и украшения. Римляне остались нетронутыми, и тем из них, у кого были обнаружены только ранения, туземцы оказали помощь: расстегнули их доспехи, помогли принять сидячее положение, перевязали раны и дали воды.

Весьма довольные добычей, которую они получили, и больше не опасаясь преследования, туземцы остановились, чтобы дожидаться возвращения римлян. Из их разговора Малх узнал, что у них были некоторые сомнения в том, одобряют ли римляне присвоение ими добычи мертвых нумидийцев, и в конце концов было решено передать Малха, чьи богатые доспехи свидетельствовали о том, что он важный пленник, римскому командиру.

Основная часть туземцев со всей добычей, которая была собрана, ушла в лес, в то время как вождь с четырьмя своими товарищами и Малхом остались с ранеными римлянами. Римляне вернулись поздно вечером, после того как, как, как уже было сказано, последовали за нумидийцами прямо к лагерю Ганнибала. Со стороны римских солдат послышался ропот, когда они обнаружили, что их союзники опередили их с добычей; нокомандующий офицер был очень доволен, обнаружив, что раненым оказали тщательную помощь, и велел солдатам быть довольными тем, что они оказали хорошую службу обществу, и что Сципион будет ими вполне доволен. Вождь туземцев показал шлем и доспехи Малха, которого двое его людей вывели вперед.

“Кто ты?” - спросил командир Малха по-гречески, на языке, который понимали образованные люди как Рима, так и Карфагена.

- Я Малх, и команду разведчиками армии Ганнибала.

“ Вы молоды для такой должности, - сказал офицер, - но в Карфагене продвижение по службе обеспечивается интересами, а не доблестью. Несомненно, вы родственник Ганнибала.

- Я его двоюродный брат, - тихо сказал Малх.

“ Ах! ” саркастически произнес римлянин. - Это объясняет, почему на столь важный пост выбрали простого юношу. Однако я отведу тебя к Сципиону, у которого, несомненно, найдутся к тебе вопросы относительно армии Ганнибала.

Многие лошади без всадников на равнине прибежали, услышав звуки римских труб, и присоединились к отряду. Малха посадили на одну из них. Те из раненых римлян, кто был в состоянии ехать верхом, сели на других, и небольшой отряд, оставленный позади, чтобы присматривать за теми, кто не мог двигаться, двинулся в путь.

Однако они не смогли продвинуться далеко; лошади были в пути с утра и теперь совершенно выбились из сил; поэтому, проехав несколько миль, отряд остановился. Была выставлена сильная охрана, и люди улеглись рядом со своими лошадьми, готовые вскочить в седло в любой момент, поскольку не исключалось, что Ганнибал послал в погоню большой отряд всадников. Как и предыдущей ночью, Малх почувствовал, что даже если бы Несс до сих пор следовал за ним, он ничего не смог бы сделать, пока была выставлена такая сильная охрана, и поэтому он последовал примеру окружавших его римских солдат и вскоре крепко уснул.

На рассвете следующего утра войска сели на коней и снова двинулись на юг. Ближе к вечеру вдалеке показалось облако пыли, и вскоре отряд въехал в гущу римской армии, которая совершила дневной переход от своих кораблей и как раз останавливалась на ночлег. Командующий кавалерией немедленно поспешил в палатку Сципиона, чтобы сообщить ему об удивительном факте, что Ганнибал уже форсировал Рону, несмотря на сопротивление племен, и что, за исключением слонов, которых все еще видели на противоположном берегу, вся армия переправилась.

Сципион был очень огорчен этим известием, поскольку считал практически невозможным, чтобы Ганнибал смог переправить свою армию через такую широкую и быструю реку перед лицом сопротивления. Теперь он почти не сомневался, что намерение Ганнибала состояло в том, чтобы спуститься по левому берегу Роны до ее устья, и он сразу же приготовился к битве. Услышав, что захвачен какой-то важный пленник, он приказал привести к нему Малха. Когда юношу в сопровождении римских солдат с каждой стороны ввели внутрь, Сципион, привыкший оценивать людей, не мог не восхититься спокойствием и надменным самообладанием своего юного пленника. Его взгляд с одобрением упал на его подвижную жилистую фигуру и узловатые мышцы рук и ног.

- Я слышал, ты Малх, родственник Ганнибала и командующий разведчиками его армии, - начал Сципион.

Малх склонил голову в знак согласия.

- Какая сила у него при себе и каковы его намерения?

“Я ничего не знаю о его намерениях”, - спокойно ответил Малх. - “Что касается его силы, было бы лучше, если бы ты спросил у своих союзников, которые видели, как мы переходили реку. Одного из них привели сюда вместе со мной, и он может рассказать вам, что он видел.

- Разве ты не знаешь, - сказал Сципион, - что я могу приказывать немедленно казнить тебя, если ты откажешься отвечать на мои вопросы?

- Об этом я прекрасно осведомлен, - ответил Малх, - но, тем не менее, я категорически отказываюсь отвечать на какие-либо вопросы.

- Я даю вам время до завтрашнего утра, чтобы обдумать это дело, и если к тому времени вы не решите предоставить мне необходимую информацию, вы умрете.

С этими словами он махнул рукой солдатам, которые немедленно удалили Малха от него. Его отвели в небольшую палатку неподалеку, дали ему еды, и с наступлением темноты к его лодыжкам были прикреплены цепи, а от них - к ногам двух римских солдат, назначенных охранять его ночью, в то время как у входа был поставлен часовой. Цепи были прочными и так плотно обхватывали лодыжки, что сбежать было совершенно невозможно. Даже если бы у него было оружие и он мог бесшумно убить двух солдат, он не приблизился бы к бегству, потому что цепи были так же надежно закреплены вокруг их конечностей, как и вокруг его собственных. Поэтому Малх сразу же отказался от всякой мысли о побеге и, спокойно лежа, размышлял о своей судьбе утром.

ГЛАВА XII: СРЕДИ ПЕРЕВАЛОВ

Вскоре после того, как стражники, к которым он был прикован, уснули, Малх последовал их примеру. Ему показалось, что он спал очень долго, когда прикосновение руки к его плечу разбудило его; в тот же момент другая рука закрыла ему рот.

“Тише, мой господин!” произнес чей-то голос. Это был Несс. “Встань и пойдем. Нельзя терять времени, потому что уже близится утро. Я всю ночь пытался выяснить, где ты был.

- Но охрана, Несс? - спросил я.

“Я убил их”, - сказал Несс безразличным тоном.

- Но я прикован к ним за лодыжки.

Несс нетерпеливо вскрикнул, а затем в темноте пощупал кандалы, чтобы определить природу застёжек. Через минуту раздался звук глухого удара, затем Несс перешел на другую сторону, и звук повторился. Двумя ударами своего короткого тяжелого меча араб отсек ноги мертвых римлян по щиколотку, и цепи были развязаны.

- Наденьте одежду этого человека, милорд, и возьмите его оружие; я возьму оружие другого.

Как только это было сделано, Несс обернул каждую из цепей несколькими складками ткани, чтобы они не звенели, затем, пропустив ленту через концы, прикрепил их к поясу Малха.

- Быстрее, милорд, - сказал он, закончив работу. - начинает светать.

Они перешагнули через мертвого часового у входа в палатку и собирались идти дальше, когда Малх сказал:

- Лучше отнеси его внутрь, Несс; может пройти какое-то время, прежде чем заметят, что он отсутствует на своем посту.

Это было быстро сделано, и затем они тихо двинулись между палатками, пока не приблизились к задней части лагеря. Теперь было достаточно светло, чтобы они могли смутно разглядеть фигуры римских часовых, расставленных через короткие промежутки времени вокруг лагеря.

- Мы не сможем пройти незамеченными, - сказал Малх.

- Нет, милорд, - ответил Несс. - Я потратил слишком много времени, разыскивая вас.

- Тогда нам лучше всего тихо лечь здесь, - сказал Малх. - Через короткое время люди начнут двигаться, и тогда мы сможем пройти мимо часовых незамеченными.

По мере того, как свет разливался по небу, в лагере слышались звуки движения, и вскоре повсюду появились фигуры: одни начали разводить костры, другие ухаживать за своими

лошадьми. Два карфагенянина расхаживали между палатками, как будто были заняты тем же самым, уверенные, что их одежда римских солдат предотвратит любое наблюдение, направленное в их сторону. Им не терпелось поскорее уйти, так как они боялись, что в любой момент могут услышать сигнал тревоги, поднятый при обнаружении отсутствия часового.

Уже почти рассвело, и когда они увидели, что два или три солдата прошли между часовыми, не вызвав ни малейших вопросов, они сразу же последовали за ними. Утро было очень холодным, и все солдаты, которые были поблизости, были одеты в свои военные плащи. Малх натянул кандалы так высоко, как только мог, и они не были видны из-под его плаща.

Небрежно шагая, они миновали часовых, чьи обязанности с наступлением утра сводились только к обнаружению врага, приближающегося к лагерю, и солдаты теперь могли входить или выходить по своему усмотрению.

“ Нет смысла уходить далеко, - сказал Малх. - Чем ближе мы спрячемся к лагерю, тем лучше. Там нас будут искать с меньшей вероятностью, чем на расстоянии, и я не смогу двигаться ни с какой скоростью, пока не избавлюсь от этих тяжелых кандалов. Как только мы перевалим через этот небольшой выступ впереди, мы окажемся вне поля зрения часовых и спрячемся в первом же укрытии, которое увидим.

Небольшой холм находился недалеко от лагеря, местность за ним была открытой, но покрытой низким кустарником. Как только они перевалили через выступ и убедились, что никого из тех, кто покинул лагерь до них, не видно, они нырнули в кустарник и, пробравшись на четвереньках несколько сотен ярдов, легли посреди него.

“ Вряд ли они будут искать на этой стороне лагеря, ” сказал Малх. “ Они не будут знать, в котором часу я сбежал, и, естественно, предположат, что я сразу же отправился в обратный путь к нашему лагерю. Послушайте, их трубы трубят. Без сомнения, они собираются свернуть свой лагерь и выступить в поход; к этому времени о моем побеге должно быть известно. А теперь скажи мне, Несс, как тебе удалось последовать за мной и обнаружить меня?

“ Было легко следовать за вами, мой господин, ” сказал Несс. “ Когда я услышал твой приказ, я лежал неподвижно, но наблюдал сквозь кусты за твоей встречей с галлами. Моя стрела была на тетиве, и если бы они напали на тебя, я бы выпустил ее среди них, а затем бросился умирать вместе с тобой, но когда я увидел, что они взяли тебя в плен, я последовал твоему приказу. Мне было нетрудно держать вас в поле зрения до наступления темноты. Тогда я подкрался к лесу и пробирался до тех пор, пока не оказался в нескольких ярдах от вас, и пролежал там почти до утра; но так как люди вокруг вас так и не заснули, я ничего не мог поделать и снова улизнул до рассвета. Затем я снова последовал за ним, пока не увидел приближающихся наших всадников. Я побежал к ним, чтобы привести их к тебе, когда увидел римскую лошадь и снова спрятался.

“ На следующую ночь римляне снова несли слишком бдительную вахту, чтобы я мог что-либо предпринять, и я следовал за ними весь вчерашний день, пока не увидел, как они входят в римский лагерь. Как только стемнело, я вошел и, попав в ту часть лагеря, которую занимали массивы, чей галльский говор я немного понимал, понял, что привезенный карфагенский пленник должен быть казнен утром. Поэтому я принялся за работу, чтобы найти вас; но ночь была слишком темной, чтобы разглядеть, где расставлены часовые, и мне пришлось обойти каждую палатку, чтобы посмотреть, не стоит ли кто-нибудь у входа на страже, потому что я был уверен, что над вами будет поставлен часовой. Я зашел в семь палаток, у дверей которых были

выставлены часовые, прежде чем нашел вашу, но все они принадлежали римским полководцам или важным лицам. Каждый раз я входил, прорезая щель в задней стенке палатки. Наконец, когда я уже начал отчаиваться, я нашел вашу палатку.

“Он был самым маленьким из всех, которые охранялись, и это заставило меня думать, что я был прав. Когда я заполз внутрь, я обнаружил, осторожно ощупывая себя, что два римских солдата спят на земле, а ты лежишь между ними. Затем я подошел ко входу. Часовой стоял к нему спиной. Я ударил его сзади по шее, и он умер, так и не поняв, что ранен. Я поймал его в момент удара и осторожно опустил на землю, потому что треск его рук при падении разбудил бы всех, кто находился поблизости. После этого было легко заколоть двух охранников, спавших рядом с тобой, а потом я разбудил тебя.

- Ты спас мне жизнь, Несс, и я никогда этого не забуду, - с благодарностью сказал Малх.

“Моя жизнь принадлежит моему господину”, - просто ответил араб. “Я действительно рад, что смог оказать вам услугу”.

Как раз в тот момент, когда он говорил, они увидели сквозь кусты отряд римских всадников, галопом пронесшийся по выступу между ними и лагерем. Однако, перевалив через гребень, они остановились, и сопровождавший их офицер долго и испытующе оглядывал местность. Несколько минут он сидел молча, затем отдал приказ, и всадники снова поскакали через гребень.

“Я думаю, мы их больше не увидим, ” сказал Малх. “Без сомнения, ему было приказано, если я окажусь в поле зрения, преследовать меня, в противном случае было бы явно бесполезно рыскать по милям кустарника в надежде найти меня, тем более что они, должно быть, сочли вероятным, что я нахожусь далеко в противоположном направлении”.

Час спустя Несс осторожно пробрался вперед среди кустов, сделав значительный крюк, пока не достиг места, откуда открывался вид на римский лагерь. Он исчез, позади не осталось ни души, но на некотором расстоянии через равнину он мог видеть тяжелую колонну, марширующую на север. Он поднялся на ноги и вернулся к тому месту, где оставил Малха, и сказал ему, что римляне ушли.

- Первым делом, Несс, избавься от этих цепей.

- С цепями все просто, - сказал Несс, - но кольца на твоих ногах должны оставаться до тех пор, пока мы не вернемся в лагерь, чтобы освободить тебя от них, понадобится напильник.

Почва была песчаной, и Нессу не удалось найти камня достаточно большого для своей цели. Поэтому они двинулись в том же направлении, что и римляне, пока после двухчасового медленного продвижения не наткнулись на русло ручья, в котором было несколько валунов, достаточно больших для этой цели.

Теперь кольца снова спустили к лодыжкам, и Несс намотал на них полоски ткани, пока не образовалась прокладка между железом и кожей, чтобы уменьшить отдачу от удара, затем он поместил звено цепи рядом с ногой на край валуна и, вытащив свой острый тяжелый меч, со всей силы ударил по железу.

Был сделан глубокий надрез; он повторял удар снова и снова, пока звено не было перерезано, затем, с некоторым трудом, он раздвинул два конца, пока скоба кольца не прошла между ними. Операция повторилась с другой цепью, и тогда Малх был свободен, если не считать двух железных колец вокруг его лодыжек. Работа заняла больше часа, и когда она была закончена, они быстрым шагом двинулись в том направлении, куда двинулась колонна. Теперь они не боялись туземцев, потому что, если бы кто-нибудь наткнулся на них, они приняли бы их за двух римских солдат, отставших от армии.

Сципион совершил долгий дневной переход, и только с наступлением ночи его армия остановилась. Малх и его спутник сделали большой крюк вокруг лагеря и продолжали свой путь в течение нескольких часов, затем они сошли с тропы, по которой должна была следовать армия, и, пройдя около мили, улеглись в кустах и вскоре заснули.

Утром они согласились, что, прежде чем двинуться дальше, абсолютно необходимо раздобыть немного еды. Малха накормили, когда он был среди римлян, но Несс ничего не ел с того утра, когда его опрокинуло на Роне четыре дня назад, кроме горбушки хлеба, которую он нашел в одной из палаток, в которую вошел. Внимательно осматривая местность вокруг, острый глаз араба заметил легкий дымок, клубящийся у подножия холмов справа от них, и они сразу же направили свой курс туда. Через час ходьбы они оказались в поле зрения местной деревни.

Как только они заметили это, они опустили на четвереньки и осторожно приблизились к нему на небольшое расстояние. Вскоре они обнаружили стадо коз, щипавших траву на пересеченной местности в нескольких сотнях ярдов от деревни. За ними присматривал мальчик-туземец, который сидел рядом с ними на камне. Они пробирались среди зарослей, пока не оказались совсем рядом с этим местом.

“ Мне пристрелить его? - Спросил Несс, поскольку лук и стрелы были спрятаны под одеждой римского солдата.

“Нет, нет, ” ответил Малх, - этот парень не причинил нам вреда, но мы должны забрать одну из его коз. Он стоит к нам спиной, и, если мы подождем, один из них наверняка скоро подойдет к нам вплотную.

Они тихо лежали в кустах, пока, спустя четверть часа, коза, щипавшая кусты, не прошла в ярде или двух от них.

Несс выпустил стрелу, она прошла почти сквозь животное, прямо за его плечом, и оно упало в кусты. В одно мгновение Несс оказался рядом с ним и, крепко зажав ему рот, чтобы он не заблеял, перерезал ему горло. Они оттаскивали его, пока провал в земле не скрыл их от глаз туземцев, затем быстро освежевали и разделали его, съели немного мяса сырым, а затем, взяв каждый по ноге животного, продолжили свой путь.

Теперь они шли без остановки, пока поздно вечером не наткнулись на место, где переправилась карфагенская армия. Оно было пустынно. Спустившись к берегу реки, они увидели огромные плоты, на которых переправились слоны.

“ Нам лучше пройти милю или две впереди, - сказал Несс. “ Римская кавалерия может быть здесь утром, хотя колонна будет еще в дне перехода отсюда. При свете дня нам не составит труда найти следы армии.

Малх последовал совету араба и на следующее утро последовал по следам армии, которые были достаточно отчетливо видны в сломанных кустах, вытоптанной земле и в различных бесполезных предметах, брошенных войсками. Они были вынуждены продвигаться с осторожностью, так как опасались встречи с кем-либо из туземцев, которые могли оказаться в тылу армии.

После трехдневного путешествия с небольшим перерывом они наткнулись на армию как раз в тот момент, когда аррьергард переправлялся через Изер, и Малх получил радостный прием от своих друзей, которые думали, что он утонул при переправе через Рону. Его рассказ о своем приключении был выслушан с нетерпением, и все были очень удивлены, когда узнали, что он был пленником в лагере Сципиона и был спасен благодаря верности и преданности Несса. Ганнибал задавал много вопросов относительно силы армии Сципиона, но Малх мог только сказать, что, не видя ее, кроме как стоящей лагерем, он мог составить лишь весьма сомнительную оценку ее численности, но считал, что она лишь немногим превосходит армию карфагенян.

“Я не думаю, что Сципион будет преследовать нас”, - сказал Ганнибал. - Поражение здесь было бы для него таким же фатальным, как и для нас, и я думаю, более вероятно, что, когда он обнаружит, что мы ушли на север, он вернется к своим кораблям и встретит нас в Италии.

Малх узнал, что с тех пор, как армия перешла Рону, все развивалось благоприятно, туземцы больше не оказывали сопротивления их продвижению. В регионе, в который сейчас вошла армия, шла гражданская война между двумя соперничающими принцами, братьями Аллоброгов. Ганнибалу было предложено выступить в качестве судьи в ссоре, и он принял решение в пользу старшего брата и восстановил порядок. Взамен он получил от принца, которого снова посадил на свой трон, провизию, одежду и другие предметы первой необходимости для армии, и принц со своими войсками сопровождал карфагенян на некоторое расстояние до Альп и предотвратил нападение племен, обитавших у подножия гор.

Завоевание Каталонии, переход Пиренеев и марш по югу Галлии заняли много месяцев. Лето пришло и ушло, прошла осень, и близилась зима. Было восемнадцатое октября, когда Ганнибал повел свою армию по узким долинам в самое сердце Альп. Верхние части гор уже покрылись толстым слоем снега, и карфагеняне содрогнулись при виде этих высоких вершин, этих диких, скалистых и неприступных пустошей. Вид жалких хижин жителей, самих людей, небритых и неопрятных, одетых в овечьи шкуры, а также отар, собиравшихся в защищенных местах и теснившихся вместе, чтобы противостоять воздействию и без того сильного холода, поверг карфагенские войска в смятение. Были замечены большие группы горцев, размещенные на высотах, окружающих долины, и колонна, смущенная своей длиной и огромным количеством обоза, также подвергалась нападению орд, которые могли в любой момент выскочить из боковых ущелий. Поэтому Ганнибал приказал своей колонне остановиться.

Теперь Малху было приказано отправиться вперед со своим отрядом разведчиков и взять с собой отряд галлов, которые, поскольку их язык был похож на язык туземцев, могли вступать с ними в разговор. Горцы, увидев приближающийся небольшой отряд, мирно позволили им приблизиться и свободно вступили с ними в беседу. Они заявили, что ни в коем случае не позволят карфагенской армии продвинуться вперед, но будут противодействовать каждому шагу их продвижения.

Однако галлы узнали, что, полагая, что огромная колонна может двигаться вперед только днем, местные жители имели обыкновение покидать свои скалистые цитадели с наступлением темноты. Малх вернулся с этой новостью к Ганнибалу, который приготовился воспользоваться ею. Лагерь был немедленно разбит, и люди принялись за работу по созданию укреплений вокруг него, как будто Ганнибал планировал сделать здесь длительный привал. Были разожжены большие костры, и животные были разгружены. Туземцы, видя сверху все, что делалось, как обычно, с наступлением темноты покинули свои посты, уверенные, что карфагеняне не намерены продвигаться вперед.

Малх со своими разведчиками прокрался дальше по тропе и вскоре послал Ганнибалу сообщение, что высоты пустынные. Теперь сам генерал двинулся вперед со всеми своими легкими войсками, занял вершину перевала и разместил сильные отряды людей на господствующих над ним высотах. Как только рассвело, остальная армия пришла в движение и двинулась вверх по перевалу. Теперь было видно, что туземцы приближаются в большом количестве, но они остановились в смятении, увидев, что карфагеняне уже овладели укреплениями.

Дорога, по которой поднималась колонна, вилась по краю пропасти и была такой узкой, что с трудом удалось уговорить лошадей, фыркающих от испуга, двигаться дальше. Туземцы, видя замешательство, вызванное испугом животных в колонне, сразу же устремились в горы, карабкаясь по скалистым обрывам, которые карфагенянам казались абсолютно недоступными, и вскоре появились высоко на склоне горы над колонной.

Тут, издавая самые пронзительные вопли, они начали бросать камни на колонну. Суматоха внизу стала ужасной. Лошади, встревоженные странными дикими криками, десятки раз отдавались эхом в горах и, пораженные падающими камнями, ныряли и отчаянно боролись, пытаясь спастись бегством. Некоторые рвались по тропинке, сбрасывая тех, кто шел перед ними, с обрыва, другие теряли равновесие и, увлекая за собой повозки, к которым они были привязаны, падали в долину внизу. Весь порядок был нарушен. Неспособная к обороне или передвижению колонна, казалось, была на грани уничтожения.

- Вперед, мои люди, - крикнул Малх своим арабам, - туда, куда эти люди могут взобраться, мы можем последовать за ними; на карту поставлена безопасность всей колонны.

Закинув оружие за спину, разведчики начали взбираться на скалы. Какими бы уверенными в себе и выносливыми они ни были, им с величайшим трудом удалось подняться наверх. Многие теряли равновесие и, скатившись вниз, разбивались вдребезги; но подавляющему большинству удалось взобраться на высоту и сразу же вступить в отчаянную схватку с туземцами.

Каждый узкий выступ и скала были ареной конфликта. Туземцы с дальних высот подбадривали своих товарищей криками, и на какое-то время замешательство в колонне внизу усилилось из-за боя, который шел далеко над ними. Каждый камень, выбитый ногами сражающихся, с грохотом обрушивался на них, и падающие тела тех, в кого попали стрелы или дротики, с глухим стуком обрушивались на толпу.

Наконец храбрость и превосходство арабов в вооружении одержали верх. Обрыв был очищен от туземцев, и когда шум утих и снаряды перестали падать, колонна восстановила свой порядок и снова двинулась вперед, пока вся армия не достигла вершины перевала. Здесь Ганнибал

овладел грубым фортом, возведенным туземцами, захватил несколько деревень и достаточно крупного рогатого скота, чтобы прокормить свою армию в течение трех дней. Затем, спустившись с вершины перевала, который теперь известен как Гол-дю-Шат, он вступил в долину Шамбери и три дня шел вперед, не встречая сопротивления.

Малх и его разведчики получили самые теплые поздравления за свое поведение на перевале, поскольку они, несомненно, спасли армию от того, что когда-то грозило стать ужасной катастрофой. По прибытии в город, который, как предполагалось, был идентичен современному Конфлану, жители вышли с зелеными ветками и выразили свое стремление к миру и дружбе. Они сказали, что слышали об участии, постигшей тех, кто осмелился выступить против карфагенян, и что они стремились избежать подобных несчастий. Они предложили доставить заложников в доказательство своих добрых намерений, снабдить армию овцами и козами и предоставить проводников по предстоящей трудной местности.

Марш продолжался два дня. Маршрут, по которому проходила армия, был известен теперь как малый Сенбернар. К счастью, Ганнибал с самого начала сильно сомневался в добросовестности своих проводников и никогда не ослаблял бдительности. Разведчики и легкая пехота вместе с кавалерией шли впереди большой колонны обоза, тяжелая кавалерия прикрывала тыл.

Тропа, которая в течение последних пяти дней марша шла по сравнительно ровной долине, теперь быстро поднималась и, повернув в сторону от долины Изере, вела вверх по глубокому руслу горного потока, известного как Реклю; этот поток протекал в глубоком желобе, выдолбленном в очень узкой долине. Русло теперь настолько завалено камнями, что стало непроходимым, и впоследствии римляне проложили дорогу по склону горы. Но в то время люди и животные могли передвигаться по руслу потока.

Внезапно, когда они преодолевали трудности подъема, огромное количество туземцев появилось на холмах по обе стороны и начало швырять камни в колонну вниз, в то время как в то же самое время еще более сильные силы атаковали их с тыла. Как только появились туземцы, вероломные проводники, шедшие с разведчиками во главе колонны, попытались спастись бегством, взобравшись на склон горы. Арабы бросились в погоню, но Малх остановил их.

“Держитесь вместе, - крикнул он, - и ни в коем случае не разбегайтесь; враг атакует нас всей силой, и всем нам надлежит быть стойкими и обдуманными в наших действиях”.

Однако вслед предателям был послан град стрел, и большинство из них снова безжизненными покатались вниз по склону.

Первой заботой Ганнибала было вывести свою кавалерию из ущелья. Это было сделано с большим трудом, и они были выстроены в надлежащем порядке на узком участке ровной местности между ущельем, по которому протекала река, и горами, окаймляющими перевал.

Легкие войска теперь поднялись на холмы с обеих сторон и быстро вступили в бой с врагом. Замешательство в русле потока было огромным. Огромное количество людей и животных было убито камнями и снарядами сверху, но еще больше солдат было затоптано насмерть перепуганными лошадьми. Тяжелая пехота в тылу оставалась стойкой и отражала все попытки основных сил противника прорваться к колонне.

С наступлением ночи бой прекратился, но Ганнибал и войска, шедшие впереди колонны, провели ночь с оружием в руках у подножия некоей белой скалы, возвышающейся над ущельем, которая до сих пор отмечает точное место конфликта. Туземцы сильно пострадали как от столкновения с легкими войсками на склоне холма, так и от отражения их атак на арьергард, и утром они не рискнули возобновить атаку, и колонна двинулась вперед из ущелья и продолжила свой марш, туземцы время от времени бросались вниз, чтобы атаковать ее.

Слоны были размещены на фланге линии марша, и появление этих странных животных так напугало врагов, что они прекратили атаку, и к вечеру армия расположилась лагерем на вершине перевала.

Уже выпал глубокий снег, армия была измотана и подавлена испытаниями и опасностями, через которые они прошли, и понесла большие потери в людях и животных за девять дней, прошедших с тех пор, как они впервые вошли в горы. Ганнибал дал им двухдневный отдых, за это время к ним присоединились многие отставшие воины и вьючные животные, которые в ужасе и неразберихе атаки сбросили свою поклажу и убежали, но чей инстинкт вел их следовать по маршруту марша.

В конце второго дня Ганнибал собрал свои войска и обратился к ним с волнующей речью. Он сказал им, что худшая часть их путешествия теперь позади. Он указал им на равнины Италии, вид на которые открывался с перевала впереди, и сказал им, что там они найдут покой и друзей, богатство и славу. Солдаты, как обычно, отреагировали на слова своего любимого генерала одобрительными криками и с обновленным духом приготовились встретить трудности, которые все еще стояли перед ними.

На следующее утро шествие возобновилось. На тропе лежал глубокий снег, и солдаты обнаружили, что, какими бы большими ни были трудности подъема, трудности спуска были значительно больше, поскольку склоны Альп на итальянской стороне гораздо круче и обрывистее, чем на французской. Каждый шаг приходилось делать с осторожностью; те, кто хоть немного отклонялся от тропы, обнаруживали, что снег проваливается у них под ногами, и падали в пропасть рядом с ними.

Таким образом погибло много вьючных животных; но, наконец, голова колонны оказалась у подножия крутого спуска в овраге с почти отвесными стенами, у подножия которого летом протекал горный ручей. В глубину этого оврага никогда не проникали солнечные лучи, и в нем лежала масса прошлогоднего снега, который так и не растаял полностью, но который вместе с водой ручья образовал слой скользкого льда.

Только что выпавший снег мешал солдатам разглядеть природу местности, и, ступив на нее, они падали вниз головой, скользя в своих доспехах по быстро идущему под уклон ледяному ложу, многие расшибали себе мозги или ломали конечности о выступающие из него огромные валуны. Затем кавалерия попыталась прорваться, но с еще меньшим успехом, потому что копыта лошадей пробили твердый верхний наст старого снега, и животные провалились в него по брюхо. Видя, что преодолеть это препятствие невозможно, Ганнибал повернул назад голову колонны, пока они не достигли вершины подъема, с которой только что спустились. Там он расчистил снег и разбил лагерь; затем вся пехота была переведена на перевал и приступила к строительству дороги вдоль края оврага.

Инженеры огнем и взрывчаткой взорвали подножие скал; пехота разбила камни и образовала ровную дорогу. Работа продолжалась всю ночь, войска сменяли друг друга с частыми интервалами, и к утру на расстоянии трехсот ярдов была проложена тропа, по которой могли передвигаться пешие люди, лошади и вьючные животные, за которой препятствие, остановившее продвижение армии, прекратилось.

Кавалерия, вьючные животные и часть пехоты сразу же продолжили свой путь вниз по долине, в то время как остальная пехота осталась позади, чтобы расширить дорогу настолько, чтобы по ней могли пройти слоны. Хотя работа велась с величайшей энергией, потребовалось всего три дня труда, прежде чем удалось пропустить слонов. Животные к этому времени ослабели от голода, ибо с того времени, как они свернули из долины Изер, в Альпах совершенно не было деревьев, а земля была покрыта снегом, и не было ни листвы, ни корма, чтобы пополнить запасы муки, которые они несли для своего потребления. Не было найдено и дерева, из которого можно было бы изготовить лепешки, в которые превращалась мука для их рациона.

Когда слоны прошли, марш был продолжен, и, присоединившись к заранее подготовленным войскам, которые остановились в лесу ниже уровня снега, колонна продолжила свой марш. На третий день после прохождения ущелья они вышли на равнину По, потеряв за пятнадцать дней перехода через Альпы большое количество людей от нападений врага, от прохождения быстрых потоков, от падений в пропасти и от холода, и еще больше пострадали лошади и вьючный скот.

Из 59 000 отборных войск, с которыми он двинулся вперед после завоевания Каталонии, Ганнибал достиг равнин Италии, имея всего 12 000 африканских пехотинцев, 8000 испанских и галльских пехотинцев и 6000 кавалеристов — всего 26 000 человек. Действительно, небольшая сила, с которой можно вступить в борьбу с мощью Рима. Из 33 000 пропавших без вести 13 000 человек пали при перевалах Пиренеев и марше через Галлию, 20 000 погибли при переходе через Альпы.

ГЛАВА XIII: БИТВА При ТРЕБИИ

Карфагенянам повезло, что Ганнибал установил связь с галльскими племенами на равнинах у подножия Альп, и что при выходе с горных перевалов его армия оказалась среди друзей, ибо, если бы на нее напали, она была бы не в состоянии оказать энергичное сопротивление, поскольку люди были совершенно разбиты усталостью и деморализованы потерями. Многие ужасно страдали от обморожений, кавалерия была совершенно неспособна действовать, настолько измученными и ослабевшими были лошади. Большое количество солдат едва могли передвигаться самостоятельно из-за состояния своих ног; их обувь и сандалии, достаточно приспособленные для песчаных равнин, были совершенно непригодны для преодоления скалистых обрывов, и большая часть армии была почти босиком.

Все время, пока они пересекали горы, они упорно и отчаянно боролись; отстать означало быть убитым туземцами, лечь - умереть от холода; но с исчезновением абсолютной необходимости прилагать усилия исчезла и способность к ним. Измотанная, молчаливая, измученная и почти отчаявшаяся армия Ганнибала производила впечатление скорее армии, потерпевшей ужасное поражение, чем отряда людей, совершивших ратный подвиг, не имеющий себе равных в истории войн.

К счастью, они оказались среди друзей. Инсубры, которые с нетерпением ожидали их прихода, в большом количестве стекались встречать их, когда они выходили на равнину, принося с собой скот, зерно, вино и всевозможные закуски, и приглашая армию расположиться среди них, пока они не оправятся от усталости. Это предложение Ганнибал сразу же принял. Армия была разбита и рассеяна по разным городам и деревням, где жители соперничали друг с другом в заботе об удобствах гостей. Двухнедельный абсолютный покой, обилие пищи и сознание того, что худшая из их работ закончилась, сотворили с людьми чудеса.

Малх прибыл в состоянии крайнего истощения, и действительно, последние два дня марша его несли на спине одного из слонов. Роты, которой он командовал, больше не существовало; они перенесли гораздо больше, чем им причиталось в походе; они потеряли почти половину своего числа в столкновении у пропастей с туземцами, и в то время как остальная часть армии шла по тропе, где снег уже был сильно утоптан кавалерией впереди них, разведчикам впереди приходилось пробираться по снегу глубиной по колено. Привыкшие к усталости и лишениям, арабы были непривычны к холоду, и с каждым днем их число уменьшалось, пока, когда они вышли на равнину, в живых не осталось только двадцать человек из отряда.

Ганнибал поручил своего юного родственника заботам одного из вождей инсубров. Последний приказал своим последователям соорудить носилки и отвез молодого карфагенянина в его деревню, расположенную у подножия холмов на берегу реки Оркус.

Здесь он был передан на попечение женщин. Раны и ушибы, вызванные падениями на камни и лед, были промыты и перевязаны, затем его поместили в небольшую камеру и поливали водой нагретые камни, пока она не наполнилась горячим паром, и Малх начал думать, что его собираются сварить заживо. После часового пребывания в этой паровой ванне его смазали маслом и растирали до тех пор, пока каждая конечность не стала эластичной, затем его положили на кушетку и накрыли мягкими шкурами, и еще через несколько минут он крепко спал.

На следующий день он проснулся поздно, а проснувшись, обнаружил, что стал другим человеком. Перед ним был накрыт завтрак из мяса, свежего сыра, приготовленного из козьего молока, и лепешек, и, если бы не то, что его ноги все еще были полностью парализованы последствиями обморожения, он почувствовал бы, что снова готов занять свое место в строю. Жена и дочери вождя прислуживали ему. Первая была высокой, величественного вида женщиной. Она не принадлежала к инсубрам, но была дочерью вождя, который вместе с частью своего племени покинул свой родной дом далеко к северу от Альп и поселился в Италии.

Две дочери были молодыми женщинами старше двадцати лет, высокими и крепко сложенными, как и их мать, третьей была девушка лет пятнадцати. Девочки были похожи на свою германскую мать, и Малх удивлялся светлоте их кожи, светлому цвету лица и мягкому светло-каштановому цвету волос, потому что они были настолько же светлее галлов, насколько эти были светлее

карфагенян. Малх почти не общался со своими хозяевами, язык которых сильно отличался от языка трансальпийских галлов.

Его пребыванию здесь суждено было продлиться гораздо дольше, чем он ожидал, потому что его ноги были серьезно обморожены, и в течение некоторого времени было сомнительно, что он их не потеряет. Постепенно, однако, воспаление уменьшилось, но прошло шесть недель после его приезда, прежде чем он смог ходить. Время от времени от Ганнибала и его отца прибывали гонцы, чтобы справиться о нем, и от них он узнал, что карфагеняне захватили города Верчеллу, Валентинум и Асту, а также менее важные города Ивреа, Кивассо, Боденмаг и Карбантия.

К тому времени, когда он выздоровел, он уже мог свободно разговаривать со своими хозяевами, поскольку вскоре усвоил разницу между их языком и языком галлов, с которым он уже был знаком. Вождь с большей частью своих сторонников выступил в поход и присоединился к армии Ганнибала, которая осадила город Турин, жители которого были в союзе с Римом. Он был сильно укреплен. Ганнибал возвел укрепление на расстоянии шестидесяти ярдов от стены и под его прикрытием вырыл колодец, а оттуда проложил широкую галерею, крыша над которой поддерживалась подпорками.

Разделенные на бригады, каждая из которых работала по шесть часов, войска трудились день и ночь, и через три дня после начала работ галерея была подведена под стены. Затем его проехали вправо и влево на тридцать ярдов в каждую сторону и наполнили дровами, горючими материалами и взрывчаткой. Затем рабочие удалились, и дрова были подожжены, подпорки, поддерживавшие крышу, вскоре сгорели, земля сверху обрушилась, обрушив стены, и была проделана большая брешь, через которую осаждающие, выстроившись наготове, ворвались внутрь и захватили город.

В тот же день, когда Ганнибал захватил Турин, Сципион вступил в Пьяченцу. Обнаружив, что Ганнибал сбежал от него на Роне, он отправил основную часть своей армии под командованием своего брата Кнейуса в Испанию, их первоначальную цель, а с остальными отплыл в Пизу и высадился там. Поспешно двинувшись на север, он набрал 10 000 солдат из числа жителей страны, многие из которых уже служили в римской армии. Затем он двинулся на север, к Теннето, где к нему присоединились преторы Манлий и Аттилий с более чем 20 000 человек, с которыми он двинулся к Пьяченце.

Ганнибал, как обычно, воодушевив своих солдат обращением, двинулся навстречу Сципиону. Последний со своей кавалерией переправился через Тичино и был в пяти милях от Верчеллы, когда в поле зрения появился Ганнибал, также со своей кавалерией. Фронт Сципиона был прикрыт толпой пеших стрелков вперемешку с нерегулярными галльскими всадниками; римская кавалерия и кавалерия итальянских союзников составляли его основные силы.

Ганнибал приказал карфагенской коннице атаковать центр противника, а нумидийцам - атаковать их с обоих флангов. Римляне в те дни мало что понимали в использовании кавалерии, войска часто спешили и сражались пешими. С другой стороны, солдаты Ганнибала были обучены сражаться по тактике, напоминающей современную. Как только прозвучал приказ к атаке, карфагенская конница, обрадованная тем, что наконец-то, после всех своих трудов и страданий, оказалась на расстоянии удара от своих врагов, издала могучий крик и, пришпорив своих великолепных коней, бросилась на врага.

Натиск этой солидной массы отборной кавалерии был неотразим. Они разметали перед собой стрелков и галльскую конницу и с яростью обрушились на основные силы, далеко прорубив путь в их ряды. Прежде чем римляне смогли оправиться от замешательства, нумидийская конница обрушилась на их фланги. Атака была неотразимой; большое количество римлян было убито, а остальные в панике бежали, горячо преследуемые карфагенянами, пока не достигли укрытия римской пехоты, которая наступала позади них. Сципион, который был ранен в бою, немедленно повел свою армию обратно в Пьяченцу.

Известие об этой битве дошло до Малха как раз в тот момент, когда он готовился к отъезду. Гонец, доставивший его, привел также передового коня, которого Гамилькар прислал для своего сына. Надев доспехи, Малх вскочил в седло и сразу же уехал, горячо поблагодарив своих друзей, которых он ожидал вскоре увидеть снова, поскольку они вместе с остальной частью племени собирались присоединиться к вождю — галльские женщины часто сопровождали своих мужей в походах.

Малх был рад вернуться в армию, с которой его разлучали более двух месяцев. Он с удовольствием увидел, что теперь они полностью оправились от последствий пережитых невзгод и имели такой же гордый и воинственный вид, как и при выходе из Карфагены.

Исход их первого сражения с римлянами поднял их дух и уверенность, и всем не терпелось приступить к ожидавшей их кампании. Малх по прибытии был назначен командовать отрядом галлов, составлявшим телохранителей полководца. Ганнибал двинулся вверх по реке По и приготовился пересечь эту реку у Гамбио, в двух днях легкого перехода выше ее слияния с Тичино. Армию сопровождало значительное количество инсубров. Сразу же были начаты работы по строительству моста.

Малх, проезжая через лагерь, наткнулся на палатки своего покойного хозяина, к которому в тот день присоединилась его семья. Малх оказал им почести в лагере, провел их через ряды карфагенской кавалерии, показал им слонов и, наконец, отвел их к Ганнибалу, который принял их очень любезно и преподнес множество подарков в знак своей благодарности за заботу о его родственнике. На следующий день строительство моста было завершено, и войска начали переходить реку, туземцы толпились на берегу и даже отважились взойти на мост, чтобы понаблюдать за внушительной процессией войск.

Малх остался с Ганнибалом в тылу, но, видя, что произошла задержка при переправе слонов, ему было приказано подъехать к мосту и посмотреть, в чем дело. Найдя, что толпа слишком велика, чтобы он мог проехать верхом, Малх отдал своего коня солдату и двинулся вперед пешком. Добравшись до головы колонны слонов, он обнаружил, что одно из ведущих животных, сомневаясь в устойчивости моста в этом месте, упрямо отказывается двигаться дальше. Приказав погонщику погнать животное вперед и приказав нескольким солдатам проткнуть зверя копьем сзади, Малх вступил в разговор с женой и дочерьми вождя инсубрийцев, которые получили от Ганнибала специальный приказ, разрешающий им занять позицию на мосту, чтобы наблюдать за их переправой.

Пока он разговаривал с ними, слон внезапно развернулся и, громко трубя, попытался прорваться обратно. Последовала сцена дикого замешательства. Толпа расступилась перед ним, нескольких солдат сбросили с моста в реку, а Малха и его спутников толпа увлекла за

собой; раздался негромкий крик, и Малх увидел, как младшую из девочек столкнули с моста в реку.

Он сбросил шлем, расстегнул застежки нагрудника и наспинника, расстегнул пояс с мечом и прыгнул внутрь. Вынырнув на поверхность, он услышал рядом с собой веселый смех и увидел девушку, спокойно плывущую рядом. Хотя он был огорчен тем, что так поспешно предположил, что она не в состоянии позаботиться о себе, он присоединился к ее смеху и плыл рядом с ней, пока они не достигли берега на некотором расстоянии ниже. Обремененный одеждой, которая все еще оставалась на нем, Малх испытывал гораздо большие трудности, чем девушка, добираясь до берега.

- Ты что, думал, - спросила она, смеясь, когда он с трудом выбрался на берег, - что я, галльская девушка, не умею плавать?

- Я ничего не думал об этом, - сказал Малх. - Я видел, как тебя втокнули внутрь, и последовал за тобой, совершенно не раздумывая.

Хотя они не совсем понимали слова друг друга, смысл был ясен; девушка положила руку ему на плечо и откровенно посмотрела в лицо.

“ Я благодарю вас, - сказала она, - так же, как если бы вы спасли мне жизнь. Ты намеревался это сделать, и это было очень любезно с твоей стороны, великий военачальник этой армии, рискнуть своей жизнью ради галльской девушки. Клотильда никогда этого не забудет.

К тому времени, как они достигли моста, колонна двинулась дальше. Впереди был поставлен более послушный слон, и когда он пересек сомнительную часть моста, остальные быстро последовали за ним. Как только Малх и его спутница достигли конца моста, они встретили ее мать и сестер, идущих им навстречу.

На их лицах была веселая улыбка, когда они благодарили Малха за его попытку спасти их, а сестры Клотильды прошептали ей на ухо несколько смеющихся замечаний, от которых девушка густо покраснела и возмущенно выпрямила свою хрупкую фигурку во весь рост. Малх удалился в свою палатку, чтобы обзавестись свежими доспехами и мечом, поскольку он не сомневался, что те, что были брошены в стороне, в суматохе перенесли через мост. Солдат вернулся со своим конем и через несколько минут занял свое место во главе галлов, выстроившихся у палатки Ганнибала.

Вскоре появился сам генерал и, вскочив на коня, поехал вперед. Малх последовал за своим отрядом, махнув на прощание рукой тем, кто стоял, наблюдая за отъездом, и не без удовольствия от того, что те, кто раньше знал его только как беспомощного инвалида, теперь видят его верхом во главе великолепной телохранительницы великого полководца.

Ганнибал двигался почти строго на восток, намереваясь вынудить Сципиона дать сражение к югу от По. Сильная римская крепость Кастеггло (Кластидиум), лежащая у подножия холмов, должна была преградить ему путь; но Ганнибал с помощью одного из своих местных союзников подкупил римского военачальника, чтобы тот воздержался от прерывания его похода. Затем он продвигался вперед, пока на третий день после переправы через По не оказался в пределах видимости Пьяченцы, под стенами которой расположилась римская армия.

Сципион после своего катастрофического конфликта с кавалерией написал в Рим, настаивая на своей неспособности с силами, находившимися под его командованием, дать бой Ганнибалу в одиночку, и умоляя, чтобы ему немедленно предоставили подкрепление армией под командованием Семпрония, находившейся в то время в Ариминуме (Римини). Объединенные консульские армии, которые он представлял, должны были занять свои позиции на реке Требия.

Эта река брала начало в Апеннинах, но недалеко от Генуи, и текла почти прямо на север, впадая в По у Пьяченцы. Таким образом, римская армия там эффективно преградила бы Ганнибалу путь на богатые равнины на востоке и помешала бы ему пересечь Апеннины и следовать по дороге вдоль побережья, поскольку они могли бы, если бы он предпринял такое движение, напасть ему в тыл.

Ганнибал разбил свой лагерь на реке Нуре, примерно в пяти милях от Пьяченцы, но Сципион оставался неподвижным в своих рядах, ожидая прибытия своего коллеги. Положение Ганнибала было трудным. Он пересек Пиренеи и Альпы, чтобы напасть на Рим; но между ним и Южной Италией лежал еще один барьер - Апеннины. Сципион упустил его после того, как тот пересек Пиренеи, было слишком поздно атаковать его, когда измотанная армия вышла из Альп; но теперь, объединившись с Семпронием, он надеялся сокрушить его у подножия Апеннин. Ганнибал хотел, если возможно, предотвратить соединение двух римских армий, но если это невозможно было сделать, он решил сражаться с ними вместе.

Сципион осознал опасность своего положения и, чтобы иметь возможность лучше присоединиться к Семпронию, покинул Пьяченцу под покровом ночи и занял сильную позицию на берегах Требии. Здесь он мог поддерживать прямую связь с Римом и, в случае крайней необходимости, отступить и присоединиться к своему коллеге, продвигающемуся к нему. Ганнибал, заметив смену позиции Сципиона, свернул свой лагерь и занял пост на Требиоле, небольшом ручье, впадающем в Требию и обращенном к римскому лагерю на расстоянии четырех миль.

Теперь он был бессилен предотвратить соединение двух римских армий, и почти месяц Сципион и Ганнибал лежали, наблюдая друг за другом. К тому времени Семпроний был в дневном переходе от Сципиона. Ганнибал не сидел сложа руки во время этого отдыха. Он был занят укреплением своего союза с галльскими племенами, населявшими Ломбардские равнины. Они, видя, как быстро Ганнибал очистил провинцию от римлян, поверили, что их освобождение будет совершено, и по большей части выступили на стороне карфагенян.

Агенты Ганнибала также работали в Классидии, и префект гарнизона был вынужден за взятку сдать ему это место. Это было огромным преимуществом для Ганнибала и соответствующим ударом для римлян, поскольку Классидиум был главным опорным пунктом к северу от Апеннин. Известие о падении этого важного города привело Семпрония, энергичного полководца, в ярость. Он немедленно выехал из своего лагеря в лагерь Сципиона и предложил немедленно атаковать Ганнибала.

Сципион, который все еще страдал от раны, полученной в кавалерийском бою, настаивал на том, чтобы римская армия оставалась на своих местах, если это необходимо, в течение предстоящей зимы. Он указал, что галльские союзники Ганнибала упадут духом, увидев его бездействие, и перестанут снабжать его припасами, и что он будет вынужден либо атаковать их в невыгодном положении, либо отступить с занимаемой им позиции. Но Семпроний был

честолюбивым человеком, приближалось время консульских выборов, и он не желал оставлять своему преемнику славу сокрушения Ганнибала.

Тот факт, что Сципион был ранен и не смог принять участие в битве, также усилил его желание форсировать ее, поскольку вся слава победы принадлежала бы ему. Поэтому он сказал своему коллеге, что, хотя он и видел силу своих аргументов, общественное мнение в Риме уже было настолько взволновано тем, что Ганнибалу было позволено без боя отвоевать у Рима такую обширную территорию, что было абсолютно необходимо начать боевые действия. Теперь две армии соединились на Требии, и мнения среди офицеров и солдат, как и между консулами, сильно разошлись относительно наилучшего курса действий.

Шпионы Ганнибала среди туземцев держали его в курсе того, что происходило в римском лагере, и он решил спровоцировать римлян на сражение. Поэтому он отправил две тысячи пехотинцев и тысячу кавалеристов опустошать земли некоторых галльских союзников римлян. Семпроний отправил большую часть своей кавалерии с тысячей легкой пехоты, чтобы отбросить карфагенян.

В последовавшем сражении римляне потерпели поражение. Еще более разъяренный Семпроний выступил им на помощь со своей армией. Ганнибал созвал свои войска и отвел их до того, как прибудет Семпроний. Разочарование и ярость римского полководца были велики, и Ганнибал почувствовал, что теперь он может начать сражение, когда захочет. Он решил сражаться на равнине, недалеко от своей собственной позиции. Она была плоской и голой, и ее пересекала Требиола. Этот ручей протекал между крутыми берегами ниже уровня равнины; его берега были покрыты густым кустарником и тростником, и узкий проход через равнину был едва заметен.

Вечером двадцать пятого декабря Ганнибал вывел свою армию из лагеря и построился на равнине напротив Требии, приказав корпусу под командованием его брата Магона войти в русло Требиолы и скрываться там до тех пор, пока они не получат его приказ атаковать. Позиция, которую занимал Маго, выводила его в левый тыл армии, которая переправилась через Требию и наступала, чтобы атаковать позицию, занятую Ганнибалом. Подготовившись таким образом к битве, Ганнибал приступил к ее провоцированию.

На рассвете двадцать шестого числа он отправил сильный отряд всадников за реку. Перейдя Требию частично вброд, частично вплавь, карфагенская конница подъехала к частоколу, окружавшему римский лагерь, где оскорбительными криками и метанием дротиков они пробудили римских солдат ото сна. Это оскорбление возымело желаемый эффект, Семпроний выбежал из своей палатки, разъяренный тем, что он считал наглостью карфагенян, и призвал свои войска к оружию. С привычной дисциплиной римляне выстроились в их ряды. Легкая кавалерия первой выступила из-за частокола, за ней следовала пехота, тяжелая кавалерия замыкала тыл. Оскорбляющие нумидийцы уже отступили, но Семпроний теперь был полон решимости начать сражение. Он двинулся вниз по реке и перешел ее вброд.

Вода была очень холодной, река разлилась, брод был по пояс глубиной, когда солдаты маршировали через него. Достигнув противоположного берега, римский полководец выстроил свою армию в боевом порядке. Его пехота численностью около сорока пяти тысяч человек была выстроена в три параллельные линии; пятитысячная кавалерия находилась на флангах. Пехота состояла из шестнадцати тысяч римских легионеров, или тяжелой пехоты, и шести тысяч легкой

пехоты. Итальянские племена, союзные Риму, предоставили двадцать тысяч пехотинцев; остальные три тысячи были местными союзниками. Пехота занимала фронт протяженностью в две с половиной мили; кавалерия растянулась на милю с четвертью на каждом фланге. Таким образом, римский фронт сражения имел протяженность в пять миль.

Силы Ганнибала уступали по численности; его линейная пехота насчитывала двадцать тысяч человек. У него было восемь тысяч легкой пехоты и десять тысяч кавалерии. Карфагенский строй был намного глубже римского, а боевая линия Ганнибала имела длину менее двух миль. Перед ним стояли слоны, числом тридцать шесть, разделенные на пары и расставленные с интервалом в сто ярдов между каждой парой.

В то время как римляне, продуваемые пронизывающим ветром, продрогшие до костей из-за купания в ручье и вернувшиеся из лагеря без завтрака, выстраивались в длинный боевой порядок, войска Ганнибала, собравшись вокруг пылающих костров, плотно позавтракали; после чего в приподнятом настроении и уверенности они приготовились к битве.

Ганнибал созвал офицеров и обратился к ним с волнующими словами, которые они повторили солдатам. Приготовление римлян заняло много времени, и только после полудня они выстроились в боевой порядок. Оказавшись на небольшом расстоянии от карфагенян, они остановились, и трубы и музыкальные инструменты с обеих сторон зазвучали с вызовом. Затем карфагенские пращники проскользнули между рядами своей тяжелой пехоты, прошли между слонами и начали сражение.

У каждого из этих людей было по три пращи, одна из которых использовалась на больших расстояниях, другая - когда он был ближе к врагу, третья - когда был под рукой. В действии одна из этих пращей была намотана на голову, другая - на тело, третью несли в руке. Их дальнобойные снаряды представляли собой свинцовые пули, и они были настолько искусны, что, как говорят, могли с уверенностью попасть в лицо врагу, стоящему на расстоянии полета пращи.

Обнаженные по пояс, они продвигались вперед и из своих дальнобойных пращей забрасывали римскую пехоту свинцовыми пулями. Подойдя ближе, они обменялись пращами и выпустили из них камешки яйцевидной формы, которые собрали со дна Требии. Оказавшись на еще более близком расстоянии с помощью третьих пращей, они выпустили залпы гораздо более крупных и тяжелых камней с такой огромной силой, что казалось, будто они выпущены из катапульт. Против такого шквала снарядов римские стрелки не смогли устоять и были немедленно отброшены назад.

Их критские лучники, выпустив свои стрелы с небольшим эффектом, поскольку тетивы были ослаблены при переправе через реку, также бежали вслед за тяжелыми войсками; а те, в свою очередь, подверглись граду камней. Дезорганизованная этой атакой, подобной которой они никогда раньше не испытывали, с раздавленными шлемами, помятыми нагрудниками и щитами, передняя линия римлян быстро пришла в замешательство. Семпроний приказал использовать свои боевые машины для метания камней и дротиков, но они тоже были повреждены при переходе через реку.

Град карфагенских снарядов продолжался до тех пор, пока римская легкая пехота не была вынуждена отступить; затем пращники были отозваны, и тяжелая пехота двух армий встала лицом друг к другу. Карфагеняне построились в плотный строй и, плечом к плечу, прикрываясь

щитами, двинулись навстречу римским легионам. Когда они двигались, их музыка — флейта, арфа и лира — звучала в воздухе военным маршем, и, не сбавляя шага, длинная шеренга продвигалась вперед в идеальном порядке и регулярности. В центре стояли карфагенские пехотинцы и их африканские союзники, одинаково одетые в красную тунику, бронзовый шлем, стальную кирасу и круглый щит, а также вооруженные, помимо мечей, пиками двадцати футов длиной. Слева стояли испанцы в белых туниках с пурпурной каймой, с полукруглыми щитами четырех футов в длину и тридцати двух дюймов в ширину, вооруженные длинными мечами, используемыми либо для рубящих, либо для колющих ударов.

Слева стояли местные союзники, обнаженные по пояс, вооруженные щитами и мечами, подобными галльским, за исключением того, что мечи использовались только для рубки.

Семпроний выдвинул свою вторую линию, чтобы заполнить промежутки в первой, и римляне с таким же упорством вступили в бой; но гораздо большая сомкнутость карфагенского строя сослужила им хорошую службу. Они двигались сплошной стеной, их щиты были плотно прижаты друг к другу, и они неуклонно продвигались вперед, несмотря на отчаянные попытки римского центра в его более открытом строю оказать им сопротивление; каждому римскому солдату в бою было предоставлено пространство шириной в человеческий рост между ним и его товарищем с обеих сторон, чтобы позволить ему свободно пользоваться своим оружием. Таким образом, каждому римлянину противостояли по два карфагенянина, вдобавок к этому большая глубина африканского формирования придавала им вес и непреодолимый импульс.

Пока продолжалась эта битва, нумидийские всадники численностью в десять тысяч человек атаковали римскую кавалерию. Они, гораздо более легковооруженные, чем их противники, и уступавшие им численностью, ни на мгновение не смогли выдержать удара и были немедленно изгнаны с поля боя. Предоставив слонам преследовать их и мешать им сплотиться, нумидийские всадники развернулись и обрушились на фланги длинной римской линии; в то же самое время карфагенские пращники, снова вышедшие из-за спины основных сил, открыли ужасный огонь из камней, нагретых в принесенных на место печах.

Несмотря на то, что римляне были взяты с фланга, раздавлены градом метательных снарядов, их кавалерия разгромлена, а центр прорван, они сражались упорно и хорошо. Теперь Ганнибал направил против их рядов приданных пехоте слонов, которые, покрытые стальными доспехами и громко трубя, несли смерть и смятение в ряды римлян. Но легионы продолжали сражаться упрямо и отчаянно, пока звуки дикой музыки в тылу не наполнили их ужасом, когда Магон со своим подразделением нумидийской пехоты вышел из своего укрытия и напал на римлян сзади.

Пораженные ужасом при внезапном появлении этих диких солдат, о свирепости которых они были так много слышаны, римляне пали духом и теперь стремились только к бегству. Но все было напрасно. Карфагенская пехота была впереди, кавалерия на фланге, нумидийцы в тылу.

Только около десяти тысяч римских солдат, держась единым строем, прорвались сквозь кавалерию и достигли Пьяченцы.

Тридцать тысяч были убиты на равнине. Многие утонули, пытаясь переплыть Требию, и из пятидесяти тысяч человек, которыми командовал Семпроний, остались только легион, оставшийся охранять лагерь, разбитые остатки кавалерии и корпус, бежавший из Пьяченцы.

Ликованию победителей не было предела. Доселе непобедимые римские легионы были разгромлены. Путь на Рим был перед ними свободен. Все тяготы и невзгоды, которым они подверглись, были забыты в час триумфа, и их союзники-туземцы поверили, что теперь их свобода от Рима обеспечена.

Вердикт великих полководцев всех эпох закрепил за битвой при Требии славу величайшего военного подвига, когда-либо совершенного. Гениальность Ганнибала проявилась не только в плане сражения и расположении его войск, но и в совершенстве, с которым они управлялись, в движениях, которые он сам изобрел и которым научил их, и в изумительной дисциплине, с которой он привил им.

Наполеон Первый отвел Ганнибалу ведущее место среди великих полководцев мира, и Требия была его шедевром. Но карфагеняне, ликуя от своей победы, не оценили степень упорства и ресурсов Рима. Сам Семпроний подавал пример своим соотечественникам. В Пьяченце он собрал остатки своей армии и написал в Рим, сообщив, что одержал победу, но внезапный шторм спас врага от уничтожения.

Сенат понимал правду, но действовал в том духе, в котором он написал. Они объявили народу, что одержана победа, и приказали провести консульские выборы как обычно, одновременно разослав приказы по всем частям римского владычества о наборе свежих войск.

Ганнибал попытался застать Пьяченцу врасплох, но Сципион выступил со своей кавалерией и остановил его, сам Ганнибал был легко ранен. Затем карфагеняне выступили маршем и взяли штурмом город Вкумве, а во время их отсутствия два консула эвакуировали Пьяченцу и двинулись на юг. Сципион повел свою часть маленькой армии в Ариминум (Римини), Семпроний принял его командование в Арретиум (Меццо), где они оба быстро получили подкрепление. Ганнибал предпринял попытку пересечь Апеннины, но в горах лежал глубокий снег, и, не сумев осуществить свою цель, он снова вернулся зимовать на равнину.

Тем временем Цней Сервилий Гемин и Гай Фламиний были избраны консулами. Фламиний сменил Семпрония на посту командующего римской армией при Арретиуме, в то время как Гемин принял командование ею в Римини. Между этими консулами, как это обычно бывало в Риме, существовала острая зависть. Гемин был выдвигенцем аристократической партии, в то время как Фламиний был кумиром народа, и, как это часто бывало на войне, это соперничество между двумя генералами, обладающими равной властью, причинило огромное зло армиям, которыми они командовали.

ГЛАВА XIV: БИТВА На ТРАЗИМЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Битва при Требии стоила Малху потери его отца. Именно против части войск, возглавляемой Гамилькаром, бросились римляне, прорвавшиеся сквозь кольцо врагов, окруженных

Ганнибалом. Гамилькар тщетно пытался остановить этот поток. Окруженный своими самыми храбрыми офицерами, он преградил путь римскому легиону; но ничто не могло противостоять натиску тяжеловооруженных копейщиков, которые, зная, что все потеряно и что их единственной надеждой было прорубить себе дорогу сквозь карфагенян, двинулись вперед плечом к плечу и сокрушили сопротивление своих более легковооруженных врагов. Гамилькар и большинство его офицеров пали, до последнего пытались остановить течение.

Это был тяжкий удар для Малха, когда, когда он радовался одержанной великой победе, до него дошло известие, что его отец пал. Гамилькар был ему очень дорог. Он был его спутником и другом, его проводником и советчиком. Он поощрял его в его устремлениях и с самых ранних лет убеждал его идти на жертвы и прилагать усилия, необходимые для того, чтобы он мог играть видную роль при своем двоюродном брате Ганнибале.

Он был его наставником по оружию и старался внушить ему самые благородные чувства. С тех пор как они добрались до Испании, он видел его реже, чем раньше, поскольку Гамилькар считал, что для его сына лучше всего полагаться только на себя. Он гордился именем, которое Малх уже завоевал для себя, и знал, что для него будет лучше, если его продвижение по службе будет зависеть от его собственных усилий и доблести, а не от влияния его отца.

Однако, когда их свели вместе, их отношения не изменились. Малх был таким же любящим, почтительным и охотно прислушивался к советам своего отца, каким был в детстве, в то время как Гамилькар был рад в обществе своего сына забыть о заботах и трудах экспедиции, в которую они отправились, и поговорить о дорогих людях дома.

Всего за три дня до битвы они вместе радовались известию, полученному от гонца из Галлии, что Тира вышла замуж за Адгербала и немедленно отправилась с ним в Карфаген, где Адгербалу было предложено командовать войсками братом Ганнибала Гасдрубалом, наместником Испании, в его отсутствие.

Отец и сын радовались этому по нескольким причинам. Теперь фракция Ганнона одержала верх, и друзья Ганнибала подверглись всевозможным преследованиям. Сама жизнь Адхербала как видного члена партии барсинов оказалась под угрозой. И только тайно отправившись в Испанию, ему удалось избежать ареста. Имущество многих друзей Ганнибала было конфисковано. Несколько человек были казнены под тем или иным предлогом, и хотя Гамилькар не думал, что фракция Ганнона осмелится выдвинуть против него какие-либо обвинения, пока он сражается за свою страну, он испытал чувство облегчения, узнав, что, если случится худшее, его жена и Анна найдут убежище у Адхербала в Испании. Гамилькар и Малх долго и серьезно обсуждали этот вопрос и говорили, Гамилькар с грустью, Малх с негодованием и яростью, о состоянии Карфагена.

“ Когда слышишь об этих вещах, начинаешь ненавидеть свою страну, - страстно воскликнул Малх. Ты научил меня любить Карфаген, отец, и гордиться им. Как можно гордиться страной, которой так плохо управляют, такой коррумпированной, такой низкой, как эта? Какая польза от жертв и усилий здесь, когда дома они не думают ни о чем, кроме роскоши, легкости и зарабатывания денег, когда лучшие и храбрейшие из карфагенян опозорены и поруганы, а народ преклоняется перед этими людьми, чье богатство было нажито исключительно коррупцией и грабежом? Это заставляет человека пожалеть, что он не родился римлянином”.

“Если бы кто-нибудь не надеялся, что наступят лучшие времена, Малх, когда Карфаген освободится от власти таких людей, как Ганнон и его продажные друзья, я бы действительно отчаялся в ней, ибо даже гений Ганнибала и доблесть его войск не могли бы в одиночку довести до успешного завершения борьбу между таким государством, каким является Карфаген сейчас, и энергичным, патриотичным и уверенным в себе народом, каким является Рим.

“Мы можем выигрывать сражения, но какими бы великими ни были победы, мы никогда не сможем в долгосрочной перспективе победить могущество Рима, если Карфаген не докажет, что верен себе. Наша армия невелика. Рим и его латинские союзники могут, если понадобится, выставить в поле десять таких. Если Карфаген в этот критический момент своей судьбы окажется достойным этого события, если он ценой огромных усилий снова завоюет господство на море и пришлет армии, чтобы поддержать нас в нашей борьбе, мы, возможно, в конце концов восторжествуем. В противном случае, каким бы великолепным ни был наш успех на какое-то время, мы в конце концов обречены на провал, и наш провал, несомненно, повлечет за собой окончательное разрушение Карфагена.

“Рим не замедлит воспользоваться уроком, который преподает ему Ганнибал. Его гений понимает, что только нанесением удара по Риму в Италии можно нанести ей жизненно важный удар. Римляне, в свою очередь, поймут, что только вторжением в Африку можно смирить Карфаген. Тогда ее задача будет намного проще, чем наша сейчас, ибо Рим не только свеж, силен и энергичен, но и у нее хватило мудрости тесно привязать к себе окружающие ее латинские народы, предоставив им права гражданства, заставив их почувствовать, что ее дело - их дело.

С другой стороны, Карфаген на протяжении всей своей истории прокладывал путь к своему падению. Она сражается, но с иностранными наемниками. Она топчет ногами завоеванный ею народ, и пока ее сборщики налогов втоптывают их в землю, и она заставляет их посылать своих сыновей сражаться в ее битвах, она не дает им ни доли своих привилегий, ни голоса в своих советах.

“Я надеялся, Малх, что в такой момент эта фракция в Карфагене замолчит и чувство патриотизма снова заявит о себе. Я вижу, что это не так, и мое сердце сжимается за мою страну. Если бы не моя жена и семья, Малх, я бы с радостью погиб в предстоящей битве”.

Эти слова вспомнились Малху, когда он сидел в своем шатре рядом с телом отца в ночь после битвы при Требии, и глубокая горечь смешалась с его горем.

“Гискон был прав”, - воскликнул он. “Все средства оправданны, чтобы избавить свою страну от тех, кто ее разрушает. Сводит с ума мысль о том, что в то время, как такие люди, как мой отец, сражаются и умирают за свою страну, демократические трибуны, которые жиреют на нашей добыче, плетут заговоры против них дома. Отныне я сражаюсь не как карфагенинец, а как солдат Ганнибала и буду помогать ему в его стремлении смирить Рим; не для того, чтобы Карфаген с его запятнанными кровью алтарями, коррумпированными чиновниками и ленивым населением продолжал существовать, но чтобы эти мужественные и доблестные галлы, связавшие свою судьбу с нами, могли жить свободными и независимыми от римского ига. Эти люди грубы и примитивны, но их простые добродетели, их любовь к свободе, их готовность скорее умереть, чем быть рабами, посрамляют притворный патриотизм Карфагена”.

Когда армия отправилась на зимние квартиры, и Ганнибал отпустил своих галльских союзников со многими богатыми подарками по домам, Малх получил от Ганнибала разрешение отправиться вместе с Аллобриджем — вождем инсубрийского племени, жившего на Оркусе, — который со своими воинами сопровождал Ганнибала в кампании. Жена и дочери вождя вернулись после того, как проводили армию через По. Малх искал общества своего покойного хозяина во время кампании, часто ехал рядом с ним на марше и провел вечер в его палатке, беседуя либо о цивилизации Карфагена, которая действительно казалась удивительной простому галльскому вождю, либо о кампании, в которой они участвовали.

Малх к этому времени освоил различия между диалектом цизальпийских галлов и диалектом жителей самой Галлии и Иберии, с которыми он уже был знаком. Вождь был польщен дружбой родственника Ганнибала, и ему понравилась откровенная простота его манер. Он громко рассмеялся, когда жена рассказала ему, как Малх прыгнул с моста, чтобы спасти жизнь Клотильде, когда она упала в реку. Но этот поступок доказал, что Малх был благодарен за проявленную к нему доброту, и укрепил дружбу между ними. Поэтому, когда кампания подошла к концу, он сердечно пригласил Малха провести время, пока армия снова не соберется, с ним в его деревне на берегу Оркуса. Ганнибал улыбнулся, когда Малх попросил отпуск.

“ Те дочери вождя, которых ты представил мне в тот день, когда мы переправлялись через По, самые красивые, каких я видел в Галлии. Малх, ты думаешь продолжить традиции нашей семьи? Как ты знаешь, мой отец выдал всех моих сестер замуж за африканских принцев, а я взял в жены иберийскую девушку. Было бы во всех отношениях политично и желательно, чтобы человек, столь близкий мне по духу, как вы, заключил союз путем брака с одним из этих галльских вождей ”.

Малх несколько смущенно рассмеялся.

- Через несколько лет настанет время поговорить о браке, Ганнибал; мне еще нет двадцати, а она всего лишь девушка.

“ О! в деле замешана она, - засмеялся Ганнибал. - и моя стрела, пущенная наугад, попала в цель. Ах да, их было трое: две высокие и статные девушки и одна еще стройная и несформировавшаяся девушка. Действительно, теперь я вспоминаю, что слышал, что ты потерял свои доспехи и шлем, прыгнув с моста через реку По, чтобы выловить одну из дочерей Аллобриджуса, которая, как оказалось, умела плавать намного лучше тебя. Я от души посмеялся над этим с твоим бедным отцом, но из-за римлян в Пьяченце и предстоящего нам великого сражения этот вопрос вылетел у меня из головы. Так вот откуда дует ветер. Что ж, как вы сами сказали, вы оба молоды, и никто не знает, что могут принести следующие два-три года. Однако имей в виду, что такой союз был бы мне очень приятен, и помни также, что галльские девушки выходят замуж молодыми, а в такие времена, как наши, Малх, никогда не стоит долго откладывать ”.

Малх взял с собой Несса, который с того дня, как они вместе сбежали из лагеря Сципиона, всегда был рядом с ним, нес его шлем на марше, спал рядом с ним у походного костра и сражался бок о бок с ним в битве, готовый в любой момент отдать свою жизнь, чтобы отвести беду от своего предводителя.

Возвращение Аллобриджиуса и его соплеменников было отмечено великими торжествами на Оркусе. Женщины, старики и мальчики встретили их в нескольких милях от деревни, издавая

громкие крики приветствия и триумфа, когда они возвращались после успешной кампании против своих бывших угнетателей. Ни у одного народа семейные узы не ценились так высоко, как у галлов, и грубый военный порядок, который туземцы сохраняли во время своего похода, сразу же был нарушен, когда две партии встретились.

Жены бросались в объятия мужей, матери обнимали своих сыновей, девочки повисали на шеях своих отцов и братьев. Ничто не омрачало радости встречи, потому что гонцы время от времени приносили в деревню вести из армии, и женщины, потерявшие в кампании самых дорогих для них людей, оставались в деревне, чтобы их траур не омрачал радостного возвращения племени.

Брунильда, жена вождя, стояла со своими дочерьми немного в стороне от толпы на возвышении, и вождь, сидевший верхом на лошади, взятой у римлян в Требии, прищипорил коня и направился к ним, в то время как Малх держался позади, чтобы пропустить первое приветствие, прежде чем присоединиться к семейному кругу. Однако его заметили, и когда подъехал ее отец, щеки Клотильды густо покраснели от какого-то смеющегося замечания ее сестер. Брунильда радушно приняла Малха, сказав, что часто слышала о нем в посланиях, отправляемых ее мужем.

“Он пришел, чтобы остановить зиму вместе с нами”, - сказал Аллобриджий. “Я обещал ему теплый прием, и он нуждается в отдыхе и тишине, как и все мы, потому что это была тяжелая работа даже для таких опытных людей, как мы. Из-за снега и дождя я почти не просыхал с тех пор, как покинул тебя.

“Для молодого карфагенского лорда это не имело бы значения”, - с улыбкой сказала старшая девочка. “Мы знаем, что ему нравится мокнуть, не так ли, Клотильда?” - спросила она, поворачиваясь к сестре, которая, вопреки своему обычаю, застенчиво стояла у нее за спиной.

- Боюсь, я никогда не услышу об этом в последний раз, - рассмеялся Малх. - Могу только сказать, что я хотел как лучше.

“Конечно, ты знал, - сказал Аллобриджий. - ты не мог знать, что наши галльские девушки умеют плавать и маршировать, а при необходимости и сражаться так же отважно, как мужчины. Римляне уже поняли, что в отсутствие мужчин в лагере женщины Галлии могут отчаянно сражаться за родину, дом и честь. Пусть тебя не беспокоит то, что говорят эти дикие девушки, мой господин Малх; ты знаешь, что наши галльские женщины развязны на язык и не питают к своим мужчинам такого благоговения, как это принято у других народов.

“Я привык, что надо мной смеются”, - сказал Малх, улыбаясь. “Дома у меня две сестры, и, какое бы уважение ни оказывали женщины своим господам в Карфагене, я полагаю, что ни там, ни где-либо еще девушки не уважают своих братьев”.

В этот момент заиграла музыка, арфисты заиграли песню, которую они сочинили в честь этого события, соплеменники снова построились в свои ряды, и Аллобриджий встал во главе их. Малх спешил и, ведя свою лошадь в поводу, пошел рядом с Брунильдой, которая вместе с остальными женщинами шла по флангам колонны, возвращавшейся в деревню.

Следующие три месяца прошли для Малха очень приятно. Днем он охотился в горах на кабана, медведя и волка вместе с Аллобриджем; вечером он сидел у огня и слушал песни арфистов или рассказы о войнах и скитаниях галльских племен, или сам рассказывал историю Карфагена и

Тира и о войнах первых с римлянами, описывал жизнь и нравы великого города или охоту на льва в ливийских пустынях.

В то время как его слушатели удивлялись сложной жизни, странным искусствам и великолепию Карфагена, Малх был поражен простым существованием, теплыми семейными узами, честной искренностью и глубокой любовью галлов к свободе. Когда Брунильда и ее дочь вздохнули от зависти при мысли о роскоши и удовольствиях великого города, он сказал им, что им скоро надоеет такое искусственное существование и что Карфагену с его коррупцией, его вечным страхом восстания одного класса против другого, его постоянным страхом восстания поработанных им людей, его тайными трибуналами, его угнетением и тиранией свободные племена Галлии вряд ли должны завидовать.

“Я допускаю, ” сказал он, - что вы получили бы больше комфорта, переняв что-нибудь из нашей цивилизации. Вы могли бы улучшить свои жилища, завесы на стенах защищали бы от пронизывающих ветров, хорошо сделанные двери зимой гораздо предпочтительнее шкур, которые висят у вашего входа, и я действительно думаю, что карфагенский повар мог бы с пользой преподать племенам уроки приготовления пищи; но помимо этого, я думаю, что у вас есть все самое лучшее ”.

“Хорошо построенные дома, о которых вы говорите, - сказал Аллобриджиус, - имеют свои преимущества, но у них есть и свои недостатки. Люди, которые однажды обосновались на постоянное жительство, сделали первый шаг к потере своей свободы. Посмотрите на все крупные города на равнинах; до недавнего времени в каждом из них был римский гарнизон. Во-первых, они являются стимулом для нападения алчного врага; во-вторых, они привязывают к себе своих владельцев. Жители города цепляются за свои дома и имущество и, будучи побеждены, становятся простыми рабами своих похитителей; мы, живущие в жилищах, которые стоят всего нескольких недель работы, чьи мирские блага являются делом наших собственных рук или продуктами охоты, никогда не должны быть побеждены; нас могут победить, но если это так, мы можем отступить перед нашими врагами и жить на свободе в лесу или горах или путешествовать вне досягаемости наших врагов.

“ Если бы твоя армия не пришла и не освободила нас из Рима, я уже подумывал о том, чтобы перебраться со своим племенем через великие горы на север и поселиться среди людей Брунильды в германских лесах, далеко за пределами досягаемости Рима. Хотя, как она говорит мне, зимы здесь долгие и суровые, люди не знают многих удобств, которые мы переняли у наших соседей; по крайней мере, мы должны быть свободны, и ни одно из всех благословений не сравнится с этим ”.

“Я согласен с тобой, ” сказал Малх, думая о заговорах, тайных доносах, тирании и коррупции Карфагена. - Хорошо быть великим, но лучше быть свободным. Однако, - добавил он более жизнерадостно, - я верю, что в будущем мы избавим вас от всякого страха перед Римом и что вы сможете наслаждаться своей свободой здесь, не уезжая в темные леса и долгую зиму к северу от Альп”.

Так прошла зима. Ранней весной прибыл гонец от Ганнибала, предлагавший Малху присоединиться к нему и призывавший Аллобриджия готовиться выступить в поход против римлян. Аналогичные послания были разосланы всем галльским племенам, дружественным Карфагену, и в начале марта Ганнибал приготовился перейти Апеннины и двинуться на Рим.

Позиция, занятая двумя римскими армиями, перекрывала единственные две дороги, по которым, как считалось, Ганнибал мог двинуться на Рим, но как только началась весна, Ганнибал двинулся по тропе, до сих пор нехоженой войсками, через Апеннины. Во время марша войска подверглись еще большим лишениям, чем те, которым они подверглись при переходе через Альпы, ибо в течение четырех дней и трех ночей они маршировали по колено в воде, не имея возможности ни на минуту прилечь.

Несмотря на то, что Ганнибал постоянно ходил взад и вперед среди своих людей, подбадривая их своим присутствием и словами, даже железный каркас Ганнибала дрогнул под тяжестью ужасных испытаний. Длительное напряжение, бессонница и отвратительные миазмы с болот вызвали лихорадку и стоили ему зрения одного глаза. Из всех слонов в походе выжил только один, и именно с армией, столь же измотанной, как та, что вышла из Альп, он спустился на плодородные равнины Тосканы, недалеко от Фьезоле.

Армия Фламиния численностью 30 000 человек все еще находилась в Ареццо, на его прямом пути на юг, и Ганнибалу приходилось иметь дело только с этим, поскольку силы Сервилия были все еще далеко, в Римини. Его собственная армия насчитывала около 35 000 человек, и, переправившись через Верховья Арно близ Флоренции, Ганнибал двинулся к Ареццо. Фламиний, как только услышал, что Ганнибал поднимается по склонам Апеннин, послал Сервилия присоединиться к нему, но последний, утверждая, что опасается вторжения галльских племен с севера, отказался двигаться, но послал Фламинию четыре тысячи кавалеристов. Это привело к тому, что армии были почти равны по численности, но, хотя Ганнибал вывел свои войска в пределах видимости Ареццо, Фламиний не вышел из своего лагеря, чтобы атаковать его.

Он знал, что Ганнибал разгромил на севере испытанные войска, значительно превосходящие его собственные по численности, и что поэтому он, вероятно, добьется успеха в битве с теми, кто едва ли равен его собственным. Он также надеялся, что Ганнибал нападет на него с его укрепленной позиции. Этого карфагенский полководец делать не собирался, но, оставив лагерь позади себя, двинулся дальше, грабя и опустошая страну, по направлению к Риму. Фламиний немедленно свернул свой лагерь и двинулся по его следу, готовясь воспользоваться любой представившейся возможностью, чтобы напасть на карфагенян, и зная, что сенат немедленно призовет армию Сервилия ему на помощь.

Ганнибал с помощью разведчиков, оставленных у него в тылу, обнаружил, что Фламиний движется со своими войсками сплошной колонной, не принимая никаких мер предосторожности против внезапности, уверенный, что целью Ганнибала было наступление на Рим без остановки. Карфагенский полководец немедленно приготовился воспользоваться беспечностью своего врага. Он остановил свои войска в Кортоне. Дорога, по которой он проезжал, вилась вдоль берега Тразименского озера, у подножия гряды крутых холмов, вплотную подступавших к воде.

На полпути вдоль этих холмов ручей сбегает по долине в озеро, и в долине, полностью скрытой от глаз приближающегося врага, Ганнибал разместил нумидийскую кавалерию и галльскую пехоту. Среди лесов, покрывающих нижний склон холмов, обращенных к озеру, он разместил свои легкие войска, в то время как испанская и африканская пехота, а также галльская кавалерия были точно так же спрятаны на внешних склонах холма в готовности зайти римлянам в тыл, когда они выйдут на дорогу между холмами и озером.

Для внезапного нападения нельзя было выбрать лучшей позиции. Когда римляне вступили на тропу между холмами и озером, спасения для них не было. Они были зажаты между покрытыми лесом холмами, кишущими легкими войсками Карфагена, и озером, в то время как тяжелая пехота и кавалерия Ганнибала были готовы обрушиться на них с фронта и тыла.

Когда Фламиний прибыл в Кортону поздно ночью, он услышал о разрушениях и казнях, совершенных карфагенянами, когда они проходили через нее ранним утром, и решил выступить вперед на рассвете в надежде найти какую-нибудь возможность напасть на них и наказать. Когда рассвело, это, казалось, благоприятствовало его замыслу, потому что с озера и болот поднимался густой туман. Это, как он думал, скроет его продвижение от карфагенян, в то время как возвышенность впереди поднимется над туманом, и он сможет разглядеть их позицию. Затем он быстро двинулся вперед, думая, что сможет обогнать тыл карфагенской армии, поскольку она медленно продвигалась вперед, нагруженная награбленным.

Приблизившись ко входу в перевал, он заметил тяжеловооруженных карфагенян на далеком холме над уровнем тумана и, полагая, что его собственные передвижения скрыты от врага, двинулся вперед так быстро, как только могла маршировать пехота. Но в тот момент, когда арьергард его колонны вступил на узкую равнину между подножием холмов и озером, нумидийцы спокойно спустились вниз и закрыли за собой перевал, в то время как Ганнибал со своей тяжелой пехотой спустился с дальнего холма, чтобы противостоять ему. Когда все было готово, он подал сигнал, и сразу же спереди, с правого фланга и с тыла на них обрушились карфагеняне.

Легкие войска объявили о своей атаке, сбросив огромное количество камней с холма на длинную колонну, а затем, продираясь сквозь лес, обрушили свои стрелы и дротики на сопротивляющуюся массу.

Захваченные полностью врасплох, неспособные ни наступать, ни отступить, в отчаянии оттого, что оказались таким образом в ловушке, римляне сражались храбро, но напрасно. Землетрясение потрясло землю, на которой происходила ужасная битва, но ни на мгновение не прервало ее. В течение трех часов римляне, хотя и испытывали ужасные страдания, все еще продолжали сражаться; затем Фламиний был убит, и с тех пор они думали только о бегстве. Но это было почти невозможно. Только шесть тысяч человек отрезали им путь к отступлению. Пятнадцать тысяч пали, а девять тысяч были взяты в плен.

Как только битва закончилась, Ганнибал отправил Махарбала со своим подразделением армии в погоню за шестью тысячами бежавших, и, настигнув их на следующее утро в Перудже, Махарбал заставил их сдаться. В то же время он выделил сильный отряд против четырех тысяч всадников, которых Сервилий отправил из Римини на помощь своему коллеге, и все они были окружены и взяты в плен. Таким образом, из тридцатисеститысячной римской армии не спасся ни один человек.

Во всей истории нет записей о столь грандиозном и успешном сюрпризе. Ганнибал удержал в качестве пленников римских граждан и латинян, но освободил остальных пленников, сказав им, что он вовсе не был их врагом, а вторгся в Италию с целью освободить ее беспомощный народ от тирании римского владычества. Потери карфагенян в битве при Тразименском озере составили всего полторы тысячи человек.

Ганнибала обвиняли в том, что он не двинулся против Рима после битвы на Тразименском озере; но он знал, что не может надеяться покорить этот город, пока он окружен верными союзниками. Его армия была численно недостаточна для проведения такой осады и не имела машин для штурма стен. Рим все еще защищали городские легионы, помимо которых каждый человек, способный носить оружие, был солдатом. Ожесточенная враждебность латинян чрезвычайно затруднила бы для армии получение провизии во время осады, в то время как в тылу, ожидая возможности для атаки, стояла бы тридцатитысячная армия Сервилия, которая с каждым днем становилась все многочисленнее по мере того, как друзья и союзники Рима стекались под ее знамена.

Ганнибал понимал, что предпринять такое предприятие в настоящее время означало бы разорение. Его курс был ясен. Он должен был разбить армии, которые Рим мог выставить на поле боя; поколебать уверенность италийских племен в могуществе Рима; содержать свою армию на их территориях и таким образом постепенно разорвать их союз с Римом. Он надеялся, что к тому времени, когда эта работа будет завершена, Карфаген пришлет ему на помощь другую большую армию, снабженную осадными материалами, и тогда он сможет с уверенностью взяться за великую задачу нанесения жизненно важного удара по самому Риму.

“Малх, - сказал однажды Ганнибал, - я хочу, чтобы ты поехал на север. Племена у подножия холмов обещали помочь нам, но до сих пор ничего не предприняли. Если бы они сейчас хлынули на равнины, то оккупировали бы племена, дружественные римлянам, и помешали бы им посылать им людей и припасы. Месяц назад они прислали мне сообщение, в котором говорилось, что они все еще готовы помочь нам, и тогда я ответил, что давно ждал известия о том, что они восстали, и призвал их сделать это, не теряя времени. С тех пор я ничего не слышал и опасаюсь, что римские агенты обещаниями денег и привилегий убедили их хранить молчание. Это опасная служба, ибо, если их подкупить, они могут схватить тебя и отправить в знак своей доброй воли в качестве пленника в Рим; но я знаю, что это тебя не остановит”.

“Я готов идти, ” сказал Малх, “и начну сегодня. Какое войско я возьму с собой и кого из вождей увижу первым?”

“Тебе лучше сначала отправиться в Острагарт. Он самый могущественный из вождей по эту сторону Апеннин. Ты можешь выбрать из казны такие подарки, какие захочешь для него и других. Ты можешь пообещать им большие пожалования земель племен, помогающих римлянам, вместе с долей в разграблении городов. Я оставляю вас совершенно свободными. В этом отношении вы будете руководствоваться тем, чего, как вы видите, они хотят; но любые обещания, которые вы можете дать, я выполню. Что касается мужчин, то я не стал бы брать с собой большой эскорт. Сила, конечно, будет бесполезна, и появление большого количества войск может сразу встревожить их. Двадцати человек будет достаточно для поддержания достоинства и в качестве защиты от любых небольших отрядов враждебных племен, которые вы можете встретить на своем пути; но не бойтесь, если сможете избежать этого. Миссия очень важна, и ее успехом нельзя рисковать только ради того, чтобы победить группу соплеменников. Ступай в своих самых красивых доспехах и покажи себя как можно более храбрым, как мой посол и родственник. Возьмите двадцать карфагенских всадников; они навяжут варварам больше, чем ливийцы или нумидийцы. Возьми своего друга Требона в качестве их командира и компаньона для себя.

Через два часа Малх и его сопровождающие были готовы отправиться в путь. Поскольку их путешествие должно было быть быстрым, они не взяли с собой никаких припасов, кроме провизии на три дня, которую каждый человек нес на луке седла, и сумки с несколькими зерновыми кормами для лошади. Однако они взяли с собой двух вьючных лошадей, нагруженных оружием, доспехами, одеждой и другими подарками для вождей.

Они быстро пересекли страну, не встретив ни одного враждебного отряда, поскольку набег легковооруженной конницы Ганнибала настолько напугали людей, что деревни по большей части опустели, жители искали убежища в укрепленных городах. После двух дней быстрой езды они прибыли к подножию холмов, и теперь их продвижение замедлилось. Деревня Острагарт находилась далеко среди них, и, не зная направления, Малх разделил отряд на группы по четыре человека и разослал их по разным долинам с приказом схватить первого попавшегося туземца и угрозами или обещаниями заставить его действовать как проводник к крепости вождя.

“ Я искренне верю, что этот варвар настроен дружелюбно, Малх, потому что местность выглядит крайне дикой и труднопроходимой, а леса, покрывающие эти холмы, густые и запутанные. На равнине мы можем смеяться над туземцами, какими бы многочисленными они ни были, и с двадцатью людьми я бы атаковал тысячу из них; но среди этих холмов все по-другому, невозможно найти ровное место для атаки, и, если дело доходит до бега, горцы быстры, как лошадь, на неровной почве своих холмов ”.

“ Я согласен с тобой, Требон, что нам придется нелегко и что максимум, на что мы могли надеяться, - это попасть в Рим в качестве пленников. Тем не менее, все эти вожди предложили союз Ганнибалу, когда он шел на юг, и сопутствующий нам успех, несомненно, должен связать их с нашими интересами. Они всегда готовы присоединиться к победившей стороне, и до сих пор удача была полностью на нашей стороне”.

“ Это так, Малх, но потом они видят, что племена равнин все еще держатся в стороне от нас и возлагают свою веру на Рим. Они должны знать, что мы не получаем подкреплений, чтобы заполнить пробелы, образовавшиеся в битве, и вполне могут опасаться вызвать гнев Рима, приняв участие в сражении вместе с нами до того, как наш успех, как они считают, будет абсолютно обеспечен ”.

“ Тогда на тех же основаниях, Требон, они в равной степени не захотят оскорблять нас какой-либо враждебностью до тех пор, пока чаша весов не будет решительно склонена против нас. Гнев Ганнибала может быть таким же ужасным, как и гнев римлян”.

“ В этом что-то есть, Малх, но не так много, как ты думаешь. Если Рим победит, у Рима будет достаточно времени и сил, с помощью всех своих местных союзников, чтобы наказать любого, кто, возможно, выступил против него. С другой стороны, если Карфаген восторжествует, они могут счесть вероятным, что мы разграбим и сожжем Рим, а затем отступим, или что, если мы останемся, нужно будет столько всего организовать, столько племен на равнинах подчинить и умиротворить, что у нас будет мало шансов предпринимать походы в горы. Поэтому, как вы видите, благоразумные люди приняли бы решение за Рим. Если бы мы двинулись дальше сразу после победы на Тразименском озере и захватили Рим, все эти горные племена воспользовались бы возможностью спуститься на равнины, чтобы грабить и убивать под предлогом того, что они наши союзники ”.

Только с наступлением темноты пять отрядов вернулись к тому месту, где они оставили своих лидеров. Три из них оказались совершенно безуспешными, но в двух других каждый из них привлек по туземцу. Эти люди выглядели угрюмыми и упрямыми, и только после того, как Малх приказал надеть им на шеи недоуздок и пригрозил немедленной смертью, они согласились выступить в качестве проводников.

Всю ночь за ними неусыпно следили, и на рассвете следующего утра вечеринка началась. Несколько миль они ехали вдоль подножия гор, а затем въехали в долину, вверх по которой вела немного заезженная тропинка. Мужчины, которых допрашивали, намекнули, что до деревни вождя, которую они искали, было несколько часов пути.

Так оно и оказалось на самом деле, ибо только после полудня, после многочасового утомительного путешествия по ущельям и горным долинам, они оказались в пределах видимости деревни Острагарт. Он был расположен на одной стороне долины и состоял из хижин, окруженных грубой каменной стеной такой высоты, что над ней были видны только верхушки круглых крыш. Когда они показались в поле зрения, послышался громкий пронзительный крик, в деревне протрубили в коровий рог, и тотчас же стало видно вбегающих мужчин. Другие, занятые уходом за стадами коз высоко на склоне горы, оставили своих подопечных и поспешили вниз.

ГЛАВА XV: ГОРНОЕ ПЛЕМЯ

“Это ничтожное место для главы любой державы”, - сказал Требон.

- Да, - согласился Малх, - но я полагаю, что эти горные племена разбиты на очень большое количество маленьких деревень в изолированных долинах, которые объединяются только тогда, когда приказ вождя призывает их защищать горы от захватчиков или совершить одновременный набег на равнины.

Когда они приблизились к деревне, было видно, как из ворот вышли несколько человек, и среди них был невысокий пожилой мужчина, очевидно, глава отряда. Его седые волосы спускались до пояса; мальчик, стоявший позади него, нес его лук и несколько дротиков. Остальные мужчины, казалось, были безоружны.

- На вид он хитрый старик, - сказал Малх, выходя из машины и подходя к вождю, - но я полагаю, он решил принять нас как друзей, по крайней мере пока.

“ Я прибыл, вождь, как посол от карфагенского полководца. Когда мы шли на юг, он получил от вас вестников, сообщавших, что вы готовы заключить с ним союз. На это он согласился и прислал подарки. С тех пор вы ничего не предприняли, хотя он послал к вам с просьбой помочь

ему, совершив нападение на племена, союзные Риму. В каждом сражении, которое он вел с римлянами, он побеждал их с большой резней; но благодаря помощи, которую они получали от союзных с ними племен, они получили возможность постоянно выставять в поле свежие армии. Поэтому он послал меня к вам и к другим вождям племен, населяющих горы, чтобы убедить вас спуститься со своими войсками на равнины и таким образом обязать тамошние племена обратить свое внимание на собственную оборону, а не на отправку помощи Риму. Он прислал из моих рук много ценных подарков и уполномочил меня пообещать вам от его имени такие земли, которые вы, возможно, пожелаете получить за пределами подножия холмов. Он обещает тебе также долю в добыче, взятой при разграблении итальянских городов.

“ Не соблаговолите ли вы войти, ” сказал вождь на латинском наречии, которое Малх с трудом понял. “Затем мы обсудим вопросы, о которых вы говорите”.

С этими словами он прошел через ворота к хижине, которая была несколько больше остальных.

“ Ты пойдешь со мной, Требон, но пусть твои люди остаются в седлах и держат наших лошадей наготове, чтобы мы могли быстро вскочить на них, если возникнет необходимость. Я сомневаюсь в дружелюбии этого старика и его людей.

Войдя в хижину, Малх сразу заметил, что стены покрыты новыми драпировками, и он заметил несколько дорогих доспехов, наполовину спрятанных в углу.

“Римляне были здесь раньше нас, - пробормотал он своему спутнику. - Вопрос в том, насколько высоко они запросили его поддержку”.

Вождь занял свое место в грубо вырезанном кресле, и для его посетителей принесли стулья. Он начал с того, что попросил рассказать о состоянии дел на равнинах. Малх ответил ему правдиво, за исключением того, что он немного преувеличил эффект, который карфагенские победы произвели на туземцев. Вождь задавал много вопросов и, очевидно, был каким-то образом хорошо осведомлен по этому предмету. Затем он выразил желание взглянуть на подарки, которые они ему принесли. Требон вышел и вернулся с двумя солдатами, несущими их.

“ Мне не нравится, как все это выглядит, ” сказал он тихим голосом. “Количество мужчин в деревне утроилось с тех пор, как мы прибыли, и они все еще продолжают прибывать. В настоящее время никто из них не показывает оружия, но, без сомнения, оно спрятано где-то поблизости. Я полагаю, что вождь поддерживает с нами беседу только до тех пор, пока не сочтет, что прибыло достаточно сил, чтобы позаботиться о нас.

“ Мы не можем разорвать это сейчас, ” сказал Малх, “ и должны воспользоваться своим шансом. Не годится допускать провал, выказывая подозрения ”.

Вождь с большим тщанием осмотрел подарки и выразил свое удовлетворение ими. Затем он перешел к вопросу о земле, которую ему предстояло получить, спросил, должны ли города быть захвачены карфагенянами и переданы ему, или же они должны быть захвачены его войсками. Когда эти пункты были распределены, как казалось, удовлетворительно, он приступил к обсуждению спорных вопросов между ним и другими вождями горных племен. Малх сказал, что у него нет инструкций относительно этих пунктов, которые были для него новыми, но что по всем вопросам между вождем и племенами, враждебными Карфагену, ему будет предоставлено

полное удовлетворение. Что касается разногласий между ним и другими вождями, которые также могли бы объединиться против римлян, то, если бы они решили представить их Ганнибалу для принятия решения, он был бы арбитром между ними.

В этот момент снаружи протрубили в рог. Мгновенно поднялся гул голосов, за которым сразу же последовал лязг оружия. Малх и его спутник вскочили на ноги и выбежали из хижины. Они обнаружили, что на их людей напала толпа горцев. В одно мгновение они вскочили на коней и, обнажив мечи, присоединились к схватке. Число их врагов было велико, с тех пор как Требон в последний раз выходил, прибыло очень много людей. Атака была решительной. Те, что были рядом со всадниками, рубили их топорами, те, что были дальше, метали дротики, в то время как другие подкрадывались к лошадям и кололи их снизу своими длинными ножами.

“Мы должны выбираться отсюда, иначе мы пропали”, - воскликнул Требон и, подбадривая людей своими криками, попытался прорубить путь сквозь толпу к воротам, в то время как Малх встал лицом к лицу с несколькими людьми и прикрывал тыл. Несколько карфагенян уже спешили из-за того, что их лошади были убиты, а некоторые из них были убиты прежде, чем смогли подняться на ноги. Малх крикнул остальным, чтобы они запрыгнули за спины своих товарищей.

Отчаянными усилиями Требон и сопровождавшие его солдаты расчистили путь к воротам, но тем, кто шел сзади, враг так мешал, что они не смогли последовать за ними. Туземцы цеплялись за их ноги и пытались стащить их с лошадей, в то время как на них обрушивался шквал ударов. Требон, видя опасность, грозящую тем, кто шел сзади, повернул и тщетно пытался отрезать себе путь обратно к ним; но число туземцев было слишком велико. Малх, увидев это, закричал во весь голос:

“Лети, Требон, ты не можешь нам помочь, спаси тех, кого можешь. Видя, что он ничем не может помочь своему другу, Требон развернулся и поскакал прочь с девятью солдатами, которые сопровождали его до ворот. Пятеро уже пали, и Малх крикнул остальным шестерым, чтобы они бросили оружие и сдались в плен. Они так и сделали, но двое из них были убиты прежде, чем жители деревни поняли, что они сдались.

Малха и остальных стащили с лошадей, связали по рукам и ногам и бросили в одну из хижин. Туземцы торжествующе закричали, и раздались крики восторга, когда были осмотрены свертки, которые несли вьючные животные, и разнообразные богатые подарки, предназначенные для различных вождей, были разделены между ними.

Большинство пленников были более или менее тяжело ранены, и вскоре несколько туземцев вошли в хижину, осмотрели и перевязали раны.

“Не падайте духом, ” весело сказал Малх. - Очевидно, что они не собираются нас убивать. Без сомнения, они собираются отправить нас пленниками к римлянам, и в этом случае нас рано или поздно обменяют. Во всяком случае, римляне не посмеют плохо обращаться с нами, потому что у Ганнибала в руках более сотни пленных на каждого, кого они захватили”.

Прошло три дня, пленникам регулярно приносили еду, и их путы были достаточно ослаблены, чтобы они могли прокормиться сами. По истечении этого времени им было приказано встать и покинуть хижину. Снаружи их ждал вождь примерно с сорока своими последователями. Все были вооружены, и когда пленников разместили среди них, вечеринка началась.

Они двинулись той же дорогой, по которой Малх ехал в деревню, и несколько миль прошли без происшествий, когда, когда они проезжали по узкой долине, со склона холма обрушилось множество камней, и в разных местах вдоль нее появилось несколько карфагенян. В них Малх сразу узнал солдат своего сопровождения. Один из них крикнул:

“Сдавайтесь, или вы все покойники. Сильные силы окружают вас с обеих сторон, и мои офицеры, которых вы видите, отдадут приказы своим людям, которые обрушат такую лавину камней, что вас всех сметет”.

- Это всего лишь люди, которые ускользнули от нас, - крикнул вождь. - Немедленно продвигайтесь вперед.

Но в тот момент, когда началось движение, все карфагеняне выкрикнули приказ, и огромное количество камней полетело вниз, доказывая, что им повиновалась невидимая армия. Несколько горцев были раздавлены камнями, а старый вождь, пораженный большим камнем в грудь, упал замертво. Карфагенянин, стоявший рядом с Малхом, также был убит.

Соплеменники издали крик ужаса. Врукопашную они были готовы доблестно сражаться, но это уничтожение невидимым врагом повергло их в ужас. Вождь карфагенян поднял руку, и падение камней прекратилось.

“Теперь, ” сказал он, “ ты видишь истинность моих слов. Медлите еще немного, и все будет потеряно; но если вы сложите оружие и, оставив своих пленников позади, уйдете тем же путем, каким пришли, вы вольны это сделать. Ганнибал не жаждет крови итальянского народа. Он пришел освободить их от римского ига, и твой вероломный вождь, который после того, как мы заключили с ним союз, продал тебя римлянам, убит, поэтому я больше не питаю к тебе недоброжелательства”.

Туземцы, встревоженные потерей своего вождя и неуверенные в силе окруживших их врагов, сразу же побросали оружие и, радуясь возможности спастись, со всех ног бросились вверх по перевалу к своей деревне, оставив пленников позади.

Затем спустились карфагеняне, в том числе Требон.

- Я не показывался, Малх, - сказал тот, присоединяясь к своему другу, - потому что вождь знал меня в лицо, и я хотел, чтобы он не был уверен, не являемся ли мы прибывшим новым отрядом.

“Но кто твоя армия?” Малх спросил: “Ты поразил меня не меньше, чем варвары”.

“Вот и они”, - сказал Требон, смеясь, когда около пятидесяти или шестидесяти женщин и дюжины стариков и мальчиков начали спускаться с холма. “ К счастью, туземцы были слишком заняты своей добычей и тобой, чтобы преследовать нас, и я со своими людьми благополучно спустился вниз. Я, конечно, был полон решимости попытаться как-то спасти вас, но не представлял, как это можно сделать. Затем меня осенила счастливая мысль, и на следующее утро мы поехали вниз по равнине, пока не добрались до обнесенной стеной деревни. Я сразу же призвал его сдаться, пригрозив, что приведу сильный отряд, чтобы уничтожить это место, если они откажутся. Они открыли ворота раньше, чем я ожидал, и я обнаружил, что в деревне живут только женщины, старики и дети, все воины были отозваны, чтобы присоединиться к римлянам. Они были, как вы можете себе представить, в ужасном испуге и ожидали, что каждый из них

будет убит. Однако я сказал им, что мы сохраним не только их жизни, но и их имущество, если они будут подчиняться моим приказам.

Они согласились довольно охотно, и я приказал всем, кто был достаточно силен, чтобы приносить хоть какую-то пользу, взять каждому достаточно провизии на неделю и сопровождать меня. Как ни были они поражены этим приказом, им ничего не оставалось, как повиноваться, и они соответственно отправились в путь. Расспросив их, я выяснил, что дорога, по которой мы ехали, была обычной, ведущей в деревню, и что вы наверняка были бы сбиты по ней, если бы вождь намеревался отправить вас в Рим.

К ночи мы добрались до этой долины. На следующее утро мы принялись за работу и вырезали несколько прочных рычагов, затем поднялись на склон холма, туда, где вы нас видели, и я разместил их все за камнями. Весь день мы разбирали камни и готовили их к спуску, а затем были готовы к твоему приходу. С наступлением темноты я собрал их все и приставил к ним охрану. Вчера на рассвете мы снова выставили их, но напрасно наблюдали весь день, и здесь мы могли бы остаться на месяц, если потребуется, так как я должен был послать кого-нибудь из мальчиков за провизией, когда те, что они принесли, закончились. Однако я был очень рад, когда увидел, что ты идешь сегодня, потому что это была скучная работа. Я бы убил всех этих вероломных дикарей, если бы не боялся ранить тебя и твоих людей. Как бы то ни было, я был ужасно напуган, когда камни посыпались на вас. Я вижу, один из наших людей был убит, но ничего не поделаешь.

Затем весь отряд двинулся вниз по долине. Спустившись с холмов, Требон сказал своей импровизированной армии, что они могут возвращаться в свою деревню, поскольку он больше не нуждается в их услугах, и, довольные тем, что им удалось спастись без повреждений, они сразу же продолжили свой путь.

“ Нам лучше всего остановиться здесь на ночь, ” сказал Требон, “ а утром я отправлюсь в путь с всадниками и возьму в одной из деревень лошадей для остальных. Без сомнения, все они довольно хорошо подготовлены к бою.

На следующий день лошади были добыты, и Малх, видя, что теперь, когда он потерял все подарки, предназначенные вождям, было бесполезно продолжать свою миссию дальше, тем более что он узнал, что римские агенты уже работали среди племен, вернулся со своим отрядом в лагерь Ганнибала.

“ Мне жаль, Малх, ” сказал карфагенский военачальник, когда рассказал о своей неудаче с выполнением миссии, “ что ты не преуспел, но ясно, что твоя неудача произошла из-за отсутствия такта с твоей стороны. Нападение на вас, очевидно, было спланировано в тот момент, когда вы появились в поле зрения деревни, поскольку, должно быть, были немедленно посланы люди, чтобы созвать племя. Твой друг Требон вел себя очень разумно в деле твоего спасения, и я немедленно повышу его на ступеньку в звании.

“ Я готов снова отправиться в путь и попробовать, смогу ли я добиться большего успеха с кем-нибудь из других вождей, если хочешь”, - сказал Малх.

“ Нет, Малх, мы пока оставим их в покое. Римляне были с нами заранее, и поскольку этот человек был одним из их главных вождей, вполне вероятно, что, поскольку он отказался от своего союза с нами, остальные сделали то же самое. Более того, известие о его смерти, какой

бы заслуженной она ни была, от рук группы карфагенян не улучшит их отношения к нам. Ничто, кроме общего движения среди горных племен, не принесло бы нам большого преимущества, и ясно, что сейчас нельзя ожидать никакого общего движения. Кроме того, теперь, когда мы видим дух, который движет этими дикарями, я не хочу рисковать вашей потерей, отправляя вас к ним.

Известие о катастрофе на Тразименском озере было встречено Римом в духе, достойном его. Никто даже не помышлял о переговорах с врагом, даже ни один солдат не был отозван из армии Испании. Квинт Фабий Максим был избран диктатором, и он с двумя недавно сформированными легионами выступил в Ариминум и принял там командование армией, доведенной за счет приведенных с собой подкреплений до пятидесяти тысяч человек.

Жителям районов, через которые Ганнибал должен был пройти по пути в Рим, были отданы строгие приказы уничтожать урожай, угонять скот и укрываться в укрепленных городах. Сервилий был назначен командующим римским флотом и получил приказ выступить против карфагенян на море. Армия Фабия теперь значительно превосходила армию Ганнибала, но уступала в кавалерии. Более того, у него было то преимущество, что он находился в дружественной стране и получал провизию от людей, через территорию которых он двигался, в то время как Ганнибал был вынужден значительно разбросать свою армию, чтобы раздобыть провизию.

Фабий передвинул свою армию на расстояние шести миль от армии Ганнибала, а затем занял позицию на холмах, довольствуясь тем, что издали наблюдал за передвижениями карфагенян. Ганнибал беспрепятственно прошел несколько богатейших провинций Италии, пока не спустился на равнину Кампания. Он получил большое количество богатой добычи, но жители во всех случаях держались от него в стороне, их вера в звезду Рима все еще оставалась непоколебимой, несмотря на постигшие ее невзгоды.

Фабий следовал на безопасном расстоянии, избегая любых попыток Ганнибала завязать сражение.

Римские солдаты были вне себя от ярости и негодования, видя, что враг, настолько уступающий им по силе, опустошает и грабит страну по своему желанию. Минуций, начальник конницы и заместитель командира, пылкий офицер, в полной мере сочувствовал гневу солдат и постоянно убеждал Фабия двинуть армию на штурм, но Фабий был непреклонен. Ужасные поражения, которые Ганнибал нанес двум римским армиям, показали ему, насколько велика опасность вступить в бой с таким противником, если только у него не будет большого преимущества.

Ему показалось, что он увидел такое преимущество, когда Ганнибал спустился на равнину Кампании. Эта равнина была ограничена с юга рекой Вультурнус, перейти которую можно было только по мосту в Казилинуме, защищаемому римским гарнизоном этого города, в то время как с других сторон она была окружена непреодолимым барьером из крутых и лесистых холмов, перевалы на которых усиленно охранялись римлянами.

Убедившись, что каждая дорога через холмы прочно удерживается его войсками, Фабий засел со своей армией в горах, откуда он мог наблюдать за действиями войск Ганнибала на равнинах. Сам он был в изобилии снабжен провизией из страны, находившейся в его тылу, и терпеливо ждал того времени, когда Ганнибал, исчерпав все ресурсы Кампании, будет вынужден из-за голода атаковать римлян на их почти неприступной позиции на перевалах.

Ганнибал прекрасно осознавал трудности своего положения. Если бы он был свободен и не обременен обозом, он мог бы повести свою армию прямо через лесистые горы, минуя перевалы, охраняемые римлянами, но из-за огромного количества обоза это было невозможно, если только он не бросил всю богатую добычу, собранную армией. Из двух выходов с равнины по Аппиевой и Латинской дорогам, которые вели в Рим, ни один нельзя было использовать безопасно, поскольку римская армия последовала бы за ним с тыла и атаковала бы его, пытаясь форсировать проходы в горах.

То же самое возражение относилось и к его переходу через Вултурнус. Единственный мост прочно удерживался римлянами, а река была слишком глубокой и быстрой, чтобы пытаться переправиться через нее в другом месте, когда огромная римская армия была совсем рядом. Горный хребет между Вултурном и Кадесом был чрезвычайно труднопроходим, поскольку перевалов было мало и они очень сильно охранялись, но именно здесь Ганнибал решил предпринять попытку вывести свою армию из трудного положения, в котором она оказалась. Он спокойно ждал на равнине, пока запасы продовольствия не начали подходить к концу, а затем приготовился к своему предприятию.

Среди награбленного было огромное количество крупного рогатого скота. Были отобраны две тысячи самых крепких из них, к их рогам прикрепили факелы, и незадолго до полуночи легкие отряды погнали быков к холмам, обходя позиции на перевалах, охраняемых врагом. Затем зажгли факелы, и легкие войска погнали волов прямо вверх по холму. Обезумевшие от страха животные неистово бросились вперед, разбегаясь во все стороны по склону холма, но, постоянно подгоняемые войсками позади них, поднимались к вершинам холмов.

Римские защитники перевалов, увидев это огромное количество огней, движущихся вверх, предположили, что Ганнибал бросил весь свой багаж и ведет свою армию прямочерез холмы. Эта идея была подтверждена легкими войсками, поднявшимися на гребень холмов и начавшими атаку на римлян, расположившихся под ними в проходе, через который намеревался пройти Ганнибал. После этого римские войска покинули перевал и взобрались на высоты, чтобы прервать или преследовать отступающего врага.

Как только Ганнибал увидел движущиеся огни на вершинах холмов, он начал свой марш. Африканская пехота шла впереди; за ней следовала кавалерия; затем шли обозы и добыча, а тыл прикрывали испанцы и галлы. Защитники обнаружили, что ущелье покинуто, и армия прошла через него без сопротивления. Тем временем Фабий со своей основной армией бездействовал. Римский полководец с удивлением увидел множество огней, поднимавшихся по склону горы, но он опасался, что это был какой-то план со стороны Ганнибала, чтобы заманить его в засаду, как он заманил Фламиния на Тразименском озере. Поэтому он держал свою армию в готовности ко всему, что могло произойти, до наступления утра.

Тут он увидел, что его перехитрили. Арьергард карфагенской армии как раз входил в ущелье, и вскоре Фабий увидел, как галлы и испанцы взбираются на высоты на помощь своим товарищам, которые вели неравный бой с римлянами. Последние вскоре были с резней вытеснены на равнину, а карфагенские войска спустились в ущелье и последовали за своей отступающей армией. Теперь Ганнибал спустился в плодородную страну Апулию и решил перезимовать там. Он взял штурмом город Герониум, где хранил свои припасы и укрыл больных, в то время как его армия заняла укрепленный лагерь, который он разбил за пределами города.

ГЛАВА XVI: В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ КАРФАГЕНА

Фабий, после побега Ганнибала из ловушки, в которую, как он полагал, он его поймал, последовал за ним в Апулию и расположился лагерем на возвышенности по соседству, намереваясь продолжать ту же тактику выжидания. Однако вскоре после этого он был отозван в Рим для консультаций с сенатом по вопросам, связанным с армией. Он оставил командовать Миниция, строго приказав ему ни в коем случае не позволять втягивать себя в битву. Миниций продвинулся вперед на расстояние пяти миль от Герония, а затем разбил лагерь на отроге холмов.

Ганнибал, зная, что Фабий уехал, надеялся склонить нетерпеливого Минуция к активным действиям. Соответственно, он приблизился к римлянам и расположился лагерем на холме в трех милях от их позиции.

Еще один холм находился примерно на полпути между двумя армиями. Ганнибал занял это место ночью с двумя тысячами своих легких войск, но на следующий день Миниций атаковал позицию, прогнал ее защитников и расположился там лагерем со всей своей армией. В течение нескольких дней Ганнибал держал свои войска сплоченными в своих укреплениях, будучи уверенным, что Миниций нападет на него. Последний, однако, строго подчинялся приказам Фабия и оставался бездействующим.

Для карфагенян было крайне важно собрать достаточный запас продовольствия до наступления зимы, и Ганнибал, обнаружив, что римляне не станут нападать на него, был вынужден возобновить экспедиции за фуражом. Две трети армии были отправлены в разные стороны сильными отрядами, в то время как остальные остались охранять укрепление.

Это была та возможность, которой так долго ждал Миниций. Он немедленно отправил всю свою кавалерию атаковать отряды фуражиров, а сам со своей пехотой двинулся в атаку на слабо защищенный карфагенский лагерь. Некоторое время Ганнибалу было очень трудно сопротивляться натиску римлян; но, наконец, четырехтысячный отряд фуражиров, который отбил римскую кавалерию и пробился в Геронию, выступил ему на помощь, и римляне отступили.

Ганнибал, видя энергию, проявленную Миницием, отступил в свой старый лагерь близ Герония, и Миниций сразу же занял позицию, которую он освободил. Частичный успех Минуция позволил партии в Риме, которая долгое время была недовольна тактикой выжидания Фабия, предпринять новую атаку на его политику, и теперь Миниций был возведен в равный ранг с Фабием.

Миниций, обрадованный своим возвышением, предложил Фабию либо командовать всей армией поочередно, либо каждый из них должен постоянно командовать половиной. Фабий

выбрал последний вариант, поскольку был уверен, что порывистость его коллеги рано или поздно приведет к неприятностям с таким противником, как Ганнибал, и что лучше рискнуть уничтожить половину армии, чем всю целиком.

Миниций отвел выделенные ему войска и расположился лагерем на равнине на расстоянии полутора миль от Фабия. Ганнибал немедленно решил воспользоваться этой переменной и соблазнить римлян атаковать его, заняв холм, который находился примерно на полпути между лагерями Минуция и Герония.

Равнина, окружавшая холм, была ровной и лишенной леса, но Ганнибал при тщательном осмотре обнаружил, что там было несколько ложбин, в которых можно было укрыть войска, и в них ночью он разместил пять тысяч пехотинцев и пятьсот кавалеристов. Позиция, занимаемая ими, была такова, что они смогли бы обойти римлян с фланга и тыла, если бы те двинулись к холму. Составив эти распоряжения, он утром выслал вперед легкие войска для занятия холма. Миниций немедленно отправил свои легкие войска при поддержке кавалерии, чтобы выбить их оттуда. Ганнибал подкрепил своих карфагенян небольшими отрядами, и сражение упорно продолжалось до тех пор, пока Минуций, у которого уже лилась кровь, не двинулся к холму со своими легионами в боевом порядке.

Ганнибал со своей стороны двинулся вперед с остатками своих войск, и битва стала ожесточенной и всеобщей, пока Ганнибал не подал сигнал своим войскам, находившимся в засаде, которые выскочили и атаковали римлян с тыла и фланга. Их уничтожение было бы таким же полным и ужасным, как то, что постигло армию Семпрония при Требии, если бы Фабий не двинулся вперед со своими войсками, чтобы спасти разбитые легионы Миниция.

Теперь Фабий предложил сражение, но Ганнибал, вполне удовлетворенный нанесенным им тяжелым ударом и большими потерями, которые он нанес под командованием Минуция, отступил в свой лагерь. Миниций признал, что Фабий спас его армию от полного уничтожения, и сразу же передал командование в его руки и вернулся на свое прежнее место под его началом. Затем обе армии перешли на зимние квартиры.

Малх не присутствовал при сражении близ Герония. Через два дня после того, как Ганнибал прорвался через римские позиции на равнинах Кампании, он поручил Малху важное поручение. Командуя телохранителями генерала и будучи его близким родственником, Малх пользовался большим доверием Ганнибала и действительно был на равных с Маго, братом Ганнибала, и двумя или тремя другими его наиболее доверенными генералами. Собравшись в палатке полководца накануне вечером, они согласились со своим предводителем, что окончательного успеха в их предприятии ожидать нельзя, пока не будет получено подкрепление из Карфагена.

Прошел уже год с тех пор, как они вышли из Альп на равнины Северной Италии. Они уничтожили две римские армии, прошли почти без сопротивления через некоторые из богатейших провинций Италии, и все же они были не ближе к великой цели своего предприятия, чем когда переходили Альпы.

Некоторые цизальпийские галлы присоединились к ним, но даже на равнинах к северу от Апеннин большинство племен оставались верны своему союзу с римлянами, в то время как к югу от этого горного хребта жители во всех случаях проявляли ожесточенную враждебность.

Повсюду при приближении карфагенян они отступали в свои обнесенные стенами города, на осаду которых у Ганнибала не было ни времени, ни необходимых машин.

Хотя Рим потерял две армии, он уже снарядил и выставил на поле боя третью силу, превосходящую по численности армию карфагенян; ее армия в Испании не подвергалась нападению; ее легион к северу от Апеннин действовал против восставших племен; другие легионы находились в процессе комплектования и оснащения, и весной Рим выйдет на поле боя с армией, значительно превосходящей по численности армию Карфагена. Каким бы победоносным ни был Ганнибал в битве, армия, с трудом пробившаяся через Альпы, за истекший год значительно уменьшилась в численности. Требия и Тразимена ослабили их силы, но их потери были намного тяжелее во время ужасного марша через Апеннины весной и из-за лихорадок, которыми они впоследствии заразились от зловредной малярии на болотах летом. Что касается численности, то пробелы были восполнены контингентами, предоставленными их галльскими союзниками. Но потерю всех слонов, большого количества кавалерии и карфагенских войск, составлявших костяк армии, восполнить было нельзя.

“Малх, ” сказал Ганнибал, - ты знаешь, о чем мы говорили вчера вечером. Нам абсолютно необходимо получить подкрепление. Если Карфаген поможет мне, я считаю победу несомненной. Две или три кампании, подобные последней, одинаково подорвут мощь Рима и оттолкнут от него союзников.

“Латиняне и другие итальяйские племена, когда они обнаружат, что Рим бессилён защитить их, что их стада, их посевы и имущество находятся в нашей власти, в конце концов устанут поддерживать его дело и разделят свою судьбу с нами; но если борьба будет продолжаться, Карфаген должен сделать усилие — должен очнуться от летаргии, в которую он, по-видимому, погрузился. Я не могу уйти из армии, как не могу и пощадить Маго. Кавалерия предана ему, и потерять его было бы все равно что потерять мою правую руку; и все же ясно, что в Карфаген должен отправиться кто-то, кто может говорить от моего имени и может представить здесь истинную ситуацию.

“ Возьмешься ли ты за это задание? Оно сопряжено с большой опасностью. Сначала вам придется морем добраться до Греции, а оттуда сесть на корабль, отплывающий в Карфаген. Когда вы прибудете туда, вы столкнетесь с ожесточенным сопротивлением Ганнона и его фракции, которые сейчас всемогущи, и может случиться так, что ваша миссия может стоить вам жизни; ибо эти люди не только ненавидят меня и всех, кто связан со мной, но, подобно большинству демагогов, они ставят свои собственные эгоистичные цели, выгоду своей фракции и продвижение своих собственных планов намного выше общего благосостояния государства, потери всех колоний Карфагена и разрушения его императорской власти. Потеря национального престижа и чести для этих людей ничто по сравнению с вопросом, смогут ли они сохранить свои места и денежное довольствие в качестве правителей Карфагена.

“Рим разделен, как и мы, его патриции и плебеи всегда ожесточенно противостоят друг другу; но в настоящее время патриотизм возвышается над партийностью, и оба прекращают свои споры, когда на карту поставлено национальное дело. Несомненно, придет время — если, конечно, мы не свернем с ее пути, — когда по мере того, как Рим будет расти в богатстве и роскоши, он будет страдать от того же зла, которое разрушает Карфаген. Партийные требования возобладают над патриотическими соображениями, и Рим развалится на куски, если не найдет какого-нибудь человека, достаточно сильного и энергичного, чтобы взять в свои руки всю

государственную власть, заставить замолчать болтовню политиков и править страной железным прутком. Но я отклонился от темы. Вы возьмете на себя эту миссию?”

“ Я сделаю это, - твердо ответил Малх, - если ты считаешь меня достойным этого. Я не обладаю красноречием оратора и ничего не смыслю в политическом искусстве”.

“Там будет много наших друзей, которые смогут обратиться с речью к толпе”, - ответил Ганнибал. “Именно ваше присутствие там как представителя армии, как моего родственника и как сына генерала, оказавшего такую хорошую услугу государству, пойдет на пользу нашему делу.

“ Твоя миссия - сказать Карфагену, что сейчас его время или никогда; что Рим уже шатается от ударов, которые я нанес ему, и что нужен только еще один удар, чтобы повергнуть его в прах. Необходимы огромные усилия, чтобы раз и навсегда свергнуть нашего великого соперника.

“Потребуются жертвы, и немалые, чтобы заполучить эту цель, но после падения Рима будущее Карфагена обеспечено. Что необходимо, так это чтобы Карфаген получил и удерживал господство на море в течение двух лет, чтобы весной было отправлено по меньшей мере двадцать пять тысяч человек и столько же следующей весной. С таким подкреплением я возьмусь полностью уничтожить могущество Рима. Завтра я передам вам письма нашим друзьям на родину, в которых будут указаны все подробности относительно курса, которым они должны следовать, и подробности наших потребностей.

“ Конный отряд будет сопровождать вас до побережья вместе с десятком людей, привыкших к мореплаванию. Там ты сядешь на корабль и отплывешь в Коринф, откуда тебе не составит труда добраться до Карфагена”.

С наступлением темноты на следующий день Малх отправился в путь, взяв с собой Несса в качестве своего сопровождающего и компаньона. Отряд шел всю ночь, и утром с вершин холмов, которые они пересекали, была видна длинная полоса моря. Они подождали несколько часов, чтобы отдохнуть и подкрепить лошадей, а затем, продолжив свой путь, во второй половине дня наткнулись на небольшую гавань в устье реки Биферно. Их приближение было настолько неожиданным, что жители не успели закрыть свои ворота, и войска вошли в город без сопротивления, все жители разбежались по своим домам.

Малх сразу же объявил, что карфагеняне пришли как друзья и, если их не потревожат, никому не причинят вреда; но если против них будет предпринята какая-либо вооруженная попытка, они разграбят и разрушат город. В порту стояли два или три корабля; Малх завладел самым большим и, посадив на него свою партию моряков, приказал команде плыть в Коринф. Всадники должны были оставаться в городе до возвращения корабля, когда со всем отрядом на борту они немедленно присоединятся к Ганнибалу.

Ветер был попутный, и на следующее утро показались горы Греции, а во второй половине дня они вошли в порт Коринфа. Якорь был брошен недалеко от берега, маленькая лодка спущена на воду, и Малх в сопровождении Несса был доставлен на берег двумя своими людьми. Затем они вернулись на борт корабля, который сразу же снялся с якоря и отплыл по возвращении.

Коринф был большим и оживленным портом, поэтому прибытие и отплытие маленького судна из Италии прошли совершенно незамеченными, и, не привлекая особого внимания, Малх и его

спутник направились вдоль причалов. Торговля в Коринфе была крупной и процветающей, и эта сцена напомнила Малху ту, с которой он был так хорошо знаком в Карфагене. Вдоль причалов стояли корабли многих национальностей. Галеры из Тира и Кипра, из Сирии и Египта, из Карфагена и Италии - все были собраны в этом нейтральном порту.

Коринф, как и Карфаген, был, по сути, торговым сообществом; и в то время как мощь и слава городов-соперников Пелопоннеса быстро угасали, Коринф поднимался в ранге и теперь был первым городом Греции. Малх без труда нашел карфагенское торговое судно. Он был в изобилии снабжен деньгами и вскоре заключил сделку, согласно которой капитан должен был, не дожидаясь получения дальнейшего груза, немедленно отплыть в Карфаген.

Капитан был очень удивлен появлением в Коринфе молодого карфагенянина, очевидно, высокого ранга, но он был слишком доволен заключенной сделкой, чтобы задавать какие-либо вопросы. Час спустя швартовные канаты были отданы, и судно, распустив паруса, отправилось в путь. Погода стояла теплая и приятная, и Малх, растянувшись на кушетке, расстеленной на юте, очень наслаждался отдыхом и тишиной после долгих месяцев, проведенных в почти непрерывной деятельности. На следующий день к нему подошел Несс.

“Мой господин Малхус, ” сказал он, - на борту корабля есть люди, которые знают тебя. Я подслушал разговор этих людей, и, кажется, один из них узнал в тебе рыбака, который жил по соседству с ним в Карфагене.

“ Это не имеет значения, - равнодушно сказал Малх. - У меня нет особых причин скрывать свое имя, хотя было бы неплохо, если бы я смог встретиться со своими друзьями в Карфагене и проконсультироваться с ними до того, как о моем прибытии туда станет известно всем. Однако, прежде чем я покину корабль, я могу раздать немного денег команде и сказать им, что по определенным государственным причинам я не хочу, чтобы на берегу упоминали, что я был пассажиром”.

Если бы Малх знал, что корабль, на котором он плыл, был одним из огромной торговой флотилии, принадлежащей Ганнону, он бы отнесся к раскрытию его личности моряками более серьезно; а так, он больше не думал об этом. Никакая перемена в поведении капитана не показывала, что он осведомлен об имени и звании своего пассажира, а Малх, наблюдая за широким морским простором, нарушаемым лишь несколькими далекими парусами, был слишком поглощен порученной ему миссией, чтобы еще раз задуматься над этим вопросом.

Ветер стих, и только вечером восьмого дня после выхода из Коринфа можно было различить Карфаген с возвышающейся над ним цитаделью Бирса. Корабль двигался по воде, но медленно, и капитан сказал, что, если не произойдут какие-либо изменения, они не войдут в порт раньше позднего утра следующего дня. Малх удалился на свое ложе, сожалея о том, что период отдыха и безмятежности подошел к концу и что теперь он готов вступить в трудную борьбу, которая, хотя он и осознавал ее важность, была совершенно чужда его вкусу и склонностям.

Он даже не испытал удовлетворения от того, что увидит мать и сестру, поскольку незадолго до его отплытия пришло известие, что их положение в Карфагене было настолько неудобным, что они уехали в Испанию, чтобы поселиться там с Адгербалом и Анной. Он слышал, что здоровье его матери было совершенно подорвано горем из-за потери его отца.

Ночью его разбудил всплеск якоря и звук обрывающегося троса, и он предположил, что, должно быть, немного усилился бриз и они бросили якорь у входа в гавань. Вскоре он снова заснул, но вскоре был разбужен тем, что показалось ему звуком короткой борьбы, за которым последовал еще один всплеск; он мечтательно подумал, что бы это могло быть, и затем снова заснул. Когда он проснулся, было уже светло. Несколько удивленный отсутствием Несса, который обычно первым делом по утрам заходил в его каюту, чтобы позвать его, он вскоре оделся.

Подойдя к двери своей каюты, он с удивлением обнаружил, что она заперта снаружи. Он громко постучал в нее, чтобы привлечь внимание, но почти сразу же оказался в темноте. Подойдя к иллюминатору, чтобы выяснить причину этой внезапной перемены, он обнаружил, что в него засунули мешок, и сразу же после этого звук молотка подсказал ему, что снаружи к нему прибивают доску, чтобы удерживать его на месте.

До него дошла правда — он был пленником. Обнажив меч, он со всей силы бросился на дверь, но она была так надежно заперта снаружи, что ни в малейшей степени не поддавалась его усилиям. После нескольких тщетных попыток он отказался от этой попытки и, сев, попытался осознать свое положение. Вскоре он пришел к выводу, похожему на правду: торговые интересы Карфагена были полностью в распоряжении Ганнона и его отряда, и он не сомневался, что, будучи узанным, капитан решил задержать его как пленника до тех пор, пока он не сообщит Ганнону о факте своего прибытия и не получит от него инструкций относительно того, следует ли разрешить Малху высадиться на берег.

Малх вспомнил звуки, которые он слышал ночью, и издал возглас горя и гнева, когда пришел к выводу, что на его верного последователя напали, он, несомненно, был убит и выброшен за борт. В данный момент он был бессилен что-либо предпринять и, сжимая в руке меч, лежал на кушетке, готовый вскочить и пробиваться к выходу, как только услышит эти звуки, не снимая запоров с двери.

День тянулся медленно. Он слышал голоса снаружи и шаги на палубе юта над головой, но никто не приближался к нему; и через некоторое время его бдительность ослабла, поскольку он решил, что его похитители, каковы бы ни были их намерения, не попытаются осуществить их до наступления темноты. Наконец он услышал, как зашевелились тяжелые предметы, сложенные у двери; он вскочил на ноги, дверь приоткрылась на два или три дюйма, и чей-то голос произнес:

- Именем республики я объявляю вас моим пленником.

“Предупреждаю тебя, я буду сопротивляться!” воскликнул Малх. “Я Малх, сын Гамилькара, покойный полководец республики, и я прибыл в Карфаген с поручением Ганнибала. Какие бы жалобы ни были у государства на меня, я готов ответить в надлежащее время и не премину явиться по первому требованию; но в настоящее время я должен выполнить миссию Ганнибала, а те, кто мне мешает, являются предателями республики, кем бы они ни были, и я буду защищаться до последнего”.

- Откройте дверь и схватите его! - раздался чей-то голос.

Как только дверь открылась, Малх бросился вперед, но в свете нескольких фонарей увидел дюжину мужчин с поднятыми копьями, стоящих перед хижинкой.

“Я сдаюсь”, - сказал он, видя, что против такой силы, как эта, сопротивление было бы напрасным, “но от имени Ганнибала я протестую против этого вмешательства в гонца, которого он отправил, чтобы объяснить от его имени сенату ситуацию в Италии”.

С этими словами Малх отложил щит и меч, снял шлем и тихо вышел из хижины. По приказу своего начальника четверо мужчин сложили оружие и схватили его. Через минуту он был связан по рукам и ногам, в рот ему засунули кляп, на голову набросили плащ и грубо бросили в большую лодку, стоявшую рядом с кораблем.

Как ни коротко было время, которое он имел в своем распоряжении, Малх бросил взгляд поверх фальшбортов по обоим бортам корабля и понял, что любое сопротивление было бы бесполезно, ибо вдали виднелись огни Карфагена; и было очевидно, что судно мало продвинулось вперед с тех пор, как он удалился отдыхать предыдущим вечером. Если бы она была в гавани, он намеревался немедленно прыгнуть за борт и надеяться спастись вплавь.

Человек, командовавший отрядом, захватившим Малха, занял свое место у руля лодки, а двенадцать его агентов сели за весла и поплыли в сторону Карфагена. До города было почти восемь миль, и они прибыли туда за два часа. Место, где они высадились, находилось на некотором расстоянии от оживленной части порта. Там их ждали двое мужчин с носилками. На это положили Малха, четверо мужчин подняли его на плечи, остальные встали вокруг него в качестве охраны, и затем отряд двинулся по тихим улицам к цитадели.

Час был поздний, и народу вокруг было немного. Любой, кто останавливался на мгновение, чтобы посмотреть на маленькую процессию, поспешно отшатывался, услышав страшные слова “Во имя республики”, произнесенные лидером партии. Граждане Карфагена слишком хорошо привыкли к ночным арестам, чтобы вдумываться в этот вопрос, если не считать минутного удивления относительно того, кто был последней жертвой городских тиранов, и, возможно, позволить себе тайно проклинать их. У Малха с самого начала не было сомнений относительно места назначения, и когда он почувствовал внезапное изменение угла наклона носилок, он понял, что его везут вверх по крутому подъему в Бирсу.

Вскоре он услышал оклик часового, затем наступила пауза, когда открылись ворота, затем его на некоторое время пронесли вперед, последовала еще одна остановка, носилки опустили на землю, развязали веревки и ему приказали подняться. Ему хватило всего лишь взгляда вверх, чтобы понять, где он находится. Над ним возвышалась темная громада храма Молоха, напротив него была маленькая дверь, известная каждому жителю Карфагена как ведущая в подземелья под храмом.

Каким бы храбрым он ни был, Малх не смог удержаться от дрожи, когда вошел в портал в сопровождении четырех своих охранников и впереди тюремщика. Последний не задавал никаких вопросов, и, несомненно, появление пленника ожидалось и к нему подготовились. Путь лежал через длинный лестничный пролет и несколько проходов, вырубленных в цельной скале. Они миновали множество закрытых дверей, пока, наконец, не свернули в одну, которая была открыта. Затем изо рта Малха извлекли кляп, дверь за ним закрылась, он услышал, как задвинули засовы, и остался один в полной темноте.

Малх ощупал стены своей камеры и обнаружил, что она имеет площадь около шести футов. В одном углу лежала охапка соломы, и, расстелив ее, он бросился на нее и с горечью размышлял о том положении, в которое попал. Его собственное положение было достаточно отчаянным. Он

был беспомощен в руках Ганнона. Друзья и сторонники Ганнибала не знали о его приближении, и он не мог надеяться на помощь с их стороны. Он почти не сомневался в том, какова будет его судьба; он будет предан смерти каким-нибудь жестоким способом, и Ганнибал, его родственники и друзья никогда не узнают, что с ним стало с того момента, как он покинул итальянское судно в порту Коринфа.

Но каким бы безнадежным ни было его собственное положение, Малх больше думал о Ганнибале и его храбрых товарищах по оружию, чем о себе. Способ, которым он был похищен агентами Ганнона, показал, насколько решительно этот демагог стремился не допустить, чтобы истинное положение вещей, царившее в Италии, стало известно народу Карфагена. Чтобы обеспечить себе триумф, он и его сторонники были готовы пожертвовать Ганнибалом и его армией и втянуть Карфаген в самые ужасные бедствия.

Наконец Малх заснул. Когда он проснулся, в его камеру проникал слабый свет. В центре комнаты было отверстие площадью около квадратного фута, над которым нечто вроде дымохода уходило на двадцать футов вверх через твердую скалу к поверхности, где оно было закрыто железной решеткой. Малх знал, где он находится. Вдоль каждой стороны великого храма тянулся ряд таких решеток на уровне пола, и каждый горожанин знал, что именно через эти отверстия свет и воздух достигали заключенных в камерах внизу. Иногда раздавались стоны и крики, но те, кто был поблизости, спешили покинуть это место, поскольку знали, что шпионы закона всегда начеку и что быть заподозренным в общении с заключенными было бы достаточно, чтобы гарантировать осуждение и смерть.

Именно вид этих решеток и мысль о мрачных камерах внизу усилили отвращение, которое Мальчиком испытывал Малх при входе в залитый кровью храм, хотя он и не мечтал, что настанет день, когда он сам будет лежать узником в одной из них. Он знал, что с его стороны бесполезно пытаться криком сообщить своим друзьям в городе о своем присутствии там. Узость воздушного прохода и близость решетки наверху заглушали и сбивали с толку голос, если только человек не стоял непосредственно над отверстием, а поскольку посетители храма тщательно избегали близости решеток, пытаться привлечь их внимание было бы пустой тратой времени.

О побеге не могло быть и речи. Камера была вырублена в твердой скале. Дверь была огромной прочности, и даже если бы ее удалось преодолеть, было бы много других, которые пришлось бы преодолеть, прежде чем он смог бы добраться до входа в подземелье.

Через короткое время вошел нумидиец, неся немного хлеба и кувшин с водой. Малх обратился к нему; но негр открыл рот, и Малх увидел, что ему отрезали язык, возможно, в детстве, возможно, в наказание за преступление; но более вероятно, что этот человек был рабом, захваченным на войне, которого изувечили, чтобы сделать безопасным и полезным орудием в руках блюстителей закона.

Через три часа дверь снова открылась, и появились двое мужчин. Они приказали Малху следовать за ними и повели его по нескольким извилистым коридорам, пока, наконец, не открыли дверь и не ввели его в большую комнату. Она была освещена факелами. За столом в центре комнаты сидели семь фигур. В той, что сидела в кресле, немного возвышавшемся над остальными, Малх сразу узнал Ганнона. Все его товарищи были ведущими людьми его фракции.

- Малх, сын Гамилькара, - сказал Ганнон, - что ты можешь сказать, зачем ты тайно прибыл в Карфаген?

“Я пришел не тайно, ” ответил Малх, “ я пришел сюда как посланец Ганнибала к сенату. Он поручил мне изложить им точную ситуацию в Италии, рассказать им, как много он уже сделал и что еще предстоит сделать, и объяснить им необходимость отправки ему подкреплений для осуществления его великих планов по уничтожению могущества Рима. Я прибыл не тайно. Я прибыл на корабле из Италии в Коринф и там сразу нанял судно, чтобы доставить меня сюда”.

“Поскольку мы члены сената, - сказал Ганнон, - вы можете передать нам свое послание”.

“Я боюсь, что дальше этого дело не пойдет”, - ответил Малх. “Тот факт, что меня таким образом тайно схватили и доставили сюда, показывает, насколько далеко зашло ваше желание, чтобы народ Карфагена узнал о моем послании. И все же, поскольку даже в вашей груди, возможно, еще не умер весь патриотизм, и поскольку мои слова могут побудить вас сделать что-то, что позволит Ганнибалу спасти республику, я передам вам послание, которое он послал меня передать сенату ”.

Ропот гневного удивления поднялся среди семерых мужчин при смелых словах и вызывающем поведении их пленника.

“Как ты смеешь так обращаться к своим судьям?” Воскликнул Ганнон.

“ Судьи! - Палачи, - презрительно повторил Малх. Думаешь, я не знаю, что моя смерть предрешена? Даже если бы вы захотели, вы не посмеете освободить карфагенскую аристократку, сына полководца, отдавшего свою жизнь на службе у нее, двоюродного брата великого Ганнибала, после того как вы таким предательским образом схватили и бросили его в темницу. Как бы ни были напуганы жители Карфагена вашей тиранией, как бы ни были они развращены вашим золотом, этот незаконный акт угнетения побудил бы их к сопротивлению. Нет, Ганнон, именно потому, что я знаю, что моя судьба предрешена, я бесстрашно бросаю вызов тебе и твоим созданиям.

Затем Малх приступил к передаче послания Ганнибала сенату. Он показал точное положение дел в Италии, настаивая на том, что, если будет отправлено запрошенное подкрепление, успех карфагенского оружия и окончательное поражение и унижение Рима будут обеспечены; в то время как, с другой стороны, если Ганнибал останется без помощи, его армия со временем будет слишком слаба, чтобы противостоять нападениям римлян и их союзников. Он предупредил своих слушателей, что, если произойдет эта катастрофа, Рим, окрыленный победой, страдающий от поражений и унижений, которые нанес им Ганнибал, в свою очередь станет агрессором и нанесет Карфагену удар, подобный тому, которым Риму угрожал Ганнибал.

Ганнон и его спутники слушали молча. Малх на время забыл о своем собственном положении и о характере людей, к которым он обращался, и умолял с такой серьезностью и страстью, с какой он обращался бы ко всему сенату. Когда он закончил, Ганнон, не говоря ни слова, сделал знак тюремщикам, и те, встав по бокам от Малха, отвели его обратно в камеру.

ГЛАВА XVII: ПОБЕГ

В течение следующих двух дней Малх навещал только нумидиец, который приносил ему еду. На третью ночь, когда он лежал на соломе, гадая, сколько времени пройдет, прежде чем Ганнон решит свою судьбу, он вскочил на ноги, услышав, по-видимому, совсем рядом, шепот своего имени. Звук повторился, и теперь он понял, что он исходил сверху.

“Да,” тихо сказал он, глядя вверх, “я Малх. Кто говорит со мной?”

“Это я, Несс”, - ответил голос. “Благодаря богам, я нашел своего господина”.

“Как ты сюда попал, Несс? Я боялся, что ты утонул.”

“Я доплыл до берега,” сказал араб, “а затем наблюдал за здешними воротами. Я видел, как привели нескольких пленников, и не сомневался, что ты был среди них. Я был в порту, когда пришел корабль, и обнаружил, что на нем нет пассажира. Затем я снова приехал сюда, вскоре нашел друзей среди арабского полка в гарнизоне; они устроили меня на работу в слоновьи конюшни. Каждую ночь, когда все затихало, я прокрадывался сюда и шептал твое имя через каждую решетку. Сегодня ты услышал меня. Теперь, когда я знаю, где ты, я приступлю к работе, чтобы организовать твой побег. Достаточно ли широк проход из твоей камеры, чтобы пропустить тебя?”

“Да”, - ответил Малх. - “Это было бы тесновато, но с веревкой ты мог бы поднять меня наверх”.

“Я немедленно примусь за работу, чтобы ослабить эти засовы, - сказал Несс. - Но трудность заключается не в том, чтобы вытащить тебя отсюда, а в том, чтобы вывести за ворота цитадели. Охрана здесь чрезвычайно строгая, и ворота не открываются до девяти часов. До этого ваш побег будет обнаружен, и вы не сможете выйти незамеченным. Я должен найти укромное место, где ты сможешь затаиться до тех пор, пока поиски не закончатся и бдительность часовых не ослабнет; но это будет нелегко. А теперь давайте больше не будем говорить; здесь опасно дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить”.

В течение нескольких часов не было произнесено ни слова. Малх слышал тихий непрерывный скребущий звук, когда Несс своим кинжалом обрабатывал камень, в который была вделана решетка. Наконец Несс заговорил снова. “Я почти закончил, мой господин, большая часть решетки расшаталась, и через полчаса я смогу завершить работу. Скоро рассветет, и я должен идти. Завтра ночью я вернусь с веревкой. Я надеюсь сегодня найти какое-нибудь место, где ты сможешь спрятаться.

Малх с новой надеждой бросился на солому и пролежал там примерно до полудня, когда его снова вызвали к судьям. Это были те же самые люди, которых он видел раньше.

“Малх, сын Гамилькара,” сказал Ганнон, - сейчас ты предстаешь перед нами, чтобы выслушать преступление, в котором тебя обвиняют. Здесь перед нами письменный список имен участников заговора, возглавляемого Гисконом, целью которого было убийство многих членов карфагенского сената и свержение ее конституции. У нас также есть признания нескольких

заговорщиков, подтверждающие этот список и говорящие, что вы были одним из участников этой партии ”.

“Я не отрицаю, - твердо сказал Малх, - что однажды я действительно посетил место, в котором встретились те, о ком вы говорите, и что мое имя тогда было внесено в список; но когда я пришел туда, я был в полном неведении о целях ассоциации, и как только я узнал их цели и задачи, я ушел от них и больше не посещал место их встреч”.

- Ты не мог этого сделать, - сказал Ганнон, - поскольку записано, что вскоре после этого ты отплыл в Испанию.

“Я признаю, что сделал это, ” ответил Малх, “ но я сказал Гискону в тот самый день, когда сопровождал его на собрание, что больше туда не пойду. Более того, ваши уполномоченные в армии Ганнибала уже расследовали обстоятельства, и они, принимая во внимание тот факт, что мне было тогда немногим более шестнадцати лет, что я по незнанию был вовлечен в заговор и сразу же от него отказался, сняли с меня вину ”.

“Уполномоченные не имели на это полномочий, ” ответил Ганнон. “ им было приказано отправить тебя в Карфаген, и они не выполнили свой приказ только потому, что Ганнибал тогда, как всегда, поставил себя выше власти республики. Поскольку вы признались, что были участником этого заговора, дальнейшего судебного разбирательства не требуется, и этот суд присуждает вас к тому же наказанию, которое было применено ко всем другим участникам заговора — завтра вы будете приговорены к смертной казни по обычному для прессы наказанию”.

Малх воздержался от всякого ответа, ибо ему сразу пришло в голову, что, если он бросит вызов своим судьям и разозлит их, они могут приказать немедленно казнить его. Поэтому он, не говоря ни слова, повернулся и проводил своего тюремщика в камеру. Он нетерпеливо ждал ночи, и часы показались ему поистине долгими, прежде чем он услышал наверху шепот Несса. Как только араб получил ответ, заверяющий его, что Малх все еще там, он снова принялся за работу.

Через час решетка была снята и веревка спущена. Малх закрепил его под мышками, завязав спереди узлом, а затем прошептал Нессу, что он готов. Араб медленно и неуклонно подтягивал его вверх, пока его голова не оказалась у входа в узкий проход. Малх ухватился за веревку как можно выше над головой и повис на руках, тем самым подтягивая плечи вверх и максимально уменьшая их ширину. Затем ему удалось развернуться так, что его тело оказалось по диагонали поперек отверстия, и, расположившись таким образом, он, к своей радости, обнаружил, что проход был достаточно большим, чтобы он мог пройти без особых трудностей.

Медленно и неуклонно Несс поднимал его, пока его плечи не оказались выше уровня земли, когда Малх, упершись руками в тротуар, бесшумно выпрыгнул наружу. Решетка была установлена на место, и, не сказав ни слова, они выскользнули из храма. Не было сказано ни слова, пока они не отошли на некоторое расстояние.

“ Ты снова спас мне жизнь, Несс, ” сказал Малх, положив руку ему на плечо. “ Еще двенадцать часов, и было бы слишком поздно. Утром меня должны были казнить”.

Несс яростно вскрикнул и положил руку на нож.

“Если бы они убили моего господина, - сказал он, “ я бы отомстил за тебя. Я бы преследовал твоих врагов день и ночь, пока один за другим мой нож не пронзил бы их сердца!”

- Ты нашел укромное местечко, Несс?

“ Есть только одно безопасное место, милорд, о котором я могу думать. Я обсудил это с двумя или тремя верными друзьями, и они согласны, что поиски будут настолько тщательными, что никому в стенах цитадели не удастся избежать обнаружения. Шпионы Ганнона повсюду, и люди боятся в этих стенах даже шепотом высказать то, что они думают. Во всяком случае, нельзя было найти более надежного укрытия, чем то, которое мы выбрали.

- И где же это, Несс? - спросил я.

- Это в резервуарах. С четырьмя бурдюками для воды и несколькими досками мы приготовили плот. Двое моих друзей ждут нас у одного из входов. Они уже соорудили плот, и все будет готово. Вряд ли они станут искать вас там.

- Идея превосходная, Несс.

Водохранилища Карфагена были огромных размеров, и некоторые из них сохранились до наших дней и вызывают удивление и восхищение путешественников. Они находились под землей и были высечены из цельной скалы, добытый из них камень использовался для возведения стен городских зданий. Через определенные промежутки времени были оставлены колонны для поддержки крыши, и было подсчитано, что в этих подземных озерах — а их было ничуть не меньше — содержалось достаточно воды, чтобы удовлетворять потребности великого города по крайней мере в течение шести месяцев. Эти обширные хранилища воды были абсолютной необходимостью в климате, подобном климату Северной Африки, где дожди выпадают очень редко. Действительно, без них Карфаген оказался бы во власти первой армии, которая его осадила.

Больше всего усилий было потрачено на поддержание системы водоснабжения. Дождь с крыш храмов и домов стекал в резервуары, и эти запасы никогда не использовались в обычных случаях, поскольку город снабжался водой, доставляемой по акведукам с больших расстояний среди холмов. Тут и там в скале, образующей крышу резервуаров, были прорезаны отверстия для поступления воздуха, а в нескольких местах ступени от поверхности вели вниз, к воде. Вход в них охраняли железные ворота.

Несс и его друзья накануне вечером открыли одни из этих ворот. Замок был старым и редко использовался, поскольку калитка была установлена скорее для того, чтобы дети и другие люди не спускались к воде, чем для какой-либо другой цели, и арабам не составило особого труда взломать грубый замок.

Малх последовал за Нессом вниз по ступенькам, пока не достиг кромки воды, примерно в пятидесяти футах под поверхностью. Там стояли два араба с факелами. У подножия ступеней плавал плот, сделанный, как и сказал Несс, из четырех надутых овечьих шкур, соединенных каркасом из досок. Поперек них была натянута бычья шкура, образующая платформу. На нем лежало несколько ковриков, бурдюк с вином, груда лепешек и фруктов, а также полдюжины факелов.

“ Спасибо, друзья мои! - Сказал Малх арабам. “Возможно, когда-нибудь я смогу доказать, что я благодарен тебе”.

“Друзья Несса - наши друзья”, - просто ответил один из арабов. “Его господин - наш господин”.

“ Вот весло, милорд, ” сказал Несс. “Я предлагаю вам немедленно отплыть так далеко, насколько вы сможете увидеть горящий здесь факел; затем вам следует привязать плот к столбу. Каждую вторую ночь я буду приходить сюда с провизией и зажигать свет. Если вы видите, что свет горит ровно, значит, вам безопасно приближаться, а я прихожу только принести еду или новости; если вы видите, как факел машет взад и вперед, это предупреждение о том, что они намерены обыскать водоемы. Я не думаю, что они это сделают; все же лучше быть готовым, и в этом случае вам придется грести далеко в укромных местах. Они могут долго искать, прежде чем найдут вас. Я надеюсь, что ваше заключение здесь не будет долгим, но мы, возможно, придумаем какой-нибудь план, как вытащить вас из цитадели. Я бы с радостью пошел с тобой, чтобы разделить твое одиночество, но я должен остаться снаружи, чтобы придумать какой-нибудь способ побега.

Коротко попрощавшись со своим верным последователем, Малх занял свое место на плоту, зажег факел и закрепил его вертикально. Затем он медленно поплыл прочь, держась между рядами тяжелых колонн. Его продвижение было медленным, и в течение получаса он не выпускал факел из поля зрения. К этому времени он был уверен, что приближается к границе водохранилища. Поэтому он пришвартовал свой плот к столбу и помахал факелом взад-вперед. В ответ на сигнал последовало аналогичное движение далекого огонька, который затем исчез. Малх погасил свой собственный факел, положил под руку средство для его повторного зажигания, которым снабдил его Несс, а затем, завернувшись в плед, улегся спать.

Когда он проснулся, был день. Свет падал на воду из отверстия в двухстах или трехстах ярдах от него, в то время как далеко вдалеке он мог видеть слабый свет, отмечавший место ступенек, по которым он сел в лодку. По соседству с отверстием колонны выделялись четким серым цветом на темном фоне. Чуть поодаль их очертания были смутными и туманными; и куда бы он ни посмотрел, его взгляду встречалась чернильная тьма, за исключением одной или двух слабых полос туманного света, которые отмечали положение отдаленных отверстий.

Тишина, царившая в этой огромной пещере, была почти гнетущей. Иногда слабый шелестящий шепот, эхо какого-то звука в цитадели наверху, проносился среди колонн; и время от времени слышался жалобный писк летучей мыши, потому что множество этих существ бесшумно порхали в темноте, их формы были видны на мгновение, когда они проходили между Малхом и светом. Он смутно задумался, что бы они могли найти здесь съестного, а затем вспомнил, что слышал, будто с наступлением темноты можно увидеть множество летучих мышей, вылетающих из отверстий к водоемам в поисках пищи снаружи и возвращающихся в свои укрытия с приближением утра.

Малх забавлялся, думая о ярости и изумлении Ганнона и его товарищей, услышавших, что их пленник исчез, и он представил себе горячие поиски, которые, без сомнения, велись по всей цитадели. Он считал крайне маловероятным, что в водохранилище будут проводиться какие-либо поиски. Нессус снова запирает ворота после того, как проходил через них, и мысль о том, что он мог плавать по подземному озеру, вряд ли могла прийти им в голову.

Затем он перебрал в уме различные приспособления, с помощью которых можно было бы выбраться за стены цитадели. Беспокойство Ганнона и тех, кто действовал вместе с ним, о том, чтобы способ, которым они похитили и приговорили к смерти посланника и родственника Ганнибала, не стал известен в городе, было бы настолько велико, что была бы применена чрезвычайная бдительность, чтобы никто не смог покинуть цитадель. Стража на стенах будет значительно усилена; никому не будет позволено пройти через ворота без самого тщательного досмотра; в то время как каждый уголок цитадели, храмов, казарм, складов и конюшен будут обыскивать снова и снова. Даже если бы в водохранилище были произведены поиски, Малх почти не опасался обнаружения; ведь даже если бы к тому месту, где он лежал, подошла лодка, ему нужно было бы только обогнуть плот с противоположной стороны от большого столба площадью около двенадцати квадратных футов, у которого он лежал.

Когда свет померк, он снова лег спать. Как и прежде, он спал крепко, потому что, как бы ни была сильна жара наверху, воздух в подземных покоех всегда был свеж и прохладен, и он вполне мог выносить ковры, которые предоставил ему Несс. Следующий день прошел медленнее, потому что ему было о чем меньше думать. Когда дневной свет снова померк, он начал с нетерпением ждать сигнала, хотя и знал, что должно пройти еще много часов, прежде чем Несс сможет добраться до места встречи.

Действительно, часы тянулись так медленно, что он, наконец, начал опасаться, что что—то случилось - возможно, Несса каким-то образом узнали, и теперь он находится в подземельях под храмом Молоха. Наконец, однако, к своей радости, Малх увидел далекий огонек; он горел ровно, и он сразу же поплыл к нему. Он не стал зажигать свой факел — это заняло бы время, и он знал, что, пока он тихо гребет, звук донесется по поверхности воды до Нессуса. Наконец он добрался до лестницы. Несс был там один; рядом с ним стояла корзина со свежей провизией.

- Ну, Несс, какие новости? - спросил я.

“ Все хорошо, милорд, но Ганнон переворачивает небо и землю, чтобы найти вас. Ворота цитадели вчера весь день оставались закрытыми; и хотя сегодня они снова были открыты, досмотр тех, кто выходит, настолько строг, что никакая маскировка не смогла бы обмануть пристальное внимание ищущих. Тот или иной из мужчин, которые сопровождали вас в тюрьме, всегда находится у ворот. Казармы были обысканы из конца в конец, все войска, занимавшие их, были изгнаны, в то время как представители закона обыскали их сверху донизу. То же самое было сделано с конюшнями; и хорошо, что мы не пытались спрятать вас под землей, потому что, несомненно, если бы мы это сделали, они бы нашли вас, как бы хитро мы вас ни спрятали. Конечно, имя сбежавшего заключенного никому не известно, но сообщение о том, что важный заключенный сбежал из государственных тюрем под темплом, вызвало в городе настоящий ажиотаж, поскольку говорят, что подобного события раньше никогда не происходило. В настоящее время я не могу придумать никакого плана, как освободить тебя.

“ Тогда я должен довольствоваться тем, что подожду некоторое время, Несс. Через некоторое время их бдительность наверняка ослабнет, поскольку они подумают, что я, должно быть, выбрался за стены”.

- Есть ли кто-нибудь, кому вы хотели бы, чтобы я сообщил новость о том, что вы здесь?

Это был вопрос, который Малх обсуждал сам с собой снова и снова. Однако ему казалось, что власть Ганнона настолько велика, что было бы опасно для кого-либо выступать и обвинять его.

Без сомнения, за каждым из лидеров отряда Барцина велось строгое наблюдение; и если бы Ганнон заподозрил, что кто-то из них поддерживает связь со сбежавшим пленником, он немедленно предпринял бы против них меры. Поэтому он подумал, что будет лучше, если никто не узнает об этой тайне, пока он не освободится. Поэтому он ответил отрицательно на вопрос Несса.

“ Я должен подождать, пока не освобожусь. Любое действие сейчас может навлечь месть Ганнона на других. Ему не составило бы труда придумать какой-нибудь предлог, чтобы нанести им удар. Вы думаете, что в настоящее время нет возможности спастись?

“ Я не могу составить никакого плана, милорд. Обыск настолько строг, что, когда слоны спустились сегодня к фонтанам за водой, была осмотрена каждая ховда, чтобы убедиться, что в ней никто не спрятан ”.

- Также будет необходимо, Несс, если ты придумаешь какой-нибудь план моего освобождения, устроить тайное место в городе.

“Это будет достаточно просто”, - ответил Несс. “У моих друзей много родственников в арабском квартале, и, оказавшись на свободе, ты можешь прятаться там в течение любого времени. И теперь я больше не буду ждать, потому что прошлой ночью представители закона обошли все казармы и конюшни, чтобы убедиться, что каждый человек спит на своем месте. Поэтому я вернусь без промедления. Через два дня я буду здесь снова; но если произойдет что-нибудь, о чем необходимо будет сообщить вам, я буду здесь завтра вечером”.

Следующим вечером Малх наблюдал за светом со слабой надеждой увидеть его, но примерно в тот же час, что и раньше, он увидел, как он внезапно появился снова. Недоумевая, что привело Несса раньше времени, он поплелся к лестнице.

- Ну, Несс, какие у тебя новости?

“ Мы разработали план побега, милорд. Как я уже говорил вам, мы с моим другом находимся в стойле со слонами, в наши обязанности входит доставлять корм для крупных животных и содержать конюшни в порядке. Мы посвятили в свои тайны одного из индийских погонщиков, и он пообещал свою помощь; слон, за которого он отвечает, - послушное животное, и его погонщик научил его многим трюкам. По его сигналу он поднимет хобот, закричит и будет метаться туда-сюда, как будто находится в состоянии, которое называется must, когда к ним опасно приближаться. Погонщик, хитрый малый, научил его действовать таким образом, потому что в таком состоянии гнева слоны не могут работать вместе с другими, а остаются в стойлах, и их погонщикам это дается легко.

“ Под обещание солидного вознаграждения погонщик согласился, что завтра утром, до того, как выведут слонов, ты будешь спрятан на дне ховды. Он позаботится о том, чтобы слон был первым в процессии. Когда мы выйдем во двор, он хитро уколется зверя и подаст ему сигнал симулировать ярость; затем он так направит его, что, несколько раз пробежавшись по двору, он бросится к воротам. Вы можете быть уверены, что тамошние охранники достаточно быстро расступятся, потому что разъяренный слон - не то существо, которому можно помешать.

“Когда он спустится к подножию холма, водитель направит его в какое-нибудь тихое место. Это он найдет достаточно легко, потому что при его приближении начнется всеобщая давка. Когда

он достигнет какого-нибудь места, где никого не будет видно, он остановит слона, и вы сразу же высадите его. Я буду поблизости и присоединюсь к вам. Слон продолжит свой путь еще некоторое расстояние, и погонщик, притворившись, что наконец-то восстановил над ним контроль, направит его обратно в цитадель”.

“Идея великолепная, - сказал Малх, - и, если ее воплотить в жизнь, она наверняка увенчается успехом. Мы с вами часто видели во время наших кампаний слонов в таком состоянии и знаем, как каждый из них летает, когда они приближаются с громкими криками, высоко подняв хоботы и оттопырив огромные уши по обе стороны головы. Во всяком случае, попытаться стоит, Несс, и если по какой-либо случайности нам не удастся пройти через ворота, погонщик, конечно, отведет своего слона обратно в стойло, и я смогу выскользнуть туда и спрятаться до ночи, а потом вернуться сюда снова.

“Это то, о чем мы договорились”, - сказал Несс. “ А теперь, милорд, я покину вас и вернусь в конюшни на случай, если они снова начнут обыскивать их сегодня ночью. Если ты оттолкнешься и ляжешь на небольшом расстоянии от ступенек, я снова буду здесь за полчаса до рассвета. Я принесу тебе одежду, похожую на мою собственную, и отведу тебя прямо в конюшню, где содержится животное. Там не будет никого, кроме погонщика и двух моих друзей, так что нам будет легко прикрыть вас в ховде до того, как уйдут слоны. Маловероятно, что кто-нибудь войдет в конюшни до этого, поскольку за последние два дня их так часто обыскивали, что агенты Ганнона к этому времени должны быть убеждены, что, где бы вы ни прятались, вас там нет. Действительно, сегодня поиски значительно ослабли, хотя бдительность у ворот и на стенах велика, как всегда; поэтому я думаю, что они отчаялись найти вас и считают, что вы, должно быть, либо уже сбежали, либо, если нет, рано или поздно выйдете из своего укрытия и попадете к ним в руки ”.

Малх почти не спал в ту ночь и обрадовался, когда снова увидел, как Несс спускается по ступеням. Несколькими взмахами весла плот оказался рядом. Несс привязал к нему веревку, чтобы он не уплыл.

“ Оно может нам снова понадобится, ” коротко сказал он. Малх накинул на него свою одежду и накинул на плечи берну, которую принес Несс. Затем он поднялся вместе с ним по ступенькам, ворота закрыли, задвинули засов, и они направились к конюшням. Было все еще совершенно темно, хотя очень слабый свет низко на востоке показывал, что скоро наступит день.

Пройдя пять минут пешком, они подошли к слоновьему стойлу. Они, подобно лошадям и быкам, которые тянули громоздкие боевые машины, были образованы в огромной толщине стен и представляли собой то, что в наше время известно как казематы. Как и сказал Несс, индеец-погонщик и два других араба были единственными людьми, находившимися в каземате. Слон сразу же показал, что он принял вошедшего за незнакомца, неловким движением, но погонщик успокоил его.

Пока они ждали утра, Несс описал более подробно, чем у него до сих пор была возможность, нападение, совершенное на него на борту корабля.

“Я был, ” сказал он, “ как известно моему господину, встревожен, когда обнаружил, что они узнали тебя, и когда мы были в дневном плавании от Карфагена, я решил быть настороже - поэтому, хотя я завернулся в свой плащ и лег, я не заснул. Через некоторое время мне показалось, что я слышу звук весел, и, встав, я подошел к фальшборту, чтобы прислушаться.

Внезапно несколько матросов, которые, должно быть, наблюдали за мной, набросились на меня сзади, мне на голову набросили плащ, на руки намотали веревку, и через мгновение меня подняли и сбросили за борт.

Я не закричал, потому что я уже решил, что лучше не будить вас, что бы ни случилось, поскольку, если бы вы выбежали, вас могли убить, и я подумал, что, вероятно, их целью было бы, если вы не окажете сопротивления, взять вас в плен, и в этом случае я надеялся, что позже смогу надеяться освободить вас. Как известно моему господу, я хороший пловец. Я позволил себе погрузиться и, оказавшись значительно ниже поверхности, вскоре избавился от веревки, которая связывала меня и которая действительно была поспешно обмотана вокруг моих рук. Я вынырнул на поверхность как можно бесшумнее и, сделав глубокий вдох, нырнул и проплыл под водой так далеко, как только мог. Когда я вынырнул, корабль был так далеко, что я почти не опасался, что они увидят меня; однако я нырял снова и снова, пока не оказался в полной безопасности.

“Я услышал, как к судну приблизилась лодка, управляемая множеством весел. Некоторое время я прислушивался и обнаружил, что все тихо, а затем приготовился к долгому заплыву к берегу, которого добрался без труда. Весь день я не спускал глаз с судна, которое оставалось на якоре. Поскольку я не мог сказать, какому месту высадки вас могут доставить, я поднялся вечером и занял свой пост на дороге, ведущей сюда, и когда ближе к утру появилась группа людей, несущих одного из них на носилках, я почти не сомневался, что это вы.

“Я был уверен, что найду друзей среди арабов, либо из полка, расквартированного в Бирсе, либо из тех, кто работал на складах или в конюшнях; поэтому на следующее утро я вошел в цитадель и вскоре встретил этих людей, которые принадлежали к моему племени и деревне. После этого мой путь был ясен; я боялся только, что они могут убить тебя прежде, чем я найду место, в котором ты был заключен, и мое сердце упало в первую ночь, когда я обнаружил, что, хотя я прошептал через каждую решетку, я не смог получить ответа.

“Я действительно получил много ответов, но не от тебя. Там может быть много камер, кроме тех, что ведут в храм, и если бы вас поместили в одну из них, я, возможно, никогда больше не услышал бы о вас. Я решил, что если следующая ночь пройдет так, что я не смогу тебя найти, я сообщу некоторым из тех, кто, как известно, является друзьями Ганнибала, что ты в плену, и предоставлю им действовать, как им заблагорассудится, в то время как я все еще продолжу свои попытки связаться с тобой. Можете себе представить, с какой радостью я услышал ваш ответ на следующий вечер”.

- Должно быть, я спал в первую ночь, - сказал Малх, - и не слышал твоего голоса.

- Я боялся говорить громче шепота, милорд; в святилище за большим истуканом всю ночь дежурят священники.

К этому времени рассвело, и перед длинным рядом казематов началась суматоха; слонов вывели из стойл, и они стояли, раскачиваясь из стороны в сторону, пока их зрители натирали их шкуры пемзой. Несс был одним из тех, кому было поручено печь большие лепешки из муки грубого помола, которые составляли основную пищу слонов. Другие арабы принесли свежую солому, которую Малх равномерно рассыпал по стойлу; перед каждым слоном были разложены кучи свежескошенного корма.

Вскоре один из арабов занял место Несса в приготовлении лепешек, в то время как Несс отошел и вскоре спустился в город, чтобы дожидаться прихода Малха. Таким образом, если бы управляющий конюшнями пришел в себя, он застал бы за работой нужное количество людей и вряд ли заметил бы замену Малха на Несса, с лицом которого он еще не мог быть знаком. К этому времени многие горожане, как обычно, подходили к цитадели, чтобы поклониться в храме или навестить живущих там друзей. Малх узнал, что с тех пор, как стало известно о его побеге, каждый человек при входе получал медный листок с печатью, который он должен был отдать при выходе.

Все работающие в цитадели получали аналогичный талон, без которого никто не мог пройти через ворота. Теперь пришло время, когда слонов привыкли отводить к городским фонтанам внизу, и критический момент был близок. Погонщик уже начал готовить своего слона к роли, которую ему предстояло сыграть. Он громко трубил и выказывал признаки нетерпения и гнева. Теперь животное поставили на колени у двери конюшни, где Малх уже улегся на дно ховды, набросив на него кусок мешковины, которую набросили арабы. Два араба и погонщик вынесли хауду, водрузили ее на слона и надежно закрепили на прежнем месте.

Эти хауды были грубой конструкции и на самом деле представляли собой немногим больше больших открытых ящиков, поскольку слоны после поения отправлялись на фуражный склад, где ящики наполнялись свежескошенной травой или молодыми ветками деревьев, которые они приносили для собственного использования в цитадель.

Погонщик занял свое место у него на шее, и слон затем поднялся на ноги. Симптомы дурного нрава, которые он уже проявлял, теперь усилились. Он издал серию коротких злобных визгов, громко и сердито затрубил, и, хотя погонщик, казалось, делал все возможное, чтобы утихомирить его, он становился все более и более демонстративным. Подъехал смотритель слонов.

“ Тебе лучше спешиться и отвести эту скотину обратно в конюшню, - сказал он. - выводить ее сегодня утром небезопасно. Когда он приблизился, слон вскинул хобот, открыл пасть и внезапно бросился на него. Офицер поспешно убежал, громко крича другим погонщикам, чтобы они построили своих животных в круг вокруг слона, но погонщик внезапно ткнул его своим штырем, и слон пустился большими шагами, наострив уши, подняв хобот вверх и со всеми признаками приступа ярости, на предельной скорости. Он бросился через большой двор, люди с криками ужаса разбегались во все стороны; он сделал два или три поворота вверх и вниз, каждый раз приближаясь к воротам.

Когда он приблизился к нему в третий раз, погонщик направил его туда, и слон, привыкший в этот час совершать вылазки, внезапно бросился в том направлении. Офицер на страже крикнул своим людям, чтобы они закрыли ворота, но прежде чем они успели попытаться выполнить приказ, слон ворвался внутрь и на предельной скорости помчался по дороге.

ГЛАВА XVIII: КАННЫ

Когда слон неся по дороге в город, у тех, кто приближался, было много шансов спастись, как они думали, от того, что разъяренный зверь раздавит их или подбросит в воздух. Некоторые бросались ничком, другие перелезали через парапет и висели на руках, пока он не проходил, а некоторые прижимались к стене; но слон прошел дальше, никому не причинив вреда.

Достигнув подножия спуска, погонщик направил животное влево и, избегая оживленных улиц города, направил его по более тихим дорогам богатого квартала Мегары. Крики людей при приближении слона предшествовали его бегству, и все укрылись в садах или домах. Последние становились все реже и реже, пока на расстоянии двух миль от подножия цитадели погонщик, оглядевшись, не заметил поблизости никого. Он внезапно остановил слона.

“Скорее, милорд, - воскликнул он, - сейчас самое время”.

Малх сбросил мешок, выбрался из ховды и соскользнул вниз, держась за хвост слона, - обычный способ слезть с лошади, когда слон стоит на ногах. Затем он перебежал дорогу, нырнул в сад и спрятался в кустах. Погонщик повернул слона и, как будто ему наконец удалось усмирить его, медленно направился обратно к цитадели.

Минуту или две спустя Малх вышел и тихо последовал за ним. Он отошел на некоторое расстояние, когда увидел приближающегося к нему араба, и вскоре узнал Несса. Они вместе свернули с главной дороги и пробирались быстрыми улицами, пока не добрались до нижнего города. В одном месте недалеко от порта они обнаружили ожидавшего их сверху араба, и он сразу же повел их к дому, в котором жила его семья. План оказался полностью успешным. Малх сбежал из цитадели, не вызвав ни малейшего подозрения, что он вышел из ее ворот, и теперь в своем арабском одеянии он мог беспрепятственно разгуливать по улицам.

Несс был вне себя от радости по поводу успеха этой уловки, да и сам Малх с трудом мог поверить, что избежал грозившей ему страшной опасности. Несс и араб немедленно вернулись в цитадель. Было решено, что первому лучше продолжать свою обычную работу до вечера, а затем просить о его увольнении под предлогом того, что он получил сообщение, требующее его присутствия в родной деревне, поскольку считалось, что могут возникнуть подозрения, если он внезапно уедет, не получив своего жалованья, и, возможно, в городе будут начаты поиски, чтобы выяснить его местонахождение.

С наступлением темноты он вернулся, а затем отправился в дом одного из лидеров партии Барсинов с посланием от Малха, в котором тот сообщал ему, где он находится, и о событиях, произошедших с момента его высадки в Карфагене, и просил принять его наедине через два часа, чтобы он мог посоветоваться с ним относительно наилучшего плана, которому следует следовать.

Несс вернулся и сказал, что Манон дома и ждет его, и они вдвоем сразу же отправились к нему домой. Манон, которая была дальней родственницей Малха, приняла его очень тепло и с удивлением выслушала его рассказ о том, что с ним случилось. Затем Малх объяснил миссию, которую возложил на него Ганнибал, и попросил его совета относительно наилучшего курса, который следует избрать. Манон некоторое время молчала.

“Фракция Ганнона в настоящее время очень могущественна, - сказал он, - и, будь здесь сам Ганнибал, я сомневаюсь, что его голос смог бы побудить сенат принять необходимые меры. Времена были тяжелыми, и Ганнон и его партия так свободно расточали деньги среди низших классов, что нет никакой надежды разбудить население выступить против него. Я думаю, что было бы в высшей степени опасно, если бы мы, как вы предлагаете, внезапно представили вас сенату в качестве посла Ганнибала к ним и оставили вас защищать его дело. Вы не добьетесь никакого слушания. Ганнон встал бы на его место и осудил бы тебя как человека, уже осужденного трибуналами как врага республики, и потребовал бы твоей немедленной казни, и, поскольку у него подавляющее большинство голосов в сенате, его требование было бы выполнено. Я убежден, что вы пожертвовали бы своей жизнью без всякой благой цели, в то время как ваше присутствие и ваш таинственный побег из тюрьмы стали бы предлогом для новой серии преследований наших партизан. Я не хуже вас понимаю срочность отправки подкреплений в Италию; но для этого необходимо отремонтировать военно-морской флот, который сейчас гниет в наших гаванях, восстановить господство на море и произвести новый набор войск.

“Просить Карфаген пойти на эти жертвы в его нынешнем настроении безнадежно; мы должны дожидаться удобного случая. Я и мои друзья подготовим почву, направим наших агентов работать среди людей, и когда придет весть об очередной победе и надежды людей пробудятся, мы будем ковать железо, пока горячо, и призовем их приложить одно великое усилие, чтобы довести борьбу до конца и покончить с Римом навсегда.

“Таков, на мой взгляд, единственно возможный способ действий. Действовать сейчас означало бы обеспечить отклонение наших требований, навлечь на нас новые преследования и настолько ослабить нас, что мы были бы бессильны использовать с пользой возможность, которую предоставило бы известие об очередной великой победе. Я немедленно напишу Ганнибалу и объясню все обстоятельства сложившейся ситуации, а также объясню ему, почему я советовал вам избегать выполнения его инструкций, поскольку сделать это сейчас означало бы обеспечить ваше собственное уничтожение и нанести большой ущерб нашему делу.

- Тем временем вы должны некоторое время оставаться в укрытии, пока я не найму корабль, который доставит вас обратно в Италию.

“ Чем скорее, тем лучше, ” с горечью сказал Малх, “ ибо Карфаген с его отвратительной тиранией, его отвратительной коррупцией, его забвением своей славы, своей чести и даже своей безопасности мне совершенно ненавистен. Я верю, что никогда больше нога моя не ступит в его стены. Лучше тысячу раз умереть на поле боя, чем жить в этом проклятом городе”.

“Естественно, что вы негодуете, ” сказала Манон, “ ибо молодая кровь горячо течет в ваших жилах, и ваш гнев при виде судьбы, которая слишком явно надвигается на Карфаген и которую вы бессильны предотвратить, никоим образом нельзя винить. Мы, старики, более покорно подчиняемся воле богов. Вы знаете поговорку: "Тех, кого боги хотят уничтожить, они сначала поражают безумием". Таков Карфаген. Она равнодушно видит героические усилия, которые Ганнибал и его армия прилагают, чтобы спасти ее, и она не протянет руку, чтобы помочь ему. Она удовлетворенно живет под постоянной тиранией правления Ганнона, довольная тем, что богата, роскошна и ленива, занимается своей торговлей, сохраняет свои богатства, не заботясь о мужских добродетелях, равнодушная к доблести, медленно и верно готовясь стать легкой добычей Рима.

“Конец, вероятно, наступит не в мое время, он может наступить в ваше, но наступит он обязательно и непременно произойдет. Нация, которая может выставить на линию фронта всего лишь горстку своих граждан, добровольно обрекает себя на уничтожение”.

“Придет ли это в мое время или нет, ” сказал Малх, “ я не стану больше участвовать в судьбе Карфагена. Я покончил с ней; и если я не паду на поле боя, то, когда война закончится, я буду искать убежища среди галлов, где, если жизнь и сурова, она, по крайней мере, свободна и независима, где храбрость, мужественность и честь имеют большое значение и где ослабляющее влияние богатства еще неизвестно. Таково мое твердое решение”.

“Я ничего не говорю, чтобы разубедить тебя, Малх, - ответил старик, “ таковы естественные чувства твоего возраста; и я думаю, что, если бы мое собственное время пришло снова, я бы тоже предпочел такую жизнь существованию в загрязненной атмосфере неблагодарного Карфагена. А теперь, вы останетесь здесь со мной или вернетесь туда, где остановились? Мне нет нужды говорить, как бы я был рад видеть вас здесь, но я не могу определенно отвечать за вашу безопасность. Ганнон следит за каждым движением тех, кто принадлежит к нашему отряду, и я не сомневаюсь, что у него есть свои шпионы среди моих рабов и прислуги.

Поэтому не считите меня негостеприимным, если я скажу, что для вас было бы лучше оставаться в укрытии там, где вы находитесь. Пусть твой последователь приходит ко мне каждую ночь за инструкциями; пусть войдет в калитку и останется в саду рядом с ней. Я спущусь и поведу с ним; его визиты, будь они известны, возбудили бы подозрения. Прикажите ему по возвращении внимательно следить, чтобы за ним никто не следил, и скажите ему, чтобы он шел окольными путями и смешивался с самой густой толпой, чтобы сбить любого, кто может следовать по его следу, прежде чем он присоединится к вам. Я надеюсь, что смогу организовать отправку корабля в течение трех-четырех дней. Приходите еще раз повидаться со мной перед отъездом. Вот мешок с золотом; оно тебе понадобится, чтобы вознаградить тех, кто помог тебе сбежать.

Малх сразу же согласился, что для него будет лучше вернуться в свою обитель среди арабов, и, поблагодарив Манон за его доброту, вернулся вместе с Нессом, который ждал снаружи.

Пока они шли, Малх вкратце пересказал своему спутнику суть своей беседы с Манон. Внезапно Несс остановился и прислушался, а затем продолжил свой путь.

“ Я думаю, за нами следят, милорд, - сказал он. - Один из шпионов Ганнона в доме Манон, без сомнения, пытается выяснить, кто те арабы, которые нанесли визит его хозяину. Мне уже однажды показалось, что я слышу шаги, теперь я в этом уверен. Когда мы доберемся до следующего поворота, ты пойдешь дальше, а я сверну на дорогу. Если человек, идущий за нами, честен, он пойдет прямо; если он шпион, он заколеблется и остановится на углу, чтобы решить, за кем из нас ему следовать; тогда я буду знать, что делать ”.

Соответственно, на следующем перекрестке они подошли к Нессу, который свернул вниз и спрятался в нескольких шагах от них, в то время как Малх, не останавливаясь, пошел прямо дальше. Минуту спустя Несс увидел крадущуюся темную фигуру. Он остановился на перекрестке дорог и несколько секунд постоял в нерешительности, затем последовал за Малхом.

Несс вышел из своего укрытия и бесшумными крадущимися шагами, как у тигра, отслеживающего свою добычу, последовал за человеком. Оказавшись в нескольких шагах от

него, он внезапно прыгнул и бросился на него, вонзив нож ему между лопаток. Не издав ни звука, мужчина упал лицом вперед. Несс хладнокровно вытер свой нож об одежду шпиона, а затем быстрым шагом двинулся дальше, пока не догнал Малха.

“Это был шпион, - сказал он, - но он больше ничего не расскажет Ганнону”.

Два дня спустя Несс, вернувшись из визита к Манон, принес известие, что последняя договорилась с капитаном корабля, принадлежащего другу, перевезти их в Коринф, откуда у них не возникнет трудностей с переправой в Италию. Они должны были подняться на борт поздно вечером следующего дня, и корабль должен был отплыть на рассвете.

На следующий вечер Малх в сопровождении Несса нанес прощальный визит Манону и повторил ему все инструкции Ганнибала, а Манон вручил ему письмо для полководца и снова заверил его, что он со своими друзьями немедленно приступит к работе, чтобы подготовить почву для обращения к населению при первой же благоприятной возможности.

Попрощавшись со старым аристократом, Малх вернулся в дом араба и приготовился к своему отъезду. Он уже щедро вознаграждал двух мужчин и погонщика за услуги, которые они ему оказали. В течение дня он снабдил себя одеждой торговца, роль которого теперь собирался принять.

В полночь, когда все стихло, они с Нессом вышли в море и направились в порт, где у немногочисленной пристани их ждала лодка, и их сразу же отвезли на веслах к кораблю, который стоял на якоре в полумиле от берега, готовый к раннему отплытию утром.

Хотя казалось почти невозможным, что их можно было выследить, Малх беспокойно ходил по палубе до утра, прислушиваясь к каждому звуку, и только когда якорь был поднят, паруса подняты и судно начало отходить от Карфагена, он вошел в свою каюту. На шестой день после выхода из Карфагена корабль вошел в порт Коринфа.

Там находилось несколько судов из итальянских портов, но прежде чем приступить к организации проезда, Малх зашел в лавку и купил для себя и Несса такую одежду и оружие, которые позволили бы им без труда сойти за воинов, принадлежащих к одному из латинских племен. Затем он навел справки на пристани и, выяснив, что небольшое итальянское судно должно было отплыть сегодня днем в Брундузиум, поднялся на борт и обратился к капитану.

“Мы хотим переправиться в Италию, - сказал он, - но у нас есть свои причины не желать высаживаться в Брундузии, и мы хотели бы высадиться на берег на некотором расстоянии от города. Мы, конечно, готовы доплатить за доставленные хлопоты”.

Просьба не показалась капитану странной. Малх говорил по-гречески, на языке, с которым были знакомы все, кто торговал на Средиземном море. Он предположил, что они каким-то образом связались с властями Брундузии и бежали на некоторое время, пока дело не уладилось, и что теперь им не терпелось вернуться в свои дома, минуя город. Он запросил довольно высокую цену за то, чтобы доставить их на берег в лодке, как они пожелали, и Малх довольно долго торговался из-за суммы, поскольку готовность заплатить непомерную цену могла вызвать у капитана сомнения относительно качества его пассажиров. Раз или два он делал вид, что собирается сойти на берег, и капитан, наконец, снизил свои требования до разумной суммы.

Когда это было улажено, Малх больше не сходил на берег, а оставался на борту до отплытия судна, так как опасался, что его снова могут узнать матросы с карфагенских кораблей в порту. Погода была хорошая, ветер слабый, и на второй день после отплытия судно встало на якорь в бухте в нескольких милях от Брундузия. Лодка была спущена, и Малх со своими спутниками сошел на берег.

Перед отправлением они запаслись провизией не только для путешествия, но и для путешествия через всю страну, поскольку слабое знание Малхом латинского языка сразу выдало бы его, если бы ему пришлось зайти в город или деревню, чтобы купить еды. Неся провизию в узлах, они направились в горы и после трехдневного путешествия без остановок и приключений достигли лагеря Ганнибала. Он все еще лежал в своем укрепленном лагере близ Герония. Римская армия, как и прежде, наблюдала за ним на небольшом расстоянии.

Малх сразу же направился к палатке военачальника, чье удивление, увидев его входящим, было велико, ибо он не ожидал, что тот вернется до весны. Малх рассказал ему обо всем, что произошло с тех пор, как он покинул его. Ганнибал был крайне возмущен тем, что Ганнон осмелился арестовать и осудить его посла. Когда он узнал о результатах беседы с Манон и услышал, насколько враждебная фракция была хозяевами Карфагена, он согласился, что советы старого аристократа были мудры, и что Малх не смог бы принести пользы, тогда как он подвергнул бы себя почти неминуемой смерти, продолжая пытаться выполнить миссию, которая была ему поручена.

“Манон знает, что лучше, и, без сомнения, преждевременная попытка возбудить население, чтобы заставить Ганнона прислать подкрепление, в котором мы так нуждаемся, не только провалилась бы, но и нанесла бы ущерб нашему делу. Он и его друзья, несомненно, будут спокойно работать, чтобы подготовить общественное мнение, и я верю, что очень скоро какая-нибудь решающая победа даст им возможность организовать большую демонстрацию от нашего имени”.

Остаток зимы прошел спокойно. Малх вернулся к своей должности командира телохранителей Ганнибала, но его обязанности были очень легкими. Большую часть своего времени он проводил, сопровождая Ганнибала в его посещениях солдатских лагерей, где не было оставлено незаконченным ничего, что могло бы повысить комфорт и довольство войск. Нет более веского доказательства популярности Ганнибала и влияния, которое он оказывал на свои войска, чем тот факт, что армия под его командованием, состоявшая, как это было, из людей стольких национальностей, по большей части первоначально вынужденных против своей воли поступить на службу Карфагену, сохранила свою дисциплину непоколебимой не только из-за тягот и жертв кампаний, но и в течение долгих периодов вынужденного безделья на зимних квартирах.

От начала и до конца, на протяжении всей долгой войны, среди солдат не было ни ропота, ни недовольства, ни неподчинения. Они служили охотно и с радостью. Они были абсолютно уверены в своем генерале и были готовы предпринять самые огромные усилия и участвовать в самых тяжелых конфликтах, чтобы угодить ему, зная, что он, со своей стороны, неустанно заботится об их комфорте и благополучии в любое другое время.

По мере приближения весны большие запасы, которые Ганнибал привез с собой, почти истощились, и из окружающей местности, которая была полностью разорена длительным

присутствием двух армий, нельзя было достать провизии. Следовательно, возникла необходимость покинуть позицию, которую он занимал зимой. Римляне обладали большим преимуществом перед ним в том, что имели в своем тылу склады, постоянно пополняемые их союзниками, и, передвигаясь, где могли, они были уверены, что без труда добудут пропитание. Таким образом, на марше их не смущала необходимость брать с собой большой обоз с обозом, и, когда их останавливали, их полководец мог держать свою армию вместе, готовый нанести удар при первой представившейся возможности; в то время как Ганнибал, с другой стороны, был вынужден рассеять значительную часть армии в поисках провизии.

Только что состоялись ежегодные выборы в Риме, и консулами были избраны Теренций Варрон и Эмилий Павел. Эмилий принадлежал к аристократической партии и доказал свои военные способности три года назад, когда командовал в качестве консула в Иллирийской войне. Варрон принадлежал к народной партии и описывается историками того периода как грубый и brutальный демагог, сын мясника и сам бывший мясником. Но он, несомненно, был способным человеком и обладал некоторыми замечательными качествами. Претор Марцелл, собственноручно убивший галльского короля в последней галльской войне, находился в Остии с легионом. Ему было суждено командовать флотом и охранять южное побережье Италии, в то время как другой претор, Луций Постумий, с одним легионом находился в Цизальпинской Галлии, сдерживая дружественные Карфагену племена.

Но прежде чем прибыли новые консулы, чтобы принять командование армией, Ганнибал покинул Геронию.

Главный римский журнал Апулии находился в Каннах, городке недалеко от реки Авлид. Это важное место находилось всего в пятидесяти милях кратчайшим путем через равнину от Герония; но римляне не могли следовать прямо через равнину, поскольку в то время карфагеняне значительно превосходили их численностью в кавалерии, и поэтому им пришлось бы идти дорогой вокруг подножия гор, протяженностью почти семьдесят миль; и все же, по какой-то необъяснимой ошибке, они забыли выставить достаточную охрану над своими большими складами в Каннах, чтобы защитить их хотя бы на несколько дней от внезапного нападения.

Ганнибал увидел эту возможность и, когда весна перешла в лето, свернул свой лагерь и двинулся прямо к Каннам, где огромные запасы римлян сразу же попали в его руки. Таким образом, он не только завладел припасами своего врага, но и встал между римлянами и низменным районом Южной Апулии, где только в это раннее время года полностью созрела кукуруза.

Теперь у римлян не было другого выбора, кроме как наступать и вести битву за возвращение своих складов, поскольку, если бы они отступили, апулийцы, которые и так ужасно пострадали от войны, были бы в полном отчаянии вынуждены выступить за Карфаген, в то время как было бы чрезвычайно трудно продолжать тактику выжидания Фабия, поскольку теперь им пришлось бы доставать провизию издалека, в то время как Ганнибал мог снабжать свою армию продовольствием из страны позади себя. Поэтому сенат, значительно усилив армию, приказал консулам выступить вперед и дать сражение.

Под их началом было восемь полных легионов, или восемьдесят тысяч пехоты и семь тысяч двести кавалерии. Чтобы противостоять им, у Ганнибала было сорок тысяч пехотинцев и десять

тысяч отличной кавалерии, из которых две тысячи были нумидийцами. На второй день после того, как римляне покинули окрестности Герония, они расположились лагерем на расстоянии шести миль от карфагенян. Здесь сразу же возникло обычное расхождение во мнениях между римскими консулами, которые командовали армией поочередно. Варрон хотел выступить против врага без промедления, в то время как Эмилий не желал рисковать вступлением в бой в местности, которая, будучи ровной и открытой, благоприятствовала действиям превосходящей кавалерии Ганнибала.

На следующий день Варрон, чья очередь была командовать, двинулся к вражескому лагерю. Ганнибал атаковал римский передовой отряд своей кавалерией и легкой пехотой, но Варрон поддержал свою кавалерию не только своими легкими войсками, но и сильным отрядом своей тяжеловооруженной пехоты, и после сражения, длившегося несколько часов, он отбросил карфагенян со значительными потерями.

В тот вечер римская армия встала лагерем примерно в трех милях от Канн, на правом берегу Ауфида. На следующее утро Эмилий, который командовал войсками, переправил треть своих сил через реку и разбил их там лагерем с целью поддержать римские отряды фуражиров на том берегу и помешать карфагенянам.

Следующий день прошел спокойно, но на следующее утро Ганнибал покинул свой лагерь и выстроил свою армию в боевом порядке, чтобы побудить римлян атаковать; но Эмилий, чувствуя, что местность против него, не двинулся с места, а удовлетворился дальнейшим укреплением своих лагерей. Ганнибал, видя, что римляне не желают сражаться, перевел свою нумидийскую кавалерию через реку, чтобы отрезать римские отряды фуражиров и окружить их небольшой лагерь на том берегу реки и преследовать его. На следующее утро Ганнибал, зная, что командовать будет Варрон, и будучи уверен, что консул со своим импульсивным нравом будет гореть желанием отомстить за оскорбление, нанесенное нумидийцами, окружившими его лагерь, перевел свою армию через реку и выстроил ее в боевом порядке, оставив восемь тысяч своих людей охранять лагерь.

Таким образом, он получил позицию, которую мог лучше удерживать своими меньшими силами, в то время как римляне, решив, что он намеревается атаковать их лагерь на этой стороне реки, скорее всего, переправят всю свою армию через реку и дадут сражение. Именно это Варрон и продолжил делать. Оставив десять тысяч человек в своем собственном лагере с приказом выступить и атаковать лагерь Ганнибала во время сражения, он повел остальные свои войска за реку и, объединив свои силы с силами в лагере на правом берегу, двинулся вниз по реке, пока не оказался перед позицией, которую занял Ганнибал.

Это было умело выбрано. Река, общее русло которой пролегалось с востока на запад, делала петлю, и Ганнибал переправил через нее свою армию, расположив оба крыла на реке. Таким образом, римляне не могли обойти его с фланга, и эффект их значительного превосходства в пехоте был бы в некоторой степени нейтрализован. Следующим было расположение его войск.

Испанцы и галлы заняли центр линии пехоты. Африканцы образовали два крыла. На своем левом фланге между африканцами и рекой он разместил свою тяжелую африканскую и галльскую конницу численностью в восемь тысяч человек, в то время как две тысячи нумидийцев были размещены между пехотой и рекой на правом фланге. Ганнибал лично

командовал центром армии, Ганнон - правым крылом, Гасдрубал - левым; Махарбал командовал кавалерией.

Варрон расположил свою пехоту в сомкнутом и плотном строю, чтобы сократить их фронт до фронта карфагенян. Римская кавалерия численностью в две тысячи четыреста человек находилась на его правом фланге и, таким образом, противостояла тяжелой кавалерии Ганнибала численностью в восемь тысяч человек. Кавалерия итальянских союзников численностью в четыре тысячи восемьсот человек находилась на левом фланге, лицом к нумидийцам.

Эмилий командовал правым флангом римлян, Варрон - левым. Карфагеняне стояли лицом к северу, так что сильный ветер, дувший с юга, поднимал облака пыли над их головами прямо в лица врагу. Сражение было начато легкими войсками с обеих сторон, которые некоторое время сражались упорно и мужественно, но без какого-либо преимущества ни для одной из сторон. Пока продолжалось это состязание, Ганнибал выдвинул свой центр так, чтобы образовать заметный угол, выступающий перед его линией. В этом движении приняли участие все галлы и испанцы, в то время как африканцы оставались неподвижными; в то же время он бросил свою тяжелую кавалерию против римской конницы.

Последние были немедленно свергнуты и с большой резней изгнаны с поля боя. Сам Эмилий был ранен, но сумел присоединиться к пехоте. В то время как карфагенская тяжелая кавалерия, таким образом, побеждала римскую кавалерию, нумидийцы маневрировали рядом со значительно превосходящей кавалерией итальянских союзников и удерживали их занятыми до тех пор, пока тяжелая кавалерия, уничтожив римскую кавалерию, не обогнула их пехоту и не ударила в тыл итальянской кавалерии, в то время как нумидийцы яростно атаковали их спереди.

Таким образом, попавшая в ловушку итальянская конница была полностью уничтожена, и поэтому, прежде чем тяжелая пехота двух армий встретилась друг с другом, на поле боя не осталось ни одного солдата римской кавалерии, живого и невредимого.

Теперь римская пехота перешла в атаку, и, судя по характеру построения Ганнибала, их центр сначала соприкоснулся с выступающим углом, образованным галлами и испанцами. Они сопротивлялись с большим упорством. Принципы, составлявшие вторую линию римской пехоты, вышли вперед и присоединились к копейщикам, и даже триарии продвинулись вперед и вступили в бой. Сражаясь с чрезвычайным упорством, центр карфагенян был постепенно оттеснен назад, пока они снова не оказались на одной линии с африканцами на своих флангах.

Римляне незаметно наступали с обоих флангов на тот пункт, где они встретили сопротивление, и теперь занимали площадь, едва ли превышающую половину той, с которой они начали сражение. Еще дальше галлы и испанцы были отброшены назад, пока теперь они не образовали угол в тылу первоначальной линии, и под этим углом вся римская пехота беспорядочной массой наседала на них. Это был момент, которого ждал Ганнибал. Он обошел оба своих фланга, и африканцы, которые до сих пор не нанесли ни одного удара, теперь в полном порядке обрушились на фланги римской массы, в то время как Гасдрубал со своей победоносной кавалерией обрушился подобно потоку на их тыл. Затем последовала резня, не имеющая себе равных в истории. Неспособные развернуться, сражаться или бежать, не прося пощады, римляне и их латинские союзники падали под мечами своих врагов до тех пор, пока из семидесяти тысяч пехотинцев, выдвинувшихся в бой, сорок тысяч не пали на поле боя. Три

тысячи были взяты в плен, семь тысяч бежали в малый лагерь, а десять тысяч переправились через реку в большой лагерь, где присоединились к войску, которое было оставлено там и которое, повинувшись приказу Варрона, атаковало лагерь карфагенян, но было отбито с потерей двух тысяч человек. Все войска в обоих лагерях были вынуждены сдаться на следующее утро, и, таким образом, из восьмидесяти семи тысяч двухсот пехотинцев и кавалерии под командованием римских консулов спаслись только пятнадцать тысяч рассеянных беглецов.

Потери Ганнибала в битве при Каннах составили около шести тысяч человек.

ГЛАВА XIX: В ШАХТАХ

Ликование карфагенян по поводу полного уничтожения их врагов было огромным, и Махарбал и некоторые другие вожди убеждали Ганнибала немедленно выступить в поход на Рим; но Ганнибал знал дух римского народа и чувствовал, что взятие Рима, даже после уничтожения его армии, было бы более сложной задачей, чем он мог бы выполнить. История показала, насколько отчаянной может быть оборона населения, готового скорее умереть, чем сдаться, и римляне, по сути своей воинственный народ, защищали бы свой город до последнего вздоха. У них было в изобилии оружие, и там были два городских легиона, которые составляли регулярный гарнизон столицы.

Как только весть о поражении достигла Рима, был отдан приказ о наборе всех мужчин старше семнадцати лет, и это привело к появлению еще десяти тысяч человек и тысячи кавалеристов. Восемь тысяч рабов, готовых служить, были завербованы и вооружены, а четыре тысячи преступников и должников были освобождены из тюрем и помилованы при условии, что они возьмут в руки оружие. Претор Марцелл находился в Остии с десятью тысячами человек, с которыми он собирался отплыть на Сицилию.

Таким образом, Рим защищали бы сорок три тысячи человек, в то время как у Ганнибала было всего тридцать три тысячи пехотинцев, а его кавалерия, сильнейшее подразделение его вооруженных сил, была бы бесполезна. От Канн до Рима было двенадцать дней пути с армией, нагруженной добычей. Поэтому он не мог надеяться на внезапность. Стены Рима были чрезвычайно прочны, и при нем не было ни одной из огромных машин, которые были бы необходимы для осады. Он, должно быть, имел при себе припасы, которые накопил для поддержания своего войска, и когда они будут израсходованы, он останется без средств к существованию. Свежие римские войска соберутся у него в тылу, и вскоре вся его армия окажется в осаде.

В таком предприятии он бы впустую потратил время и потерял престиж, который приобрел своей поразительной победой. Варрон, бежавший с поля битвы, собрал десять тысяч беглецов в

укрепленном месте Канузий, и они должны были стать ядром, вокруг которого сплотятся остальные спасшиеся, к которым присоединятся свежие отряды италийских союзников Рима.

Римляне продемонстрировали свою уверенность в своих силах противостоять осаде, немедленно отправив Марцелла с его десятью тысячами человек в Канузий. Таким образом, имея перед собой хорошо защищенный город, имея в тылу двадцатитысячную армию римских солдат, которая быстро увеличится вдвое, Ганнибал понимал, что, если он предпримет осаду Рима, он рискнет всеми полученными преимуществами. Поэтому он решил продолжать политику, которую он наметил для себя, а именно, перемещать свою армию взад и вперед по провинциям Италии до тех пор, пока союзники Рима один за другим не отстанут от нее и не присоединятся к нему, или пока из Карфагена не прибудет такое подкрепление, которое оправдало бы его осаду Рима.

Сам Рим никогда не был так величествен, как в этот час поражения; ни на мгновение мужество и уверенность его граждан не были поколеблены. Быстрота, с которой она подготовилась к обороне, и еще больше уверенность, которую она проявила, отправив Марцелла с его легионом в Канузий вместо того, чтобы оставить его для защиты города, свидетельствуют о национальном духе и мужестве, достойных высочайшего восхищения. Варрону было приказано передать командование Марцеллу и вернуться в Рим, чтобы ответить перед сенатом за свое поведение.

Варрон не сомневался, что его приговором будет смерть, поскольку римляне, как и карфагеняне, не проявляли милосердия к побежденному полководцу. Его коллега и его армия, несомненно, были принесены в жертву его опрометчивости. Более того, сенат состоял из его заклятых политических врагов, и он не мог надеяться, что к его поведению отнесутся снисходительно. Тем не менее Варрон вернулся в Рим и предстал перед сенатом. Этот орган благородно отреагировал на проявленное к нему доверие; партийные чувства были подавлены, политический противник, побежденный генерал были одинаково забыты, помнили только, как Варрон сплотил свои войска, как он развеял панику, царившую среди них, и сразу же восстановил порядок и дисциплину. Его мужество, проявленное таким образом, после столь великого бедствия, чтобы отдать себя на суд страны, также говорило в его пользу. Его ошибки были оправданы, и сенат публично поблагодарил его за то, что он не отчаялся в содружестве.

Ганнибал, следуя своей политике отделения союзников Италии от Рима, отпустил всех итальянских пленных без выкупа. Римских пленников он предложил принять за выкуп, и депутация из них сопровождала посла, чтобы предложить условия мира. Сенат, однако, не только отказался обсуждать какие-либо условия мира, но и категорически запретил семьям и друзьям пленных требовать за них выкуп, считая политичным ни обогащать своего противника, ни проявлять снисходительность к солдатам, сдавшимся врагу.

Победа при Каннах и милосердие Ганнибала начали приносить результаты, на которые он надеялся. Апулия немедленно вступилась за него, и города Арпи и Целапия открыли перед ним свои ворота; Бруттий, Лукания и Самний были готовы последовать за ним. Магон с одной дивизией армии был послан в Бруттий, чтобы овладеть теми городами, которые могли бы подчиниться. Ганнон был послан с другой дивизией, чтобы сделать то же самое в Лукании. Сам Ганнибал двинулся в Самний и, заключив союз с племенами, сложил там свою добычу, проследовал в Кампанию и вступил в Капую, второй город Италии, который заключил с ним союз. Магон сел на корабль в одном из портов Бруттия, чтобы сообщить Карфагену весть об успехе Ганнибала и потребовать подкрепления.

Ни Рим, ни Карфаген не обладали полным господством на море, и поскольку катастрофа, постигшая Рим на суше, значительно ослабила бы его способность содержать большой флот, Карфаген теперь мог без труда перебрасывать подкрепления через порты Бруттия. Но, к сожалению, злейших врагов Ганнибала можно было найти не в Италии, а в карфагенском сенате, куда, несмотря на призывы Магона и усилия патриотической партии, интриги Ганнона и его фракции, а также требования, выдвинутые войной в Испании, помешали переброске подкреплений, которые позволили бы ему завершить борьбу завоеванием Рима.

Ганнибал, получив подчинение нескольких других городов и захватив Казилин, расположился на зимние квартиры в Капуе. В течение зимы Рим прилагал гигантские усилия, чтобы привести свою армию в боевое состояние, и с таким успехом, что, исключая армию Сципиона в Испании, к началу весны у него было двенадцать легионов, или сто двадцать тысяч человек, снова под ружьем; и поскольку никакие подкрепления, кроме нескольких слонов и небольшого отряда кавалерии, так и не прибыли к Ганнибалу из Карфагена, он был вынужден в течение оставшихся тринадцати лет войны всецело обороняться, защищая своих союзников, изводя своего врага и питая свою армию за их счет; и все же так велика была опасность, что Ганнибал лишится своего войска. ужас, который внушал его гений, заключался в том, что, несмотря на свое численное превосходство, римляне после Канн больше никогда не отваживались вступить с ним в открытое сражение.

Вскоре после наступления зимы Ганнибал приказал Малху взять несколько офицеров и сотню отборных солдат и переправиться из Капуи в Сардинию, где жители восстали против Рима и преследовали претора Квинта Муция, командовавшего легионом, составлявшим гарнизон острова. Малху и офицерам под его началом было поручено организовать диких крестьян острова и обучать их правильной тактике; ибо, если они не будут действовать как отряды регулярных войск, как бы сильно они ни беспокоили римский легион, они не могли надеяться изгнать его из своей страны. Несс, конечно же, сопровождал Малха.

Отряд погрузился на две капуанские галеры. Не успели они пробыть в море и нескольких часов, как погода, которая, когда они стартовали, была прекрасной, внезапно изменилась, и вскоре на них обрушился один из тех свирепых штормов, которые так часто бывают в Средиземном море. Ветер дул им в спину, и ничего не оставалось, как пустить галеры вперед. Море поднялось с огромной скоростью, и только высокие валы за кормой предотвратили потопление двух галер огромными волнами, которые последовали за ними. Весла были заложены, потому что пользоваться ими в таком море было невозможно.

С наступлением ночи шторм скорее усилился, чем утих. Карфагенские офицеры и солдаты оставались спокойными во время шторма, но капуанские матросы предалися отчаянию, а людей у руля удержал на своем посту только Малх, пригрозивший немедленно выбросить их за борт, если они покинут его. С наступлением темноты он собрал офицеров в каюте на юте.

“Перспективы плохие”, - сказал он. Лоцман говорит мне, что, если шторм не утихнет или ветер не переменится, нас еще до утра выбросит на побережье Сардинии, и это будет означать полное разрушение; ибо на стороне, обращенной к Италии, скалы по большей части поднимаются прямо из воды, и единственным портом на этой стороне является тот, в котором римляне держат свой главный замок и гарнизон. Он говорит мне, что ничего нельзя сделать, и я сам ничего не вижу. Если бы мы попытались развернуть галеру по ветру, она была бы затоплена в одно мгновение, в то время как даже если бы нам удалось осуществить эту операцию, грести в

этом море было бы невозможно. Поэтому, друзья мои, нам ничего не остается, как поддерживать мужество людей и приказывать им держаться в готовности ухватиться за любой шанс добраться до берега, если судно столкнется с ним”.

Всю ночь галера мчалась вперед перед бурей. Свет на другой лодке исчез вскоре после того, как наступила темнота. Половина солдат и команды по очереди были заняты вычерпыванием воды, которая переливалась через борта, и несколько раз волны обрушивались на судно с такой силой, что все думали, что оно пропало. Однако, когда наступило утро, она все еще была на плаву. С тех пор, как начал дуть ветер, он почти не изменился, и лоцман сказал Малху, что они, должно быть, находятся очень близко к побережью Сардинии. Когда свет стал ярче, все взгляды были прикованы к безбрежной пенящейся воде впереди. Вскоре пилот, стоявший рядом с Малхом, схватил его за руку.

“Вот земля, - воскликнул он, - мертвая у нас на глазах”.

Только через несколько минут Малх смог различить слабые очертания сквозь сгущающийся туман. Это была возвышающаяся отдельно гряда камней.

“Это остров!” - воскликнул он.

“ Это Каралис, ” ответил лоцман. “ Я хорошо знаю его очертания; мы уже в бухте. Посмотрите направо, вы можете разглядеть очертания скал в его устье, мы его уже миновали. Вы не видите берега впереди, потому что скала, на которой стоит Каралис, возвышается над ровной равниной, а слева далеко простирается лагуна; именно там плавают римские галеры. Боги привели нас к единственному месту на побережье, где мы могли приблизиться к нему с надеждой на безопасность.

- Радоваться особо нечему, - сказал Малх. - Мы можем выбраться из моря, но только для того, чтобы попасть в плен к римлянам.

“Нет, Малх, альтернатива не так уж плоха”, - сказал молодой офицер, стоявший рядом с ним. “ В руках Ганнибала тысячи римских пленников, и мы вполне можем надеяться на их обмен. После последних двенадцати часов любое место на берегу, даже римская тюрьма, - это элизиум по сравнению с морем.

Теперь были отчетливо видны очертания побережья. Огромная скала Каралис, ныне известная как Кальяри, возвышалась темной и угрожающей, низкие берега залива по обе стороны были отмечены полосами белой пены, в то время как слева от скалы была широкая лагуна, усеянная черными корпусами множества кораблей и галер, которые тяжело качались и подбрасывало, потому что ветер дул прямо в залив, и лагуна была покрыта короткими сердитыми волнами.

Теперь лоцман приказал убрать весла. Вход в лагуну был широким, но только посередине канал был глубоким, и по обе стороны от этого длинного каменного волнореза от берега отходили волны, служившие укрытием для судов, находившихся внутри. Море было настолько беспокойным, что оказалось невозможным пользоваться веслами, поэтому их снова положили и подняли небольшой парус. Это позволило развернуть судно носом ко входу в лагуну. Какое-то время было сомнительно, справится ли галера, но ей это удалось, и она направилась прямо к верхней оконечности гавани.

“ Это достаточно далеко, ” сказал вскоре лоцман. “ Дальше быстро начинается мелководье. Мы должны встать здесь на якорь.

Парус был спущен, весла убраны с одной стороны, и нос галеры повернули по ветру. Затем был брошен якорь. Когда побитая штормом галера шла прямо по лагуне, на нее с любопытством смотрели те, кто находился на борту кораблей, стоявших на якоре. Было ясно, что это итальянская галера, а также что она битком набита людьми, но никто не заподозрил, что это карфагеняне.

Когда якорь был брошен, Малх держал совет с другими офицерами. Они были посреди врагов, и побег казался совершенно невозможным. Задолго до того, как шторм стихал достаточно, чтобы позволить им снова выйти в море, к ним приходили лодки с других судов, чтобы спросить, кто они такие и откуда прибыли. О том, чтобы пробиваться с боем, не могло быть и речи, поскольку в бухте находилось двадцать трирем, любая из которых могла раздавить капуанскую галеру, а гораздо большая скорость делала идею бегства столь же безнадежной, как и идею сопротивления. Поэтому совет единогласно согласился с тем, что единственное, что можно сделать, - это сдаться без сопротивления.

Шторм продолжался еще двадцать четыре часа, затем ветер стих почти так же внезапно, как и начался.

Как только море начало стихать, из города вышли две галеры, которые гребли прямо к кораблю. Тот факт, что на ней не было флага, несомненно, возбудил подозрения в умах гарнизона. На каждой галере находилось по пятьдесят солдат. Когда они гребли рядом, римский офицер на корме одной из галер окликнул корабль и спросил, откуда он прибыл.

“Мы из Капуи”, - ответил пилот. “Шторм унес нас оттуда. У меня на борту пятьдесят карфагенских офицеров и солдат, которые теперь сдаются вам.

Поскольку в те дни, когда судам с трудом удавалось удержаться на море во время шторма, а в случае возникновения шторма им приходилось убегать от него, не было ничего необычного в том, что галеры заносило во враждебные порты, это сообщение не вызвало большого удивления.

“ Кто командует отрядом? - спросил римский офицер.

“Да”, - ответил Малх. “ Я Малх, сын Гамилькара, убитого при Требии, двоюродный брат Ганнибала и капитан его гвардии. Я сдаюсь вместе со своими последователями, видя, что сопротивление безнадежно”.

“Это безнадежно, - ответил римлянин, - и ты прав, что не разбрасываешься жизнями своих людей, когда нет возможности сопротивляться”.

С этими словами он поднялся на борт, приказал поднять якорь, и галера в сопровождении двух римских лодок была подогнана к месту высадки. К Муцию немедленно послали гонца, чтобы сообщить ему о случившемся, и вскоре на месте появился сам претор. Офицер ознакомил его с именем и званием лидера карфагенского отряда и сказал, что с ним были два офицера из знатных карфагенских семей.

“Это хорошо, ” сказал претор, “ это большая удача. В руках карфагенян так много наших офицеров, что хорошо бы иметь кого-нибудь, кого мы могли бы обменять на них. Пусть они высадутся на берег”.

Покидая корабль, карфагеняне сложили оружие и доспехи. К этому времени в порту собралось большое количество римского гарнизона, среди которого быстро распространилась эта новость. Многие молодые солдаты никогда еще не видели карфагенянина, и они с любопытством и интересом смотрели на людей, которые нанесли такие ужасные поражения армиям римлян. Они были прекрасными образцами войск Ганнибала, поскольку полководец позволил Малху самому выбирать себе офицеров и людей, и, зная, что для кампании в такой гористой стране, как Сардиния, потребуются сила, ловкость и выносливость, он подбирал и офицеров, и людей с большой тщательностью.

Его заместителем был его друг Требон, который уже давно получил отдельное командование, но который, услышав от Малха об экспедиции, в которую тот направлялся, вызвался сопровождать его. Все мужчины были африканцами, привыкшими к боям в пустыне и прошедшими военную подготовку в Испании. Римляне, знающие толк в физической силе, не могли сдержать восхищенного шепота при виде этих жилистых фигур. Менее тяжелые, чем они сами, они были пружинисты и обладали упругостью, напоминающей тигриную. Долгое использование закалило их мускулы до такой степени, что они торчали, как веревки, сквозь их смуглую кожу, у большинства из них были многочисленные шрамы от ран, полученных в бою, и римляне, глядя на них, признавали, какими грозными противниками были бы эти люди.

По обе стороны от пленников выстроилась сильная охрана, и их повели через город к цитадели на верхней части скалы. Здесь офицерам была отведена большая комната, выходящая во внутренний двор, в то время как мужчины, на которых смотрели как на рабов, были сразу же отправлены на работу по переноске припасов в цитадель с корабля, который прибыл как раз в тот момент, когда разразился шторм.

Две недели спустя из Рима прибыло судно с сообщением сената о том, что они не будут обмениваться пленными и что карфагеняне должны быть немедленно использованы в качестве рабов в рудниках. Правитель ознакомил Малха с этим решением.

“Мне действительно жаль, ” сказал он, “ что это так; но сенат полон решимости не производить обмен пленными. Конечно, их точка зрения на этот вопрос такова, что когда римлянин складывает оружие, он позорит себя, и отказ потребовать за него выкуп или позволить обменять призван послужить сдерживающим фактором для других. Это может быть достаточно справедливо в случаях, когда большое количество сдается немногим, или когда они складывают оружие, когда с мужеством и решимостью они могли бы прорубить себе путь сквозь ряды врага; но в случаях, когда дальнейшее сопротивление было бы безнадежным, на мой взгляд, люди имеют право сдаваться. Однако я могу только подчиняться полученным приказам, и завтра должен отправить тебя и твоих людей на рудники.

Поскольку Малх видел иберийских пленников, отправленных в качестве рабов на шахты в Испании, объявленная ему таким образом судьба не показалась ему удивительной или варварской. В те дни пленники, взятые на войне, всегда превращались в рабов, если их не предавали хладнокровной смерти, и хотя Ганнибал обращался с подчеркнутой гуманностью и снисхождением к римским и итальянским пленникам, попавшим в его руки, это было

результатом политики и никоим образом не соответствовало духу, в котором тогда велась война. Соответственно, на следующий день карфагеняне под сильной охраной были отправлены к рудникам, которые находились на другой стороне острова, примерно в сорока милях к западу от порта и в трех милях от западного морского побережья острова. Дорога на некоторое расстояние пролегла по безжизненной равнине. Местность была хорошо возделана и густо усеяна деревьями, поскольку Рим ежегодно взимал с острова большую дань в виде зерна.

Пройдя двадцать миль, они остановились на ночлег, продолжив путь на следующее утро. Теперь они вошли в широкую плодородную долину с высокими холмами по обе стороны. В некоторых местах были стоячие болота, и офицер, отвечающий за охрану, сообщил Малху, что осенью от них поднимаются чумные миазмы, делающие пребывание в долине смертельным для жителей материка. Местные жители были дикими и примитивными на вид, одетыми в основном в овечьи шкуры. Они жили в хижинах в форме ульев. К концу дневного перехода холмы сузились, и долина закончилась, когда отряд прибыл в полумиле от места назначения. Здесь стоял небольшой городок под названием Металла с сильным римским гарнизоном, который обеспечивал охрану рабов, занятых на рудниках. Сейчас этот город называется Иглесиас.

Основная шахта располагалась в узкой долине, тянувшейся на запад от города вниз к морскому побережью. Офицер, командовавший эскортом, передал Малха и его спутников на попечение офицера головного горнодобывающего предприятия.

Малх был удивлен большим количеством людей, собравшихся на этом месте. Они жили по большей части в низких хижинах, построенных из сучьев или дерна, и располагались рядами на дне долины или вдоль нижних склонов холма. Вдоль гребня холма с обеих сторон было выставлено оцепление из римских часовых, а в небольшом лагере в центре долины была выставлена сильная охрана, готовая подавить любое волнение, которое могло возникнуть.

Подавляющее большинство собравшихся там рабов были сардами, мужчинами, принадлежащими к племенам, поднявшим восстание против римлян. С ними были и другие их соотечественники, которые не были такими же рабами, как они, хотя их положение было немногим лучше, за исключением того, что они получали номинальную плату. Их называли свободными рабочими, но их труд был таким же принудительным, как и труд рабов — каждый район острова был вынужден предоставлять определенное количество рабочих для этого или для рудников дальше к северу. Призванные таким образом мужчины менялись раз в шесть месяцев. Сардами были смешаны люди многих наций. Здесь были сицилийцы и представители многих итальянских племен, завоеванных римлянами, а также галлы с северных равнин и из Марселя.

В разных частях острова работало много шахт, но главной была Metala. Этот труд в те дни, когда порох еще не стал слугой человека, был чрезвычайно тяжелым. Скалы приходилось пробивать вручную, проходы и галереи были минимально возможных размеров, атмосфера была удушливой; следовательно, смертность была высокой, и необходимо было поддерживать постоянный приток рабочей силы.

“Если бы эти люди обладали хоть каплей мужества,” сказал Требон, “они бы восстали, одолели стражу и устремились в леса. Весь остров, как сказал офицер, который привел нас сюда, покрыт горами, за исключением двух широких равнин, проходящих через него; как мы могли видеть,

холмы покрыты лесом, и вся римская армия не смогла бы найти их, если бы они однажды сбежали ”.

“ Это верно, ” сказал Малх, “ но здесь должно быть по меньшей мере пять или шесть тысяч рабов. Как они могли находить пищу среди гор? Какое-то время они могли бы существовать на ягодах и зерне, но в конце концов были бы вынуждены отправиться в долины за пищей, а затем были бы перебиты римлянами. Тем не менее небольшой отряд людей, без сомнения, мог продержаться среди холмов, а сила охраны, которую вы видите на высотах, показывает, что попытки к бегству не редкость. Если мы сочтем наше существование здесь невыносимым, мы, во всяком случае, попытаемся сбежать. Нас пятьдесят человек, и если мы договоримся о совместных действиях, то наверняка сможем прорваться через охрану и уйти в горы. Как вы можете видеть по их лицам, дух этих рабов сломлен. Посмотрите, как большинство из них согнуто своим трудом и как изранены их плечи плетью надсмотрщиков!”

Офицер, отвечающий за рудники, сказал Малху, что ему не следует привлекать его и двух других офицеров к труду, но назначит их надзирателями над бандами рабочих, сообщив им, что у него есть брат, который в настоящее время находится в плену в руках Ганнибала; и он надеется, что Малх, если у него будет возможность, воспользуется своими добрыми услугами в его интересах.

Один из рядов хижин рядом с римским лагерем был отведен карфагенянам, и в тот вечер они получили порции почти черного хлеба, похожие на те, что выдавались остальным. На следующее утро они приступили к работе. Малх и двое его друзей нашли свои задачи отнюдь не тяжелыми, поскольку их назначили присматривать за несколькими сардами, занятыми дроблением и сортировкой свинцовой руды по мере ее извлечения из шахты. Мужчины, однако, вернулись вечером, измученные тяжелым трудом. Все были на работе в шахтах. Некоторым пришлось ползти на большие расстояния по проходам высотой чуть более трех футов и шириной в один фут, пока они не достигли обширной залежи свинцовой руды.

Здесь часть группы была отправлена на работу, другие были заняты толчением маленьких галерей, и там они часами сидели, работая в стесненных условиях с киркой, молотком и клином. Других спускали на веревках в шахты, такие узкие, что, добравшись до дна, они лишь с большим трудом смогли нагнуться, чтобы поработать со скалой под ногами. Действительно, многие из этих старых стволов были найдены в шахтах Монтепоне, настолько чрезвычайно узких, что предполагается, что их, должно быть, пробурили рабы, спущенные на веревках головой вперед, поскольку человеку кажется абсолютно невозможным наклониться к работе, если его спустить обычным способом.

Карфагеняне, совершенно непривычные к работе подобного рода, возвращались ночью в свои хижины совершенно измученные, стесненные и с болью во всех конечностях. Многие были жестоко избиты за невыполнение возложенных на них задач. Все были переполнены тупой, отчаянной яростью. Вечером каждому была подана порция вареных бобов с небольшим количеством местного вина, количество еды было достаточным, поскольку рабов необходимо было хорошо кормить, чтобы они могли выдержать усталость.

После трех дней такой работы пятеро или шестеро пленников были настолько измотаны, что не смогли занять свои места в бригаде, когда утром им приказали приступить к работе. Однако удары вынудили их подняться и занять свои места вместе с остальными. Двое из них умерли в течение дня на своих душных рабочих местах; еще один скончался ночью; на нескольких тоже

напала деревенская лихорадка. Малх и его друзья были полны горя и ярости из-за страданий своих людей.

“Все было бы лучше этого”, - сказал Малх. “В тысячу раз лучше пасть от мечей римлян, чем умереть, как собаки, в ямах под этим холмом!”

“Я полностью согласен с тобой, Малх, - сказал Халько, другой офицер из отряда, - и готов присоединиться к тебе в любом плане побега, каким бы отчаянным он ни был”.

“Трудность заключается в оружии”, - заметил Требон. “За нами так пристально наблюдают, что не может быть и речи о том, чтобы надеяться, что нам удастся завладеть каким-либо оружием. Все инструменты остались в шахтах, а поскольку мужчины работают голыми, у них нет возможности что-либо спрятать. Здешние склады всегда охраняются часовым; и хотя мы могли бы одолеть его, охрана прибудет задолго до того, как мы сможем проломить прочные двери. Конечно, если бы нам удалось уговорить других рабов присоединиться к нам, мы могли бы раздавить стражника даже камнями.

“Об этом не может быть и речи”, - сказал Малх. “Во-первых, они говорят на странном языке, совершенно отличном от итальянского. Тогда, если бы нас увидели пытающимися заговорить с кем-либо из них, могли бы возникнуть подозрения; и даже если бы мы убедили большинство присоединиться к нам, многие были бы только рады купить себе свободу, выдав заговор римлянам. Нет, что бы мы ни делали, это должно делаться только нами самими; а в качестве оружия мы должны полагаться на камни и на самые прочные колья, которые мы можем вытащить из наших хижин. Единственное время, которое у нас есть свободное для самих себя, - это час после окончания работы, когда нам разрешается спуститься к ручью, чтобы умыться и прогуляться, как нам заблагорассудится, пока не прозвучит труба, приказывающая нам разойтись по своим хижинам на ночь.

“Это правда, что в это время охрана особенно бдительна и нам не разрешается собираться в группы; и раб-итальянец, с которым я разговаривал вчера, сказал мне, что он не осмеливается заговаривать со мной, потому что это место кишит шпионами, и что любой разговор между нами обязательно будет доложен, а тех, кто в нем участвует, подвергают самой тяжелой и жестокой работе. Поэтому я предлагаю, чтобы завтра — ибо если это должно быть сделано, то чем скорее, тем лучше, пока люди не потеряли все свои силы, — люди по возвращении с работы сразу же съели свой паек; затем каждый, спрятав короткую палку под одеждой и завернув несколько тяжелых камней в угол своей одежды, должен подняться на вершину холма над шахтой.

“Двое мужчин не должны идти вместе — все должны бесцельно бродить между хижинами. Когда они достигнут верхней линии с той стороны и увидят меня, пусть все быстро сомкнется, и мы внезапно бросимся на часовых наверху. Их не может быть больше пяти или шести человек, чтобы выступить против нас, и мы сможем сбить их с ног нашими камнями. Пробравшись через них, тяжелооруженные люди никогда не смогут настичь нас, пока мы не достигнем леса, который начинается, я полагаю, примерно в полумиле за вершиной.

Два других офицера сразу согласились с этим планом; и когда лагерь затих, Малх осторожно пробирался от хижины к хижине, рассказывая своим людям о разработанном плане и отдавая приказы по его осуществлению.

Все радостно согласились; ибо, хотя более сильные теперь привыкали к своей работе и чувствовали себя менее измотанными, чем в первые два дня, не было ни одного, кто не чувствовал бы, что он предпочел бы умереть, чем терпеть эту ужасную участь. Малх настойчиво внушал им, что крайне важно завладеть оружием любых римских солдат, которых они могут одолеть, поскольку они в значительной степени будут вынуждены полагаться на него для добывания пищи в горах.

Даже самые измученные люди и те, кого била лихорадка, казалось, сразу набрались сил при мысли о предстоящей борьбе за свободу, и когда утром вся банда отправилась на работу, никто не отставал.

ГЛАВА XX: ЛЕСА САРДИНИИ

Вечером карфагеняне группами возвращались с различных мест своих трудов и без промедления расходовали приготовленную для них провизию. Затем один за другим они неторопливо направились вниз, к ручью. Малх ушел последним и, увидев, что все его последователи опередили его, он тоже перешел ручей, на мгновение остановился у кучи обломков шахты, подобрал три или четыре куска камня размером со свой кулак, завернул их в угол своей одежды и, держа это в одной руке, двинулся вверх по склону.

То тут, то там он останавливался на мгновение, словно заинтересованный наблюдением за группами рабов, поглощающих свою вечернюю трапезу, пока, наконец, не достиг верхнего ряда маленьких хижин. Между ними и вершиной холма, на которой стояли часовые, было расстояние около пятидесяти ярдов, которое тщательно соблюдалось, чтобы они могли наблюдать за передвижениями любого человека, выходящего за пределы хижин. Часовые стояли примерно в тридцати шагах друг от друга, так что, по расчетам Малха, не более четырех-пяти из них могли собраться до того, как он доберется до них, если они заранее не заметили ничего подозрительного, что могло бы насторожить их.

Оглянувшись, Малх увидел своих последователей, рассеянных среди рабов на небольшом расстоянии. Стоя под прикрытием хижины, он поднял руку, и все двинулись к нему. Поскольку в их одежде, состоявшей из одной длинной ткани, намотанной на них, не было ничего, что отличало бы их от других рабов, это движение не привлекло внимания часовых, которые со своего места могли наблюдать за низкими хижинами.

Увидев, что все уже близко, Малх закричал и бросился вверх по склону, за ним последовали его товарищи.

Ближайший часовой, увидев отряд из пятидесяти человек, внезапно устремившихся к нему, поднял крик, и его товарищи с обеих сторон побежали к нему; но движение было совершено так быстро, что, когда карфагеняне достигли их, собралось всего пятеро, хотя многие другие бежали

к тому месту. Карфагеняне, когда они приблизились к их поднятым копьям, обрушили на них ливень тяжелых камней, который сбил двоих из них с ног и так избил остальных, что они сразу же упали, когда карфагеняне набросились на них.

Ближайшие римляне остановились, чтобы дождаться прибытия своих товарищей, шедших сзади, а карфагеняне, схватив мечи, копья и щиты своих поверженных врагов, бросились вперед во весь опор. Римляне вскоре последовали за ними, но под тяжестью их оружия, доспехов и шлемов они быстро отдалились, и беглецы благополучно достигли опушки леса и нырнули в его чащу.

Пробежав некоторое расстояние, они остановились, зная, что римляне и не подумают о преследовании иначе, как большими силами. Леса, покрывавшие горы Сардинии, по большей части состояли из вечнозеленого дуба, с густым подлеском из кустарников и молодых деревьев в некоторых местах. Карфагеняне с некоторым трудом пробирались по ней, пока, как только стемнело, не достигли дна долины, сравнительно свободной от деревьев и по которой протекал чистый ручей.

- Здесь мы остановимся на ночь, - сказал Малх. - Можно не опасаться немедленного преследования римлян, если они вообще предпримут это, поскольку их шанс найти нас в этих горах, покрытых сотнями квадратных миль лесов, действительно невелик; однако мы сразу же обеспечим себя оружием.

Были реквизированы пять римских мечей, срублено несколько прямых молодых побегов, и, заострив их наконечники, они превратились в эффективные копья, каждое длиной около четырнадцати футов.

“Хорошо, что мы поужинали,” сказал Малх. “Наш завтрак будет зависеть от нас самих. Завтра мы должны внимательно следить за дымом, поднимающимся над деревьями; в лесу наверняка найдется многоуглежогов, потому что от них зависят запасы топлива для римлян. Одно из первых, что нужно сделать, - раздобыть пару зажженных головешек. Огонь необходим для тепла среди этих холмов, даже если забыть о его использовании для приготовления пищи”.

“Это когда у нас есть что приготовить”, - смеясь, сказал Халько.

“Это, безусловно, важно,” согласился Малх. “но в этих лесах наверняка водится много диких кабанов и оленей. Нам нужно только найти долину с узким входом, расположиться там и послать всех людей, чтобы они образовали круг на холмах вокруг нее и пригнали их к нам; кроме того, скорее всего, мы наткнемся на стада коз и свиней, которых жители нижних долин отправят вверх питаться желудями. Я не боюсь, что мы сможем раздобыть много мяса; что касается кукурузы, то нам нужно только совершить набег на равнину, и когда мы узнаем что-нибудь об общем рельефе местности, холмах и обширности леса, мы выберем какое-нибудь местечко недалеко от ее центра и построим там хижины. Если бы не крестьяне, мы могли бы жить здесь годами, потому что всех римских сил на Сардинии было бы недостаточно, чтобы выбить нас из этих гор; но, к сожалению, поскольку нам придется грабить крестьян, они будут служить римлянам проводниками, и нам придется быть настороже, чтобы не застать их врасплох. Если для нас станет слишком жарко, нам придется совершить ночной марш-бросок через равнину к горам на восточной стороне. Я слышал в Каралисе, что дикая часть там намного больше, чем на этой стороне острова, и она простирается от порта до самого севера острова”.

Чувствуя себя в безопасности от преследования, Малх выставил четырех человек в качестве часовых, а остальная часть отряда улеглась спать, радуясь мысли, что завтра их не разбудят, чтобы они приняли участие в работах в шахте.

На рассвете все были в пути, и, найдя в ручье глубокое место, они позволили себе роскошь искупаться. Покончив с этим, они двинулись дальше в глубь леса. Холмы были огромной высоты, с голыми утесами, часто возвышающимися среди деревьев на сотни футов, с глубокими долинами и неровными обрывами. Пересекая одну из таких долин, Несс внезапно поднял руку.

“Что это? - Спросил Малх.

“Я слышал хрюканье свиньи, - ответил Несс, - справа от нас”.

Малх немедленно разделил отряд надвое и приказал им двигаться как можно тише вдоль нижних склонов холма, оставляя по человеку через каждые пятнадцать шагов.

Когда все были расставлены по местам, концы линии должны были опускаться до тех пор, пока не встретятся в середине долины, образуя таким образом круг. Крик должен был сообщить остальным, что дело сделано, а затем все должны были двигаться вниз, пока не встретятся в центре. По одному офицеру отправилось с каждой группой, Малх остался на том месте, где стоял. Через десять минут был услышан сигнал, и затем все двинулись вперед, крича на ходу и зорко вглядываясь между деревьями, чтобы убедиться, что мимо них ничего не проскочило. Когда сужающийся круг вышел на открытое место на дне долины, раздался всеобщий крик восторга, потому что у ручья, хрюкая и визжа от страха, жалось стадо из сорока или пятидесяти свиней с крестьянином, который, казалось, оцепенел от страха при внезапном шуме.

Увидев, что люди с поднятыми копьями выскочили из леса, Сард издал крик ужаса и бросился ничком. Когда карфагеняне подошли к нему, Малх толкнул его ногой, но он отказался двигаться; затем он уколол его римским копьем, которое держал в руке, и человек с криком вскочил на ноги. Малх сказал ему по-итальянски, что он свободен, но свинья должна быть конфискована для использования его последователями. Человек не понял его слов, но, увидев по его жестам, что он свободен, пустился во весь опор, едва веря, что мог спастись, и нисколько не обеспокоенный потерей стада. Это действительно было собственностью разных людей в одной из деревень у подножия холмов — тогда, как и сейчас, существовал обычай, когда несколько человек, владеющих свиньями, отправляли их вместе под присмотром пастуха в горы, где в течение нескольких месяцев они жили в полудиком состоянии, питаясь желудями и кореньями, а сельский житель время от времени поднимался вверх с запасами еды для свинопаса.

Не успел крестьянин скрыться, как крик одного из мужчин, находившегося примерно в пятидесяти ярдах от него, привлек внимание Малха.

- Вот костер этого человека, милорд.

Среди солдат раздались радостные восклицания, ибо мысль о таком количестве мяса и отсутствии средств для его приготовления мучила каждого. Малх поспешил к тому месту, где действительно лежала куча все еще тлеющих углей. Некоторые мужчины сразу же принялись за сбор сухих веток, и через несколько минут разгорелся большой костер. Одну из свиней зарезали и разделали на порции, и через короткое время каждый мужчина готовил свою порцию, нанизав ее на палку над огнем.

Неподалеку для офицеров разожгли костер поменьше, и на нем Несс приготовил их долю еды для Малха и двух его спутников. После трапезы копья были усовершенствованы за счет того, что их наконечники были закалены на огне. Когда они были готовы выступить, двое мужчин были назначены хранителями огня, и каждый из них взял из костра по две пылающие головешки, которые на ходу держали скрещенными перед собой, поддерживая друг друга горящими остриями. Даже с одним человеком было бы мало шансов погасить пожар, но с двумя такое несчастье вряд ли могло постигнуть их.

Группа из десяти человек взяла на себя заботу о стаде свиней, и затем все они направились к месту, которое они намеревались сделать в сердце гор. К концу дня в залитой водой долине было выбрано подходящее место для лагеря. Затем мужчины приступили к работе по срубке сучьев и возведению беседок. Разожгли костры, и закололи еще одну свинью, те, кто предпочитал это, жарили ее мясо над огнем, в то время как другие варили свои порции, используя римские щиты в качестве сковородок.

“Что ты думаешь делать, Малх? - Спросил Халько, когда они, покончив с едой, растянулись на травянистом берегу ручья. “Здесь мы в безопасности, и в этих лесах римляне могли бы месяцами нас не искать. Еду мы можем добыть в деревнях у подножия холмов, а в лесу, рядом с этим стадом, которое мы поймали, должно быть много свиней. Жизнь не будет неприятной, но—” и он замолчал.

“Но ты не хочешь закончить свои дни здесь, ” вставил за него Малх, “и я тоже. Это достаточно приятно, но каждый день, который мы проводим здесь, - пустая трата наших жизней, и пока Ганнибал и наши товарищи сражаются с мощью Рима, мы не можем довольствоваться тем, что живем здесь как представители диких племен. Я не сомневаюсь, что мы вызовем такое раздражение и тревогу свои набегам на деревни на равнинах, что римляне вскоре предпримут большие усилия, чтобы захватить нас, и, несомненно, привлекут к своим поискам местных жителей. Тем не менее, мы можем надеяться спастись от них, и среди этих гор есть множество мест, где мы можем укрепиться и нанести им такие тяжелые потери, что они будут рады примириться. Все, о чем я хотел бы попросить, - это чтобы они поклялись своими богами хорошо обращаться с нами и доставить нас как военнопленных в Рим, где мы оставались бы до обмена. В Риме мы могли бы терпеливо ожидать развития событий. Ганнибал может захватить город. Сенат, по настоянию родственников многих захваченных нами пленных, может согласиться на обмен, и у нас могут появиться шансы на побег. Во всяком случае, мы будем жить в этом мире и будем знать, что происходит”.

“Но разве мы не могли бы выстоять и заставить их согласиться предоставить нам свободу?”

“Я так не думаю”, - сказал Малх. “Было бы слишком для римской гордости позволить горстке сбежавших заключенных бросить им вызов таким образом, и даже если бы префект этого острова согласился с условиями, я не верю, что сенат утвердил бы их. Нам лучше не просить слишком многого. Что касается меня, то я признаюсь, что очень хочу увидеть Рим. Поскольку Карфаген сдерживается и не пошлет помощи Ганнибалу, у меня очень мало надежды когда-либо войти в него победителем, и вместо того, чтобы не видеть его вообще, я был бы не прочь войти в него в качестве пленника. Там нет рудников для работы, и римляне, имея в руках Ганнибала такое огромное количество своих людей, не посмели бы обращаться с нами с какой-либо жестокостью.

“Здесь все по-другому. Никакие слухи о нашей судьбе никогда не дойдут до Ганнибала, и если бы каждый из нас погиб в этих душных шахтах, он бы никогда ничего не узнал.

Оба офицера согласились с Малхом; что же касается солдат, то они были слишком довольны своей нынешней свободой и избавлением от рабства, чтобы думать о завтрашнем дне.

На следующий день Малх и его спутники обследовали окрестные холмы и выбрали в качестве наблюдательных пунктов несколько точек, возвышающихся над долинами, по которым можно было подойти к их лагерю. Были убраны деревья, вырублены поляны и сложены дрова для разведения костров, и на каждом из этих постов были расставлены по два часовых, которым было приказано вести бдительное наблюдение по всей стране, разжигать костер сразу же, как только будет замечено приближение любого врага, а затем спуститься в лагерь, чтобы сообщить подробности относительно его численности и направления его марша.

Несколько дней спустя, оставив в лагере десять человек с полными инструкциями относительно того, что делать в случае тревоги со стороны врага, Малх вместе с остальной частью отряда отправился через горы. Солнце было их единственным ориентиром относительно направления их пути, и было уже далеко за полдень, когда они достигли гребня самых восточных холмов и посмотрели вниз на широкую равнину, разделяющую остров на две части. Здесь они отдыхали до следующего утра, а затем, стартовав еще до рассвета, спустились по склонам. Они добрались до небольшой деревни в устье долины и оставались незамеченными, пока не вошли в нее. Большинство мужчин были в поле; несколько человек оказали сопротивление, но были быстро сбиты с ног короткими тяжелыми палками, которые карфагеняне носили в дополнение к своим копьям.

Малх отдал строгий приказ не применять последнее оружие, не отнимать жизнь и никому не причинять вреда, за исключением случаев оказания сопротивления. В течение нескольких минут царило сильное замешательство, женщины и дети бегали вокруг, крича в дикой тревоге. Их, однако, успокоили, когда они обнаружили, что никто не собирался причинять вреда.

При обыске деревни были обнаружены большие запасы зерна, а также множество мешков, и каждый солдат наполнил один из них таким количеством зерна, какое мог удобно унести. Также был взят ряд других предметов, которые могли им пригодиться, — кухонные горшки, деревянные тарелки, ножи и такое оружие, какое только можно было найти. Нагруженные всем этим, карфагеняне отправились обратно в лагерь. С таким грузом, как у них, это было долгое и утомительное путешествие, и им было бы очень трудно найти обратную дорогу, если бы Малх не принял меры предосторожности, оставив четырех или пять человек в разных местах с инструкциями поддерживать огонь из сырых дров, чтобы дым служил ориентиром. Однако было уже поздно, на второй день после того, как они покинули деревню, когда они прибыли в лагерь. Здесь мужчины принялись растирать зерно между плоскими камнями, и вскоре на углях запекались грубые лепешки.

Прошел месяц. Набеги, аналогичные первому, были совершены, когда припасы подошли к концу, и поскольку во второй деревне, которую они посетили, они захватили шесть ослов, которые помогали нести ношу, путешествие было менее утомительным, чем в первый раз. Однажды утром, когда отряд завтракал, с вершины одного из холмов поднялся столб яркого дыма. Мужчины одновременно вскочили на ноги.

“Заканчивай свой завтрак,” сказал Малх, “времени у тебя будет предостаточно. Зарежь еще двух свиней и раздели их. Пусть каждый возьмет по три-четыре фунта мяса и запас еды”.

Как только приготовления были завершены, прибыли двое дозорных и доложили, что по одной из долин движется большое войско. Теперь от стада свиней осталось всего шесть — их загнали в лес. Зерно и другие припасы также были унесены и тщательно спрятаны, и отряд, который теперь был хорошо вооружен оружием, захваченным в различных набегах на деревни, двинулся прочь из своего лагеря.

Малх уже обследовал со своими двумя товарищами все долины в окрестностях лагеря и наметил различные пункты для обороны. Один из них находился на линии, по которой приближался враг. Долина сужалась, пока с обеих сторон ее почти не закрыли отвесные скалы. На вершине их карфагеняне заняли свой пост. Теперь они могли ясно разглядеть врага; римских солдат было более тысячи, и их сопровождали не менее пятисот туземцев.

Когда голова колонны приблизилась к узкой тропинке, ведущей в долину, солдаты остановились, а туземцы пошли вперед на разведку. Они доложили, что, похоже, все чисто, и колонна двинулась вперед. Когда она достигла ущелья, наверху раздался крик, и со скал обрушился град камней, раздавив многих римлян. Их командир немедленно отозвал солдат, и они начали взбираться по склону холма, везде, где это позволяла почва. После долгих трудов они добрались до скалы, с которой на них напали, но обнаружили, что она пуста.

Весь день римляне прочесывали лес, но безуспешно. Туземцы были посланы вперед сильными отрядами. Большинство из них вернулись безуспешными, но двое из них подверглись внезапному нападению карфагенян, и многие были убиты.

В течение четырех дней римляне продолжали свои поиски в лесу, но так ни разу и не увидели карфагенян, за исключением тех случаев, когда последние несколько раз внезапно появлялись в местах, недоступных снизу, и швыряли в них камни. Сардынесколько раз подвергались нападениям и были настолько обескуражены понесенными потерями, что теперь отказывались выходить в леса без сопровождения римлян.

В конце четвертого дня, почувствовав, что преследовать беглый отряд по этим покрытым лесом горам больше бесполезно, римский командующий приказал колонне двигаться обратно к месту отправления. Он потерял от сорока до пятидесяти своих людей, и более сотни сардов были убиты. Как только он достиг опушки леса, его догнал один из туземцев.

“Я был пленником в руках карфагенян, - сказал мужчина, - и их предводитель освободил меня после того, как я дал клятву передать послание генералу”. Мужчина был немедленно доставлен к офицеру.

“Предводитель беглых рабов велел мне передать вам, - сказал он, - что, если бы с вами было в десять раз больше людей, вы напрасно пытались бы захватить их. За эти четыре дня вы обыскали всего несколько квадратных миль леса, и, хотя он никогда не отходил от вас на полмили, вам не удалось его поймать. Там сотни квадратных миль, и, если бы он решил ускользнуть от вас, двадцать тысяч человек могли бы искать напрасно. Он просит меня сказать, что он мог бы продержаться годы и разграбить все деревни на равнинах; но он и его люди не желают жить жизнью горного племени, и он готов обсудить с вами условия капитуляции и встретит вас здесь, за пределами леса, с двумя своими людьми, если вы, со своей стороны,

будете здесь с тем же числом людей завтра в полдень. Он принес передо мной торжественную клятву, что будет соблюдать перемирие в неприкосновенности, и требует, чтобы вы сделали то же самое. Я обещал забрать свой ответ обратно.

Римский военачальник был сильно раздосадован неудачей и продолжительными неприятностями, которые, как он видел, могли возникнуть из-за присутствия этого решительного отряда в горах. Вероятно, к ним присоединились бы некоторые из недавно покоренных племен, и они стали бы занозой в боку римских войск, удерживающих остров. Поэтому он испытал большое облегчение от этого неожиданного предложения.

“Возвращайся к тому, кто тебя послал, - сказал он, - и скажи ему, что я, Публий Манлий, командующий этой частью 10-го легиона, настоящим клянусь перед богами, что буду соблюдать перемирие нерушимо, и что я встречу с ним здесь с двумя офицерами, как он предлагает, завтра в полдень”.

В назначенный час Малх с двумя офицерами, стоявшими на опушке леса, увидели римского полководца, приближавшегося с двумя товарищами; они сразу же пошли им навстречу.

“Я пришел, ” сказал Малх, “ предложить тебе сдаться на определенных условиях. Я изложил тебе свои доводы в послании, которое отправил тебе вчера. Со своей бандой здесь я мог бы годами противостоять вашим попыткам схватить меня, но я не хочу вести жизнь горного разбойника. Ганнибал милосердно обращается со своими пленниками, и обращение, оказанное мне и моим товарищам, которые даже не были взяты в плен в честном бою, а были занесены бурей в ваш порт, было позором для Рима. Мое требование заключается в следующем: к нам должны относиться с уважением, подобающим храбрым людям, нам должно быть позволено пройти без охраны или эскорта до порта, где мы отправимся прямо на борт приготовленного для нас судна. Затем мы сложим оружие и сдадимся как военнопленные в соответствии с торжественным соглашением, принятым и подписанным вами и губернатором острова, одобренным и ратифицированным сенатом Рима, согласно которому, во-первых, нам будут возвращены одежда и доспехи, которых мы были лишены при захвате в плен, и что затем мы будем доставлены на корабле в Рим, где будем оставаться в качестве военнопленных до обмена, нас никуда больше не отправят и мы не понесем никаких страданий или наказаний за то, что произошло на этом острове ”.

Римский военачальник был удивлен и доволен умеренностью требований. Он опасался, что Малх настоял бы на возвращении со своими товарищами в карфагенскую армию в Италии. Такое предложение он не пожелал бы направлять в Рим, поскольку это было бы признанием того, что все римские силы на острове были неспособны одолеть эту горстку отчаявшихся людей, и он не думал, что сенат согласился бы с этим требованием, если бы оно было выдвинуто. Нынешнее предложение было гораздо более приемлемым. Он мог без унижения сообщить, что карфагенские рабы вырвались на свободу и ушли в горы, где их будет очень трудно преследовать, и они послужат ядром, вокруг которого соберутся все недовольные на острове; и мог рекомендовать, чтобы, поскольку они всего лишь требовали отправки в Рим в качестве военнопленных, вместо того чтобы оставаться на острове, условия были согласованы. Поэтому, немного помедлив, он ответил:

“Я согласен с вашими условиями, сэр, что касается меня, и признаю, что они кажутся мне умеренными и разумными. Я составлю документ, в котором изложу их и свое согласие с ними, и

немедленно отправлю его префекту с просьбой подписать его и переслать в Рим для утверждения сенатом. В ожидании ответа я надеюсь, что вы воздержитесь от любых дальнейших нападений на деревни”.

“Может пройти две недели, прежде чем придет ответ, - ответил Малх. - Но если вы пришлете к этому месту запас скота и муки, достаточный для удовлетворения наших потребностей, пока не придет ответ, я обещаю воздержаться от любых дальнейших действий”.

На это римлянин охотно согласился, и в течение двух недель Малх и его друзья развлекались охотой на оленей и диких кабанов в горах. По прошествии недели каждый день в условленное место отправляли человека узнать, не получен ли какой-нибудь ответ из Рима. Прошло почти три недели, прежде чем он доставил Малху сообщение о том, что условия приняты и что римский командующий встретится с ним там на следующий день с документом. Собеседование состоялось, как было условлено, и римлянин вручил Малху документ, соглашающийся с предложенными условиями, подписанный им самим и префектом и ратифицированный сенатом. Он сказал, что, если Малх со своим отрядом спустится на дорогу следующим утром в трех милях ниже Металлы, они обнаружат ожидающий их эскорт из римских солдат и что в порту для них будет готово судно, на которое они сядут по прибытии.

Соответственно, на следующий день Малх со своими спутниками покинул лес и в боевом порядке спустился в долину. В назначенном месте они обнаружили двадцать римских солдат под командованием офицера. Последний поприветствовал Малха и сообщил ему, что ему приказано сопровождать их в порт и проследить, чтобы они не подверглись никакому преследованию или вмешательству со стороны туземцев во время их похода. Двухдневный путь привел их в Каралис, и в полном порядке и с гордой осанкой они прошли сквозь ряды римских солдат, которые собрались на улицах, чтобы посмотреть на столь странное зрелище. Прибыв в порт, они поднялись на борт приготовленного для них корабля и там сложили свое оружие на палубе. Римский офицер принял их и передал, в соответствии с условиями соглашения, всю одежду и доспехи, которых они были лишены. Затем на борт поднялся караул из солдат, и час спустя паруса были подняты, и судно направилось к месту назначения.

Малх и его спутники с тревогой оглядывали горизонт в надежде, что в поле зрения могут появиться галеры Капуи или Карфагена, хотя на самом деле у них было мало надежд увидеть их, поскольку ни один карфагенский корабль вряд ли можно было найти так близко от побережья Италии, за исключением тех, что были вооружены для использования повстанцами в северных горах Сардинии. Однако ни одного паруса не было видно до тех пор, пока корабль не вошел в устье Тибра. Когда они поднялись по реке и вдали показались стены и башни Рима, пленники забыли о своем собственном положении из-за интереса, возбужденного появлением великого соперника Карфагена.

В то время Рим обладал лишь малой толикой великолепия, которым отличались его здания во времена императоров. Все было массивным и простым, с небольшими попытками архитектурного украшения. Храмы богов величественно возвышались над массой зданий, но даже они намного уступали по размерам и красоте карфагенским, в то время как размеры города были действительно невелики по сравнению с обширной территорией его африканского соперника.

Судно стояло на якоре в потоке до тех пор, пока командующий офицер не высадился, чтобы доложить о своем прибытии с заключенными и получить инструкции. Час спустя он вернулся, пленники были высажены на берег и встречены сильной охраной копейщиков у водных ворот. Новость быстро распространилась по городу. Толпы людей заполнили улицы, в то время как у окон и на крышах собралось множество дам из высших слоев общества. Отряд солдат шел впереди, оттесняя толпу по мере их продвижения. Шеренга копейщиков маршировала по обе стороны от пленников, а сильная охрана замыкала тыл, чтобы не дать толпе напасть на них. Малх шел во главе пленников, за ним следовали его офицеры, за которыми шли солдаты, шагавшие по двое.

В поведении пленников не чувствовалось уныния, и они встречали взгляды враждебной толпы скорее с видом победителей, чем пленников. Они помнили, что попали в руки римлян лишь случайно, что на поле боя они снова и снова доказывали, что не уступают римским солдатам, и что только стены города помешали им пройти по его улицам в качестве триумфальных завоевателей.

Марширование карфагенских пленников по улицам Рима не было чем-то новым, поскольку в предыдущих кампаниях большое количество карфагенян было взято в плен; но с тех пор, как Ганнибал пересек Альпы и провел свою победоносную армию через Италию, в Рим не доставили ни одного пленного, в то время как десятки тысяч римлян попали в руки Ганнибала. Низшие слои населения Рима во все времена были грубыми и безжалостными, и на пленников обрушивались крики ликования, стоны и угрозы, а также горькие проклятия со стороны тех, чьи друзья и родственники пали на войнах.

Лучшие классы, стоявшие у окон и на крышах домов, воздерживались от каких-либо демонстраций, но наблюдали за проходящими мимо пленниками критическим взглядом и выражали восхищение их бесстрашной осанкой и надменным видом.

“Поистине, этот юноша, который марширует во главе их, мог бы позировать карфагенскому Аполлону, Семпроний”, - сказала римская матрона, сидя на балконе большого особняка у входа на Форум. “Я редко видел более прекрасное лицо. Посмотрите, какую силу демонстрируют его конечности, хотя он ходит легко, как девушка. Мне бы хотелось иметь его в качестве раба; он бы хорошо смотрелся, если бы шел позади меня и нес мою накидку, когда я выезжаю за границу. Позаботься об этом, Семпроний; поскольку твой отец военный претор, ты сможешь без проблем справиться с этим для меня.

- Я сделаю все, что в моих силах, леди Флавия, - сказал молодой римлянин, - но могут возникнуть трудности.

“Какие трудности? Властно спросила Флавия. “Я полагаю, что карфагенян, как обычно, передадут в рабство; и у кого больше прав выбрать кого-то из них, чем у меня, чей муж, Тиберий Гракх, является консулом Рима?”

“Наверняка нет”, - ответил Семпроний. - Это было только потому, что, как я слышал, этот юноша приходится двоюродным братом самому Ганнибалу и, несмотря на свой юный возраст, является капитаном его телохранителей, и я подумал, что мой отец, возможно, намеревается заключить его в тюрьму для большей безопасности.

Флавия повелительно взмахнула рукой.

“Когда ты когда-нибудь слышал о бегстве раба из Рима, Семпроний? Разве стены не высоки и не крепки, а часовых не множество? И даже если бы они прошли их, разве знак рабства не выдал бы их сразу первому, кто встретил бы их снаружи, и они были бы схвачены и возвращены обратно? Нет, я твердо решил взять его в рабство. Он прекрасно подойдет к той галльской девушке, которую Постумий прислал мне с берегов По прошлой осенью. Мне нравится, чтобы мои рабы были такими же красивыми, как и все мое окружение, и я не вижу причин, почему я должен быть лишен своей фантазии”.

“Я сделаю все возможное, чтобы выполнить ваше пожелание, леди Флавия”, - почтительно ответил Семпроний, поскольку жена консула была важной персоной в Риме. Ее семья была одной из самых знатных и влиятельных в городе, и она сама — богатая, роскошная и волевая — считалась лидером римского общества.

Семпроний считал необходимым для своего дальнейшего продвижения поддерживать с ней хорошие отношения. В то же время он был недоволен этой последней ее фантазией. Во-первых, он был претендентом на руку ее дочери Джулии. Во-вторых, он очень восхищался северной красотой галльской рабыни, о которой она говорила, и твердо намеревался, что когда Флавия устанет от нее — а ее фантазии редко длились долго, — он уговорит свою мать предложить ему обменять лошадь, или ястреба, или что-нибудь еще, на что Флавия могла бы обратить свое внимание, на рабыню, и в этом случае она, конечно, будет в его власти. Поэтому он не одобрял намерения Флавии ввести этого красивого молодого карфагенянина в качестве раба в свой дом. Это правда, что в настоящее время он был всего лишь рабом, но он был карфагенским дворянином такого же высокого ранга, как и Флавия.

В том, что он был храбр, не было сомнений, иначе он не был бы капитаном телохранителей Ганнибала. Юлия была такой же капризной, как и ее мать, и могла бы проникнуться к Малху такой же горячей симпатией, как Флавия, в то время как теперь, когда Флавией овладела идея свести эту галльскую девушку и карфагенянина вместе, это отдаляло то время, когда римлянка, как можно было разумно ожидать, устанет от девушки. Однако он чувствовал, что желания Флавии должны быть выполнены; какой быни была опасность, она была менее серьезной, чем уверенность потерять благосклонность этой леди, если он не потакнет ее прихотям.

Его семья была гораздо менее знатной, чем у нее, и ее одобрение его ухаживания за Юлией было неожиданной удачей, которой, как он знал, Гракх был обязан главным образом тому факту, что Гракх хотел выдать свою дочь замуж за Юлия Марция, который глубоко оскорбил Флавию откровенным выражением мнения, что римские дамы слишком много вмешиваются в общественные дела и что они должны довольствоваться тем, что остаются дома и управляют своими домочадцами и рабами.

Он знал, что у него не возникнет никаких трудностей с отцом. Претор больше всего желал, чтобы его сын заключил союз с домом Гракхов, и существовал обычай, что захваченные на войне пленные, которые не были принесены в жертву богам, должны были отдаваться в рабство знати. Великие состязания на арене, которые стоили жизни такому огромному количеству пленных, взятых на войне, еще не были начаты. Время от времени сражения, действительно, имели место, но они были небольшого масштаба и рассматривались скорее как жертвоприношение Марсу, чем как развлечение для людей.

Соответственно, Семпроний мрачно отправился домой. Претор только что вернулся, увидев, что Малх и офицеров поместили в тюрьму, в то время как мужчин отправили работать на укрепления. Семпроний изложил просьбу Флавии. Претор выглядел сомневающимся.

“Я намеревался, ” сказал он, - держать офицеров в тюрьме до тех пор, пока сенат не решит, что с ними делать; но, конечно, если Флавия твердо решила это сделать, я должен подчеркнуть один момент. В конце концов, нет никаких особых причин, по которым к заключенным следует относиться иначе, чем к другим. Конечно, я не могу отправить лидера партии во Флавию, а остальных оставить в тюрьме. Поскольку их двое, я отправлю их в подарок двум знатным семьям Рима, так что, если возникнет какой-либо вопрос по этому поводу, у меня сразу же появятся могущественные защитники; во всяком случае, не стоит обижать Флавию.

Малх, когда его вели по улицам Рима, делал сравнения отнюдь не в пользу Карфагена. Большая простота одежды, отсутствие роскоши, которая была столь необузданна в Карфагене, незамысловатая архитектура домов, свободная и мужественная осанка горожан - все это произвело на него впечатление. Какой бы грубой ни была толпа, глумившаяся и освистывавшая его и его товарищей, среди них были сила и напористость, которых совершенно не хватало дома. Под влиянием возбуждения тамошнее население было способно восстать и заявить о себе, но в целом оно вело себя подобострастно перед богатыми и могущественными.

Тирания сената давила на народ, многочисленные тайные доносы и аресты внушали каждому человеку недоверие к ближнему, ибо никто не мог сказать, что он в безопасности от действий тайных врагов. Римляне, с другой стороны, не придавали значения личностям. Каждый свободный гражданин считал себя равным лучшим; плебеи держались особняком против патрициев и всегда могли вернуть одного из консулов, обычно выбирая человека, наиболее отличившегося своей враждебностью к патрициям.

Трибуны, чья власть в Риме была почти равна власти консулов, почти всегда были представителями и защитниками плебеев, и их власть уравнивала власть сената, что полностью отвечало интересам аристократии. Малх размышлял над этими вещами в тюрьме, когда дверь его камеры открылась и вошел Семпроний в сопровождении двух солдат. Первый обратился к нему по-гречески.

“ Следуйте за мной, ” сказал он. - Мой отец, претор Гай, назначил тебя домашней рабыней леди Флавии Гракх до тех пор, пока сенат не решит твою судьбу.

Поскольку Карфаген также обращал в рабство пленных, захваченных на войне, Малх не выказал удивления, хотя предпочел бы работу на укреплениях со своими людьми домашнему рабству, каким бы легким оно ни было. Затем, не сказав ни слова, он встал и последовал за Семпронием из его тюрьмы.

Домашнее рабство в Риме в целом не было суровой судьбой. Хозяева, действительно, имели власть над жизнью и смертью своих рабов, они могли пороть и жестоко обращаться с ними по своему усмотрению; но, как правило, они обращались с ними хорошо.

Римляне были, по сути, домашним народом, добры к своим женам и ласковы, хотя иногда и строги, со своими детьми. С рабами обращались так же, как с другими слугами; и, действительно, за редким исключением, все слуги были рабами. Правило было простым, а труд ни в коем случае не тяжелым. Любимые рабы занимали ответственные посты, они часто

накапливали значительные суммы денег и часто получали свободу после добросовестной службы.

ГЛАВА XXI: ГАЛЛЬСКИЙ РАБ

Прибыв в особняк Гракха, Семпроний привел Малха в апартаменты, которые занимала Флавия. Ее лицо озарилось удовлетворением.

“ Ты хорошо поступил, мой Семпроний, ” сказала она. “ Я не забуду, как ты с готовностью исполнил мое желание. Так это и есть молодой карфагенянин? Все мои друзья будут завидовать мне, что за мной ухаживает такой красивый юноша. Ты говоришь на нашем языке? ” любезно спросила она.

“ Всего несколько слов, ” ответил Малх. - Я говорю по-гречески.

“ Досадно, - сказала Флавия, обращаясь к Семпронию, - что я не знаю этого языка, но Юлию ему обучили. Скажи ему, Семпроний, что его обязанности будут легкими. Он будет сопровождать меня, когда я выйду за границу, и будет стоять позади меня за столом, и будет присматривать за моими питомцами. Молодой львенок, которого добыл для меня Тиберий, становится беспокойным, и за ним нужна твердая рука; вчера он чуть не убил одного из рабов.

Семпроний перевел речь Флавии Малху.

“Я одену его, - сказала Флавия, - в белое с золотом; он будет очарователен в этом”.

- Вряд ли это платье для рабыни, - осмелился возразить Семпроний.

“ Полагаю, я могу одевать его так, как мне заблагорассудится. Лесбия, жена Эмилия, одевает своих домашних рабынь в голубое с серебром, и я полагаю, что имею такое же право, как и она, потакать моим фантазиям.

“ Конечно, леди Флавия, ” почтительно произнес Семпроний. - Я только подумал, что такая милость, оказанная карфагенянину, может вызвать зависть у других рабов.

Флавия ничего не ответила, но помахала Семпронию веером в знак того, что может уйти. Молодой римлянин, мысленно проклиная ее надменный вид, сразу же откланялся, и Флавия передала Малха на попечение главы семьи, со строгими указаниями относительно одежды, которую следовало раздобыть для него, и с приказом передать животных на его попечение.

Малх последовал за мужчиной, поздравляя себя с тем, что если уж ему суждено служить рабом, то, по крайней мере, он вряд ли мог найти более легкую ситуацию. Среди домашних животных

были несколько ярких птиц с Востока, персидская борзая, несколько кошек, молодой медведь и наполовину взрослый лев. Из них только лев был привязан после его нападения на раба накануне.

Малх любил животных и сразу же смело направился ко льву. Животное пригнулось, словно для прыжка, но под пристальным взглядом Малха быстро изменило свое намерение, и, вытянувшись на всю длину своей цепи, оно потерлось о него, как большая кошка. Малх погладил его по боку, а затем, подойдя к фонтану, наполнил водой плоский сосуд и поставил перед ним. Лев жадно лакал воду. С тех пор как он напал на раба, который обычно прислуживал за ним, никто из остальных не осмеливался приблизиться к нему. Они, действительно, подбросили ему еды, но забыли снабдить водой.

“ Мы поладим друг с другом, старина, ” сказал Малх. “Мы оба африканские пленники и должны быть друзьями”.

Узнав от других рабов, что до вчерашнего дня животное привыкло свободно бегать по дому и лежать в комнате Флавии, Малх сразу же отстегнул цепь и некоторое время играл со львом, который казался кротким и добродушным. Поскольку хозяин дома вскоре сообщил остальным о полученных им приказах относительно Малха, рабы увидели, что новоприбывший, вероятно, по крайней мере на какое-то время займет очень высокое положение в глазах их капризной госпожи, и поэтому всячески старались завоевать его расположение.

Вскоре за Малхом послали снова, и он обнаружил Юлию сидящей на ложе рядом со своей матерью, и он сразу же признал про себя, что редко видел более красивую женщину. Она была высокой, с полной и хорошо сложенной фигурой. Ее блестящие волосы были собраны в пучок на затылке, шея и руки обнажены, на ней было платье из светло-зеленого шелка, расшитое золотыми полосками по низу, доходившее до колен, а под ним нижняя юбка тирского пурпура доходила почти до земли.

“ Разве он не хорош собой, Юлия? - Спросила Флавия. - В Риме нет такого раба, как он. Лесбия и Фульвия позеленеют от зависти”.

Юлия ничего не ответила, но сидела, разглядывая лицо Малха с таким спокойствием, словно он был статуей. Войдя, он поклонился, как сделал бы в присутствии карфагенских дам, и теперь спокойно стоял, ожидая приказаний Флавии.

“ Спроси его, Джулия, правда ли, что он двоюродный брат Ганнибала и капитан его гвардии. Такой юноша, как он, я с трудом могу в это поверить; и все же какие у него сильные и жилистые конечности, а на лице написано повеление. Он интересуется меня, этот раб.

Джулия задавала по-гречески вопросы, продиктованные ее матерью.

- Спроси его сейчас, Джулия, - сказала Флавия, когда ее дочь перевела ответ, - как он попал в плен.

Малх рассказал историю о том, как его занесло штормом в римские порты; затем, от своего имени, Юлия поинтересовалась, присутствовал ли он в различных сражениях кампании. После часовой беседы Малх был отпущен. Проходя по коридору, он внезапно наткнулся на женщину, вышедшую из одной из женских комнат. Они одновременно вскрикнули от изумления.

“Клотильда! - Ты здесь, и к тому же пленница? - воскликнул Малх.

“Увы! да”, - ответила девушка. “Меня привезли сюда три месяца назад”.

“Я ничего не слышал о вас всех, ” сказал Малх, - с тех пор, как твой отец вернулся со своим отрядом после битвы при Тразимене. Мы знали, что Постумий со своим легионом вторгается в Цизальпинскую Галлию, но до нас не дошло ничего конкретного.

“Мой отец убит”, - сказала девушка. “Он и его племя потерпели поражение. На следующий день римляне напали на деревню. Мы, женщины и старики, защищали его до последнего. Две мои сестры были убиты. Я был взят в плен и послан сюда Постумием в подарок Флавию. Я хотел умереть, но теперь, когда ты здесь, я буду доволен даже жизнью римского раба”.

Пока они разговаривали, они стояли, сцепив руки. Малх, глядя в ее лицо, по которому теперь текли слезы, когда она вспоминала печальные события дома, удивлялся перемене, произошедшей в нем за восемнадцать месяцев. Тогда она была девушкой, теперь она была прекрасной женщиной — прекраснейшей, которую он когда-либо видел, подумал Малх, с ее светло-каштановыми волосами с отливом золота, глубокими серыми глазами и нежным, чувственным ртом.

“А твоя мать? - спросил он.

- Она была с моим отцом в битве и была оставлена умирать на поле боя; но я слышал от пленницы, взятой через месяц после меня, что она выжила и находится с остатками племени в почти недоступных твердынях во главе Орков.

“Нам лучше встретиться как незнакомцам”, - сказал Малх. “Хорошо, что никто не подозревает, что мы встречались раньше. Я не останусь здесь надолго — если меня не обменяют. Я постараюсь избежать любого риска, и если ты будешь сопровождать меня, я пойду не один.

“Ты знаешь, что я сделаю это, Малх”, - откровенно ответила Клотильда. “Когда ты скажешь, я готова, каким бы ни был риск. Мое сердце разбилось бы, если бы я снова осталась здесь одна”.

Послышались приближающиеся шаги, и Клотильда, выпустив руки Малха, убежала во внутренние покои, в то время как Малх тихо прошел в ту часть дома, которая была отведена рабам. На следующий день, облачившись в свою новую одежду и повесив на шею светло-золотое кольцо в знак служения, Малх сопровождал Флавию и ее дочь в ряде визитов к их друзьям.

Встреча с Клотильдой обрадовала Малха настолько же, насколько и удивила. Фигура галльской девушки часто стояла перед его глазами во время долгих ночных дежурств. Когда он был с ней в последний раз, он решил, что, когда в следующий раз отправится на север, попросит ее руки у вождя, и после путешествия в Карфаген его мысли все чаще возвращались к ней. Отвращение, которое он теперь испытывал к Карфагену, превратило то, что было, когда он жил у Аллобриджия, не более чем идеей, в твердую решимость полностью порвать с коррумпированным и вырождающимся Карфагеном и поселиться среди галлов. То, что он найдет Клотильду пленницей в Риме, никогда не приходило ему в голову, и теперь он благословлял, как величайшую удачу, случай, который забросил его в руки римлян и привел в тот самый дом, где Клотильда была рабыней. Если бы не это, он бы никогда больше о ней не

услышал. Когда он вернулся в ее разрушенный дом, то обнаружил бы, что она была увезена римскими завоевателями, но о ее дальнейшей судьбе до него никогда не дошло бы ни слова.

Прошло несколько недель, но ему в голову не приходило никакого способа сбежать. Иногда на несколько мгновений он видел Клотильду одну, и часто они бывали вместе в апартаментах Флавии, поскольку римлянка гордилась тем, что демонстрировала своим друзьям двух своих рабынь, которые были образцами своих рас.

Юлия сначала была холодна и сурова с Малхусом, но постепенно ее манеры изменились, и теперь она говорила с ним доброжелательно и снисходительно, а иногда сидела, глядя на него из-под темных бровей с выражением, которое Малх совершенно не мог истолковать. Клотильда была более проницательна. Однажды, встретившись с Малхом наедине в атриуме, она сказала ему: “Малх, ты знаешь, что я боюсь, что Джулия учится любить тебя. Я вижу это по ее лицу, по взгляду ее глаз, по тому, как смягчаются ее полные губы”.

“Ты спишь, маленькая Клотильда”, - смеясь, сказал Малх.

- Это не так, - твердо ответила она. - Я говорю тебе, что она любит тебя.

“Невозможно!” недоверчиво произнес Малх. “Надменная Юлия, прекраснейшая из римских девушек, влюбилась в раба! Ты спишь, Клотильда.

“Но ты не простой раб, Малх, ты карфагенский дворянин и двоюродный брат Ганнибала. Ты ей ровня во всех отношениях.

“За исключением этого золотого ошейника”, - сказал Малх, легонько дотрагиваясь до знака рабства.

“Ты уверен, что не любишь ее в ответ, Малх? Она очень красива.

“Неужели? - Небрежно спросил Малх. - Будь она в пятьдесят раз красивее, для меня это не имело бы значения, потому что, как ты знаешь не хуже меня, я люблю другую.

Клотильда покраснела до корней волос. - Ты никогда этого не говорил, - тихо произнесла она.

“Какой повод говорить об этом, когда ты это знаешь? Ты всегда это знал, с того самого дня, когда мы вместе перешли мост.

“Но я не подхожу тебе в качестве пары, - сказала она. “Даже когда мой отец был жив и племя не было разбито, кем мы были, чтобы я вышла замуж за знатного карфагенского вельможу? Теперь племя разбито, я всего лишь римский раб”.

“У тебя есть еще что-нибудь для наблюдения? Тихо спросил Малх.

“Да, гораздо больше, ” настойчиво продолжала она. “Как ты мог представить свою жену, невежественную галльскую девушку, своим родственницам, надменным карфагенским дамам? Они бы смотрели на меня свысока и презирали”.

“Клотильда, ты выдаешь себя, ” сказал Малх, улыбаясь, - потому что ты, очевидно, обдумала этот вопрос со всех сторон. Нет, ” сказал он, удерживая ее, когда она с возгласом стыда хотела убежать, “ты не должна уходить. Ты знал, что я люблю тебя, и за каждый раз, когда ты думал обо мне, будь это даже очень часто, я думал о тебе десятки раз. Ты знал, что я любил тебя и

намеревался просить твоей руки у твоего отца. Что же касается карфагенских дам, то я не думаю везти тебя туда; но если ты выйдешь за меня замуж, я поселюсь на всю жизнь среди твоего народа”.

Послышались приближающиеся шаги. Малх на мгновение прижал Клотильду к груди, а затем остался один. Вновь прибывшим был Семпроний. Он по-прежнему был частым гостем, но сознавал, что в последнее время скорее утратил, чем приобрел расположение Джулии. Несмотря на то, что он с самого начала испытывал отвращение к появлению Малха в доме, он вскоре обнаружил причину перемены в Юлии, и неприязнь, которую он с самого начала испытывал к Малху, переросла в чувство горькой ненависти.

- Рабыня, - надменно сказал он, - скажи своей госпоже, что я здесь.

- Я не твой раб, - спокойно сказал Малх, - и не стану подчиняться твоим приказам, когда ко мне обращаются таким тоном.

“Наглый пес!” воскликнул молодой римлянин. “Я накажу тебя!” - и он ударил Малха своей палкой. В одно мгновение последний прыгнул на него, повалил на землю и, вырвав посох у него из рук, тяжело опустил его на него. В этот момент на шум борьбы вбежала Флавия, сопровождаемая дочерью. - Малх, - воскликнула она, - что это значит?

“Это значит,” сказал Семпроний, багровея от гнева, “что твой раб ударил меня — меня, римского патриция. Я подам на него жалобу, и наказание, как вы знаете, - смерть.

- Сначала он ударил меня, леди Флавия, - тихо сказал Малх, - потому что я не захотел выполнять его приказы, когда он разговаривал со мной как с собакой.

“Если ты ударил моего раба, Семпроний,” холодно сказала Флавия, - я не виню его за то, что он нанес ответный удар. Хотя он и военнопленный, он, как вам хорошо известно, занимает в Карфагене более высокое положение, чем ваше собственное, и я не удивляюсь, что, если вы ударили его, он ударил вас в ответ. Ты знаешь, что не имел права прикасаться к моему рабу, и если ты сейчас предпримешь какие-либо шаги против него, я предупреждаю тебя, что ты никогда больше не войдешь в этот дом”.

- И я никогда не скажу тебе ни слова, - добавила Джулия.

- Но он ударил меня, - яростно сказал Семпроний. - Он сбил меня с ног и избил.

“Очевидно, ты сам навлек это на себя”, - сказала Флавия. “Никто, кроме нас самих, не знает, что произошло; следовательно, ни стыд, ни позор не могут возникнуть из-за этого. Мой вам совет: сейчас же отправляйтесь домой и оставайтесь там до тех пор, пока эти следы от палки не исчезнут; вам будет легко придумать предлог. Если вы продолжите расследование, я расскажу своим друзьям, как я нашел вас здесь, пресмыкающимся на земле, в то время как вас избивали. Что тогда скажут о вашей мужественности? Неоднократные оправдания, которые служили вам поводом для воздержания от вступления в действующую армию, уже стали предметом многочисленных комментариев. Тебе лучше знать, улучшило бы твое положение, если бы стало известно, что тебя избил раб. Да ведь ты был бы посмешищем среди молодых римлян”.

Семпроний стоял в нерешительности. То, что произошло, разрушило его последние надежды завоевать Юлию. Презрительный тон, которым говорили мать и дочь, в достаточной степени

свидетельствовал об их чувствах, и на мгновение он заколебался, не отомстить ли ему всем, чем только можно, осудив Малха. Но эта мысль была быстро отброшена в сторону. Он был неправ, ударив домашнего раба другого человека; но того факта, что Малх подвергся нападению первым, и всего влияния дома Гракхов, его родственников, друзей и клиентов, оказанного в его пользу, вряд ли было достаточно, чтобы спасти его. И все же месть дорого обойдется в будущей враждебности Флавии и ее друзей, а также в разоблачении его собственного унижительного отношения. Поэтому он с большим усилием подавил все признаки гнева и сказал:

“Леди Флавия, ваше желание всегда было для меня законом, и я предпочел бы, чтобы что-нибудь случилось, чем потерять вашу благосклонность и покровительство, поэтому я готов забыть о случившемся, тем более что признаю, что поступил неправильно, ударив вашего раба. Я надеюсь, что после этих извинений вы останетесь тем добрым другом, которым я всегда вас считал”.

- Конечно, Семпроний, - любезно ответила Флавия, - и я не забуду твоего полного согласия с моими пожеланиями.

Семпронию было легче уступить, поскольку Малх, заявив, что его ударили первым, тихо покинул помещение. Некоторое время все шло по-прежнему. Малх был теперь дома, в Риме. Будучи рабом одной из самых могущественных семей, о чем свидетельствовал значок, который он носил на своей одежде, он мог, когда его услуги не требовались, свободно бродить по городу. Он обошел стены, отметил места, которые были наименее посещаемыми и где легче всего было бы совершить побег; и, выбрав место, наиболее удаленное от оживленного квартала города, он купил длинную веревку и, перенеся ее туда, спрятал под камнями рядом с одним из лестничных пролетов, по которым можно было подняться на вершину стены.

Трудность заключалась не в том, как бежать из Рима, ибо теперь, когда у него была такая большая свобода передвижения, это было легко, а в том, как действовать дальше, когда он однажды окажется на открытой местности. Что касается его самого, то он почти не сомневался, что сможет пробраться через территории союзников Рима, но путешествовать с Клотильдой было бы гораздо труднее.

“Клотильда, ” сказал он однажды, “ напряги мозги и постарайся придумать какую-нибудь маскировку, в которой ты могла бы появиться рядом со мной. Я уже приготовился к выходу за стены, но погоня за нами будет жаркой, и пока мы не доберемся до карфагенян, все будут против нас.

- Я думал об этом, Малх; единственное, что я вижу, - это испачкать кожу, перекрасить волосы и стать крестьянским мальчиком.

“ Именно об этом я тоже думал, Клотильда. Маскировка была бы плохой, потому что округлость ваших рук и цвет ваших глаз сразу выдали бы вас любому, кто присмотрелся бы к вам поближе. Однако, поскольку я не вижу лучшего способа, я куплю одежду и кое-что для себя в тон, а также кое-что для окрашивания кожи и волос ”.

На следующий день Малх купил одежду и краску и сумел незаметно пронести их в дом и передать Клотильде то, что предназначалось ей.

Лев, под влиянием твердости и доброты Малха, теперь восстановил свою покорность и ходил за ним по дому, как большая собака, и спал, растянувшись на циновке рядом с его ложем.

Семпроний продолжал свои визиты. Малх редко присутствовал, когда был с Флавией, но Клотильда обычно бывала в комнате. Сейчас был разгар лета, и в ее обязанности входило стоять позади своей хозяйки с большим веером, которым она поддерживала легкую струю воздуха над головой Флавии и отгоняла назойливых мух. Иногда ей приходилось заниматься этим часами, пока Флавия болтала со своими друзьями.

Семпроний выжидал подходящего момента. Два раба по-прежнему пользовались большим расположением Флавии, но он надеялся, что может произойти что-то такое, что заставит ее расстаться с ними. Он пристально наблюдал за Юлией всякий раз, когда Малх входил в комнату, и все больше и больше убеждался, что карфагенский раб ей сильно приглянулся, и ему пришла в голову мысль, что, возбудив ее ревность, он мог бы добиться своего. Малх и Клотильда были настолько осторожны, что он даже не подозревал о существовании между ними какого-либо взаимопонимания. Это, однако, не имело большого значения; ничто не было более вероятным, чем то, что эти два красивых раба влюбятся друг в друга, и он решил предложить эту идею Джулии.

Поэтому однажды, когда он сидел рядом с ней, пока Флавия разговаривала с другими посетителями, он небрежно заметил: “Два раба твоей матери, карфагенянин и галл, составили бы красивую пару”.

Он увидел, как лицо Джулии вспыхнуло от гнева. Мгновение она ничего не отвечала, а затем сказала безразличным тоном:

- Да, каждый из них по-своему хорош.

“Мне кажется, эта идея пришла им в голову”, - сказал Семпроний. - Я видел, как они переглядывались, и не сомневаюсь, что вне вашего присутствия они не ограничиваются взглядами.

Юлия промолчала, но по плотно сжатым губам и нахмуренным бровям, которыми она переводила взгляд с одного на другого, Семпроний понял, что стрела сказала правду.

“Иногда я задумывался, - сказал он, - в минуту праздности, встречались ли они когда-нибудь раньше. Карфагеняне какое-то время жили среди цизальпийских галлов, и девушка, как вы мне сказали, была дочерью тамошнего вождя; они вполне могли встречаться.

Юлия ничего не ответила, и Семпроний, почувствовав, что сказал достаточно, заговорил на другие темы. Джулия почти ничего ему не ответила и наконец нетерпеливо отмахнулась от него. Она сидела молча и рассеянно, пока не ушел последний посетитель, затем поднялась со своего места, тихо подошла к матери и резко спросила Клотильду, стоявшую позади своей госпожи: “Ты знала раба Малха до того, как встретила здесь?”

От неожиданности вопроса кровь прилила к щекам галльской девушки, и Юлия сразу почувствовала, что намеки Семпрония были вполне обоснованны.

- Да, - тихо ответила Клотильда, - я встретила его, когда он вместе с Ганнибалом спустился с Альп в нашу страну.

“ Почему ты не сказала об этом раньше? - Мама, рабы обманывали нас. - страстно спросила Джулия. - Мама, рабы обманывали нас.

“ Джулия, ” удивленно сказала Флавия, “ откуда такая жара? Какое нам дело до того, встречались ли они раньше?

Джулия не обратила на это никакого внимания, но стояла с сердитым взглядом, ожидая ответа Клотильды.

“ Я не знала, леди Джулия, ” тихо сказала девушка, “ что дела ваших рабынь представляют для вас какой-либо интерес. Мы узнали друг друга при первой встрече. Давным—давно, когда мы оба были в другом положении...

“ А когда вы любили друг друга? - А когда вы любили друг друга? - спросила Джулия тоном сосредоточенной страсти.

- И когда мы любили друг друга, - повторила Клотильда, запрокинув голову и держась так же гордо и надменно, как Джулия.

“ Ты слышишь это, мама? ты слышала комедию, которую эти рабы разыгрывали у тебя под носом? Отправь их обоих на столб для порки.

“ Моя дорогая Джулия, ” воскликнула Флавия, все больше и больше удивляясь своему гневу, “ какой вред был причинен? Ты меня удивляешь. Клотильда, ты можешь удалиться. Что все это значит, Юлия? - продолжала она более сурово, когда они остались одни. “ Откуда вся эта странная страсть из-за того, что два раба, которые по какой-то случайности встречались друг с другом раньше, являются любовниками? Кто для тебя эта галльская девушка, кто этот карфагенский раб?

“ Я люблю его, мама! - Страстно сказала Джулия.

“ Ты! - Воскликнула Флавия в гневном удивлении. - Ты, Юлия, из дома Гракхов, любишь рабыню! Ты безумна, девочка, и бесстыдна.

“Я говорю это без стыда, ” ответила Юлия, “ а почему бы и нет? Он дворянин из Карфагена, хотя сейчас находится в плену. Что, если мой отец консул? Малх - двоюродный брат Ганнибала, человека более великого, чем когда-либо видел Рим. Почему бы мне не выйти за него замуж?”

“ Похоже, во-первых, Джулия, ” серьезно сказала Флавия, “ потому что он любит кого-то другого. Во-вторых, потому, что, как я слышал, его, вероятно, очень скоро обменяют на претора, взятого в плен при Каннах, и вскоре он будет сражаться против нас. В-третьих, потому что весь Рим был бы шокирован, если бы римская девушка из рода патрициев и из дома Гракхов вышла замуж за одного из захватчиков ее страны. Иди, Юлия, я краснею за тебя! Так вот почему в последнее время ты так холодно обращалась с Семпронием. Как тебе не стыдно, дочь! Что бы сказал твой отец, если бы он, вернувшись с поля боя, услышал о твоих деяниях? Иди в свою комнату и не показывайся мне больше, пока не скажешь, что ты очистил свои вены от этого безумия.

Не сказав ни слова, Джулия повернулась и вышла из комнаты. Родительская дисциплина в Риме была сильна, и никто не осмеливался ослушаться родительского приказа, и хотя Юлия обладала

гораздо большей свободой и вседозволенностью, чем большинство незамужних римских девушек, она не осмеливалась отвечать матери, когда та говорила таким тоном.

Некоторое время Флавия сидела в раздумье, затем послала за Малхом. Он уже перекинулся несколькими словами с Клотильдой и поэтому был готов к ее вопросам.

- Малх, это правда, что ты любишь мою галльскую рабыню?

“Это правда”, - тихо ответил Малх. “Когда мы встретились в Галлии, два года назад, она была дочерью вождя, а я - дворянином из Карфагена. Я любил ее, но мы оба были молоды, а в разгар войны было не время говорить о браке”.

- Ты бы женился на ней сейчас?

“Не как рабыня, — ответил Малх. - Когда я женюсь на ней, это будет перед лицом всех мужчин - я как дворянин из Карфагена, она как благородная галльская девушка”.

“Ганнибал сейчас готовит тебя к обмену”, - сказала Флавия. “На этом пути есть трудности, поскольку, как ты знаешь, сенат отказался позволить выкупить или обменять своих граждан, сдавшихся в плен; но друзья претора Публия могущественны и пускают в ход все свое влияние, чтобы добиться обмена своего родственника, которого Ганнибал предложил тебе. Я с радостью использую все влияние, которым обладаю я и моя семья, чтобы помочь им. Когда вы пришли ко мне, я знал, что вас, как военнопленного, вполне вероятно, обменяют.

“Вы были очень добры, миледи Флавия, ” сказал Малх, - и я считаю, что мне очень повезло, что я попал в такие руки. Поскольку теперь вы знаете, как обстоят дела у меня с Клотильдой, я могу сразу попросить вас позволить мне выкупить ее у вас. Любую сумму, которую вы пожелаете назвать, я обязуюсь по возвращении в карфагенский лагерь заплатить за нее.

“Я подумаю над этим, ” любезно сказала Флавия. “Клотильда мне полезна, но я могу обойтись без ее услуг и не запрошу с вас за нее непомерной суммы. Если переговоры о вашем обмене увенчаются успехом, вы можете быть уверены, что она уедет отсюда вместе с вами.

С выражением глубокой благодарности Малх удалился. Флавия, таким образом, подчинившись желанию Малха, руководствовалась несколькими мотивами. Она была искренне шокирована поведением Юлии и больше всего на свете желала увести и Малха, и Клотильду, поскольку знала, что ее дочь столь же упряма, сколь и страстна, и присутствие Клотильды в доме, даже в отсутствие Малха, стало бы источником раздора и горечи между ней и ее дочерью.

Во-вторых, это была бы прекрасная история, которую можно было бы рассказать ее друзьям, и она могла бы поставить себе в заслугу свое великодушие при расставании со своей любимой служанкой. Наконец, при нынешнем положении дел могло случиться так, что иметь друга, обладающего большой властью и влиянием в карфагенском лагере, было бы немалым преимуществом. Ее муж мог быть захвачен в плен в бою — не исключалось, что сам Рим может попасть в руки карфагенян. Поэтому стоило подружиться с человеком, который был близким родственником Ганнибала.

Несколько дней Джулия жила в своей квартире. Все домочадцы знали, что что-то пошло не так, хотя никто не знал причины. Существовало общее чувство неловкости, поскольку Юлия с детства в припадках гнева была резка со своими рабынями, выплескивая свой гнев, жестоко

избивая и щипая их. Многие рабыни были выпороты по ее приказу в такое время, потому что ее мать, хотя и была покладистой хозяйкой, редко вмешивалась в ее капризы, и все, что она делала, было хорошо в глазах ее отца.

В конце недели Флавия сообщила Малху, что переговоры о его освобождении были прерваны, поскольку римский сенат по-прежнему непреклонен в своем решении не обменивать римлян, сдавшихся врагу. Малх был сильно разочарован, так как казалось, что время его освобождения близко; однако у него все еще был свой прежний план побега, к которому он мог вернуться.

Через день или два Юлия послала рабыню с сообщением к Семпронию, а во второй половине дня отправилась на прогулку с доверенным слугой, который всегда сопровождал ее, когда она выезжала за границу. На Форуме она встретила Семпрония, который приветствовал ее.

- Семпроний, - сказала она, сразу перейдя к делу, - ты не окажешь мне услугу?

- Я сделаю все, чтобы угодить вам, леди Джулия, как вы знаете.

- Это язык вежливости, - коротко ответила Джулия. - Я имею в виду, готовы ли вы пойти на некоторый риск?

“Конечно”, - с готовностью ответил Семпроний.

“ Возможно, ты сделаешь это с большей готовностью, - сказала Джулия, - поскольку это удовлетворит твою месть. У тебя есть причина ненавидеть Малха, карфагенского раба.

Семпроний кивнул.

“ Твои подозрения оправдались, он любит галльскую рабыню; их допросили, и они признались в этом. Я хочу, чтобы их разлучили.

“ Но как? - Спросил Семпроний, внутренне радуясь тому, что желания Юлии так близко совпадают с его собственными.

“ Я хочу, чтобы ее унесли, ” коротко ответила Джулия. “ Когда она будет у тебя в руках, ты сможешь делать с ней все, что захочешь; сделай ее своей рабыней, убей ее, делай с ней все, что тебе заблагорассудится, мне это безразлично — все, чего я хочу, это чтобы она ушла. Полагаю, у вас есть какое-нибудь место, куда вы могли бы ее отвезти?

“Да, ” сказал Семпроний, - у меня есть небольшое поместье среди Альбанских холмов, где она была бы в достаточной безопасности от ищеек; но как доставить ее туда?” Она никуда не выходит, кроме как с леди Флавией.

“ Ее нужно забрать из дома, ” коротко сказала Джулия. “ хорошеньких рабынь уже увозили, и на вас не должно пасть ни малейшего подозрения. Ты мог бы найти какое-нибудь место в городе, чтобы спрятать ее на несколько дней, а затем смело вынести через ворота на носилках. Никому и в голову не придет расспрашивать тебя.

- Гнев леди Флавии был бы ужасен, - с сомнением произнес Семпроний.

- Моя мать сначала пришла бы в ярость, - холодно сказала Юлия, - но купите ей новую игрушку, обезьянку или нумидийского мальчика-раба, и она скоро забудет обо всем.

“Но как ты предлагаешь это сделать?” Спросил Семпроний.

“Мой раб отодвинет все засовы заднего входа в дом, - сказала Юлия. - Будь там в два часа ночи, когда все будут крепко спать; приведи с собой пару босоногих рабынь. Моя женщина будет у двери и проводит вас в комнату, где спит девушка; вам нужно только заткнуть ей рот кляпом и тихо унести.

Семпроний на мгновение замер в сомнении. Предприятие, безусловно, было осуществимым. Дикие приключения такого рода не были редкостью среди распутной римской молодежи, и Семпроний сразу понял, что, если бы он узнал об этом, влияние Юлии помешало бы ее матери горячо взяться за это дело. Джулия угадала его мысли.

“Если вас раскроют, - сказала она, - я возьму вину на себя и скажу моей матери, что вы действовали исключительно по моей просьбе”.

“Я сделаю это, Джулия, - согласился он. - сегодня вечером в два часа я буду у задней двери с двумя рабынями, которым я могу доверять. Я подготовлю место, куда смогу отвезти девушку, пока не будет безопасно вывезти ее из города.

ГЛАВА XXII: ЛЕВ

Малх крепко спал той ночью, когда его разбудил низкий сердитый звук льва.

Он поднял глаза и увидел при слабом свете лампы, горевшей в холле, из которого открывалась ниша, похожая на спальни главных рабов, что животное поднялось на ноги. Зная, что лев, каким бы послушным он ни был со своими знакомыми, терпеть не может незнакомцев, ему пришла в голову мысль, что какой-нибудь полуночный вор проник в дом с целью ограбления. Малх взял свой посох и вышел, лев шел рядом с ним.

Он пересек холл и переходил из комнаты в комнату, пока не вошел в ту часть дома, где жили Флавия и рабыни. Здесь он бы заколебался, но лев продолжил свой путь, пригибаясь на ходу и короткими быстрыми взмахами хвоста себя хвостом по бокам.

В главном помещении никого не было. Он вошел в коридор, из которого, как он знал, выходили спальни рабов. Здесь он остановился, внезапно удивленный, увидев женщину со светильником в руках, в то время как двое мужчин выходили из одной из комнат, неся тело, завернутое в плащ. Семпроний стоял рядом с мужчинами, руководя их действиями. Лица человека, которого несли, было не видно, но свет лампы упал на копну золотисто-каштановых волос, и Малх сразу понял, что это уносили Клотильду.

Малх прыгнул вперед и ударом своего посоха поверг одного из рабов на землю; Семпроний с яростным восклицанием выхватил меч и бросился на него, в то время как другой раб, уронив

свою ношу, приблизился к Малху и обхватил его руками. На мгновение Малх почувствовал себя беспомощным, но прежде чем Семпроний успел нанести удар, раздался низкий рев, темное тело прыгнуло вперед и бросилось на него, повалив на землю сокрушительным ударом лапы, а затем схватило его за плечо и яростно встряхнуло. Раб, державший Малха, ослабил хватку и убежал с криком ужаса, рабыня выронила фонарь и тоже убежала. Клотильда к этому времени уже поднялась на ноги.

“ Быстрее, любовь моя! - Хватай свою маскировку и присоединяйся ко мне у задних ворот. - сказал Малх. Семпроний убит; я присоединюсь к вам так быстро, как только смогу.

К этому времени домочадцы были встревожены, крик Малха и рев льва разбудили всех, и вскоре рабы поспешили на место с фонарями. Малх проверил их, когда они выбежали наружу.

“ Принеси сеть, ” сказал он. Сеть, о которой идет речь, была приобретена после того, как лев ранее напал на рабыню, но с тех пор она не понадобилась.

Сейчас Малх не осмеливался приблизиться к этому существу, потому что, хотя он и не боялся за себя, оно было в ярости и могло, если его потревожить, броситься к остальным и учинить ужасные разрушения, прежде чем его успеют обезвредить. Сеть быстро принесли, и Малх с тремя самыми решительными рабами подошел и набросил ее на льва, который лежал на расprostертом теле Семпрония. Он вскочил на ноги, но сеть была обвита вокруг него, и, пытаясь вырваться, он упал на бок. Еще один поворот сети, и она оказалась беспомощно закрытой; четверо мужчин подняли концы и унесли ее прочь. Отрезав часть сети, Малх надел ей на шею массивный железный ошейник, прикрепленный к цепи, а затем оставил его, сказав остальным:

- Остальную сеть мы сможем срезать с него позже.

Затем он поспешил обратно к месту схватки. Флавия была уже там.

“ Что все это значит, Малх, ” спросила она. “Здесь я нахожу Семпрония мертвым, а одного из его рабов без чувств рядом с ним; мне сказали, что когда он впервые прибыл, ты был здесь”.

“Я ничего не знаю об этом, госпожа, - ответил Малх, “ кроме того, что лев разбудил меня рычанием, и, подумав, что в дом могли проникнуть грабители, я встал, обыскал его и наткнулся на троих мужчин. Одного я поверг на землю своим посохом; несомненно, он всего лишь оглушен и сможет рассказать вам больше, когда придет в себя. Я схватился с другим, и пока я боролся с ним, третий напал на меня с мечом и убил бы меня, если бы лев не прыгнул на него и не повалил его. Затем другой мужчина сбежал - это все, что я знаю об этом”.

“ Что все это может значить? - Спросила Флавия. “ Что Семпроний с двумя рабынями мог делать в моем доме после полуночи? Это серьезное оскорбление, и завтра в Риме разразится ужасный скандал — сын претора и друг дома!”

Затем она приказала рабам поднять тело Семпрония и отнести его на ложе, а также немедленно послать за пивкой. Она также приказала им облить раба водой и привести его в сознание, а затем привести к ней для допроса.

“ Где моя дочь? - спросила она вдруг. “ неужели ее не разбудил весь этот переполох? Одна из рабынь прокралась в квартиру Джулии и вернулась, сказав, что ее госпожа крепко спит на своем ложе.

На лице Флавии отразилось сомнение, но она только сказала: “Не тревожьте ее”, - а затем задумчиво вернулась в свою комнату. Только час спустя пленник достаточно пришел в себя, чтобы предстать перед Флавией. Он уже слышал, что его хозяин убит, и, зная, что скрывать бесполезно, бросился на землю перед Флавией и признался, что Семпроний привел его и еще одного раба, чтобы похитить рабыню.

Действуя по его указанию, они заткнули ей рот платком, завернули в плащ и уже уносили ее, когда на него бросился мужчина и, как он предположил, ударил его, потому что больше ничего не помнил. Затем он со многими слезами взмолился о пощаде на том основании, что действовал всего лишь по приказу своего господина. В этот момент прибыл сам претор, и Флавия послала за ним сразу же, как только убедилась, что Семпроний мертв. Он был смущен внезапностью своей потери.

“Сначала я подумала, ” сказала Флавия, - что он, должно быть, затеял какой-то дикий план по похищению Джулии, хотя я не могла себе представить, зачем ему это понадобилось, учитывая, что я одобряла его ухаживания; но Джулия спит, ее не разбудил шум потасовки. Должно быть, это была одна из рабынь.

“ Ах! ” вдруг воскликнула она. “ Я не видела Клотильду. Она позвонила в колокольчик, и вошла ее служанка.

- Ступай, - сказала она, - и позови сюда Клотильду.

Через несколько минут рабыня вернулась и сказала, что Клотильды нигде нет.

“ Возможно, ее унес другой раб, ” сказала Флавия, “ но Малх был там и стал бы преследовать. Приведи его сюда.

Но оказалось, что Малх тоже пропал.

“ Должно быть, они сбежали вместе, ” предположила Флавия. “ Между ними было взаимопонимание. Несомненно, Малх опасался, что из-за этой истории с вашим сыном его могут увезти отсюда. Возможно, так будет лучше, и я верю, что они смогут уйти, хотя, боюсь, шансов у них мало, поскольку рабам не разрешается покидать город без пропуска, и даже если бы им удалось выбраться на открытую местность, они были бы арестованы и возвращены обратно первым встречным человеком. Но в настоящее время речь идет не об этом”.

- Как ты думаешь, друг мой, что нам делать в этом ужасном деле?

“Я не знаю”, - сказал претор со стоном.

“ Речь идет о чести обеих наших семей, ” спокойно сказала Флавия. “ Ваш сын был найден ночью в моем доме и убит моим львом. Весь мир знает, что он был претендентом на руку Джулии. Остается сделать только одно: это дело должно храниться в секрете. Не стоило пытаться увести Семпрония сегодня ночью, потому что носилки могли быть остановлены часовыми; их нужно было смело уносить при свете дня. Пришлите четырех рабов, которым вы

можете доверять, и прикажите им молчать под страхом смерти. Я скажу своим домочадцам, что если хоть слово просочится о том, что произошло сегодня вечером, я передам любого, кто ослушается меня, в руки палачей. Когда вы доставите тело вашего сына домой, вы можете пустить слух, что он болен лихорадкой. Подкупить пиявку не составит труда. Тогда через несколько дней ты объявишь, что он мертв, и никто ничего не узнает”.

Претор согласился, что это лучший план, который можно было принять, и он был приведен в исполнение в надлежащее время, и секрет хранился так хорошо, что никто в Риме никогда не сомневался, что Семпроний стал жертвой лихорадки.

Гнев Юлии утром, когда она услышала, что галльская рабыня и карфагенянин пропали, был велик, и она поспешила в комнату своей матери, чтобы потребовать, чтобы о них немедленно подняли шум и назначили награду за их поимку. Когда ей сообщили о сценах, разыгравшихся ночью, и о смерти Семпрония, она выразила большое удивление и ужас, и действительно, известие о том, что ее сообщник был убит, действительно потрясло ее. Это чувство, однако, уступило место гневу, который она почувствовала, когда, по мере продолжения повествования, услышала о побеге двух рабов.

Между ней и ее матерью произошла бурная сцена, Джулия смело призналась, что она была автором плана, который привел к столь фатальному завершению. Флавия, возмущенная поведением дочери, немедленно отослала ее в принадлежавшую ей небольшую летнюю резиденцию в горах, и там ее несколько месяцев держали в строгом уединении под бдительной опекой нескольких старых и доверенных рабынь.

Малх, увидев привязанного льва, схватил сверток со своим маскировочным костюмом и поспешил к воротам, где его ждала Клотильда.

-Как долго тебя не было! - сказала она со вздохом облегчения.

“Я не мог уйти, пока лев не был пойман, - сказал он, - потому что меня бы сразу хватились. Теперь мы немедленно отправляемся”. Оба набросили поверх одежды широкие темные плащи и теперь спешили по пустынным улицам, время от времени сворачивая в переулки, когда слышали топот городской стражи.

Наконец, после получаса ходьбы, они достигли стены. Малх знал точное место, где он спрятал веревку, и без труда нашел ее. Они поднялись по ступеням и встали на зубчатых стенах. Часовые стояли далеко друг от друга, поскольку в окрестностях Рима не было врага. Малх обвязал Клотильду веревкой и спустил ее с зубчатой стены. Когда он обнаружил, что она достигла земли, он закрепил конец веревки и соскользнул вниз, пока не встал рядом с ней. Они продвигались с величайшей осторожностью, пока не оказались на некотором расстоянии от стен, а затем изменили курс, пока после долгой прогулки не спустились к Тибру под городом.

К этому времени уже рассвело, и Малх велел Клотильде зайти в небольшую рощицу, чтобы сменить одежду и подкрасить кожу. Затем он проделал то же самое и, свернув снятую одежду, спрятал ее под кустом. Вскоре к нему снова присоединилась Клотильда. На ней было платье крестьянского мальчика, состоявшее из туники из грубой ткани, доходившей ей до колен. Ее конечности, лицо и шея были выкрашены в солнечно-коричневый цвет, а волосы, которые были довольно коротко подстрижены, почернели. Красители в основном использовались римскими дамами, и Малх без труда добыл то, что было необходимо для их переодевания.

“ Я не думаю, что кто-нибудь заподозрит тебя, Клотильда, - сказал он. - даже я прошел бы мимо тебя, не заметив. Как жаль, что тебе пришлось расстаться со всеми твоими солнечными волосами!”

“ Скоро он снова вырастет, - сказала она. - А теперь, Малх, не будем терять ни минуты. Я в ужасе, когда вижу эти темные стены”.

“ Скоро мы оставим их позади, ” ободряюще сказал Малх. “ Здесь на берегу пришвартовано множество рыбацких лодок. Скоро мы оставим Рим позади”.

Они сели в лодку, отвязали швартовы и оттолкнулись, а Малх, взяв весла, упорно греб вниз по реке, пока они не приблизились к ее устью. Затем они высадились на берег, снова столкнули лодку в ручей, чтобы, если ее найдут запертой, она не могла дать ключ к разгадке тем, кто их преследовал, а затем отправились за город. Проехав несколько миль, они свернули в лес, где пролежали несколько часов и не возобновляли свой путь до наступления темноты.

Малх, прежде чем отправиться в путь, зашел на кухню и наполнил мешок холодным мясом, овсяными лепешками и другой едой, и этого, при осмотре, оказалось достаточно для четырехдневного запаса, и поэтому у него не было необходимости заходить в деревни за провизией. Они держались берега моря, пока не приблизились к Террачине, а затем поднялись на холмы и огибали их, пока не покинули штат Лациум. Они держались у подножия большого хребта, образующего хребет Италии, и, пройдя таким образом вдоль Самния, вышли к Вольтурну, избежав таким образом встречи с римской армией, которая находилась между Капуей и Римом.

Их путешествие было трудным, потому что по извилистой дороге, по которой они шли вдоль гор, расстояние, которое они преодолели, составляло более ста миль. Усталость была велика, и хорошо, что Клотильда прошла галльское воспитание. После того, как их припасы были исчерпаны, они питались кукурузой, которую собирали на возделанных участках земли возле горных деревень, и фруктами, которые собирали в лесах.

Дважды они также натыкались в горах на стада полудиких коз, и Малху удалось сбить с ног козленка камнем. Они совершали не очень дальние путешествия, всегда отдыхая несколько часов в разгар дневной жары, и только через десять дней после того, как покинули Рим, с возвышенности они увидели стены Капуи.

“Как я могу войти в таком виде?” Воскликнула Клотильда во внезапном приступе застенчивости.

“ Мы подождем, пока стемнеет, - сказал Малх. - краска быстро стирается, а твои руки странно белые для крестьянской девушки. Я отведу тебя прямо во дворец Ганнибала, и вскоре ты будешь великолепно экипирована. Здесь припасено столько трофеев, что хватило бы одеть всех женщин Рима.

Они сели в тени группы деревьев и подождали, пока спадет дневная жара; затем встали и пошли дальше, пока с наступлением темноты не вошли в город Капую. Им не составило труда обнаружить дворец, где поселили Ганнибала. У входа их остановили стражники, которые издали возглас удивления и радости, когда Малх показался. Сначала они с трудом могли поверить, что в темнокожем крестьянине перед ними стоит их собственный командир, и когда

новость быстро распространилась, офицеры корпуса сбежались вниз и радостно приветствовали его. Пока это происходило, Клотильда отпрянула от толпы.

Как только он смог освободиться от своих товарищей, Малх присоединился к ней и повел ее к Ганнибалу, который, услышав необычный переполох, вышел из своих покоев, чтобы посмотреть, что его вызвало. Крики “Да здравствует Малх!”, раздавшиеся среди солдат, известили его о случившемся, и он сразу узнал своего родственника в фигуре, идущей ему навстречу.

“Мой дорогой Малх, ” воскликнул он, “ это радостный сюрприз. Я тщетно пытался вырвать тебя из рук римлян, но они упрямо отказывались от обмена; но, зная твою ловкость, я никогда не терял надежды увидеть, как ты когда-нибудь появишься среди нас. Но кто у тебя здесь? - спросил он, возвращаясь в свою комнату в сопровождении Малха и его спутницы.

“ Это Клотильда, дочь Аллобриджиуса, вождя племени Орков, “ ответил Малх, - и моя нареченная жена. Ее отец был побежден и убит Постумием, а ее как рабыню привезли в Рим. Там удача и боги свели нас вместе, и мне удалось взять ее с собой”.

“ Конечно, я помню тебя, ” сказал Ганнибал девушке, - и то, что я подшутил над моим юным родственником по поводу тебя. Это действительно хорошо, но мы должны немедленно позаботиться о том, чтобы снабдить вас подходящей одеждой. В моем дворце нет женщин, но я немедленно пошлю за Халкусом, который сейчас является капитаном моей стражи и который женился здесь, в Капуе, и попрошу его привести сюда свою жену; я уверен, она позаботится о тебе и снабдит тебя одеждой.

Вскоре Клотильду передали на попечение итальянки, и Малх перешел к рассказу Ганнибалу о различных происшествиях, произошедших с тех пор, как он отплыл из Капуи на Сардинию. В ответ он узнал, что миссия Магона в Карфаген оказалась безуспешной. Он привел небольшое подкрепление из кавалерии и слонов, которое высадилось в Бруттии и благополучно присоединилось к армии; но это лишь заделало некоторые из многих пробелов, образовавшихся в ходе войны, и было бесполезно для того, чтобы позволить Ганнибалу осуществить свою великую цель.

“Влияние Ганнона было слишком сильно, ” сказал Ганнибал, “ и я предвижу, что рано или поздно ему придет конец. Я могу годами продержаться здесь, в Южной Италии, но если Карфаген не выйдет из своей летаргии, я, наконец, буду побежден”.

- Мне кажется, - сказал Малх, - что единственная надежда - побудить галлов вторгнуться в Италию с севера.

“Я ничего не знаю о том, что там происходит, - сказал Ганнибал, - но из катастрофы, постигшей наших друзей орков, ясно, что римляне более чем удерживают свои позиции к северу от Апеннин. И все же, если бы можно было устроить диверсию, это было бы полезно. Я полагаю, ты желаешь вернуть свою невесту в ее племя.

“Конечно, таково мое желание”, - сказал Малх. “Как я уже говорил тебе, Ганнибал, я принял решение никогда не возвращаться в Карфаген. Это отвратительно для меня. Ее покорность невыносимой тирании Ганнона и его фракции, ее терпимость к коррупции, царящей в каждом ведомстве, ее низкая неблагодарность к вам и армии, которая так много сделала и выстрадала,

апатия, которую она проявляет, когда опасность усиливается и ее падение и гибель становятся все более и более очевидными, вызвали у меня отвращение к ней. Я решил, как уже говорил тебе, бросить ее и жить и умереть среди галлов — жизнью грубой и простой, но, по крайней мере, свободной.

“Но, похоже, галлы снова подчинились Риму”, - сказал Ганнибал.

“По эту сторону Альп, ” ответил Малх, - но за ними живут великие племена, которые никогда еще не слышали о Риме. Именно им принадлежит мать Клотильды, и мы решили, что сначала попытаемся найти ее мать и убедить ее отправиться с нами, а если она умрет, мы будем путешествовать одни, пока не присоединимся к ее племени в Германии. Но прежде чем я уйду, я, если это будет возможно, попытаюсь побудить галлов предпринять еще одну попытку к свободе, действуя согласованно, изгнав римлян и вторгнувшись в Италию. Я надеюсь, Ганнибал, ты не станешь препятствовать моим планам.

“ Конечно, нет, Малх; я сочувствую тебе, и, будь я моложе и без связей и ответственности, с радостью поступил бы так же. Без сомнения, это жертва - отказаться от цивилизации и начать жизнь заново, но это то, что всегда делают наши колонисты. Во всяком случае, это свобода — свобода от коррупции, интриг, лени и ничтожества такой разлагающейся державы, как Карфаген. Ты будешь счастлив, по крайней мере, оттого, что твоя жена будет с тобой, в то время как одни боги знают, когда я увижу лицо моей любимой Имильс.

“ Да, Малх, действуй по своему усмотрению. Карфаген, когда она бросила тебя в тюрьму и хотела обречь на позорную смерть, утратил все дальнейшие права на тебя. Ты оказал ей великие услуги, ты снова и снова рисковал своей жизнью ради ее дела, ты в десять раз вернул долг, который понес, когда она родила тебя. Теперь ты свободен носить свой меч, где пожелаешь. Я буду глубоко сожалеть о твоей потере, но твой отец ушел и многие другие мои настоящие друзья, и это всего лишь еще один в списке тех, кого я потерял. Следуй своим собственным желаниям и живи в той свободе, которой ты никогда не достигнешь на службе Карфагену”.

На следующий день состоялась свадьба Малха и Клотильды. Сам Ганнибал соединил их руки и молил богов благословить их союз. Три недели спустя Ганнибал договорился, что сотня карфагенской конницы отправится с Малхом на север, где он попытается поднять галльские племена. Они должны были пересечь границу с Апулией, проехать вверх по восточному побережью, пока не перевалят хребты Апеннин, а затем пробраться через равнины к Альпам. Его сопровождала дюжина офицеров; они должны были помочь ему в переговорах с вождями и в организации новых сил, если его усилия увенчаются успехом.

К великой радости Малха, вечером накануне отъезда в лагерь прибыл Несс. Когда Малх был в Риме, он вместе с другими карфагенскими солдатами работал на укреплениях. Малх раз или два видел его, когда его вместе с остальными вели из тюрьмы к стенам, и обменялся с ним несколькими словами. Он сказал ему, что намеревался сбежать, но не мог сказать, когда у него появится возможность сделать это; но что если когда-нибудь пройдет месяц, а он его не увидит, Несс узнает, что он уехал.

Особая строгость, с которой охранялись пленники, навела Несса на подозрение, что заключенный сбежал, и, не видя Малха целый месяц, он решил предпринять попытку к бегству. Стража была настолько строгой, что не было никакой возможности сделать это тайно, и поэтому

однажды, когда они были заняты ремонтом фундамента стены за пределами города, Несс воспользовался возможностью, когда внимание стражи на мгновение было направлено в другой квартал, чтобы пуститься во весь опор. Для попытки он выбрал самое жаркое время дня, когда вокруг было мало людей, а крестьяне ушли с полей, чтобы часок поспать в тени деревьев.

Римская гвардия бросилась в погоню, но Несс не переоценил своих сил. Постепенно он оставил их позади и, направившись прямо к Тибру, нырнул в воду и поплыл по реке. Он поднялся по правому берегу до холмов и на второй вечер после отправления появился в Капуе. Когда он услышал о планах Малха, то объявил, как само собой разумеющееся, что должен сопровождать его. Малх отметил, что благодаря полученным наградам и трофеям у него теперь было достаточно денег, чтобы стать важным человеком среди своего собственного народа. Несс спокойно отмахнулся от этого замечания, как будто оно было совершенно недостойно рассмотрения.

Кавалерия, которая должна была сопровождать Малха, состояла из легковооруженных нумидийцев, чья скорость позволила бы им дистанцироваться от любых частей противника, которые они могли бы встретить на своем пути. С ними было тридцать ведущих лошадей, некоторые из них везли крупную сумму денег, которую Ганнибал распорядился выплатить Малху из казны в качестве его доли, как офицера высокого ранга, в захваченной добыче. Остальные лошади были нагружены дорогим оружием, почетными одеяниями и деньгами в качестве подарков галльским вождям. Они также были снабжены за счет обильной добычи, попавшей в руки карфагенян.

Ганнибал дал указание Малху, что в случае провала его миссии он не должен утруждать себя отправкой этих вещей обратно, а должен сохранить их, чтобы завоевать дружбу и благоволение вождей страны, в которую он намеревался отправиться. На следующее утро Малх сердечно попрощался с полководцем и его старыми товарищами, а затем, сопровождаемый Клотильдой, ехавшей рядом с ним, — ибо женщины галлов были так же искусны в обращении с лошадьми, как и мужчины, — он отправился в путь во главе своего отряда. Он следовал намеченным для него маршрутом без каких-либо серьезных приключений. У него были одна или две стычки с отрядами племен, союзных Риму, но его передвижения были слишком быстрыми, чтобы собрать какие-либо силы, достаточные для противодействия его переходу.

Поднявшись по морскому побережью, отряд обогнул северные склоны Апеннин, пройдя недалеко от поля битвы при Требии, и, перейдя вброд реку По, поднялся по берегу Оркуса и достиг родной деревни Клотильды. Только несколько руин отмечали место, где он когда-то стоял. Малх остановился там и отправил разведчиков далеко вверх по долине. Им удалось найти туземца, который сообщил им, что Брунильда с остатками племени живет в лесах далеко на склонах. Разведчики доставили им сообщение, с которым им было поручено: что Клотильда и Малх с карфагенским войском находятся в Орке. На следующий вечер Брунильда и ее спутники пришли в лагерь.

Глубока была радость матери и дочери. Первая уже давно потеряла всякую надежду когда-либо снова услышать о Клотильде и посвятила свою жизнь мести римлянам. Из своей горной крепости она время от времени уводила своих последователей вниз и проносила огонь и меч по полям и плантациям римских колонистов, быстро отступая, прежде чем гарнизоны могли совершить вылазку из городов и напасть на нее. Она была рада узнать, что ее ребенок нашел

мужа и защитника в юном карфагеняnine, и еще больше обрадовалась, когда узнала, что последний решил связать свою судьбу с галлами.

Всю ту ночь мать и дочь просидели, обсуждая события, произошедшие с тех пор, как они расстались. Брунильда мало что могла сказать Малху о миссии, с которой он прибыл. Легион Постумия действительно потерпел поражение и был почти уничтожен во время восстания, которое произошло ранней весной; но прибыли свежие войска, среди вождей, как обычно, вспыхнули разногласия, многие из них снова подчинились римлянам, а остальные были разбиты и разгромлены. Брунильда подумала, что в настоящее время мало надежды на то, что они снова возьмутся за оружие.

В течение нескольких недель Малх пытался выполнить инструкции Ганнибала; он и его помощники в сопровождении небольших конных отрядов объехали страну и посетили всех вождей Цизальпинской Галлии, но дух народа был сломлен. Успехи, которых они добивались, никогда не были более чем частичными, римские гарнизонные города всегда игнорировали все их усилия, и рано или поздно римские легионы прорвались через Апеннины и снесли все перед собой.

Напрасно Малх рассказывал им о победах, одержанных Ганнибалом, о том, что Южная Италия в его руках и римское владычество пошатнулось. В ответ они указали на гарнизоны и легион и сказали, что, если Рим окажется в тяжелом положении, он отзовет свой легион для собственной защиты, и никакие аргументы, которые Малх мог бы использовать, не смогли бы заставить их отложить в сторону свои разногласия и объединиться в новом стремлении к свободе. Приближалась зима. Малх оставался в горах с орканами до наступления весны, а затем возобновил свои усилия с тем же успехом, что и раньше. Затем он отпустил карфагенян с письмом, в котором давал Ганнибалу отчет обо всем, что он сделал, и велел им возвращаться в Капую той дорогой, по которой они пришли.

Брунильда с радостью согласилась на его предложение перейти Альпы и присоединиться к ее родственникам в Германии, а остальные члены племени охотно согласились сопровождать их. Соответственно, в мае месяце они отправились в путь и направились на север вдольберега озера, ныне называемого Лаго ди Гуарда, и, перейдя через перевал Трентино, спустились по северному склону Альп и, после нескольких недель странствия среди огромных лесов, покрывавших страну, достигли той части, где обитало племя черузи, к которому принадлежала Брунильда.

Здесь их приняли радушно. Семья Брунильды была одной из самых знатных в племени, и богатые подарки, которые Малхус благодаря своим обширным ресурсам смог раздать всем вождям, сразу же подняли его на высокое положение среди них. Несмотря на то, что Малх смирился с варварской жизнью, он не был готов отказаться от всех обычаев цивилизации. Он построил дом, который, хотя в Карфагене был бы всего лишь небольшим сооружением, галлы рассматривали с восхищением и удивлением. Здесь он познакомил с обычаями цивилизации. Стены, действительно, вместо того, чтобы быть увешанными шелком и гобеленами, были покрыты шкурами оленей, медведей и других животных, убитых на охоте; но они были теплее и лучше подходили для сурового зимнего климата, чем шелк. Богатство, знания и такт Малха обеспечили ему огромное влияние в племени, и со временем он был избран вождем той его части, которая жила рядом с ним. Ему не удалось заставить своих последователей отказаться от их собственного образа жизни, но он ввел среди них многие обычаи цивилизации и убедил их

перенять военное построение, использовавшееся у карфагенян. Они с некоторой неохотой подчинились этому; но победа, которую они одержали над соперничающим племенем при первом столкновении под предводительством Малха и его способного помощника Несса, была настолько полной, что в будущем у него не возникло никаких трудностей на этот счет.

Преимущества, действительно, сражения в сплоченном строю вместо нерегулярного порядка, в котором каждый человек сражался сам за себя, были настолько ошеломляющими, что племя быстро набрало силу и значение и стало одним из ведущих народов в этой части Германии. Прежде всего, Малх внушил им глубокую ненависть к Риму и предупредил, что, когда придет время, а оно, несомненно, наступит, когда римляне перейдут Альпы и попытаются завоевать страну, германским племенам надлежит отложить все свои споры и объединиться в общем сопротивлении врагу.

Время от времени до Малха доходили слухи, приносимые отрядами цизальпийских галлов, которые, подобно оркам, бежали через Альпы, спасаясь от тирании Рима. В течение многих лет приходили известия о том, что не было ни одного крупного сражения, что Ганнибал все еще находился на юге Италии, сводя на нет все попытки римлян сместить его.

Только на тринадцатый год после перехода Ганнибала через Альпы на помощь карфагенскому полководцу было отправлено сколько-нибудь значительное подкрепление. Затем его брат Гасдрубал, собрав армию в Испании и Южной Галлии, пересек Альпы, чтобы присоединиться к нему. Но когда он шел на юг, его встретили консулы Ливий и Нерон с армией, значительно превосходящей его собственную; и он был разбит ими на реке Метавр, испанские и лигурийские войска были уничтожены, а сам Гасдрубал убит.

Еще четыре года Ганнибал удерживал свои позиции на юге Италии. Никакой помощи из Карфагена к нему не поступало, но в одиночку, без посторонней помощи, он вел неравную войну с Римом, пока в 204 году до н.э. Сципион не высадился с римскими войсками в нескольких милях от Карфагена, захватил Утику, нанес большое поражение двум карфагенским армиям и блокировал Карфаген. Тогда город вспомнил о генерале и армии, которыми они так грубо пренебрегли и предали.

Ганнибалу удалось благополучно погрузить свою армию и отплыть в Карфаген; но остатки оставшихся у него сил были так малы, что, когда он попытался дать сражение Сципиону, он потерпел поражение, и Карфаген был вынужден заключить мир на условиях, которые оставляли его в будущем во власти Рима. Она должна была отдать все свои военные корабли, за исключением десяти, и всех своих слонов, вернуть всех римских пленников, не ввязываться в войну за пределами Африки — и ни в одной войне в Африке, кроме как с согласия Рима, вернуть Массиниссе, нумидийскому принцу, присоединившемуся к Риму, его королевство, выплачивать контрибуцию в двести талантов ежегодно в течение пятидесяти лет и предоставить сотню заложников в возрасте от четырнадцати до тридцати лет, которых выберет римский военачальник.

Эти условия оставили Карфаген во власти Рима, и когда последний, уверенный в своей силе, вступил в третью пуническую войну, свержение и уничтожение ее соперника были для нее сравнительно легкой задачей. Ганнибал прожил девятнадцать лет после своего возвращения в Карфаген. В течение восьми лет он стремился исправить администрацию, устранить злоупотребления, поднять и улучшить государство; но его разоблачение грубых

злоупотреблений на государственной службе объединило против него фракцию, которая так долго извлекала из них выгоду, и в 196 году до н.э. великий патриот и генерал был изгнан.

Затем он отправился ко двору Антиоха, царя Сирии, который в то время вел войну против Рима; но этот монарх не последовал совету, который тот ему дал, и в результате потерпел поражение при Магнезии и был вынужден просить мира и принять выдвинутые римлянами условия, одно из которых заключалось в том, что Ганнибал должен быть передан в их руки.

Ганнибал, будучи вовремя предупрежден, покинул Сирию и отправился в Вифинию. Но Риму было нелегко, пока был жив его великий враг, и он потребовал от Пруссия, царя Вифинии, капитуляции. Он уже собирался выполнить просьбу, когда Ганнибал положил конец его жизни, умерев в возрасте шестидесяти четырех лет.

Слух об этом событии никогда не доходил до Малха, но через пятнадцать лет после того, как он побывал в Германии, он услышал, что Ганнибал наконец отступил из Италии и потерпел поражение при Заме, и что Карфаген был вынужден подчиниться условиям, которые отдавали его на милость Рима. Малх больше, чем когда-либо, радовался сделанному им выбору. Его сыновья уже подрастали, и он не жалел усилий, чтобы привить им ненависть и недоверие к Риму, научить их военной тактике и наполнить их умы благородными мыслями.

Несс последовал примеру своего господина и женился на галльской девушке, и теперь он был подчиненным вождя в племени. Малх и Клотильда дожили до глубокой старости, и первый ни разу не пожалел о сделанном выборе. Издалека он услышал о постоянно растущей мощи Рима и предостерег своих внуков, как он предостерегал своих сыновей, от нее и умолял их, в свою очередь, передать своим потомкам советы, которые он им дал. Предписание было соблюдено, и пришло время, когда Арминий, прямой потомок Малха, тогдашнего вождя херузеев, собрал германские племена и обрушился на легионы Вара, нанеся им поражение столь сокрушительное и ужасное, какое римляне когда-либо терпели от рук самого Ганнибала, и раз и навсегда остановив усилия римлян по подчинению свободного народа Германии.

КОНЕЦ